

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

4

Орёл
2016

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

2016
№4

выходит два раза в год

ГОД ЮБИЛЕЯ ОРЛА

РЕДАКЦИЯ

Коротеев Владимир Ильич –
ответственный за аграрно-публицистический блок

Золотарёв Леонард Михайлович –
ответственный за литературно-художественный блок

Анишкин Валерий Георгиевич –
ответственный секретарь

Золотарёв Игорь Леонардович –
заместитель главного редактора,
ответственный за науку, литературную критику

Катанов Василий Михайлович –
отдел очерка и прозы

Васичкин Валентин Митрофанович –
отдел поэзии и краеведения

Тарабрина Зоя Федотовна –
заведующая редакцией

ISBN 978-5-91468-173-6

E-mail: val_anishkin@mail.ru
igozolo@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор **Леонард Золотарёв**,
Владимир Коротеев,
Валерий Анишкин,
Игорь Золотарёв,
Зоя Тарабрина

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Гусев Владимир Иванович –
доктор филологических наук, профессор (Москва),
Криволапов Владимир Николаевич –
доктор филологических наук, профессор (Курск),
Коротеев Владимир Ильич –
руководитель Департамента сельского хозяйства
Орловской области,
Грачёв Иван Александрович –
Глава Мценского района,
Логвинов Владимир Николаевич –
Глава Орловского района,
Трунов Александр Сергеевич –
мэр г. Малоархангельска,
Гладкова Ирина Анатольевна –
директор Центральной городской библиотеки
имени Пушкина,
Травинская Жанна Анатольевна –
художник,
Котюков Лев Константинович –
поэт (Переделкино, Подмосковье),
Шендаков Андрей Игоревич –
писатель,
Ходулин Валерий Георгиевич –
поэт (Тула),
Лютый Вячеслав Дмитриевич –
литературный критик (Воронеж).

ББК 92
УДК 3 (2)
3-80

Русское поле. Российский публицистический и литературно-художественный журнал. – №4: – Орёл: писатели из Союза писателей России и Союза российских писателей. 2016. – 306 с., илл.

Журнал «Русское поле» создан по инициативе писателя Леонарда Михайловича Золотарёва и писателей области. Выход намечен по два номера в год. В публицистическом блоке выступают видные работники культуры, историки, краеведы.

В публицистическом и литературно-художественном блоках свои лучшие произведения представляют орловские писатели и журналисты, а также авторы из других областей. Это очерки, проза, поэзия, литература для детей. Сюда же включается поэзия и проза уже ушедших писателей, память о которых жива в их произведениях, публикуемых в этом журнале.

ISBN 978-5-91468-173-6

12+

© Коллектив авторов, 2016

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Год 2016-й – это Год Юбилея Орла. Городу Орлу, основанному в 1566 году, исполняется 450 лет. Мы – орловцы, мы живём в Орле и на Орловщине, в Орловской области. Многие из нас родились здесь и прожили в Орле и на Орловщине всю свою жизнь. И мы не можем не любить свой город, свой родной край, мы не можем не быть патриотами. О патриотизме как о национальной идее говорит наш Президент Владимир Владимирович Путин. О чувстве патриотизма говорим и мы сами, когда думаем о своей малой родине – об Орле и Орловщине, как и обо всей великой нашей родине – Великой России.

Мной написан был когда-то Гимн нашему городу. Вот он – Гимн Орлу.

ГИМН ОРЛУ

Слова и музыка
Леонарда Золотарёва

Гимн Орлу

Величаво

1 Крылатой птицей над Окой летящий О -
рёл наш - го-род Сла-вы бо-е-вой. Уж пя-тый
век, как друг твой на-сто-я-щий. Он за-душевно го-во-рит с то-
бой бо-ян-ный, сред-не-рус-ский, си-не-
о-кий В му-зей-ный го-род с-дет вся стра-на Пусть мел-ки
во-ды-бе-ре-га вы-со-ки. И все нам и-ме-на, все и-ме-на
Пер-вый са-лут Ор-лу-мы по-бе-ди-ли!
Пер-вый са-лут - и все-гда по-бе-дим! У-ли-цы-ро-зы,
у-лицы-кры-лья Го-род лю-би-мый. О - те - че-ства дым!

Крылатой птицей над Окой летящий,
Орёл наш – город славы боевой.
Уж пятый век, как друг твой настоящий,
Он задушевно говорит с тобой.

Припев. Боянный, среднерусский, синеокий –
В музейный город едет вся страна.
Пусть мелки воды-берега высоки,
И всё нам имена, всё имена.

Первый салют Орлу – мы победили!
Первый салют – и всегда победим!
Улицы-розы, улицы-крылья,
Город любимый, Отечества дым!

Припев. Боянный, среднерусский, синеокий –
Гербовный город знает вся страна.
Пусть малы воды – велики дороги,
Овеянная славой сторона.

Первый салют Орлу – мы победили!
Первый салют – и всегда победим!
Улицы-розы, улицы-крылья,
Город любимый, Отечества дым!
В небе России к солнцу летим!
В гербе России счастья хотим!

Город Орёл был основан царём Иваном IV (Грозным) на реке Оке как крепость для защиты Москвы, южной кромки Московии, Московского государства от набегов степняков, крымчаков. Мной об этом написана историческая драма, которая называется «Орёл-птица с дуба, крепость на Оке», короче «Орёл-крепость на Оке». Основанию города предшествует легенда, из которой мы узнаём, что в устье, при впадении малой реки Орлик в большую реку Ока, когда-то рос мощный, могучий, развесистый дуб. И, когда тут появились воины Ивана Грозного, с дуба, из гнезда орлиного, якобы слетела царь-птица орёл.

– Как назовём крепость? – обратился воевода к притопавшей сюда царской рати.

– Орёл! – в едином порыве вскричали стрельцы. – Орёл – город, крепость на Оке! Как же ещё?

Стой поры прошло уже 450 лет. Чего только ни бывало, через что только ни прошёл город на Оке-реке, основанный Иваном Грозным. Но всегда стоял твёрдо, незыблемо на этой священной земле, именуемой Серединной Русью. Мы – орловцы, и этим гордимся. На Стрелке, в устье Орлика, при впадении в Оку, в честь 400-летия города Орла, в основании этой стрелки, была вложена капсула, в которой были записаны слова о любви к своему городу и своему краю, о стремлении грудью его защищать, обращённые к потомкам. Может быть, через тысячу лет прапрапрапотомки наши вскроют эту капсулу и прочтут наши слова в будущее – вечное, неиссякаемое, а значит, и неиссякаемое, вечное время Москвы, Московии, Московского Государства, всея Великой Руси, всей нашей Великой России.

Мы – орловцы, мы – дети Орла, города Воинской Славы, города Первого Салюта. Отечественная война 1941-1945 годов стала для нас большим испытанием, проверкой на прочность и патриотизм. Именно тут у нас, на Орловщине, прошла грандиозная, беспрецедентная по масштабам истории, битва на Орловско-Курской дуге. Это потом назовут её Курской битвой. Вот что пишет на этот счёт известный краевед И.М. Полынкин в своей книге «Орловщины родные очертанья», документальные материалы которой взяты из различных архивов: «Если взять в руки современную карту железных дорог, то любой зритель, лишь бросив первый взгляд на участок Московско-Курского пути от Змиёвки (наша область) до Золотухино (Курская область), протяжённостью 68 километров, скажет: «Что-то странно петляет дорога на этом отрезке, уходя порой чересчур далеко от основного направления. А ведь она вполне могла бы пройти через город Малоархангельск, и уж от него – на ту же станцию Золотухино». Добавим, вот тебе и дуга Орловско-Курская. Вот тебе и битва на этой дуге. А в центре её – город Малоархангельск, Центральный фронт, командующий этим фронтом К. К. Рокоссовский, которого я видел в детстве, в сорок третьем году, в Малоархангельске, во дворе старой школы. Видел всё это и помню до сих пор, а К.К.Рокоссовский – мой любимый полководец.

Добавим, что именно здесь, на Орловско-Курской дуге, было решающее, третье по значению – после Москвы и Сталинграда – сражение, его оборонительная и наступательная фазы, когда в землю тут легло более трёхсот тысяч наших освободителей, это больше населения нынешнего Орла. Вот какой ценой далась нам наша Победа!

Именно отсюда, от Малоархангельска, пошёл на Запад за Оку-реку Центральный фронт, переименованный затем в Первый Белорусский фронт, штурмовавший в 1945 году Берлин. Вот что такое эти места! Например, один только бой под Сабурово, что в шести-семи километрах от Малоархангельска, в Русском поле на каких-то десяти гектарах земли легли сразу десять тысяч наших героев. Такова цена защиты с севера Курска, а вместе с Болховом с юга – освобождения Орла.

Помню, идя я по дуге от Сабурово до Панской на подступах к Малоархангельску, а тут, взлетев с поля, вижу, кружит над этой дорогой большая рыжая степная пти-

ца-орёл. Помнит и птица, а орлы живут долго, может, лет 450, помнит эта птица-орёл и сражение, и тех, что лежат тут в героических наших полях.

Вот она, южная крома Орла и Орловщины, бывшей Московии, Московского государства. Не будем говорить о том, как вставал из руин наш город Орёл, об этом скажут другие. Не будем говорить и о том, как красив ныне наш крылатый город Орёл на Оке, его воспоют в стихах и песнях поэты. Авторы журнала «Русское поле» скажут слово своё обо всём, что у них на душе.

А мы закончим такими словами из песни об Орле:

*Даря живое слово весям,
Тут, в разнотравии своём,
Мы – шум дубрав, мы – кладезь песен,
Тут мы и плачем, и поём.*

*Орёл мой – в сердце у России,
В Москве, на гербе отчем, – свой,
Уж пятый век, а всё красивей
Мой город русский, корневой.*

Припев.

*Всё тут моё, всё тут мне дорого.
А воздух, кажется, такой,
Что чуть взмахни, – и ты над городом,
Летишь, как птица, над Окой.*

*Самая короткая молитва:
Всемиловитая Богородица,
Пусть милосердие твоё
Прикоснётся к нам.*

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

КРЕПОСТЬ НА ОКЕ

Действие первое

Сцена первая

Москва, Кремль. Царь Иван IV (Грозный) сидит на троне, в царских палатах. При нём по правую руку митрополит Макарий – духовный блюститель Московской Руси, по левую руку – царица Анастасия – первая жена царя, из рода Захарькиных – Юрьевых. Далее по сторонам свита – военачальник князь Андрей Курбский, любимцы царя Алексей Басманов и князь Вяземский, воевода Алексей Адашев.

В распахнутое окно с Красной площади слышится музыка, разрозненные голоса постепенно сливаются в песне. Царь вслушивается в пение.

Царь Иван IV (митрополиту Макарию). В храме, что ли, поют? В Василии Блаженном?

Митрополит Макарий. Да нет, это далеко где-то. В Орле поют, а сюда долетает.

Песня об Орле

*Орёл, Орёл мой! В этом слове
Ласкает душу мне и слух –
Боянный в речевой основе –
Наш русский гений, русский дух.*

*Из глубины, в дожди и грозы,
Неся родную нашу речь,
Мы – соль земли, мы – сок берёзы,
Нам заповедное беречь.*

Царь Иван IV (проникаясь смыслом услышанного). Вроде наши, русские слова, а не разобрать, не проникнуть в их смысл.

Митрополит Макарий. Греки говорят, это «машина времени». Так будут петь в предстоящие времена.

Царь Иван IV. При Иване VII будут петь? Про Орёл какой-то, про новый город?... Эй, князь! (Андрею Курбскому). Что за город у нас Орёл?

Князь Андрей Курбский (приблизившись к царю). Как какой город? Да на Оке-реке. Ты же, Иван Васильевич, сам приказал его основать на южной кромке Московского государства. Защищать Московию от крымчаков. Надоели со своими набегами. Каждый год набегают, а то за лето и дважды. Разоряют наши города, грабят людей, уводят в рабство. Дворцы им там, в Крыму, строй, дороги налаживай.

Царь Иван IV (грозя Курбскому пальцем). Про Орёл-то? Как это царь про Орёл не помнит? На то и царь, чтобы помнить о каждой щепке в своем-то царстве. Царь каждому человеку отец.

Митрополит Макарий (склоняя голову перед царём). Помазанник Божий, царская власть – Божья власть.

Резко входит Малюта Скуратов – лидер опричнины. Стоит молча.

Царь Иван IV. Чем смущён, недоволен? Эти – воевода Адашев и монах Сильвестр – народ смущают? А чего их тут нет? (Страже). Позвать сюда, пушай доложат царю, чего там у них, в ихней оппозиции? Загнывать, что ли, стала эта их оппозиция? Супротив самого царя идут? Так башку с плеч долой, чтобы не болтали.

Малюта Скуратов (переминаясь с ноги на ногу). Да нет, Иван Васильевич, царь-батюшка. Не в оппозиции дело. Не во внутреннем органе, а, скорее, во внешнем. Всё опричники говорят о басурмане. Прискакал человек из новой крепости, из Орла, там крымчаки, говорят, налетели, порубили половину стрельцов, всю Стрелецкую слободу на кроме начисто вырезали, до одного...

Царь Иван IV (грозно поднимаясь с трона). Как это начисто? Послать новое войско! Да числом поболее, вдвое, даже вчетверо. Пушай крепость стоит. Чтобы сквозь неё ни один супостат не прошёл, чтобы муха не пролетела... Эй, Курбский! (Подзывая князя). Собери новую рать, подумай, кого воеводой поставить. Орёл все же. Негоже царевы реликвии принижать. Видите герб с орлом над моей головой, а в руке у меня булава, держава... От великих князей мне досталась... Что там, Малюта, твои лазутчики доносят? Позови-ка сюда кого-нибудь.

Вводят слугу Симеона в лисьей шапке – двойного лазутчика, из русских и крымчаков.

Малюта Скуратов (в шею Симеону). Что там в Орле про царя говорят?

Слуга Симеон (стаскивая с себя шапку перед царем). Дык это, разведчика хана Гирея поймали – Одноглазого воина, из генуэзцев. Сведения собирал.

Царь Иван IV (приподнявшись с трона и стукнув посохом оземь). Ну давай сюда мне генуэзца! Пред мои ясны очи! Пушай выскажет нам свои соображения (пове-

дя взором по свите справа и слева). Что там ещё замышляют про нас крымчаки? И когда это кончится – набегать на Московскую Русь?

Воевода Алексей Адашев. А как укрепим Орёл, населим военным и мирным народом, так и кончится.

Князь Андрей Курбский (Адашеву). Вот тебя туда на крому и пошлём!

Царь Иван IV (грозно посохом по спине Адашева). Быть посему!

Воевода Адашев становится в свите на сторону царицы Анастасии. Улучив минутку, приближается к ней, шепчет что-то царице оглядчиво.

Воевода Алексей Адашев. Завтра буду на Арбатской слободе, приходи, может, в последний раз видимся.

ИВАН ТУРГЕНЕВ

ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО (из романа)

V

Христофор Теодор Готлиб Лемм родился в 1786 году, в королевстве Саксонском, в городе Хемнице, от бедных музыкантов. Отец его играл на валторне, мать на арфе; сам он уже по пятому году упражнялся на трех различных инструментах. Восьми лет он осиротел, а с десяти начал зарабатывать себе кусок хлеба своим искусством. Он долго вел бродячую жизнь, играл везде – и в трактирах, и на ярмарках, и на крестьянских свадьбах, и на балах; наконец попал в оркестр и, подвигаясь всё выше и выше, достиг дирижерского места. Исполнитель он был довольно плохой, но музыку знал основательно. На двадцать восьмом году переселился он в Россию. Его выписал большой барин, который сам терпеть не мог музыки, но держал оркестр из чванства. Лемм прожил у него лет семь в качестве капельмейстера и отошел от него с пустыми руками: барин разорился, хотел дать ему на себя вексель, по впоследствии отказал ему и в этом, – словом, не заплатил ему ни копейки. Ему советовали уехать; но он не хотел вернуться домой нищим из России, из великой России, этого золотого дна артистов; он решил остаться и испытать свое счастье. В течение двадцати лет бедный немец пытал свое счастье: побывал у различных господ, жил и в Москве, и в губернских городах, терпел и сносил многое, узнал нищету, бился как рыба об лед; но мысль о возвращении на родину не покидала его среди всех бедствий, которым он подвергался; она только одна его и поддерживала. Судьбе, однако, не было угодно порадовать его этим последним и первым счастьем: пятидесяти лет, больной, до времени одряхлевший, застрял он в городе О... и остался в нем навсегда, уже окончательно потеряв всякую надежду покинуть ненавистную ему Россию и кое-как поддерживая уроками свое скудное существование. Наружность Лемма не располагала в его пользу. Он был небольшого роста, сутуловат, с криво выдавшимися лопатками и втянутым животом, с большими плоскими ступнями, с бледно-синими ногтями па твердых, не разгибавшихся пальцах жилистых красных рук; лицо имел морщинистое, впалые щеки и сжатые губы, которыми он беспрестанно двигал и жевал, что, при его обычной молчаливости, производило впечатление почти зловещее; седые его во-

лосы висели ключьями над невысоким лбом; как только что залитые угольки, глухо тлели его крошечные, неподвижные глазки; ступал он тяжело, на каждом шагу перекидывая свое неповоротливое тело. Иные его движения напоминали неуклюжее охорашивание совы в клетке, когда она чувствует, что на нее глядят, а сама едва видит своими огромными, желтыми, пугливо и дремотно моргающими глазами. Застарелое, неумолимое горе положило на бедного музыкуса свою неизгладимую печать, искривило и обезобразило его и без того невзрачную фигуру; но для того, кто умел не останавливаться на первых впечатлениях, что-то доброе, честное, что-то необыкновенное виднелось в этом полуразрушенном существе. Поклонник Баха и Генделя, знаток своего дела, одаренный живым воображением и той смелостью мысли, которая доступна одному германскому племени, Лемм со временем – кто знает? – стал бы в ряду великих композиторов своей родины, если б жизнь иначе его повела; но не под счастливой звездой он родился! Он много написал на своем веку – и ему не удалось увидеть ни одного своего произведения изданным; не умел он приняться за дело как следовало, поклониться кстати, похлопотать вовремя. Как-то, давным-давно тому назад, один его поклонник и друг, тоже немец и тоже бедный, издал на свой счет две его сонаты, – да и те остались целиком в подвалах музыкальных магазинов; глухо и бесследно провалились они, словно их ночью кто в реку бросил. Лемм, наконец, махнул рукой на всё; притом и годы брали свое: он зачерствел, одеревенел, как пальцы его одеревенели. Один, с старой кухаркой, взятой им из богадельни (он никогда женат не был), проживал он в О... в небольшом домишке, недалеко от калитинского дома; много гулял, читал Библию, да собрание протестантских псалмов, да Шекспира в шлегелевском переводе. Он давно ничего не сочинял; но, видно, Лиза, лучшая его ученица, умела его расшевелить: он написал для нее кантату, о которой упомянул Паншин. Слова этой кантаты были им заимствованы из собрания псалмов; некоторые стихи он сам присочинил. Ее пели два хора – хор счастливых и хор несчастных; оба они к концу примирялись и пели вместе: «Боже милостивый, помилуй нас, грешных, и отжени от нас всякие лукавые мысли и земные надежды». На заглавном листе, весьма тщательно написанном и даже разрисованном, стояло: «Только праведные правы. Духовная кантата. Сочинена и посвящена девице Елизавете Калитиной, моей любезной ученице, ее учителем, Х. Т. Г. Леммом». Слова: «Только праведные правы» и «Елизавете Калитиной» были окружены лучами. Внизу было приписано: «Для вас одних, *fur Sie allein*». – Оттого-то Лемм и покраснел и взглянул искоса на Лизу; ему было очень больно, когда Паншин заговорил при нем об его каптате.

VI

Паншин громко и решительно взял первые аккорды сонаты (он играл вторую руку), но Лиза не начинала своей партии. Он остановился и посмотрел на нее. Глаза Лизы, прямо на него устремленные, выражали неудовольствие; губы ее не улыбались, всё лицо было строго, почти печально.

– Что с вами? – спросил он.

– Зачем вы не сдержали своего слова? – сказала она. – Я вам показала кантату Христофора Федорыча под тем условием, чтоб вы не говорили ему о ней.

– Виноват, Лизавета Михайловна, – к слову пришлось.

– Вы его огорчили – и меня тоже. Теперь он и мне доверять не будет.

– Что прикажете делать, Лизавета Михайловна? От молодых ногтей не могу видеть равнодушно немца: так и подмывает меня его подразнить.

– Что вы это говорите, Владимир Николаич! Этот немец – бедный, одинокий, убитый человек – и вам его не жаль? Вам хочется дразнить его?

Паншин смутился.

– Вы правы, Лизавета Михайловна, – промолвил он. – Всему виною – моя вечная необдуманность. Нет, не возражайте мне; я себя хорошо знаю. Много зла мне наделала моя необдуманность. По ее милости я прослыл за эгоиста.

Паншин помолчал. С чего бы ни начинал он разговор, он обыкновенно кончал тем, что говорил о самом себе, и это выходило у него как-то мило и мягко, задушевно, словно невольно.

– Вот и в вашем доме, – продолжал он, – матушка ваша, конечно, ко мне благоволит – она такая добрая; вы... впрочем, я не знаю вашего мнения обо мне; зато ваша тетушка просто меня терпеть не может. Я ее тоже, должно быть, обидел каким-нибудь необдуманным, глупым словом. Ведь она меня не любит, не правда ли?

– Да, – произнесла Лиза с небольшой запинкой, – вы ей не нравитесь.

Паншин быстро провел пальцами по клавишам; едва заметная усмешка скользнула по его губам.

– Ну, а вы? – промолвил он, – я вам тоже кажусь эгоистом?

– Я вас еще мало знаю, – возразила Лиза, – но я вас не считаю за эгоиста; я, напротив, должна быть благодарна вам...

– Знаю, знаю, что вы хотите сказать, – перебил ее Паншин и снова пробежал пальцами по клавишам, – за ноты, за книги, которые я вам приношу, за плохие рисунки, которыми я украшаю ваш альбом, и так далее, и так далее. Я могу всё это делать – и все-таки быть эгоистом. Смею думать, что вы не скучаете со мною и что вы не считаете меня за дурного человека, по всё же вы полагаете, что я – как, бишь, это сказано? – для красного словца не пожалею ни отца, ни приятеля.

– Вы рассеянны и забывчивы, как все светские люди, – промолвила Лиза, – вот и всё.

Паншин немного нахмурился.

– Послушайте, – сказал он, – не будемте больше говорить обо мне; станемте разыгрывать нашу сонату. Об одном только прошу я вас, – прибавил он, разглаживая рукою листы лежавшей на попире тетради, – думайте обо мне что хотите, называйте меня даже эгоистом – так и быть! но не называйте меня светским человеком: эта кличка мне нестерпима... *Anch'io sono pittore* (Я тоже художник /итал./). Я тоже артист, хотя плохой, и это, а именно то, что я плохой артист, – я вам докажу сейчас же па деле. Начнем же.

– Начнем, пожалуй, – сказала Лиза.

Первое *adagio* прошло довольно благополучно, хотя Паншин неоднократно ошибался. Свое и заученное он играл очень мило, но разбирал плохо. Зато вторая часть сонаты – довольно быстрое *allegro* – совсем не пошла: на двадцатом такте Паншин, отставший такта на два, не выдержал и со смехом отодвинул свой стул.

– Нет! – воскликнул он, – я не могу сегодня играть; хорошо, что Лемм нас не слышал; он бы в обморок упал.

Лиза встала, закрыла фортепьяно и обернулась к Паншину.

– Что же мы будем делать? – спросила она.

– Узнаю вас в этом вопросе! Вы никак не можете сидеть сложа руки. Что ж, если хотите, давайте рисовать, пока еще не совсем стемнело. Авось другая муза – муза рисования – как, бишь, ее звали? позабыл... будет ко мне благосклоннее. Где ваш альбом? Помнится, там мой пейзаж не кончен.

Лиза пошла в другую комнату за альбомом, а Паншин, оставшись один, достал из кармана батистовый платок, потер себе ногти и посмотрел, как-то скосясь, на свои руки. Они у него были очень красивы и белы; на большом пальце левой руки носил он винтообразное золотое кольцо. Лиза вернулась; Паншин уселся к окну, развернул альбом.

– Ага! – воскликнул он, – я вижу, вы начали срисовывать мой пейзаж – и прекрасно. Очень хорошо! Вот тут только – дайте-ка карандаш – не довольно сильно положены тени. Смотрите.

И Паншин размашисто проложил несколько длинных штрихов. Он постоянно рисовал один и тот же пейзаж: на первом плане большие растрепанные деревья, в отдаленье поляну и зубчатые горы на небосклоне. Лиза глядела через его плечо на его работу.

– В рисунке, да и вообще в жизни, – говорил Паншин, сгибая голову то направо, то налево, – легкость и смелость – первое дело.

В это мгновение вошел в комнату Лемм и, сухо поклонившись, хотел удалиться; но Паншин бросил альбом и карандаш в сторону и преградил ему дорогу.

– Куда же вы, любезный Христофор Федорыч? Разве вы не остаетесь чай пить?

– Мне домой, – проговорил Лемм угрюмым голосом, – голова болит.

– Ну, что за пустяки, – останьтесь. Мы с вами поспорим о Шекспире.

– Голова болит, – повторил старик.

– А мы без вас принялись было за бетговенскую сонату, – продолжал Паншин, любезно взяв его за талию и светло улыбаясь, – но дело совсем на лад не пошло. Вообразите, я не мог две ноты сряду взять верно.

– Вы бы опять спел сфой романце лутчи, – возразил Лемм, отводя руки Паншина, и вышел вон.

Лиза побежала вслед за ним. Она догнала его на крыльце.

– Христофор Федорыч, послушайте, – сказала она ему по-немецки, провожая его до ворот по зеленой короткой травке двора, – я виновата перед вами – простите меня.

Лемм ничего не отвечал.

– Я показала Владимиру Николаевичу вашу кантату; я была уверена, что он ее оценит, – и она, точно, очень ему понравилась.

Лемм остановился.

– Это ничего, – сказал он по-русски и потом прибавил на родном своем языке: – но он не может ничего понимать; как вы этого не видите? Он дилетант – и всё тут!

– Вы к нему несправедливы, – возразила Лиза, – он всё понимает, и сам почти всё может сделать.

– Да, всё второй номер, легкий товар, спешная работа. Это нравится, и он правится, и сам он этим доволен – ну и браво. А я не сержусь; эта кантата и я – мы оба старые дураки; и мне немножко стыдно, но это ничего.

– Простите меня, Христофор Федорыч, – проговорила снова Лиза.

– Ничего, ничего, – повторил он опять по-русски, – вы добрая девушка... А вот кто-то к вам идет. Прощайте. Вы очень добрая девушка.

И Лемм уторопленным шагом направился к воротам, в которые входил какой-то незнакомый ему господин, в сером пальто и широкой соломенной шляпе. Вежливо поклонившись ему (он кланялся всем новым лицам в городе О...; от знакомых он отворачивался на улице – такое уж он положил себе правило), Лемм прошел мимо и исчез за забором. Незнакомец с удивлением посмотрел ему вслед и, взглядевшись в Лизу, подошел прямо к ней.

– Вы меня не узнаете, – промолвил он, снимая шляпу, – а я вас узнал, даром что уже восемь лет минуло с тех пор, как я вас видел в последний раз. Вы были тогда ребенком. Я Лаврецкий. Матушка ваша дома? Можно ее видеть?

– Матушка будет очень рада, – возразила Лиза, – она слышала о вашем приезде.

– Ведь вас, кажется, зовут Елизаветой? – промолвил Лаврецкий, взбираясь по ступеням крыльца.

– Да.

– Я помню вас хорошо; у вас уже тогда было такое лицо, которого не забываешь; я вам тогда возил конфеты.

Лиза покраснела и подумала: какой он странный. Лаврецкий остановился на минуту в передней. Лиза вошла в гостиную, где раздавался голос и хохот Паншина; он сообщал какую-то городскую сплетню Марье Дмитриевне и Гедеоновскому, уже успевшим вернуться из сада, и сам громко смеялся тому, что рассказывал. При имени Лаврецкого Марья Дмитриевна вся всполошилась, побледнела и пошла к нему навстречу.

– Здравствуйте, здравствуйте, мой милый cousin! – воскликнула она растянутым и почти слезливым голосом, – как я рада вас видеть!

– Здравствуйте, моя добрая кузина, – возразил Лаврецкий и дружелюбно пожал ее протянутую руку. – Как вас господь милует?

– Садитесь, садитесь, мой дорогой Федор Иванович. Ах, как я рада! Позвольте, во-первых, представить вам мою дочь Лизу...

– Я уж сам отрекомендовался Лизавете Михайловне, – перебил ее Лаврецкий.

– Мсье Паншин... Сергей Петрович Гедеоновский... Да садитесь же! Гляжу на вас и, право, даже глазам не верю. Как здоровье ваше?

– Как изволите видеть: процветаю. Да и вы, кузина, – как бы вас не сглазить, – не похудели в эти восемь лет.

– Как подумаешь, сколько времени не видались, – мечтательно промолвила Марья Дмитриевна. – Вы откуда теперь? Где вы оставили... то есть я хотела сказать, – торопливо подхватила она, – я хотела сказать, надолго ли вы к нам?

– Я приехал теперь из Берлина, – возразил Лаврецкий, – и завтра же отправляюсь в деревню – вероятно, надолго.

– Вы, конечно, в Лавриках жить будете?

– Нет, не в Лавриках; а есть у меня, верстах в двадцати пяти отсюда, деревушка; так я туда еду.

– Это деревушка, что вам от Глафиры Петровны досталась?

– Та самая.

– Помилуйте, Федор Иванович! У вас в Лавриках такой чудесный дом!

Лаврецкий чуть-чуть нахмурил брови.

– Да... но и в той деревушке есть флигелек; а мне пока больше ничего не нужно. Это место – для меня теперь самое удобное.

Марья Дмитриевна опять до того смешалась, что даже выпрямилась и руки развела. Паншин пришел ей на помощь и вступил в разговор с Лаврецким. Марья Дмитриевна успокоилась, опустилась на спинку кресел и лишь изредка вставляла свое словечко; но при этом так жалостливо глядела на своего гостя, так значительно вздыхала и так уныло покачивала головой, что тот, наконец, не вытерпел и довольно резко спросил ее: здорова ли она?

– Слава богу, – возразила Марья Дмитриевна, – а что?

– Так, мне показалось, что вам не по себе.

Марья Дмитриевна приняла вид достойный и несколько обиженный. «А коли так, – подумала она, – мне совершенно всё равно; видно, тебе, мой батюшка, всё как с гуся вода; иной бы с горя исчах, а тебя еще разнесло». Марья Дмитриевна сама с собой не церемонилась; вслух она говорила изящнее.

Лаврецкий действительно не походил на жертву рока. От его краснощекого, чисто русского лица, с большим белым лбом, немного толстым носом и широкими правильными губами, так и веяло степным здоровьем, крепкой, долговечной силой. Сложен он был на славу, и белокурые волосы вились на его голове, как у юноши. В одних только его глазах, голубых, навывкате и несколько неподвижных, замечалась не то задумчивость, не то усталость, и голос его звучал как-то слишком ровно.

Паншин между тем продолжал поддерживать разговор. Он навел речь на выгоды сахароварства, о котором недавно прочел две французские брошюрки, и с спокойной скромностью принялся излагать их содержание, не упоминая, впрочем, о них ни единым словом.

– А ведь это Федя! – раздался вдруг в соседней комнате за полураскрытой дверью голос Марфы Тимофеевны, – Федя, точно! – И старушка проворно вошла в гостиную. Лаврецкий не успел еще подняться со стула, как уж она обняла его. – Покажи-ка себя, покажи-ка, – промолвила она, отодвигаясь от его лица. – Э! да какой же ты славный. Постарел, а не подурнел нисколько, право. Да что ты руки у меня целуешь – ты меня самое целуй, коли тебе мои сморщенные щеки не противны. Небось, не спросил обо мне: что, дескать, жива ли тетка? А ведь ты у меня на руках родился, пострел эдакой! Ну, да это всё равно; где тебе было обо мне вспомнить! Только ты умница, что приехал. А что, мать моя, – прибавила она, обращаясь к Марье Дмитриевне, – угостила ты его чем-нибудь?

– Мне ничего не нужно, – поспешно проговорил Лаврецкий.

– Ну, хоть чаю напейся, мой батюшка. Господи боже мой! Приехал невесть откуда, и чашки чаю ему не дадут. Лиза, пойди похлопочи, да поскорей. Я помню, маленький он был обжора страшный, да и теперь, должно быть, покушать любит.

– Мое почтение, Марфа Тимофеевна, – промолвил Паншин, приближаясь сбоку к расхोдившейся старушке и низко кланяясь.

– Извините меня, государь мой, – возразила Марфа Тимофеевна, – не заметила вас на радости. На мать ты свою похож стал, на голубушку, – продолжала она, снова обратившись к Лаврецкому, – только нос у тебя отцовский был, отцовским п остался. Ну – и надолго ты к нам?

– Я завтра еду, тетушка.

– Куда?

– К себе, в Васильевское.

– Завтра?

– Завтра.

– Ну, коли завтра, так завтра. С богом, – тебе лучше знать. Только ты, смотри, зайди проститься. – Старушка потрепала его по щеке, – Не думала я дожидаться тебя; и не то чтоб я умирать собиралась; нет – меня еще годов на десять, пожалуй, хватит: все мы, Пестовы, живучи; дед твой покойный, бывало, двужильными нас прозывал; да ведь господь тебя знал, сколько б ты еще за границей проболтался. Ну, а молодец ты, молодец; чай, по-прежнему десять пудов одной рукой поднимаешь? Твой батюшка покойный, извини, уж на что был вздорный, а хорошо сделал, что швейцарца тебе нанял; помнишь, вы с ним на кулачки бились; гимнастикой, что ли, это прозывается? Но, однако, что это я так раскудахталась; только господину Паншину (она никогда не называла его, как следовало, Паншиным) рассуждать помешала. А впрочем, станемте-ка лучше чай пить; да па террасу пойдемте его, батюшку, пить; у нас сливки славные – не то что в ваших Лондонах да Парижах. Пойдемте, пойдемте, а ты, Федюша, дай мне руку. О! да какая же она у тебя толстая! Небось с тобой не упадешь.

Все встали и отправились на террасу, за исключением Гедеоновского, который втихомолку удалился. Во всё продолжение разговора Лаврецкого с хозяйкой дома, Паншиным и Марфой Тимофеевной он сидел в уголке, внимательно моргая и с детским любопытством вытянув губы: он спешил теперь разнести весть о новом госте по городу.

В тот же день, в одиннадцать часов вечера, вот что происходило в доме г-жи Калитиной. Внизу, на пороге гостиной, улучив удобное мгновение, Владимир Николаич простился с Лизой и говорил ей, держа ее за руку: «Вы знаете, кто меня при-

влекает сюда; вы знаете, зачем я беспрестанно езжу в ваш дом; к чему тут слова, когда и так всё ясно». Лиза ничего не отвечала ему и, по улыбаясь, слегка приподняв брови и краснея, глядела па пол, но не отнимала своей руки; а наверху, в комнате Марфы Тимофеевны, при свете лампадки, висевшей перед тусклыми старинными образами, Лаврецкий сидел на креслах, облокотившись па колена и положив лицо на руки; старушка, стоя перед ним, изредка и молча гладила его по волосам. Более часу провел он у ней, простившись с хозяйкой дома; он почти ничего не сказал своей старинной доброй приятельнице, и она его не расспрашивала... Да и к чему было говорить, о чем расспрашивать? Она и так всё понимала, она и так сочувствовала всему, чем переполнялось его сердце.

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК (из романа)

Глава вторая

Бывшей конзсер Иван Северьяныч, господин Флягин, начал свою повесть так:

– Я родился в крепостном звании и происхожу из дворовых людей графа К. из Орловской губернии. Теперь эти имения при молодых господах расплылись, но при старом графе были очень значительные. В селе Г., где сам граф изволил жить, был огромный, великий домина, флигеля для приезду, театр, особая кегельная галерея, псарня, живые медведи на столбу сидели, сады, свои певчие концерты пели, свои актеры всякие сцены представляли; были свои ткацкие, и всякие свои мастерства содержались; но более всего обращалось внимания на конный завод. Ко всякому делу были приставлены особые люди, но конюшенная часть была еще в особом внимании и все равно как в военной службе от солдата в прежние времена кантонист происходил, чтобы сражаться, так и у нас от кучера шел кучеренок, чтобы ездить, от конюха — конюшонок, чтобы за лошадьми ходить, а от кормового мужика — кормовик, чтобы с гумна на ворки корм возить. Мой родитель был кучер Северьян, и хотя приходился он не из самых первых кучеров, потому что у нас их было большое множество, но, однако, он шестериком правил, и в царский проезд один раз в седьмом номере был, и старинною синею ассигнациею жалован. От родительницы своей я в самом юном сиротстве остался и ее не помню, потому как я был у нее *молитвенный сын*, значит, она, долго детей не имея, меня себе у бога все выпрашивала и как выпросила, так сейчас же, меня породивши, и умерла, оттого что я произошел на свет с необыкновенною большою головою, так что меня поэтому и звали не Иван Флягин, а просто *Голован*. Живучи при отце на кучерском дворе, всю жизнь свою я проводил на конюшне, и тут я постиг тайну познания в животном и, можно сказать, возлюбил коня, потому что маленьким еще на четвереньках я у лошадей промеж ног полозил, и они меня не увечили, а подрос, так и совсем с ними спознался. Завод у нас был отдельно, конюшни — отдельно, и мы, конюшенные люди, до завода не касались, а получали оттуда готовых воспитомков и обучали их. У нас у всякого кучера с фореитором были шестерики, и все разных сортов: вятки, казанки, калмыки, битюцкие, донские —

все это были из приводных коней, которые по ярмаркам покупались, а то, разумеется, больше было своих, заводских, но про этих говорить не стоит, потому что заводские кони смирные и ни сильного характера, ни фантазии веселой не имеют, а вот эти дикари, это ужасные были звери. Покупает их, бывало, граф прямо целыми косяками, как есть весь табун, дешево, рублей по восьми, по десяти за голову, ну и как скоро мы их домой пригоним, сейчас начинаем их школить. Ужасно противляются. Половина даже, бывало, подохнет, а воспитанию не поддаются: стоят на дворе — всё дивятся и даже от стен шарахаются, а всё только на небо, как птицы, глазами косят. Даже инда жалость, глядя на иного, возьмет, потому что видишь, что вот так бы он, кажется, сердечный, и улетел, да крылышек у него нет... И овса или воды из корыта ни за что попервоначально ни пить, ни есть не станет, и так все сохнет, сохнет, пока изведется совсем и околеет. Иногда этой траты бывает более как на половину того, что купим, а особенно из киргизских. Ужасно они степную волю любят. Ну зато, которые оборкаются и останутся жить, из тех тоже немалое число, учивши, покалечить придется, потому что на их дикость одно средство — строгость, но зато уже которые все это воспитание и науку вынесут, так из этих такая отборность выходит, что никогда с ними никакой заводской лошади не сравниться по ездовой добродетели.

Родитель мой, Северьян Иваныч, правил киргизским шестериком, а когда я подрос, так меня к нему в этот же шестерик фореитором посадили. Лошади были жестокие, не то что нынешние какие-нибудь кавалерийские, что для офицеров берут. Мы этих офицерских кофишенками звали, потому что на них нет никакого удовольствия ехать, так как на них офицеры даже могут сидеть, а те были просто зверь, аспид и василиск, все вместе: морды эти одни чего стоили, или оскал, либо ножищи, или гривье... ну то есть, просто сказать, ужась! Устали они никогда не знали; не только что восемьдесят, а даже и сто и сто пятнадцать верст из деревни до Орла или назад домой таким же манером, это им, бывало, без отдыха нипочем сделать. Как разнесутся, так только гляди, чтобы мимо не пролетели.

АФАНАСИЙ ФЕТ

ЛИРИКА

* * *

*Ночь. Не слышно городского шума.
В небесах звезда — и от нее,
Будто искра, заронила думу
Тайно в сердце грустное мое.
И светла, прозрачна дума эта,
Будто милых взоров меткий взгляд;
Глубь души полна родного света,
И давнишней гостье опыт рад.
Тихо все, покойно, как и прежде;
Но рукой незримой снят покров
Темной грусти. Вере и надежде*

*Грудь раскрыла, может быть, любовь?
Что ж такое? Близкая утрата?
Или радость? — Нет, не объяснишь, —
Но оно так пламенно, так свято,
Что за жизнь творца благодаришь.*

1843

* * *

*Младенческой ласки доступен мне лепет,
Душа откровенно так с жизнью мирится.
Безумного счастья томительный трепет
Горячим приливом по сердцу стремится.*

*Скажу той звезде, что так ярко сияет, —
Давно не видалась мы в мире широком,
Но я понимаю, на что намекает
Мне с неба она многозначащим оком:*

*— Ты смотришь мне в очи. Ты права: мой трепет
Понятен, как луч твой, что в воды глядится.
Младенческой ласки доступен мне лепет,
Душа откровенно так с жизнью мирится.*

1847

* * *

*Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..*

1850

* * *

*Как беден наш язык! — Хочу и не могу, —
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковую.*

*Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души, и трав неясный запах;*

*Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.
11 июня 1887*

**QUASI UNA FANTASIA
(Вроде фантазии /итал./)**

*Сновиденье,
Пробужденье,
Тает мгла.
Как весною,
Надо мною
Высь светла.
Неизбежно,
Страстно, нежно
Уповать,
Без усилий
С плеском крылий
Залетать
В мир стремлений,
Преклонений
И молитв;
Радость чуя,
Не хочу я Ваших битв.
31 декабря 1889*

* * *

*Я слышу – и судьбе я покоряюсь грозной,
Давно я сам себе сказал: не прекословь;
Но перед жертвою покорною и слезной
Зачем же замолчать совсем должна любовь?*

*Пусть радость хоть на миг не слышит порицанья,
Пусть завтра – строгий чин, все тот же, как вчера,
Но ныне страсть в глазах, и долгие лобзанья,
И пламенных надежд отважная игра!
27 февраля 1891*

* * *

*Кляните нас: нам дорога свобода,
И буйствует не разум в нас, а кровь,
В нас вопиет всесильная природа,
И прославлять мы будем век любовь.*

*В пример себе певцов весенних ставим:
Какой восторг – так говорить уметь!
Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь!
2 марта 1891*

ТЁМНЫЕ АЛЛЕИ

В холодное осеннее ненастье, на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и изрезанной многими чёрными колеями, к длинной избе, в одной связи которой была казённая почтовая станция, а в другой частная горница, где можно было отдохнуть или переночевать, пообедать или спросить самовар, подкатил закиданный грязью тарантас с полуподнятым верхом, тройка довольно простых лошадей с подвязанными от слякоти хвостами. На козлах тарантаса сидел крепкий мужик в туго подпоясанном армяке, серьёзный и темноликий, с редкой смоляной бородой, похожий на старинного разбойника, а в тарантасе стройный старик военный в большом картузе и в николаевской серой шинели с бобровым стоячим воротником, ещё чернобровый, но с белыми усами, которые соединялись с такими же бакенбардами; подбородок у него был пробрит и вся наружность имела то сходство с Александром II, которое столь распространено было среди военных в пору его царствования; взгляд был тоже вопрошающий, строгий и вместе с тем усталый.

Когда лошади стали, он выкинул из тарантаса ногу в военном сапоге с ровным голенищем и, придерживая руками в замшевых перчатках полы шинели, взбежал на крыльцо избы.

– Налево, ваше превосходительство, – грубо крикнул с козёл кучер, и он, слегка нагнувшись на пороге от своего высокого роста, вошёл в сенцы, потом в горницу налево.

В горнице было тепло, сухо и опрятно: новый золотистый образ в левом углу, под ним покрытый чистой суровой скатертью стол, за столом чисто вымытые лавки; кухонная печь, занимавшая дальний правый угол, ново белела мелом; ближе стояло нечто вроде тахты, покрытой пегими попонами, упиравшейся отвалом в бок печи; из-за печной заслонки сладко пахло щами – разварившейся капустой, говядиной и лавровым листом.

Приезжий сбросил на лавку шинель и оказался ещё стройнее в одном мундире и в сапогах, потом снял перчатки и картуз и с усталым видом провёл бледной худой рукой по голове – седые волосы его с начесами на висках к углам глаз слегка курчавились, красивое удлинённое лицо с тёмными глазами хранило кое-где мелкие следы оспы. В горнице никого не было, и он неприязненно крикнул, приотворив дверь в сенцы:

– Эй, кто там!

Тотчас вслед за тем в горницу вошла темноволосая, тоже чернобровая и тоже ещё красивая не по возрасту женщина, похожая на пожилую цыганку, с тёмным пушком на верхней губе и вдоль щёк, лёгкая на ходу, но полная, с большими грудями под красной кофточкой, с треугольным, как у гусыни, животом под чёрной шерстяной юбкой.

– Добро пожаловать, ваше превосходительство, – сказала она. – Покушать изволите или самовар прикажете?

Приезжий мельком глянул на её округлые плечи и на лёгкие ноги в красных поношенных татарских туфлях и отрывисто, невнимательно ответил:

– Самовар. Хозяйка тут или служишь?

– Хозяйка, ваше превосходительство.

– Сама, значит, держишь?

– Так точно. Сама.

– Что ж так? Вдова, что ли, что сама ведёшь дело?

– Не вдова, ваше превосходительство, а надо же чем-нибудь жить. И хозяйствовать я люблю.

– Так, так. Это хорошо. И как чисто, приятно у тебя.

Женщина всё время пытливо смотрела на него, слегка щурясь.

– И чистоту люблю, – ответила она. – Ведь при господах выросла, как не уметь прилично себя держать, Николай Алексеевич.

Он быстро выпрямился, раскрыл глаза и покраснел.

– Надежда! Ты? – сказал он торопливо.

– Я, Николай Алексеевич, – ответила она.

– Боже мой, боже мой, – сказал он, садясь на лавку и в упор глядя на неё. – Кто бы мог подумать! Сколько лет мы не видались? Лет тридцать пять?

– Тридцать, Николай Алексеевич. Мне сейчас сорок восемь, а вам под шестьдесят, думаю?

– Вроде этого... Боже мой, как странно!

– Что странно, сударь?

– Но все, все... Как ты не понимаешь!

Усталость и рассеянность его исчезли, он встал и решительно заходил по горнице, глядя в пол. Потом остановился и, краснея сквозь седину, стал говорить:

– Ничего не знаю о тебе с тех самых пор. Как ты сюда попала? Почему не осталась при господах?

– Мне господа вскоре после вас вольную дали.

– А где жила потом?

– Долго рассказывать, сударь.

– Замужем, говоришь, не была?

– Нет, не была.

– Почему? При такой красоте, которую ты имела?

– Не могла я этого сделать.

– Отчего не могла? Что ты хочешь сказать?

– Что ж тут объяснять. Небось, помните, как я вас любила.

Он покраснел до слёз и, нахмурясь, опять зашагал.

– Всё проходит, мой друг, – забормотал он. – Любовь, молодость – все, все. История пошлая, обыкновенная. С годами всё проходит. Как это сказано в книге Иова? «Как о воде протёкшей будешь вспоминать».

– Что кому бог даёт, Николай Алексеевич. Молодость у всякого проходит, а любовь – другое дело.

Он поднял голову и, остановясь, болезненно усмехнулся:

– Ведь не могла же ты любить меня весь век!

– Значит, могла. Сколько ни проходило времени, все одним жила. Знала, что давно вас нет прежнего, что для вас словно ничего и не было, а вот... Поздно теперь укорять, а ведь правда, очень бессердечно вы меня бросили, – сколько раз я хотела руки на себя наложить от обиды от одной, уж не говоря обо всём прочем. Ведь было время, Николай Алексеевич, когда я вас Николенькой звала, а вы меня – помните как? И все стихи мне изволили читать про всякие «тёмные аллеи», – прибавила она с недоброй улыбкой.

– Ах, как хороша ты была! – сказал он, качая головой. – Как горяча, как прекрасна! Какой стан, какие глаза! Помнишь, как на тебя все заглядывались?

– Помню, сударь. Были и вы отменно хороши. И ведь это вам отдала я свою красоту, свою горячку. Как же можно такое забыть.

– А! Всё проходит. Все забывается.

– Всё проходит, да не все забывается.

– Уходи, – сказал он, отворачиваясь и подходя к окну. – Уходи, пожалуйста.

И, вынув платок и прижав его к глазам, скороговоркой прибавил:

– Лишь бы бог меня простил. А ты, видно, простила.

Она подошла к двери и приостановилась:

– Нет, Николай Алексеевич, не простила. Раз разговор наш коснулся до наших чувств, скажу прямо: простить я вас никогда не могла. Как не было у меня ничего дороже вас на свете в ту пору, так и потом не было. Оттого-то и простить мне вас нельзя. Ну, да что вспоминать, мёртвых с погоста не носят.

– Да, да, не к чему, прикажи подавать лошадей, – ответил он, отходя от окна уже со строгим лицом. – Одно тебе скажу: никогда я не был счастлив в жизни, не думай, пожалуйста. Извини, что, может быть, задеваю твоё самолюбие, но скажу откровенно, – жену я без памяти любил. А изменила, бросила меня ещё оскорбительней, чем я тебя. Сына обожал, – пока рос, каких только надежд на него не возлагал! А вышел негодяй, мот, наглец, без сердца, без чести, без совести... Впрочем, все это тоже самая обыкновенная, пошлая история. Будь здорова, милый друг. Думаю, что и я потерял в тебе самое дорогое, что имел в жизни.

Она подошла и поцеловала у него руку, он поцеловал у неё.

– Прикажи подавать...

Когда поехали дальше, он хмуро думал: «Да, как прелестна была! Волшебна прекрасна!» Со стыдом вспоминал свои последние слова и то, что поцеловал у ней руку, и тотчас стыдился своего стыда. «Разве неправда, что она дала мне лучшие минуты жизни?»

К закату проглянуло бледное солнце. Кучер гнал рысцей, все меняя чёрные колеи, выбирая менее грязные и тоже что-то думал. Наконец сказал с серьёзной грубостью:

– А она, ваше превосходительство, все глядела в окно, как мы уезжали. Верно, давно изволите знать её?

– Давно, Клим.

– Баба – ума палата. И все, говорят, богатеет. Деньги в рост даёт.

– Это ничего не значит.

– Как не значит! Кому ж не хочется получше пожить! Если с совестью давать, худого мало. И она, говорят, справедлива на это. Но крута! Не отдал вовремя – пеняй на себя.

– Да, да, пеняй на себя... Погоняй, пожалуйста, как бы не опоздать нам к поезду...

Низкое солнце жёлто светило на пустые поля, лошади ровно шлёпали по лужам. Он глядел на мелькавшие подковы, сдвинув чёрные брови, и думал:

«Да, пеняй на себя. Да, конечно, лучшие минуты. И не лучшие, а истинно волшебные! „Кругом шиповник алый цвёл, стояли тёмных лип аллеи...“ Но, боже мой, что же было бы дальше? Что, если бы я не бросил её? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоянной горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?»

И, закрывая глаза, качал головой.

20 октября 1938

БАЛЛАДА ОБ ОРЛЕ

*Пой, ветер, с низовья дунувший,
Я песню твою пойму.
Стоит над Окою юноша,
Четыреста лет ему.
Раздался в плечах он, шире стал,
В охапку берёт рассвет.
На веру ему – четыреста,
На взгляд – восемнадцать лет.
Под вздох топора горячего,
Под посвист чужой стрелы
Услышали детский плач его
Впервой на яру орлы.
Ещё он едва утра достиг,
Далёкий от ждущих дел,
Сам Грозный, смеясь от радости,
Младенцу в глаза глядел.
Глядел, причитая, окая,
На гребне крутого рва:
Живи, чтоб Москва далёкая
Надежней была жива.
Встань, руки расставь, чтоб вороги
Не смели нести разбой
В пределы Руси, что дороги
Песчинкой своей любой.
Вся сила твоя в народе, чей
Прикрой сине-край крылом,
Недаром веленьем родичей
Тебя нарекли Орлом...
Над ярью лесной, сутулою
Он рос и таил мечту,
Пойти на свиданье с Тулою
И с Брянском сыграть в лапту.
В ночи налетали вороны,
Ползли среди дня ужи,
А он на четыре стороны
Глядел, не сходя с межи.
Мужал он, и шли столетия,
И недруги шли опять,
И злобу к его земле тая,
Катились с позором вспять.
А он, похудев от голода,
От горя и сед и стар,
Вставал на руинах молодо,
Отважней, чем в дни татар.
Но новая банда хитрая
С заката торила путь,
Грабители Лжедмитрия*

Хватали его за грудь.
В карманах разбойно шарили,
Бросали в разгул огней,
А он – не в лихом пожаре ли! –
Мужал, становясь сильнее.
Фашисты путями торными
Шли к юноше напролом,
Одежда кусками черными
Отваливалась на нём.
Но раны опять залечены,
Опять закипел рассвет,
И краше, чем до неметчины,
В одежду свою одет.
Ока под ногами вспенена
Дыханьем его степным,
И красное знамя Ленина
Шумит на ветру над ним.
Пой, ветер, с низовья дунувший,
Я песню твою пойму.
Стоит над Окою юноша,
Четыреста лет ему.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ БЛОК

НОВИКОВ ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВИЧ
мэр г. Орла

НАВСТРЕЧУ ЮБИЛЕЮ ГОРОДА

5 августа 2016 года

11 марта был дан символический отсчёт времени до юбилея Орла. Выбранная дата является исторической – 11 марта 1778 года наш город стал столицей Орловского наместничества. Инсталляция с таймером обратного отсчёта на площади Ленина напоминает горожанам и гостям города о приближении – 5 августа. Этот день можно считать вторым днём рождения города Орла. К нему будут приурочены основные юбилейные мероприятия.

Старт подготовки к юбилею дал указ Президента России от 31 октября 2009 года № 1231 «О праздновании 450-летия основания города Орла». Была проделана огромная работа по определению первоочередных задач, выбору наиболее актуальных направлений работы. План основных мероприятий был утверждён распоряжением Правительства РФ от 1 марта 2011 года № 330-р. Символично, что подписал этот документ, будучи тогда премьер министром страны, наш нынешний президент Владимир Владимирович Путин.

Значительное внимание федерального центра к нашему региону и городу Орлу позволило привлечь на сегодняшний день около 7,5 миллиардов рублей на строительство юбилейных объектов.

Эти инвестиции дали дополнительный импульс социально-экономическому развитию города, сделали Орёл более благоустроенным и удобным для жизни.

Для примера напомним, какой транспортный коллапс ежедневно случался на Московском шоссе до строительства дороги-дублера на улице Раздольной.

За годы реализации юбилейной программы во всех новых микрорайонах появились детсады и школы. Строительство коллектора в микрорайоне Зареченский дало возможность развития новых городских территорий.

Всего было реконструировано и построено: семь объектов коммунальной инфраструктуры, две автомобильные дороги, пять современных школ, музыкальный колледж и хореографическая школа, три детских сада. Только в 2015 году введены в эксплуатацию детский сад в микрорайоне №6 на 165 мест. Школа в микрорайоне «Зареченский» на 550 учащихся. Выполнена реконструкция школы №27 на 240 учащихся.

В 2016 году нам предстоит ввести в эксплуатацию:

- Станцию обезжелезивания воды.
- Второй этап автодороги по ул. Раздольной (от ул. Михалицина до ул. Металлургов).
- Детский сад на 320 мест и школу на 550 мест в микрорайоне «Ботаника».
- Завершить строительство и реконструкцию набережных Оки и Орлика.

Кроме того, в юбилейный год ведётся строительство детских садов на 230 мест по ул. Емлютина и на 95 мест по ул. Машкарина.

Будет произведена реконструкция улиц и проездов в Советском районе: площадь Ленина, ул. Горького (от ул. Брестской до ул. 60-летия Октября), ул. Ленина, ул. Пролетарская Гора.

Предстоит отремонтировать проезды, примыкающие к центральным улицам, произвести замену систем освещения и прокладки дождевой канализации.

Естественно, что при таком объёме работ, случались сбои, не все подрядчики действовали добросовестно. Однако в тесном контакте с Губернатором области Вадимом Владимировичем Потомским, председателем областного Совета Леонидом Семёновичем Музалевским нам удавалось находить решения в каждом конкретном случае. И в юбилейный год город получит все названные объекты.

Особое внимание городские и региональные власти обращают на состояние городской среды. В проект Городского Плана подготовки к юбилею включены мероприятия по приведению в порядок фасадов зданий, расположенных на центральных улицах.

Управлением архитектуры и градостроительства Орла было проведено обследование и составлен перечень требующих ремонта объектов.

Разработаны варианты цветового решения фасадов зданий, расположенных по наб. Дубровинского и ул. Ленина.

18 домов включены в план капитального ремонта регионального фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах в Орловской области. Объектами историко-культурного наследия из них является 12.

Составлен перечень зданий, имеющих важное градостроительное значение и требующих установки или реконструкции праздничной архитектурной подсветки. Разработано проектное предложение по подсветке здания областной администрации.

Подготовлены предложения по реконструкции фонтанов на территории «Городского парка культуры и отдыха», «Детского парка» и бульвара Победы.

Подготовка к юбилею должна акцентировать внимание на истории и культуре Орла. Это – важнейшие составляющие имиджа города, привлекающие как массовый туризм, так и бизнес.

В учреждениях культуры готовится более 150 мероприятий, планируется более 200 спортивных мероприятий. В них будет вовлечено большинство жителей города и гостей праздника. Отмечу только самые значительные с 4 - по 6 августа в Орле пройдёт межрегиональный фестиваль духовых оркестров «Звучат фанфары Первого Салюта». В юбилейных торжествах планируется участие Роты Почётного караула.

Пройдёт конкурс «Лицо города»; фестиваль творчества детей и молодёжи «Молодое поколение – любимому городу»; фестиваль «Не стареют душой ветераны».

К 450-летию города издательством «Вешние воды» выпущено четырёхтомное собрание произведений современных орловских писателей.

Хочу привести слова, которыми завершается обращение к потомкам, принятое на юбилейной сессии Орловского городского Совета депутатов трудящихся в 1966 году. Это обращение заложили в стелу на стрелке, отмечая 400-летие Орла:

«Пусть через столетие дойдёт до вас, люди XXI века, наше завещание – берегите родной город, помните о его славной истории, делайте всё, чтобы во веки веков твёрдо и нерушимо, как Россия, стоял и красовался над Окою древний Орёл – наша гордость, наша слава, наша жизнь».

Прекрасные слова, мы прошли только полпути и выполним наказ наших предшественников!

ШИРОКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
директор Орловского военно-исторического музея

ОРЁЛ - ГОРОД ПЕРВОГО САЛЮТА ОРЁЛ - ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

27 апреля 2007 года Президентом РФ В.В.Путиным был подписан Указ о присвоении почётного звания «Город воинской славы» городу Орлу. Как отмечается в указе, звание присвоено «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества». Белгород, Курск и Орел стали первыми российскими городами, которым присвоено такое звание.

Выступая на церемонии, Президент отметил, что Белгород, Курск и Орёл получают новое звание и за героическое прошлое, и за нынешнее достойное и заботливое отношение к истории. Глава государства поздравил со знаменательным событием всех жителей Белгорода, Орла и Курска, руководителей этих городов и областей.

«У этих городов богатейшая ратная история. Они были основаны как города-крепости для укрепления южных границ государства Российского и неоднократно первыми принимали на себя удары иноземных завоевателей. Каждый из этих городов вписал героическую летопись нашей Родины в страницы своей собственной воинской славы», — подчеркнул Владимир Путин.

Наш город был выбран не случайно. 5 августа 1943 года Орёл и Белгород были освобождены нашими войсками. В ознаменование этой победы в битве на Орловско-Курской дуге в Москве был произведён Первый салют. С того времени города Орел и Белгород считаются городами Первого салюта.

Как утверждают историки, именно в ходе Орловской битвы фашистским войскам был нанесен настолько значительный урон, что последствия этого сражения стали необратимыми для фашистской Германии.

Победа в Орловской битве далась нашим войскам тяжёлой ценой. В сутки Советская армия теряла больше людей, чем в среднем за сутки в 1941 году. В ходе Орловской операции общие потери наших войск составили почти 430 тысяч (11,5 тысячи человек в сутки). Концентрация войск на этом географическом участке не имела аналогов в истории. Если в начале наступления на один километр фронта приходилось 3,3 тысячи человек, то к финалу операции эти цифры достигали 7 тысяч и даже 11 тысяч человек, особенно в местах прорыва.

Закон предусматривает сохранение военно-патриотического наследия в городе Воинской славы и применение его для патриотического воспитания граждан. В городе Орле установлена стела с гербом города и текстом указа Президента о присвоении почётного звания, а 9 мая и в День города 5 августа проводятся праздничные салюты и публичные мероприятия.

У К А З

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**О присвоении г.Орлу почетного звания
Российской Федерации "Город воинской славы"**

За мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества, присвоить г.Орлу почетное звание Российской Федерации "Город воинской славы".

Президент
Российской Федерации В.Путин

Москва, Кремль
27 апреля 2007 года
№ 560

ЛИВЦОВ ВИКТОР АНАТОЛЬЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор

ДОМ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА ЛИЗЫ КАЛИТИНОЙ В ЛАНДШАФТНОМ СКВЕРЕ «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

На северо-западной окраине г. Орла на левом крутом берегу р. Орлика находится деревянный дом и усадебный сад, которые легенда связывает с образом городской дворянской усадьбы, выведенной И.С. Тургеневым в его известном романе «Дворянское гнездо» (1858).

Орловский краевед Г. Пясецкий считал, что на этом месте первоначально находился лес. В 1779 г. был утвержден регулярный план г. Орла. В соответствии с ним здесь начиналась улица Верхняя Дворянская (Верхне-Дворянская, 3-я Дворянская, Дворянская). Однако, вероятно, первые постройки здесь появились еще в начале XIX века. В тот период сложился своеобразный тип городской дворянской усадьбы. Она включала в себя, как правило, деревянный дом-особняк, двор со службами и сад. В Орле такие усадьбы располагались на свободных территориях верхней части города и на его окраинах, к которым и принадлежала оконечность Верхней Дворянской улицы. Однако пожары 1850-х гг. разрушили первые постройки. Так случилось и с домом полковницы Марии Ивановны Оберг, до сих пор здесь заметен слой горелой земли. Новое строение было возведено на старом фундаменте.

Оно представляло деревянное здание с декором классицизма (ныне частично утраченном и заштукатуренном). На симметричном фасаде с большими прямоугольными окнами находились классицистические карниз и пилястры. Имелся парадный вход с улицы и со двора, а также выход в сад. Дверь со двора выводила в сени. Парадный вход приводил в светлый вестибюль. Внутренний продольный коридор объединял группу жилых комнат и вел к выходу в сад. В набор помещений также входили: зала с шестью окнами, гостиная, столовая с буфетом и печью, спальня и лакейская. Со стороны сада к дому примыкала уютная остекленная веранда.

В проекте обозначен обширный квадратный двор с постройками и большой пейзажный сад с липовыми аллеями, спускавшийся к обрывам реки и оврага. Имелась видовая площадка и беседка. Среди построек были флигель со службами и кухней, конюшня на пять станков и каретные сараи. Усадьба была ограждена деревянным забором с воротами и двумя калитками.

В последующие годы пристройки общие очертания дома не менялись до 1903 года.

Предание связывало этот последний дом над р. Орлик с реальной жительницей Орла, ставшей прообразом тургеневской героини. Сохранившееся здание – одноэтажное с улицы и двухэтажное со двора, из окон которого до сих пор можно видеть окрестные поля, разительно напоминало усадьбу, нарисованную классиком. Тургеневскому описанию соответствует и сад, одной стороной выходящий «прямо в поле за город». Черты героини романа – Лизы Калитиной, видели во многих прототипах – Елизавете Шаховой, Варваре Соковниной (в монашестве Серафиме), Александре Соколовой (в монашестве Антонии) и Евдокии Коротневой (схимонахини Макарии), реальной жительнице ныне дома № 1 по улице Октябрьской. Кроме того, по утверждениям старожилов, здесь же, рядом, на окраине губернского Орла стоял дом с «мезонином и маленьким балкончиком», обитатель которого стал прообразом музыканта Лемма из того же романа.

Исследователь Н. Чернов не исключал, что название «Дворянское гнездо» применительно к этому месту возникло ещё до написания И.С. Тургеневым его знаменитого романа. Н.С. Лесков также отмечал, что в нашем краю исстари дворянскими гнездами называли места, на которых «раскинулось множество привольных помещичьих усадеб».

В то же время название романа «Дворянское гнездо» И.С. Тургенев находил не совсем точным, поскольку, по его словам, оно было «выбрано» первым издателем романа, но это словосочетание ранее уже употреблялось самим писателем в рассказе из «Записок охотника» «Мой сосед Радилов». И.С. Тургенев действительно встречался с владельцем дома – «своим старинным приятелем» в конце 1870-х годов.

Овеянный романтическим духом тургеневской прозы уголок города издавна привлекал к себе внимание приезжих и жителей города. Об орловских истоках романа знал ещё А.А. Фет. Этот уголок запечатлен в произведениях Н.С. Лескова, И.А. Бунина, Л.Н. Андреева, К.Д. Бальмонта, Б.К. Зайцева.

Так, И.А. Бунин специально приходил сюда в 1889 году, чтобы увидеть и описать «потонувшую в садах улицу, где на обрыве над Орликом в старом саду ... серел давно необитаемый дом с полуразвалившимися трубами.» Заброшенный вид усадьба приобрела из-за того, что после смерти очередного владельца Сафонова усадьба пришла в запустение.

Но впервые «Дворянское гнездо», как обозначение начала Верхней Дворянской улицы было упомянуто в рассказе Сергея Городецкого «Ася»: «А «Дворянским гнездом» у нас называлось место, которое описано в этом романе».

В 1889 году новым владельцем «Дома Калитиных» В.К.Гермут был сделан ремонт, построено входное крыльцо в дом на четырехрядном белокаменном цоколе и пристроена новая веранда с юга, на белокаменном цоколе. Предположительно усадьба была в то время охристого цвета.

В 1903 году Орловское общество изящных искусств решило открыть здесь «общественный сад г-жи Гермут» под названием «Дворянское гнездо», «сосредоточив в нем детские игры под наблюдением опытных членов общества М.А. Аблецовой, В.В. Горецкой, С.А. Дубровиной...» Об этом было сообщено в газете «Орловский вестник» 2 мая 1903 г. К 11 мая здесь уже были проведены первые гуляния. 5 июня того же года тут была возведена копия бюста И.С. Тургенева из белого мрамора на высоком ступенчатом пьедестале работы великого скульптора Антокольского, открытого в торжественной обстановке 7 июня тем же обществом устроен летний театр. У берега построили пристань для лодок, для катания по р. Орлику.

В связи с этим в 1908 году улица была переименована в Тургеневскую. В 1909 году был составлен план г. Орла, на котором были показаны границы «Дворянского гнезда». В него входила территория ландшафтного сквера на берегу р. Орлик, участок с существующим «Домом Лизы Калитиной» (д. № 1 по ул. Октябрьской), еще один участок, на котором ныне расположен Дом-музей Н.С. Лескова.

Кроме копии бюста И. Тургенева, здесь находилась летняя сцена, на которой разыгрывались спектакли общественного театра, устраивались музыкальные концерты под управлением дирижера Р.И. Гоха. Рядом располагались качели, крокет и другие игры для детей. В саду росло много цветов, особенно белых и красных роз, была аллея белой акации. По воскресеньям и в праздники здесь проводились гуляния для взрослых, во время которых играл оркестр 17-го Гусарского полка или 142 пехотного Звенигородского полка. По четвергам и воскресеньям под эту музыку устраивались танцевальные вечера. В саду находились два летних павильона, в одном из которых располагался буфет, а в другом – бильярдная комната. Газета «Орловский вестник» называла сад тихим уютным уголком.

В начале мая 1910 г. в Орле гостил Л. Андреев. Несколько раз он навестил «Дворянское гнездо». Сделал фотоснимки его уголков.

После революции 1917 года, в 1921 года в Орле при губмузее была создана комиссия по охране памятников искусства и старины. Ее возглавил художник и археолог Петр Сергеевич Ткачевский. В комиссию вошли заведующий музеем И.С.Тургенева Михаил Вениаминович Португалов, заведующий губернским архивом Иван Стефанович Комягинский (бывший секретарь Орловского Церковного историко-археологического общества), художник Александр Лаврентьевич Лаврентьев, фотограф Афанасий Высоцкий (бывший священник) и другие.

На заседании комиссии 5 августа 1921 году был впервые поставлен вопрос об осмотре «Дворянского гнезда» и «определении здесь мест, которые следует так или иначе запечатлеть в рисунке, плане или на фотографии и от разрушения». Ткачевский и Португалов внесли «дом Гермута» в список зданий, подлежащих обследованию и описанию. Обследованием занялись они сами и вскоре докладывали комиссии о своих выводах: «На улицу фасадом выходит каменный одноэтажный дом, комнаты в доме небольшие <...>, дом каменный имеет недавние переделки <...>. Вплотную к каменному дому находился деревянный двухэтажный дом-флигель <...>». Краеведы отметили, что в доме уже нет «обширных залов и гостиных, которыми отличались постройки сороковых годов прошлого столетия». При доме находился большой сад, который «расположен на высоком берегу Орлика и открывает превосходные виды на город с одной стороны и на поле с другой». За семь месяцев были сделаны 103 рисунка, 56 фотографий.

В 1920-е годы вход в сад «Дворянское гнездо» был перенесён и осуществлялся непосредственно с улицы, через лёгкие деревянные ворота, рядом с которыми находилось окошечко кассы, что явствует из фотографии, помещённой в газете «Орловская правда» от 3 февраля 1928 года. Постепенно на территории бывшего сада возникли новые постройки, отдельные участки были огорожены заборами.

В ноябре-декабре 1938 года Тургеневская и Октябрьская улицы того времени обменялись названиями, и бывшая Дворянская стала называться Октябрьской.

Хотя во время войны фашистами был уничтожен бюст И.С. Тургенева и вырублено много деревьев, характер самой усадьбы изменился мало. На планах второй половины 1940-х годов видно, что в доме сохранялись угловые печи, планировка флигеля также изменилась незначительно.

Работу по восстановлению зелёных насаждений в сквере в послевоенное время выполняли коллективы завода «Продмаш», часового завода, студенты филиала машиностроительного института, учащиеся школ № 21 и 22. Ими были также посажены аллеи у берега р. Орлик из различных древесных пород.

В 1967 году по заказу орловского горкомхоза институтом «Орёлгражданпроект» был составлен проект (авторы: О.В. Левитский, С.Т. Аганова, Б. Горловский), часть которого была осуществлена. По нему в 1968 году привели в порядок часть Октябрьской улицы и благоустроили «Дворянское гнездо». На краю обрыва была сооружена так называемая «Тургеневская» беседка-ротонда с шестью колоннами, а в начале ул. Октябрьской – смотровая площадка, устроен спуск к реке. В 1971 году здесь был установлен бюст И. С. Тургенева из серого гранита и две гранитные скамьи – дар городу скульптора Г.П. Бессарабского, автора памятника И.С. Тургеневу на «Тургеневском берегу». Впоследствии по инициативе областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры на его пьедестале были выбиты слова, И.С. Тургенева, обнаруженные орловским литетатуроведом В.А. Грозовым «Орёл – мой родной город».

К тому времени в сквере разрослись клен остролистный, береза плакучая и бородавчатая, тополь обыкновенный. Сохранялся и 150- летний дуб. К реке были по-

строены бетонные лестницы, а у самой воды устроены игровые площадки, скамьи для отдыха и «грибки».

В 1970-начале 1980-х годов в усадьбе происходят значительные изменения. В главном доме исчезли угловые печи, был снесён флигель усадьбы. ЖРЭУ-4 поменял мощные доски веранды на тонкие дощечки. Дом был выкрашен в ярко-зелёный цвет с густо – коричневыми окнами. В 1973 году рядом с «Домом Калитиных» была построена областная больница, а в начале 1980-х годов инженерный корпус часового завода (в настоящее время медицинский факультет ОГУ), а затем и корпуса коммерческого института исказили облик этого места.

В то же время, в 1975 году в сквере «Дворянское гнездо» были проведены большие восстановительные и озеленительные работы. 1 февраля 1985 году было принято решение Орловского горисполкома № 61 «Об утверждении проекта охраняемых зон и зон регулирования застройки памятников истории и культуры», в соответствии с которым территория «Дворянского гнезда» объявлялась охранной зоной. Постановлением Орловского облисполкома от 27 января 1987 года № 33 «О мерах по улучшению содержания памятников истории и культуры» ландшафтный сквер «Дворянское гнездо» был принят на государственную охрану местной категории. В соответствии с этим граница сквера были определены так: «от дома №9 по ул. Октябрьской до берега р. Орлика, по дну оврага до пересечения с продолжением ул. 7 Ноября, далее по оси ул. 7 Ноября до дома №9 по ул. Октябрьской».

29 мая 1990 года было принято решение горисполкома № 2 «О благоустройстве Дворянского гнезда». 29 апреля 1992 года Орловским горсоветом было принято постановление за № 2 «О разработке проекта Ленгипрогором мемориальной зоны г.Орла», где большое внимание было уделено «Дворянскому гнезду».

После двух лет робких попыток фактически без средств силами ряда малых предприятий г. Орла и Москвы в июле 1992 году мэр г. Орла А.Г. Кисляков обязал Управление городского коммунального хозяйства и Советскую районную администрацию выполнить серьёзные инженерные работы по реставрации сада и укреплению берега р. Орлика в районе ул. Октябрьской. Статус данного места был подтверждён постановлением мэра города от 16 июля 1992 года.

В результате был проведён ремонт фасада дома № 1 по ул. Октябрьской, во время которого был очищен от многолетних наслоений цоколь дома, около здания был сделан тротуар, была передвинута ближе к реке и значительно расширена балюстрада на смотровой площадке.

15 июля 1993 года решением Малого совета горсовета Орла «Дворянское гнездо» было объявлено историко-культурным и природно-ландшафтным заповедником, что, однако, не имело особых последствий. В сентябре 1993 года на улице Октябрьской напротив дома был установлен белый мраморный памятный знак с алюминиевой доской, на которой был отлит план сквера и сделана надпись: «Министерство культуры РСФСР. Памятник истории. Ландшафтный сквер «Дворянское гнездо» XIX – нач. XX в. Охраняется как всенародное достояние». После похищения доски непосредственно на камне была выбита надпись: «Памятник истории и культуры, ландшафтный сквер Дворянское гнездо. Охраняется государством».

3 сентября 1993 года, в день 110-летия со дня смерти писателя на этом месте в присутствии мэра г. Орла А.Г. Кислякова и других официальных лиц состоялся литературный праздник, посвященный памяти И.С.Тургенева.

В начале 2000-х годов по инициативе мэра г. Орла Е.Н. Вельковского из дома стали отселяться жильцы и возникли опасения о сносе здания. Началом систематической борьбы за спасение «дома Лизы Калитиной» послужило письмо под заголовком «Хотим знать правду», опубликованное 19 мая 2000 года на первой полосе

газеты «Орловская правда» и подписанное известными в Орле представителями литературы и культуры. Особенно драматический характер приняли события в октябре 2000 года, когда работники ЖЭУ начали снимать с дома двери и оконные рамы. После протестов краеведов акт вандализма был приостановлен. Среди публикаций было открытое письмо Главе администрации области председателю Совета Федерации России Е.С. Строеву, опубликованное в газете «Орловская правда» 7 июня 2000 года от известных ученых-историков, архитекторов – членов Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Постановлением Облсовета от 27 февраля 2001 года № 32/598-ОС «Дом Калитиных» был поставлен на государственную охрану региональной категории, как «Дом жилой XIX в.», в качестве памятника архитектуры и градостроительства. 6 марта 2001 года газета «Орловская правда» опубликовала сообщение об этом. 19 мая 2001 года «Орловская правда» опубликовала и решение Орловского городского совета народных депутатов от 26 апреля 2001 года о передаче жилого дома № 1 по ул. Октябрьской (Дом Калитиных) на баланс государственного учреждения – Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры. Однако реализовано это не было и дом остался на муниципальном балансе.

В настоящее время из дома полностью выселены жильцы. С осени 2009 года под эгидой Орловского горсовета действует Попечительский совет по возрождению «Дворянского гнезда» в г. Орле. В Правительство России внесены предложения о восстановлении и музеефикации «Дома Лизы Калтиной» и создании в Орле литературного музея-заповедника, включающего как существующие орловские литературные музеи, так и данную усадьбу.

ЗОЯ ТАРАБРИНА
журналист

ГОРОД В СИНЕЙ ДЫМКЕ

Есть свидетельства, что первый исторический документ, касающийся истории возникновения города Орла, сопровождается рисунками. На первом из них изображение строительства нового города на берегу реки. Главные действующие персонажи – люди с топорами в руках, возводящие городские крепостные стены и башни. И если краеведы в своих поисках точной даты рождения города Орла иногда мучаются в сомнениях, то, что первыми пришли возводить город люди с топорами в руках, то есть строители, сомнений быть не может. И вообще, может ли встать город без их мастерства, умелых рук? Вся долгая история города, его развития – это история его строительства. Архитекторы, строители с учётом природного окружения, ландшафта формировали его лицо и построение. Архивы сохранили сведения о некоторых архитекторах, картографах... Но повседневная будничная созидательная работа строителей, их имена, лица сокрыты от нас завесой времени.

Город Орёл из года в год растёт, новые здания меняют его облик, новые микрорайоны расширяют границы. И спустя десятилетия, столетия, будущие поколения захотят узнать историю города нашего времени. Они будут собирать её по

крупницам, как мы, стирая слои времени, пытаюсь разглядеть былой лик города, его обитателей, читая Тургенева, Лескова, Бунина, Андреева... Когда-то они жили здесь, а потом всегда помнили о нём, находясь далеко за его пределами. Его любимый образ, светлый, лиричный, олицетворял для них милую сердцу Отчизну, сопутствовал в творчестве, вдохновлял и находил отражение в произведениях. Орёл, можно сказать, стал одним из героев буинского романа «Жизнь Арсеньева», отмеченного Нобелевской премией. Вдали от родины, ностальгируя по Орлу, Бунин писал: «Я пошёл по городу. Сперва по Болховской, с Болховской по Московской, длинной торговой улице, ведущей на вокзал, шёл по ней, пока она, за какими-то запылёнными триумфальными воротами, не стала пустынной и бедной, свернул с неё..., вернулся опять на Московскую. Когда же спустился с Московской к Орлику, перешёл старый деревянный мост, дрожавший и гудевший от едущих, и поднялся к присутственным местам, по всем церквям трезвонили...». Он вспоминал ещё и ещё свои любимые места, пути-дорожки: «...густо и важно-благостно звонили к обедне в тяжкой и высокой церкви возле Орлика. Под этот гудящий звон, – он гудел даже во мне во всём, – я перешёл ещё один мост, поднялся на гору к присутственным местам николаевских и александровских времён, перед которыми вдоль длинной светлой площади вправо и влево тянулся бульвар, широкая аллея ещё по-утреннему свежих, прозрачно-тенистых лип...».

О своей малой родине с лёгкой грустью вспоминал Л.Н.Андреев: «Орёл, тепло, разлив рек, шатание по Болховской... вдали сады, немного крыш и церковные главы, то синие, то горящие золотом на солнце, и оттуда идёт мягкий колокольный гул: это Орёл...». Он скучал по нему: «Всё-таки в Орёл очень хочется, хочется в городском саду погулять...».

Орловский парк нравился Тургеневу. По преданию, в аллее над Окой, у него была любимая скамейка. С высокого левого берега он всматривался в заокские дали.

Многое мы узнаём из творений Лескова о нравах и укладе жизни обитателей Орла. Вот «Грабёж» так и начинается с разговора «о воровстве в орловском банке, дела которого разбирались в 1887 году по осени.

Говорили: и тот был хороший человек и другой казался хорош, но, однако все проворовались».

О развлечениях читаем: «А на кулачки биться мещане с семинаристами собирались или на лёд, на Оке, под мужским монастырём, или к Навугорской заставе; тут сходились и шли, стена на стену, во всю улицу. Бились часто на отчаянность...».

И мы видим наш город конца XIX века: улицы, деревянные мосты, сады, церковные главы, колокольный звон и нравы...

Город Орёл не раз менял своё лицо. Были у него печальные страницы. Он многократно горел истребительными пожарами. Но никогда не происходило таких больших разрушений, как в годы Великой Отечественной войны. И о них тоже хранятся свидетельства. 5 августа 1943 года над городом взметнулось красное знамя – свидетельство освобождения от 22-месячной немецкой оккупации. Радость победы над врагом, свободы, ясности! Но город изранен. Вокруг развалы зданий, следы пожарищ. Оставляя Орёл, считавшийся неприступной крепостью немецкой обороны, враг в бессильной злобе разрушил большой русский красивый город.

«...Картина предстала страшная – город изуродован, большинство домов по Октябрьской улице разрушено. Воздух насыщен запахом густого дыма и гари от многочисленных пожарищ. Периодически слышны звуки треска и уханья. Это рушились перекрытия зданий бронетанкового училища», – так вспоминал Лусто Пётр Иосифович, военный строитель, вошедший в Орёл в день его освобождения после полного подавления сопротивления врага со стороны Болхова. Он возглав-

лял группу – 25 военных строителей военно-строительного управления Брянского фронта. Они пришли с заданием оборудовать госпитали для раненых, а выполнив его, готовы были двигаться с армией дальше на запад. Но 30 августа он был назначен главным инженером военно-строительного подразделения (УВСП-39), которому пришлось восстанавливать и преобразованному затем в гражданскую строительную организацию строить город заново. Пётр Иосифович, родом из Белоруссии, остался здесь до конца жизни. С первых же дней возглавил строительные работы по восстановлению бронетанкового ремонтного завода, цехов «Текмаша»... Он строил город до 1967 года. Завершающим аккордом стал сталепрокатный завод, выпуск первой продукции...

Ещё шла война, а горожане уже разбирали и расчищали развалы, восстанавливали свой любимый город Орёл. И опять пришли люди с топорами...Здомищук Пётр Терентьевич, инженер-строитель, пройдя военными дорогами от Москвы до Берлина, в ноябре 1945 года демобилизованный из армии, уже в декабре включился в работу по возрождению города.

«В Орле, – вспоминал он, – не сохранилось в целости ни одного здания высотой в два этажа. Уцелел единственный дом №1 на Пролетарской Горе. Многие здания взорваны со двора... Разрушена трёхэтажная школа №11, построенная в 1940..., ул. Красноармейская между ул. Горького и Октябрьской, застроенная в 1938-1940 гг. новыми 4- и 5-этажными жилыми домами, представляла груду развалин...».

Послевоенные будни очень трудные. В Орле не было предприятий стройиндустрии, строительных кранов, землеройных машин... В городе уничтожено всё городское хозяйство. Вечерами в домах зажигали керосиновые лампы, коптилки. Собранная дизельная установка не могла обеспечить потребность в электроэнергии.

Летом 1944 года решено строить на высоком правом берегу Оки первую очередь паротурбинной электростанции. Это была трудная стройка. Быстро наступила зима. Мороз сковал Оку. Холодный ветер мёл позёмку, сбивал с ног и не было ему преграды. Но медленно и неуклонно двигаются друг за другом женщины, подростки. Они тянут саночки, нагруженные кирпичом, который выбирают на развалах зданий. С утра до ночи не кончается этот поток. Слышна немецкая речь. На стройку доставлены военнопленные. Катастрофически не хватает строительных материалов. Камень, кирпич, балки добывали из разрушенных строений. Работы в основном выполняли вручную, простейшими приспособлениями. Строительство шло быстро. Начальнику стройки Иозефовичу Давиду Израилевичу, военному строителю, казалось – очень медленно. До предела натянуты нервы, до боли напряжены мускулы. Дисциплина военная. Понимание с полуслова. Бетонщик И.В. Кондрахин, плотник, конечно, с топором, Н.М. Абрамов были неутомимы в труде, азартом своим увлекали коллег. День за днём. Через год из кажущегося хаоса стали проступать чёткие контуры стройки. С начала 1946 месяц за месяцем с напором идёт сдача объектов комплекса. В ноябре 1946 года первая турбина дала ток.

Руками специалистов и практиков строительного дела город возвращался к жизни, восстанавливались разрушенные здания, строились новые. Кто они, эти умельцы? В документах сохранились имена: А.Х. Рубин, Н.М. Примогенов, П.Г. Мультап, Д.П. Ромадинов, Д.П. Канаев, М.М. Богданов, В.М. Семёнов, И.П. Ведмедь, Д.П. Кузенков... Давно их уже нет: ушли в вечность, но хранится о них память в музее ОАО «Орёлстрой», история которого и началась в августовские дни 1943-го.

Тысячи строителей этой организации возродили город после войны, поднимали новые кварталы, достигли значительных высот в своём деле. Среди них Герой Социалистического Труда Калакин Иван Дмитриевич, плотник, человек

с топором. В 1952 году, окончив школу мастеров, попал на строительство часового завода. Молодой, смелый: всё схватывал налету. Товарищи по труду избрали его бригадиром. 38 лет он строил город. Его именем названа улица в Северном районе.

Один из плеяды известных строителей города Сенин Николай Алексеевич. В составе артиллерийского резерва главного командования, пройдя все испытания войны, и отступления, и поражения, и победы, он, наконец-то, ступил на землю врага. 1 мая 1945 фронт сузился настолько, что их полк вывели из боёв и поселили в довоенном лагере Паулюса. У парня с Орловщины было время осмотреть это хозяйство: аккуратные домики, асфальтированные дорожки, вокруг сосновый лес. «Красиво живут», – отметил он.

Нестерпимой болью сжалось его сердце при встрече с родным городом по возвращении с войны. В армии он на тракторе тягал пушки, теперь сел за руль грузовичка, возил на стройки кирпич, лес, песок, вывозил мусор, потом освоил первый поступивший экскаватор «Калининец», через четырнадцать лет получил новый – лёгкий, удобный, с гидравликой. Котлованы, траншеи, тысячи тонн грунта – это его работа. Он владел своей машиной виртуозно: движения были скупы и точны. Самые сложные задания выполнял в срок и при неподходящей погоде, и на тяжёлом грунте. Все прорабы стремились заполучить его на свой объект: там, где работал он, не требовалось никакой зачистки. В коллективе гордились им, уважали за мастерство и скромность. Труд его отмечен правительственными наградами, он удостоен почётных званий Героя Социалистического Труда с вручением золотой звезды «Серп и Молот» и ордена Ленина, заслуженного строителя РСФСР, Почётного гражданина города Орла. В память о нём установлена мемориальная доска на доме, где он жил, по Карачевской, 6. 38 лет своей жизни он посвятил городу. Для него строил заводы, театры, школы больницы, жилые дома...

Никогда так быстро не строился город Орёл, как в 50-е, 60-е и 70-е годы. Он превратился в большую строительную площадку. Монтажники, каменщики, сварщики, маляры и штукатуры, столяры и плотники, крановщики, экскаваторщики, бульдозеристы и автомобилисты, бетонщики и арматурщики... Их руками рос город в границах и в высоту. Менялось его лицо. Поднялись девятиэтажки, новые микрорайоны. Возрастало мастерство строителей. Город Орёл для них – это стройки. Каждая из них, как собственные дети. Им отданы время, забота, внимание без остатка. Они помнят каждую, рассказывают о них с волнением. А память о строителях для будущих поколений остаётся в зданиях, сооружениях, бульварах, скверах и улицах.

А что Орёл для нас, сейчас живущих поколений?

Мы обитаем здесь. Это наш дом. Всё, что прекрасно в нём, нас радует. Всё, что душе противно и нет сил изменить к лучшему, возмущает. Что-то, наверное, не замечаем и не ценим, как воздух, которым дышим. Но, когда коллеги издалека попросили рассказать о городе, где я живу, пришлось ответить. Город Орёл – город первого победного салюта, город воинской славы, город, где жили и творили всемирно известные писатели И.С.Тургенев – посол русской литературы в Европе, И.А. Бунин – нобелевский лауреат, сделавший свой первый шаг в литературу, работая в газете «Орловский вестник», Н.С.Лесков, Л.Н.Андреев. Здесь родился и покойся герой Отечественной войны 1812 года А.П.Ермолов. Горожане бережно хранят память о героях-воинах, освобождавших город от немецких оккупантов. Город вузов и студентов.

Светлая гладь рек Оки и Орлика, взметнувшиеся над ними многочисленные мосты, площади и скверы, театры и музеи, памятники, купола и маковки восстановленных храмов, новые жилые микрорайоны «Наугорский», «Зареченский»,

«Ботаника», где много пространства и воздуха – всё это город Орёл. Исторический центр его – это соединение двух рек. Здесь в 1566 году и стали люди с топорами рубить, то есть ставить город Орёл. Стрелка – излюбленное место горожан, они приходят сюда по праздникам, в выходные дни. А сейчас, когда к юбилею города облагораживаются набережные, наблюдают, как трудоёмка и ответственна работа строителей.

Первые весенние дни. Я тоже пошла на Стрелку полюбоваться большой водой. Ведь это здесь краткосрочное явление. День был солнечный. Справа и слева от Оки и Орлика много гуляющих. Они любовались гладью рек, внимательно осматривали освобождающиеся от подтопления новые набережные, подкармливали упитанных голубей, плавающих в Орлике проворных уток и царственных лебедей. По новым, выложенным плиткой дорожкам прогуливались молодые счастливые семейные пары и уже пары с двумя, тремя детьми, начинающими ходить, бойко бегущими впереди, в колясках. Много их было в детском парке у аттракционов. Дети повзрослее в восторге раскачивались на качелях, другие по аллеям мчались на велосипедах. Очередь выстроилась у автодрома. Рядом весело бежал яркий «сказочный поезд» с маленькими пассажирами, тут же усаживали малышей в не менее яркие «тачки». Молодые папы, ещё не забывшие детство, усаживались с чадами в электромобили, катались, озорно поглядывая по сторонам. Сколько детей вокруг! Радостное открытие! Сергей Михалков, любивший детей, писавший и часто читавший для них, как-то сказал: «Дети – это подрастающий народ». Так что в Орле народ возрастает и подрастает. Что-то новое он принесёт в жизнь города...

Прогулка оставила много впечатлений. Голубое небо, яркое солнце, бурлящий водопад с плотины у вантового моста, восторг от белого храма с новой колокольной, прекрасным декором, зеркальная гладь Оки и отражающиеся в ней новые по берегу высокие здания, дети, птицы... Тут же по дорожке вдоль сеточного ограждения левого берега Орлика озабоченно мечется свора собак. За сеткой подросток щенок, белый, с чёрными пятнами. Он по неосторожности, из-за любопытства оказался там, рвётся к стае, но всюду преграда. Скулит, визжит, бежит вправо – влево. Стая повторяет те же движения молча, не зная, как ему помочь. Всё это вызвало такое сочувствие у гуляющей публики и к щенку, и к его семье. Нашлись смельчаки, пробрались за сетку. Но щенок не давался в руки. Наконец, с помощью палки, с трудом приподняли низ сетки и в образовавшийся лаз щенок с радостью под громкие дружные аплодисменты собравшихся людей вырвался на свободу, соединился со своей семьёй, и все семеро, дружно завиляв хвостами, по мостику перебрались на другой берег, на Стрелку, а сочувствующие с улыбкой удовлетворения рассеялись по аллеям.

Мы прошли около храма, с восторгом любуясь его красотой, золотыми главами, но через несколько шагов от восторженности не осталось и следа: наш взгляд упёрся в грязную арку торговых рядов и пристройку к ним – увеселительное место, крупно, рекламой предлагающее люля-кебаб, шашлык на углях, шаурму и прочее. А далее – улица Гостиная с разрушенными, обезображенными, когда-то прекрасными зданиями, грязная улица Гагарина. Ждёт ли город гостей на свой юбилей? Пора его очищать от всякой грязи, как когда-то трудно, но с любовью восстанавливали после войны. Чистоты ждёт от нас город. И тогда юбилей станет настоящим светлым праздником, новым стартом в эстафете поколений.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК

Очерки. Краеведение

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

«КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ»

*Ничто на земле не проходит бесследно.
И юность ушедшая также бессмертна.
Как молоды мы были,
Как искренне любили,
Как искренне дружили, как верили в себя.
Из песни.*

У каждого, вероятно, есть на земле своя особая точка. В Питере для меня, например, это место между улицей Росси и театром Товстоногова, у памятника Ломоносову, с обозрением через арку «Храма на крови». В Курске – крутой откос с видом на Дикую степь, перед бывшим Дворянским собранием, где некогда пел Карузо. Есть такая любимая точка у меня и тут у нас, на главной площади Орла, поближе к курантам, откуда взгляд, по двум лучам передвигаясь, скользнув правым из них по бывшей Болховской — ныне Ленинской, упирается в златокипящий купол храма Смоленской Божией Матери. А левый луч, перекинувшись через Оку-реку, достигает острого, златоверхого шпиля кафедрального собора, что на улице 5-го Августа.

За спиной у правого луча – Белый Дом, здесь когда-то на пятом этаже размещалась «Орловская правда». А по левую руку – в направлении мэрии, к памятнику Бунину, и если направо ещё – придёшь, бывало, к редакции молодёжной газеты, что была тогда тут на Почтовом переулке. Тоже откос, тоже высокое место. Тут же когда-то и начиналось всё у нас в «Орловском комсомольце» (ныне «Губерния»), у молодых журналистов, – славного, раскованного поколения шестидесятников. Кто не помнит той «оттепели», связанной с именем Хрущёва? Всё было здесь и тогда.

Безусловным лидером являлся Геннадий Харитонов – наш редактор, «генератор идей», да и просто симпатичный парень. Он высекал идеи в невероятных количествах, а мы брали те искры и несли уже пламенем в массы. Золотой век всегда позади. Чего, право, стоили наши «лошадки», надёжные «идеологини» Аня Безденежных, Алла Карасик, Света Мезенцева. А наш отдел молодёжной жизни – «коренники», без которых не вышел бы ни один номер газеты, – это мы с Васей Савкиным, Иваном Закаблуком. А фотокор Серёжа Шабалин, а Коля Калганов – шофёр? Молодой, умелый, рискованный народ! Скольким людям помогли, бросаясь в любое пекло очертя голову? Сколько кадров выковали, фундаментов заложили, аргументов и фактов извлекли на свет божий? Недаром среди молодёжных газет страны были мы из самых первых, базой журфака Московского университета.

Неделю в командировке, после неделю отписываешься, материал в номер, и снова в командировку. Приедешь из района – ввалишься в сапогах кирзовых, из грязи только что выбрался, а то в пылищи весь, под солнцем спекшийся, рот до ушей, а в отделе у нас какая-то женщина, это доцент Вика Учёнова, руководитель студентов – практикантов. И возглас её неподдельный:

– А, вот он какой, Лёня, оказывается, наш очеркист!

И радость в сердце моём, глаза брызжут зеленоватостью неба, а от всего самого веет ромашкой с лугов ливенских, малоархангельских, всеми запахами левад из цветущих мценских, новосильских перелесков. Тут же, в перерыв обеденный, выйдем, бывало, из дверей да сюда, к откосу, а он прямо у ног наших – внизу домишки поречные, частные, неказистенькие такие, а чуть дальше – Орлик, Ока, это у слияния «Стрелка», историческое место, основание города, – красота вероятная, предугадываемая, как будет это место облагорожено, предугадываем будущее. Однако пока что песок на зубах хрустит, в городе мало асфальта, белая рубаша чернеет на шее за каких-то полдня, по бывшей Болховской – ныне Ленинской – грохочет трамвай. А мы тут, на откосе, взахлёб, перебивая друг друга, вслух рисуем картины преображения: какой будет «Стрелка» к 400-летию Орла, детский парк – сад «Аквариум», подвесные мосты через речки. И там, за спиной, на бывшей Болховской, пока только в воображении нашем, уже ни трамвая, ни потока автомобилей – символ города, пешеходная улица. Вроде Арбата в Москве и в чём-то Невского в Питере. Но существует ведь и иное мнение: расширить бывшую Болховскую, сломав ту сторону, что напротив кинотеатра «Победа», сделать улицу магистралью века, пусть рванутся авто и мото к техническому прогрессу. Плюс не нужно будет другого моста через Орлик – Тургеневского – зато, как минус двойная нагрузка ляжет на этот Ленинский – Александровский мост... О, как мы сражались за свою точку зрения и на летучках, и на газетных полосах, возбуждая общественность...

Отбывая с практики, Женя Крылов оставил в столе у меня бутылку шампанского от имени всех практикантов и записку: «Спасибо, ребята! Мы с вами, за ваш энтузиазм!» И вот смотришь, слушаешь, читаешь центральные СМИ, а там лица угадываемые, знакомые имена. И декан журфака в Москве всё тот же – вечный декан Ясен Николаевич Засурский...

И вот я стою на Главной Площади города, на любимой, высокой точке. И, по двум лучам передвигаясь, город надвое раскидывает передо мной свою красоту. Чудо это – цветники, перспектива. Город нашего испытания, осуществлённой мечты! Нет, вы только подумайте: в наше время что-то удалось, произошло, осуществилось при жизни! В город приезжают гости и говорят: «Вы счастливые люди, вы живёте в красивом городе!»

Видим, воображаем. Однако как жаль, что красоты этой уже не видят иные из сверстников. Как не хватает нам их. Города красивы не только внешне, но, прежде всего, людьми, изнутри. Объявляем себя третьей литературной столицей России, это после Москвы, Петербурга. И что? Классиков у нас, дескать, хоть пруд пруди. Хотя, по словам одною нашего современника, писатели тут лишь рождались, классиками они становились где-то. В ту «оттепель» у нас в редакции создалась уникальная генерация, костяк такой, откуда затем черпали столичные печатные органы, вышла целая плеяда писателей. И это всё судьбы, таланты, огранённые и опалённые, прошедшие через всяческие горнила, пешком исходившие километры, испытанные борьбой, познавшие цену жизни и людям.

А то в сборнике одном напечатали сразу 31-го автора. Раньше у нас такие сборники назывались «братской могилой». Один человек и говорит по этому поводу:

«Вот кто будет на пятки вам наступать». Это о том, что все сразу под «зонтик», что ли, берутся, остальное уже не причём. Вот мы и говорим о тех, кто в куцах листья куёт, делая дело кузнечное, а ведь наше дело – ажурное, штучное, чувствилище нервов.

Так вот, стою я на точке своей обозрения: город красив, смотрит прямо в тебя. Да ведь не сразу таким стал, за красоту мы души клали. Помню, подъезжаешь, бывало, с утра на работу трамвайчиком к кинотеатру «Победа». Идёшь в редакцию, а по Пролетарской горе уж гуляет, руки за спину – кулаки на крестце, писатель Иван Михайлович Патенков, редактор «Орловской правды», автор «Макара Навли». Это он так мысли чувствительные перед бюро в узел сбивает. Тут же встретишь и Евгения Константиновича Горбова, автора «Куриной слепоты». Тоже с позицией журналист и писатель. Но это – отцы, старшее поколение.

А вот эти, можно сказать, наши ровесники – поэт Дима Блынский, художник редакции Слава Пуршев. Молодые люди, красивый народ. Приходили к нам сюда на откос, – по левому лучу. Дружбы, сообщества искали, видно, там им не хватало чего-то.

Сначала о Дмитрие Блынском. На дежурстве вместе иной раз попадали. Старенькая типография прижималась к Александровскому мосту, тут печатались областные газеты. Хрущёв речи держать обожал! Однако заранее по телетайпу, как потом при Брежнев, тексты не передавались, а вечером дуют, бывало, на прямую частенько часов до двух ночи. До рассвета тогда и газеты делались. Блынский – «свежая голова», а я просто дежурный, у нас в газете дежурный один полагался. Вот сидим мы и ждём от рабочих отливки свинцовые. И разговариваем на всякие животрепещущие темы, стихи читаем. А спим на продавленном диванчике по очереди, когда сон совсем одолеет. Это когда обо всём наговоримся.

Стихи Блынского мне нравились. Запомнилось это вот – о яблоне, о гнезде его родовом в покровской деревне Васютино. Красивые стихи, душевные, как и сам он был, Дмитрий Блынский. Это уж когда, после смерти его, побывал я у него на родине, в «Заветной мечте», и посвятил ему такие стихи.

*Здесь жил поэт есенинский.
И вот Весной однажды, в перехлёсте чувств,
Увидев сад, он выдохнул из уст:
– Смотрите же, как яблоня цветёт!
А та белела, жаркая такая!
В его двери, у хаты, за окном.
И всё переворачивала в нём,
От щедрости души изнемогая.
В тот самый год, когда ушёл поэт.
Едва за тридцать, в возрасте Христа, –
Упала и она во цвете лет.
Как капля крови с белого холста.*

А со Славой Пуршевым помнились встречи и в нашей молодёжной редакции, и, например, в дружеской журналистской поездке в Ясную Поляну, к Толстому. Мы, борзописцы – крючкотворы, всё ходим, бродим, примеряемся, рассматриваем экспонаты, а он, художник, как сядет, рад местушку, так и рисует, рисует. Запечатлевает. Чтобы каждый мог сразу принять натуру. И красив же был парень: серебряные волосы, в кольцах, профиль как у какого-нибудь римского цезаря, хоть на монетах чекань. Вот и думаю: если бы не было красоты такой в людях рядышком, да разве же возжаждала бы душа этой высокой точки, разве сражались бы так мы в нашей жизни варварской за её Красоту!

И если идти по другому лучу — по левому, всё к той же нашей редакции, если помянуть кого из нас добрым словом, так это беззаветного Васю Савкина. В холод, зной, в дождь — в районе мы вечно, в командировке. Однажды Вася, в шутку сказать, «трактор в мешке» притащил, так его фельетон назывался. Это о том, как на ремонт в «Сельхозтехнику» из своей деревни механизатор весь трактор в мешке, по запчастям, на горбике своей в райцентр перетаскал.

А то помню, как новую типографию «Труд», какая по сей день в добром здравии, под Новый год открывали. И мне дежурить досталось. В семь часов вечера — столпотворение, всё начальство. В восемь — только типографское, да ещё Харитонов. В девять — Харитонов да я. В десять — Харитонов да я. В одиннадцать — я да жена моя. О боже! Ну всё. Новый год пролетел! В одиннадцать сорок пять, наконец, застучала, завывала «ротация», замелькали газеты. Подписал я номер да бегом, а куда? К Васе Савкину, он жил тут поблизости. В дверь ломлюсь, а куранты уж полночь бьют. Вася мне и жене моей в руки бокалы! Первый тост, кажется, за орфографию, монографию и типографию, где теперь не только газеты, но и книги печатают, в том числе и мои.

И ещё, если пойти по этому лучу, к нам в редакцию, то придёшь, бывало, к «уазику», частенько дежурил у нас тут у входа. А возле «уазика» — Коля Калганов, водитель наш. Мы однажды с ним в Дросково по письму прикатили. В самую пуржищу, аж жуть. Снег винтом, ничего не видать. А у меня же серьёзное дело, крик души, зов на помощь. Мы лопату в зубы и вперёд. Метр едем, два — буксуем, три — шуруем лопатой. Всё же добрались. Председатель вывернулся из-за крайней хаты: «Вы откуда, ребятки? С неба свалились?»

* * *

Такой калейдоскоп мелькает передо мной — лиц, фактов, эпизодов, когда я стою на этой высокой, любимой точке — на Главной Площади Орла. «Как молоды мы были ... как верили в себя...» Если бы каждый сравнил себя в молодости с тем, каким стал сейчас. Если бы каждый вспомнил, к чему себя призывал. «Ты что — герой? — сдвинуло брови начальство, когда я работал уже в «Орловской правде», — «Да, а что?» — подумал я, но вслух не сказал. Героев очерка уже нет, некому руку на плечо положить. Но я помню их всех поимённо, как и то время — шестидесятые. И оно для меня с годами всё возвышеннее, всё гармоничнее, на первой фазе напряжения сил. В сочетании справедливость с пробой пера за высшую истину в настоящем и будущем, за лучшую жизнь.

Вместе и навсегда, — будто по сей день стоим мы тут на этой высокой, любимой точке города, лучшей точке планеты.

21 июля 1998 года.

В РОЩЕ ПЛАТОНА

И вот что интересно: «академиков» всяческих в стране сейчас хоть отбавляй. Собрался междусобойчик, обозвали себя как покруче, зарегистрировались в собственном совете — и нате вам. «член-коры», «академики». Утром — деньги, вечером — стулья. Галина Борисовна долгие годы строго несла свой профессорский титул, пережив многих настоящих академиков, научных светил. Так кто же она тогда, если мода ныне такая на «академиков»? Вспоминается фрагмент из путевых очерков по Японии известного публициста Владимира Цветова. В Токио на витрине выставили картины. Народ течёт, видит баснословные суммы в йе-

нах. Наутро все картины целёхоньки, кроме одной: она похищена! А ведь суммы на ней не было никакой. Да и какая может быть сумма, когда картина не имеет цены, бесценная реликвия.

Ценность Галины Борисовны до конца нами как-то даже не осознаётся. А ведь Орловщина – край литературный, земля коренная, созидавшая и созидающая наш русский язык, отечественную литературу, культуру. Это родимые корни Тургенева, Лескова, Фета, толстовские, бунинские места. И ко всему этому ею был подобран научный ключ – эстетический, литературоведческий, философский – на базе российского и мирового сознания. Взгляните только на перечень стран, городов и имён, откуда приезжали в Орёл на симпозиумы, научные конференции, на степень участия в них профессора Курляндской.

Такие люди, как Галина Борисовна, уникальны, это наша гордость, национальное достояние.

Она давно была в роще Платона – в мудрообильных кущах, шла стезёй, протоптанной бессмертными именами. Не в том ли и состоял секрет её неувядаемости, удивительного долголетия, что жила она не только за себя, но и за других, во имя, а не вопреки. Она была верна идеалам своего первого учителя Скафтымова из саратовской школы филологии, которому по чужой воле не суждено было подойти и к среднему возрасту. Вращение в кругу научных проблем, в этом центробежном и центростремительном хороводе идей, гипотез, концепций, в дискуссиях с уважаемыми коллегами, безусловно, обострялось осознание дела, росло понимание, как много ещё предстояло успеть. И всё это требовало упорства, количества и качества труда, на что и уходили годы.

Думая о Галине Брисовне, я говорю о «сакральном кресте» не случайно. Вся её жизнь и есть тот самый божественный символический крест, который она несла на Голгофу и который её саму, в свою очередь, вынес к этим вершинам, нелёгким, но можно сказать, счастливым годам. Действительно, сколько было всего наработано на научном и педагогическом поприще. А всё он, этот божественный символ!

«Сакральный крест» – это по вертикали движение к высшему, инобытийному, космогоническому, к биоэнергетическим сферам – этическим, эстетическим, к диалогу со всем человечеством. Это то, что давало жить духу, но не давало покоя душе. Это путь воистину христианских страданий и мучений, радости, победных разочарований и зачарованных побед в глубочайших раздумьях о судьбах Родины, своего народа на фоне общественных переворотов и катаклизмов, это «третий глаз» в запредельное, в инновации цивилизации.

«Сакральный крест» – это, если горизонтально, ещё и движение по земле обжитой, обетованной, шаги по своему городу, улице, это работа в любимом университете, скрупулёзное чтение диссертаций, выносимых на учёный совет. Это и сами студенты, аспиранты, многие из которых уже доктора, кандидаты наук, это её комета, вернее, хвост кометы, целая научная школа.

Ну и, конечно, это движение по приземлённой, материальной спирали – бытовая стихия магазинов и кухни, заботы о хлебе насущном. Но что всегда было чётко, единственно, однообразно, так это то, что 99 ступенек вверх – на самый высокий этаж в доме по улице Салтыкова-Щедрина и 99 вниз – «вертикальный стадион». С авоськой в руках, с книгами и диссертациями, с кафедральными расписаниями и предписаниями. Вверх-вниз, туда и обратно, и ни ступенькой меньше. По числу прожитых лет.

И во всём конгломерате аргументов и фактов она – первая леди тургеневедения, научной филологии в Орле, её собственное имя накрепко связано с таким учеными – академиками, как М.П. Алексеев, Д.С. Лихачев, таким великим исследо-

вателем, как наш земляк М.М. Бахтин, с крупнейшими тургеноведами Г.А. Бялым, П.Г. Пустовойтом...

Галина Борисовна была одним из духовных лидеров российской интеллигенции. Она родилась в Саратове, где сама Волга наделила её божественным даром исследователя, но талант её расцвел именно здесь, в Орле. Она не закопала этот свой первородный талант, а приумножила его силой великих русских идеалов, в основе которых лежит стремление к Свободе, вселенское Добро. Современное литературоведение она повернула вокруг доминирующей мысли о «двупланности» сначала в творчестве Тургенева, а потом и вообще в литературе, во всем духовном облике искусства, вокруг идеи о реализме, обогащённом романтическими тенденциями. Иными словами, вокруг идеи о том, что реальными людьми правят не только сама жизнь, светская власть, но и Боги, духовное естество, природные космические законы. А в этом плане человек изначально свободен, совестлив, одарен природно-руссоистскими воззрениями о предназначении «гомо».

Галина Борисовна сумела сказать своё слово даже в трудные времена, неся ещё и просветительскую ношу. Об этом свидетельствуют её книги – концептуальные труды, коллективные научные сборники, отрецензированные ею, а также различные российские литературные чтения в Орле, в которых она принимала активное участие. Она выезжала в иные города и веси – в Москву, Петербург, Старую Руссу, Ясную Поляну, Спасское-Лутовиново, на конференции по Толстому, Тургеневу, Достоевскому...

Как-то по пути я успел у неё спросить, какой будет литература грядущего, куда двинется эстетика, как будет выглядеть художественное слово. Всего три вопроса:

Есть Бог или нет, как по-вашему? Останется литература или будет задушена СМИ? Чего больше будет в эстетике XXI века – реализма или романтизма?

И были получены ответы. Бог у каждого свой, особенный, личностный. Об эстетике спросите у своего сына – филолога, у молодого поколения. А вообще-то в литературе перспективно символическое, фантастическое как усиление средств романтического изображения реальной действительности.

*Из античной юности звенящей
До седых теперешних веков
Тихой роцей, мысль плодоносящей,
Все ведёт Платон учеников.
Все идут они – те корифеи –
Мимо соблазнительных олив.
Но одно местечко тут для феи –
Женщине любимой – припасли.
Вот как! И уж роцею Платона,
Тихой Академией его,
К истине та Скифская Мадонна
Вывела слепца не одного.
Внутреннее зрение дала
Корифейка, светоч, дочь Орла.*

5 ноября 2012 года

ВАЛЕРИЙ АНИШКИН

РАЗВАЛ СССР И УКРАИНА*(выборные места из книги «Политический дневник. От Горбачёва до Путина»)*

В книге, основу которой составили дневники, нет резонёрства и менторского тона. Есть факты. Ведь никто не знает истины. Она как правда – у каждого своя, и её бессмысленно навязывать кому бы то ни было. Из этого ничего хорошего, кроме драки, не получится. Мой дневник – это размышления, построенные на фактическом материале, который предлагает разные точки зрения. Хотя автору трудно оставаться беспристрастным, и его симпатии могут проявляться помимо его воли.

15.03.91г.

Семнадцатого марта – референдум. Альтернативы нет. Или «да» или «нет». «Да» – за сохранение Союза (или как лукаво и демагогически укладывают это в словосочетание «Союз обновлённый»), «Нет» – против.

А если глубже, то не за сохранение Союза, а за сохранение союзного правительства. Скажешь «нет», раздастся вопль: «А, ты против Союза?».

Умный разберётся и... или вообще не пойдёт голосовать, или ответит «нет». «Нет» реакционному правительству с Пуго, Примаковым, Язовым и др., но за суверенитет России.

19.03.91г.

Референдум состоялся, несмотря на то, что вокруг него шла борьба во всех республиках. В Литве Латвии, Эстонии, Молдавии, Грузии, Армении местные власти пытались блокировать референдум, опасаясь нежелательного для националистов исхода голосования.

Проголосовали 80% имеющих право голоса, из них 76,4% граждан страны сказали «Да» Союзному государству. Таким образом большинство граждан страны, принявших участие в референдуме, проголосовали за сохранения СССР.

Здесь необходимо пояснить, что окончательно вопрос референдума, назначенного на 17 марта 1991 г., был сформулирован в следующем виде: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?», т.е. предлагалось сохранение СССР в его новом виде, как «Союз Советских Суверенных Республик».

03.06.91г.

Человек, видно, так устроен, что ему нужно бунтовать. Плохо, если этот бунт совершенно лишён смысла.

В конце 80-х гг. студенты г. Киева ночью выводили на стене дома на Андреевском спуске слова «Здесь жил Булгаков». Утром дворники, мобилизованные исполкомом, забеливали «антисоветскую» надпись.

Настали другие времена, и теперь «антисоветчика» Булгакова обвинили в антиукраинских настроениях и стали мазать бурой краской мемориальную доску, установленную на этом доме. За что? За то, что он, восторгаясь Киевом и называя его матерью русских городов, неосторожно обмолвился: «А память о Петлоре да сгинет»?

Но ведь неизвестные разбили и мемориальную доску на здании, где когда-то останавливался Пётр I...

Ярким выразителем русского бунтарского духа является Эдуард Лимонов. Это его книга «Я – Эдичка» наделала шуму по ту и эту сторону океана. «Эдичка» бунтовал здесь, ругая на чём свет стоит коммунистов, а уехал в Америку – стал «по чём зря» клеймить капиталистов. Сейчас с кем-то ругается во Франции.

04.06.91г.

«Пошла плясать губерния». Вполне ожидаемо, что с отказом ориентации на СССР, отношения бывших стран «социалистического лагеря» к нашей стране претерпят серьёзные изменения. Сейчас в Монголии, например, уже обсуждается вопрос об ответственности СССР за серьёзную деформацию в социально-экономическом развитии страны.

Действительно, Сталин, потом Хрущёв и Брежнев с советниками в течение десятилетий вмешивались во внутренние дела Монголии. Недобрым словом монголы могут помянуть и КГБ. В результате участия в репрессиях против монголов пострадали 37 тыс. человек (всё население в 30-е, 40-е годы составляло 500 тыс. чел). Отрицательную роль играла русская жена Ю. Цеденбала – А. Филатова, которая вмешивалась во все государственные дела.

А впрочем, даже если не будет СССР, русских всегда будут винить во всех смертных грехах. Говорят же, государства могут распадаться, а территория остаётся всегда.

29.08.91г.

24 августа Президент РСФСР подписал Указы о признании государственной независимости Латвийской и Эстонской республик. 25 августа Президент Кыргызстана А. Акаев написал заявление о выходе из компартии, а весь состав бюро и секретариата ЦК компартии республики отправлен в отставку. То же происходило в Ереване, Тбилиси, в Крыму.

Президент Узбекистана Каримов принял Указ о департизации и переходе местных КГБ и МВД под юрисдикцию республики, а также поручил Президиуму подготовить предложения по полному обеспечению независимости Узбекистана. Правда, ещё неделю назад настроения власти были кардинально противоположными. Тогда руководство Узбекистана полностью поддержало путчистов. А вот в Таджикистане демплатформа призвала в первый же день переворота осудить действие ГКЧП, хотя руководство Таджикистана, как и в Узбекистане, три дня хранило молчание, и республиканские газеты непрерывно печатали постановления путчистов, хотя 23-го числа вышли с заголовками: «Перестройка и демократия победили!»

На территории Белоруссии приостановлены деятельность компартии и комсомола, объявлен суверенитет Белорусской ССР.

30.08.91г.

Действительно ли СССР находится в периоде полураспада? Сохранится ли Союз социалистических республик?

Путч показал, что концентрация власти в центре опасна для самих республик. И республики сейчас принимают меры самозащиты.

У нас на глазах рождаются новые государства. Ельцин подписал соглашение об установлении дипломатических отношений между РСФСР и Эстонией и Латвией. Провозглашена независимость Украины, и Сессией ВС УССР образовано самостоятельное украинское государство.

Президиум ВС Узбекистана тоже готовит проект закона о государственной независимости республики. Провозгласила свою независимость от Союза Молдова, а Приднестровье от Молдовы.

28.10.91г.

На Украину смотрят с опаской. Вместе с суверенитетом она оставляет за собой 176 пунктов размещения стратегических ракет и намерена на равных участвовать в реализации договора о сокращении вооружений, подписанного СССР и США. А заявление Украины о создании 400-тысячной армии и Национальной гвардии вызвало и в Старом и в Новом Свете отрицательную реакцию. Запад хочет вести переговоры с одним партнёром, а не с несколькими. Кстати, парламент Украины всё же проголосовал за централизованный контроль Союза над ядерным оружием, хотя оговорил право «вето» на его использование.

Кстати же, Кабинет министров и комиссия ВС Украины решили закрыть Чернобыльскую АЭС. Аварийных ситуаций на Чернобыльской станции хватало и раньше, но недавний пожар в машинном зале второго блока стал последней каплей, переполнившей чашу терпения. Тех миллионов, которые нужны были на программу вывода станции, не нашлось ни у Рыжкова, ни у Павлова. А сейчас центра уже не существует, республики – самостоятельны, а Чернобыль из национальной трагедии превратился в трагедию украинскую.

03.12.91г.

Президентом Украины избрали Кравчука. И с чем теперь остался Союз?

Горбачёв хорошо понимал, когда сказал, что если Украина станет независимой, то будет катастрофа, и он примет все меры, чтобы не допустить этого. Это понимает и Ельцин, потому что не мыслит Союза без Украины и в таком случае также не подпишет Союзный договор.

В Казахстане теперь тоже президент, и в Приднестровско-молдавской республике – президент.

А в это время Шеварнадзе пообещал: «Нынешней зимой резко ухудшится положение с продовольствием и топливом. Августовский путч покажется детской игрой».

06.12.91г.

Я опять о ценах. Которые растут. В Орле мясо на рынке стоит 40-45 рублей за 1 кг, сало – 30-35 рублей. И это ещё хорошо, потому что в Санкт-Петербурге стоимость мяса дошла до 100-150 рублей. А в Челябинске, говорят, говядина пока стоит 19 рублей, свинина – 17 и есть даже косуля по 14 рублей за кило. Зато в Москве за яйцами «тысячные» очереди.

Я говорил, что цены почти свободные. И это так, потому что все мы с некоторым страхом ждём, когда официально будет объявлено о свободных ценах. С этим днём «Х» нет ясности, т.к. Украина и Белоруссия потребовали отсрочки, опасаясь утечки товаров в Россию, как зону высоких цен. И ещё есть некоторая неясность с налогами. А пока ходят слухи, что товар всюду припрятывается.

09.12.91г.

Только что шли дебаты вокруг объявившей независимость Украины и сожаление по поводу развала «славянской оси» Москва – Киев – Минск, как каркаса будущего Союза Суверенных Государств (ССГ), как всё закончилось неожиданно быстро созданием Союза Независимых Государств (СНГ) с центром в Минске.

Вчера в Белоруссии в Беловежской пуще высшими руководителями России, Белоруссии и Украины были подписаны соглашения о роспуске СССР как субъекта международного права и образовании Содружества Независимых Государств (СНГ).

Может быть, это и вариант, потому что Украина – это четверть всего валового продукта бывшего СССР. Белоруссия тоже не лыком шита. А если к этой троице

присоединится Назарбаев – вот и новый Союз, к которому захотят присоединиться многие. Тогда уже не скажешь, что это осколки старого СССР. Это может стать прочным договором на совершенно новых отношениях. (Я пишу об этом буднично, но так воспринимали отделение союзных государств все или, по крайней мере, многие. И никто не мог предположить, как скоро аукнется развал СССР. Разорвётся единая цепь экономически связанных республик. Политические амбиции ново-явленных президентов ввергнут многие из бывших республик в пучину нищеты. Мыслили, что новая связь на экономической основе, создаст ещё более сильное государство. Вот поэтому так легко и пошли на развал единого государства. Но, как говорится, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги...». Эйфория лёгкой победы над коммунистами сослужила в дальнейшем плохую службу демократам.)

Как это было.

Соглашениям, которые вошли в историю как «Беловежские», предшествовал процесс ослабления центральной власти в СССР, особенно усилившийся в 1991. После попытки ГКЧП в августе 1991 реальная власть перешла в руки республиканских правящих элит, и президент СССР М.С. Горбачёв пытался договориться с ними о сохранении единого государства.

В ряде республик, в том числе в Украине, резко усилились сепаратистские настроения, поддерживавшиеся систематической агитацией СМИ и высших руководителей республики. Если 17 марта 1991 года на Всесоюзном референдуме большинство граждан Украины высказалось за сохранение СССР, то 1 декабря в Украине прошли выборы президента и референдум о независимости, при котором за независимость Украины высказалось 90,32% участников голосования. Президентом был избран Л.Д. Кравчук (61,59% избирателей). В этот же день на выборах свои полномочия подтвердили президенты Казахстана Н.А. Назарбаев и Молдовы – М. Снегур.

5 декабря Кравчук объявил, что Украина денонсирует договор 1922 о создании СССР.

Чтобы обсудить сложившееся положение, С.С. Шушкевич, недавно избранный председателем Верховного совета Белоруссии, пригласил Ельцина и Кравчука на правительственную дачу в Беловежскую пущу. В начале встречи Ельцин передал Кравчуку предложение Горбачёва: Украина может внести любые изменения в договор о создании единого государства, но всё же подписать его. Ельцин заявил, что подпишет договор только после Кравчука. Кравчук отказался сделать это.

Судьба СССР была решена.

8 декабря 1991 года в Виску лях под Брестом (Беларусь) президент РСФСР Борис Ельцин, президент Украины Леонид Кравчук и председатель Верховного совета Республики Беларусь Станислав Шушкевич подписали Соглашение о распаде СССР и о создании Содружества Независимых Государств (СНГ).

«Оказывается, всё можно решать оперативно, если на дороге нет «бревна», которое называется центр», – сказал Кравчук. Горбачёв и Назарбаев узнали о происшедшем позднее.

8 декабря Горбачёв предложил созвать Съезд народных депутатов СССР для обсуждения вопроса об образовании СНГ. «Судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трёх республик, – заявил президент СССР». Но за Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем стояли влиятельные силы как в самих трёх республиках, так и за их пределами. 10 декабря Верховные Советы Украины и Белоруссии ратифицировали соглашение о создании СНГ и денонсировали договор 1922 года о создании СССР. 12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицировал Соглашение о содружестве независимых государств и денонсировал договор 1922 года, а также постановление о выходе РСФСР из состава

СССР. За это решение голосовало не только большинство сторонников Ельцина, но и коммунисты, стремившиеся таким образом устранить реформаторское союзное руководство и лично Горбачёва от власти.

13 декабря в городе Ашхабаде (Туркмения) состоялась встреча президентов пяти центральноазиатских государств, входивших в состав СССР: Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Её итогом стало Заявление, в котором страны выразили согласие войти в организацию СНГ при условии обеспечения равноправного участия субъектов бывшего Союза и признания всех государств СНГ в качестве учредителей. Из республик бывшего СССР в СНГ не вошли Латвия, Литва, Эстония.

После присоединения к СНГ большинства республик СССР Горбачёв 25 декабря вынужден был прекратить свои полномочия как президент СССР.

Советский Союз перестал существовать...

04.01.92г.

Теперь можно твёрдо сказать, что так и получилось: к новому содружеству присоединилось десять бывших республик. В Минске подписаны все документы, представленные на рассмотрение СНГ. Ельцин сказал, что стратегические вооружённые силы будут находиться под единым командованием, подчинённым Совету глав государств СНГ, а обычные будут самостоятельны для Украины и Молдовы.

Горбачёв ушёл в отставку и покинул кремлёвский кабинет, который занял Ельцин.

16.01.92г.

Свергнутый Президент Республики Грузия Звиад Гамсахурдиа вместе с семьёй покинул Дом правительства и в сопровождении 60 телохранителей прибыл в Гянджу (Азербайджан). С собой он прихватил 700 млн. рублей.

А у нас идёт спор с Украиной о том, кому должен принадлежать Черноморский флот. Самое интересное, что недавно в Минске, на последней встрече, членами Содружества, в том числе и Украиной, подписано соглашение о том, что Военно-морской флот неделим со всеми структурами – Тихоокеанским, Балтийским, Черноморским, Северным флотами – и входит в состав стратегических сил. Однако, вопреки договорённости, Украина стала претендовать на корабли и подводные лодки и требует от моряков принятия присяги на верность Украине. Большинство офицеров и адмиралов выступили против такого решения. Кстати, на флоте служат моряки 44 национальностей, а базируется Черноморский флот на территории пяти независимых государств: России, Молдовы, Азербайджана, Украины и Грузии. Адмирал Касатонов считает, что этот флот должен защищать интересы всех СНГ. «Я в жизни присягу давал один раз и впредь буду подчиняться только министру обороны Шапошникову и главкому, и тем, кто меня назначал», – сказал Касатонов в интервью. 1084 военнослужащих отказались принимать присягу на верность Украине. Большинство из них – граждане других республик и желают продолжать службу в своих краях.

Вопреки увещаниям маршала Шапошникова, лидеры стран содружества согласились с неотъемлемым правом каждого государства иметь свои Вооружённые Силы.

О единой армии говорила одна Россия. Об объединённых силах – Россия, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и Армения. Остальные заняли украинскую позицию – каждому по армии.

Правы ли Кравчук и его союзники в вопросе об армии?

Но вот Буш, например, говорит о том, что многочисленные и разнообразные угрозы стабильности снова и снова будут убеждать американцев, что только мощь

ные вооружённые силы являются для них источником уверенности и прочным залогом безопасности как в реальности, так и в глобальном масштабе.

18.01.91г.

Александр Руцкой сказал: «На мой взгляд, страна (Украина) находится не просто в состоянии кризиса, а в состоянии политического и социально-экономического тупика. Это результат как деятельности правительств «социалистического прошлого», так и неумелых экспериментов правительства «демократического настоящего».

Л. Кравчук возмутился: «Не учите Украину жить». Он выступил по ТВ, обвинил Россию в том, что, имея монополию на печатание рублей, она не даёт Украине недостающие 17 млрд. рублей, поэтому они вынуждены ввести купоны. Через несколько месяцев будет введена украинская денежная единица – гривна. А пока украинцы, не имея возможности отовариться за рубли у себя, едут в Россию. Как факт: жители Белгорода опоздали 16 января на работу из-за массового нашествия в город «гостей» из Харькова. Все продукты, продававшиеся на рынке в Белгороде, резко поднялись в цене.

19.01.92г.

Кажется, в Грузии всё идёт к гражданской войне. Гамсахурдия прорвался на родину. Его штаб находится в Зугдиди, т.е. в Западной Грузии, где у президента самый большой процент сторонников. Гамсахурдия отдал приказ о тотальной мобилизации. Его никто не лишил звания и полномочий. Двухнедельная стычка на проспекте Руставели перекинулась на всю Грузию. Война Запад-Восток стала реальностью.

Силы госбезопасности Турции приведены в состояние повышенной боеготовности на всей 108-километровой границе с Грузией.

20.01 92 г.

Политическая неустойчивость коснулась и армии. Разброс мнений о будущем армии довольно велик: от «армия должна быть единой» до «надо подумать». Как и в случае с Черноморском флотом многие считают: «Где квартира и семья – там и родина».

Высокие понятия: Родина, Честь, Совесть – сегодня не греют. Офицер батареи Н. Лебедев: «Родился в Белоруссии, учился в Украине, служу в России. Из армии уходить не собираюсь, это всё равно, что заново жизнь начинать. Но если позовут в Белорусскую армию, дадут квартиру и оклад – уйду».

В общем, сколько людей – столько и мнений. С этой точки зрения характерны статьи двух обозревателей газеты «Комсомольская правда».

Ю. Сорокин: «...меня слегка пугает популярность (адмирала Касатонова), располагающая не только симпатиями населения, но и доброй тысячей артиллерийских стволов... И хотя из как бы осаждённого Севастополя до нас доносится весть, что флот ещё не сдаётся... вспоминается скорее Гоголь с его Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем».

«Называют преступлением насильственное приведение русских или, скажем, узбеков к присяге на верность Украине. Однако фактов насилия нет. Да и... вряд ли возможно с помощью силы поставить на колени огромную вооружённую армию, в которой 75 тысяч русских офицеров и большая половина солдат – не украинцы».

«Руководителей Украины обвиняют в нарушении алма-атинских и минских соглашений... Но... конкретных соглашений в строгом смысле нет, а имеющиеся не устранили ни одного разногласия. Чувство локтя исчезло у президентов вместе с комплексом противостояния Горбачёву».

«Говорят, что по исторической справедливости флот должен отойти России. Но... не только русские проливали кровь в Севастополе и не только прогулочные катера строили на украинских стапелях. А главное, перед историей у России есть и другая обязанность: как минимум выжить. Гигантская армия и 4 флота, наследуемые Россией от бывшего СССР – это весьма сомнительная военная мощь и вполне очевидная экономическая немоощь... Негде жить миллионам военнослужащих, их жёнам и детям. Тысячи и десятки тысяч живут оккупантами на чужой земле и ждут возвращения на Родину, у которой нет для них ни крыши, ни работы, ни средств на их содержание».

«России надо решать, что ей дороже: статус великой морской державы или нормальная и как минимум сытая жизнь их граждан».

«Мне... удивительна ухватистость украинских политиков, для которых на этом флоте свет клином сошёлся... Но мы-то что, соскучились без драки?»

А. Крайний: «Когда Президент Кравчук подписывает соглашение об объединённых стратегических силах, где чёрным по белому записано: ПВО, ВВС, флот и т.д., а на следующий же день требует отдать Украине Черноморский флот... что-то мешает наблюдателю поверить в демократизм лидеров суверенных государств. Собственно, армия сейчас немного просит. Подождать, не торопиться... Все мы родом из пионерского детства. Советскому человеку надо сейчас и сегодня, он по своей природе нетерпелив и недоверчив».

«Суверенная республика имеет право на свою армию... Нетерпение руководства Украины, не желающего проходить через промежуточный этап объединения вооружённых сил, подстёгивает и других членов СНГ... Ясно, что единую армию можно сохранить лишь в том случае, если республики договорятся быть вместе. Но этого не произойдёт: Украина благосклонно внимала усилиям Ельцина не для того, чтобы сегодня с кем-то договориться... Время же, на мой взгляд, необходимо для того, чтобы определить «военную долю» каждого члена СНГ».

«Может, справедливо вспомнить и о том, что Севастополь – всё же русский город? И то, что его население голосовало за независимость Украины несколько месяцев назад, немного доказывает, ведь в марте то же население голосовало за обновлённый Союз».

Может, уместно напомнить, что царский подарок Хрущёва в 1954 году, когда он передал Крым Украине в честь трёхсотлетия воссоединения братских народов, юридически неправилен? В то, уже далёкое время, Никита Сергеевич был первым секретарём ЦК КПСС и даже по «гибким» тогдашним законам не имел права произвольно менять границы, пусть и внутренние.

Продолжая эту линию, здесь, в Москве, логически приходишь к идее аншлюса Крыма, и также логически, сидя в Киеве, приходишь к мысли о защите «неньки-Украины». Следовательно, этот путь тупиковый»

«Я согласен: гигантская армия и четыре флота – груз даже для России неподъёмный. Но если при этом помнить, что армия и флот не только и не столько железо, но и люди, которых сегодня нельзя ставить перед выбором: или эту присягу принимать или ту, потому что это расколёт войска на два лагеря, то позиция адмирала Игоря Касатонова становится понятной».

22.01.92г.

Философ Ципко о России, русских и СНГ: «Неужели не было ясно, что распад СССР подтолкнёт к распаду РСФСР, что в условиях тотального распада и смуты начнется беспредел иррационального».

«Наверно, и Россия, и русские погибли ещё в 1917-м, вернее, во время гражданской войны. Последними русскими были добровольцы Деникина и Врангеля. Нет

ни одного народа в Европе, кроме жителей РСФСР, которые бы так ненавидели своё государство, которое бы так боролось со всем, что связано с ним... Возможно, это умопомрачение связано с ненавистью к коммунистам, которые оседлали в своих целях и центр, которые от имени государства семьдесят лет мучили людей. Большевики отшибли у людей историческую память»

«Борис Ельцин не только принудил к государственной самостоятельности народы Средней Азии и Казахстана, которые были активными сторонниками сохранения старого моногосударства, и Белоруссию, население которой до недавнего времени не мыслило себе самостоятельного существования вне России. Ельцин спешил денонсировать... Горбачёва. Ельцин мог убрать Горбачёва, только денонсировав союзный договор 1922 года. Короче, из-за конфликта двоих понадобилась свободная Белоруссия, имеющая право заявить о роспуске Союза. Ельцин, в результате, получил кабинет на Старой площади; Кравчуку, в обмен, достался Крым».

«СНГ – это поражение России. Не соединили, а доразрушили на более мелкие куски».

«Большевики заманили российского мужика в зияющий котлован коммунизма куском земли. Российские демократы заманили нынешнего обывателя правом самолично распоряжаться сибирской нефтью и газом, не делясь ни с украинцем, ни с белорусом или таджиком. Не думаю, что от этого лукавства россиянам что-то прибавится».

Александр Афанасьев, журналист:

«Завоёванные» народы (имеются ввиду бывшие республики) не потому приняли подданство, что испугались и покорились, а потому, что большая культура вводила их сразу в большой мир. Посмотрите, и до сих пор «отделившиеся» прибалты предпочитают петь по-русски на сценах России, я не говорю о Кантемире и Гоголе, о нынешних Айтматове, Друцэ и др.... И пеняя сегодня на Россию, надо хотя бы быть благодарным, что и пенять-то на неё приходится на её языке».

И об армии, которая тоже разваливается на глазах. Ельцин подчеркнул, что «принцип простого, элементарного раздела единого армейского организма неприемлем».

Главы государств СНГ подтвердили, что Военно-морской флот входит в состав объединённого командования. Вопрос Черноморского флота будет решаться отдельным соглашением между Россией и Украиной, и Россией и Азербайджаном.

23.01.92г. (политико-философское отступление)

Об экспансии и мессионизме.

Если мы говорим о внешней политике, нельзя легкомысленно пользоваться ярлыками и не к месту приклеивать сюда слово «коммунистическая».

Внешняя политика любой сверхдержавы – это экспансия и мессионизм. Так что внешнюю политику Советского Союза до перестройки нельзя назвать коммунистической. Это был естественный внешнеполитический курс сверхдержавы. Экспансионизм – нормальное проявление мощи развитого сильного государства. Франция, например, по-прежнему держит в сфере влияния свои бывшие африканские колонии, и это никого не смущает. Научно-техническое присутствие Японии бросается в глаза чуть не в каждой стране.

И сейчас нам говорят: хорошо, что вы отказались от коммунизма, но зачем же вы отказываетесь от своего политического и экономического влияния? Вы ведь вложили ради этого огромные средства и вправе ждать прибыли.

В результате Октябрьского переворота наш мессионизм никуда не исчез, а наоборот, только окрасился в красные тона.

Официально в Советской России было 19 млн. коммунистов, но коммунистических убеждений не было, и Запад удивлялся, когда узнавал, что вчерашние идео-

логи КПСС и ВЛКСМ становятся лидерами антикоммунистических сил. Политологи же удивлялись: «Где же ваши коммунистические идеалы?» Но дело в том, что партия давно срослась с государством. 19 миллионов это были обыкновенные, хотя и замороженные люди, платившие, как налог, взносы. Ненавидимые западом комиссары являлись государственными служащими. И только представители вышестоящего эшелона власти были политиками (но не убеждёнными большевиками).

В некоторых странах Советская власть действительно перебарщивала с коммунистической риторикой, что являлось политической ошибкой, но политика была та же, что и у США. Однако хотя США выступают всемирным полицейским, посылая войска на умирение недовольных, никто не усматривает в этом порочность системы.

Америку пугает не коммунистический Советский Союз, а государство Россия, и Америка не заинтересована в том, чтобы Россия оставалась сильной.

Так что если нам дают кредиты в несколько миллиардов на закупку американского зерна – эта помощь не столько нам, сколько американским фермерам, которые разорятся, если мы не купим их зерно.

Насколько это верно, – вопрос, требующий осмысления.

Украина или Окраина означает собой пограничную страну. В России так называли и другие окраинные территории своей империи: польские губернии, Закавказье, Среднеазиатские земли. К. Валишевский пишет, что через эти окраинные территории в Европу проникал азиатский мир, и здесь сталкивались цивилизация и варварство. Развивая эту мысль, историк говорит, что эти два течения, появляясь с одного и другого континента, встречались и сталкивались с ужасной силой. Известны слова польского поэта Адама Мицкевича: «На этой ниве, вспаханной лошадиными копытами, унавоженной человеческими трупами, усеянной белыми костями, орошённой горячим дождём крови, выросла жатва печали».

Являясь пограничной страной, Украина часто меняла и границы, и подданство. До приглашения варяжских князей в Киев у неё не было других известных властителей. Позже, во второй половине IX века, Киевское и Новгородское княжества объединились и положили начало Древнерусскому государству со столицей в Киеве (Киевская Русь), во второй половине XII века Киев потерял значение столицы Руси, а во второй половине XIV века при литовском князе Ольгерде Киевское княжество отошло к Литве. В XVI веке Украина пополнила собой владения Польши. Обширными территориями в Украине владели польские фамилии Бучацкие, Ясловецкие, Сенявские и др. В 1654 году было провозглашено так называемое воссоединение Украины с Россией, положившее начало освобождению от польской зависимости и имевшее большое значение для укрепления Русского государства.

Киев не может отречься от своего исторического русского прошлого, связанного с блестящими именами Владимира, Игоря, Ольги. Польская же оккупация не принесла сколько-нибудь значительного в культуру и быт украинцев. Так что возвращение русских в свой древний очаг могло рассматриваться в XVII веке как законное возвращение своей потери.

После разгрома Польши, по мирному договору, подписанному в Вильне в октябре 1656 года, русский царь Алексей получил и право наследования престола Польши.

26.01.92г.

Украина своих позиций не меняет и идёт к своему суверенитету на всех парах. Её уже ничто не удержит, а без Украины и готовой последовать за ней Белорус-

сией – что ж это за СНГ? Скорее это евроазиатский союз, в котором европейской части меньше, чем азиатской.

Россия взяла под свою юрисдикцию войска в Прибалтике, Закавказье и за границами бывшего Союза. Таким образом, самая большая республика получила в наследство от СССР почти всю армию. Многие считают, что процесс политизации в армии пойдёт в дальнейшем ещё быстрее, т.е. формируется новая политическая сила.

Характерна по мысли фраза маршала Шапошникова, брошенная в зал офицерского собрания, когда он демонстративно покинул зал на выкрик о его отставке: «Почему, когда на вас матом орут, вы каблуками щёлкаете, а когда по-человечески говорят, вы хамите?..»

05.02.92г.

Важным событием стала поездка Бориса Ельцина в США. В своей речи перед членами Совета Безопасности ООН Президент России предложил создать глобальную систему совместной с США защиты от возможного ядерного удара со стороны третьих государств, уже сейчас способных производить атомное оружие. Вместе со Штатами, используя разработки в области СОИ, мы могли бы контролировать ядерные приготовления третьих государств. Ельцин также предложил прекратить постоянное дежурство стратегических ядерных подводных лодок США и России. В общем, от «холодной войны» – до союзников.

Всё это заманчиво, но есть контрдоводы: Буш обещает сократить вооружения, что сэкономит американскому народу 50 млрд. долларов, т.к. у Буша выборы на носу. Нам же сокращения ядерных вооружений принесут одни убытки. К тому же мы разоружаемся перед потенциальным противником.

На это маршал Шапошников ответил, что мы и США больше не противники, мы союзники, а потенциальных противников у нас попросту нет. Тем более, что сокращения будут разумными и двухсторонними.

05.02.92г.

Армяне и азербайджанцы с ненавистью истребляют друг друга. Льётся кровь. Жестоко, бессмысленно! Радиостанция Нагорного Карабаха передаёт позывные «SOS» Совету Безопасности ООН.

18.02.92г.

По-прежнему остро стоит вопрос войны и армии. В Минске этим занимались все два дня встречи глав СНГ. Украина, Азербайджан и Молдова потребовали создания собственных вооружённых сил, восемь остальных государств решили создать объединённые вооружённые силы с общим командованием. Было сделано заявление, под которым подписались все, о том, что все спорные вопросы должны решаться путём переговоров. Это сразу отодвинуло угрозу межгосударственной войны. Жизнь заставила подчиниться логике, и президенты вынуждены были подписать ряд соглашений, чтобы избежать экономической и военной катастрофы, например, «о едином железнодорожном пространстве», об энергии и др.

Кравчук решительно потребовал замены маршала Шапошникова. Это предложение поддержано не было, но одна из причин – перелёт шестёрки бомбардировщиков СУ-24М из Староконстантинова в Чкаловск – могла подорвать веру руководителей в способность управлять ВС. Кравчук категорически потребовал вернуть пилотов и самолёты и наказать лётчиков.

03.03.92г.

Люди убивают друг друга. Льётся кровь. И никто не может остановиться. Теперь траур по Ходжалы. Армяне захватили 300 заложников. Были перехвачены мирные жители, пытавшиеся вырваться из Ходжалы и по дороге в Агдам частично перебиты, а их было около 1000 человек. Вдоль 120-километрового участка армяно-азербайджанской границы со стороны Армении сосредотачиваются группировки армянских формирований, снабжённых бронетехникой.

Связи между республиками не только рушатся, но и приобретают на почве национализма откровенно враждебную форму.

Из Кыргызстана в Россию прилетели двенадцать учебных самолётов Л-39. Реакция была бурной. Все военные аэродромы на территории Кыргызстана были окружены вооружёнными спецназовцами. Маршал Шапошников обещал вернуть самолёты и блокада снялась. Инцидент с самолётами усложнил отношения военных с правительством республики. Но Россия, в данном случае, не причём. Наших, русских, в бывших республиках много, и чувствуют они себя там сейчас чужими...

Вчера 900 стрельцов из Львовской области, одетых в военную форму, направились в Севастополь. 337 человек пропустили. Прибыв в город, они как на параде прошли по городу, а по пути устроили митинг, потребовав отставки командования Черноморским флотом. Потом пригрозили всем, что они «ещё вернутся и покажут!», сели в катера, сорвали красные флаги и повесили жёлто-голубые. Жители города потребовали отставки мэра Николая Ермакова, допустившего несогласованное прибытие непрошенных гостей.

У нас говорят: «Если Севастополь – это Украина, то нужно поздравить Кравчука с историческим приобретением. Так и Москву можно сделать украинской».

10.03.92г. (экскурс в историю)

Что такое гражданская война видно из двух приказов, которые я помещаю ниже. В гражданской войне не бывает правых и виноватых. И нет победителей. И виноваты не белые и красные – это один, русский народ. Гражданская война – это трагедия миллионов людей, это вынужденная эмиграция и жизнь на чужбине тех, кто тоже беззаветно любил свою Родину. Это я к тому, что сейчас опять то здесь, то там звучат слова «революция». А за революцией, как правило, и следует гражданская война.

«ПРИКАЗ Полномочной комиссии ВЦИК от 11.06.1921г.

1. Граждан, отказывающихся назвать своё имя, расстреливать на месте, без суда.
2. Селянам, у которых скрывается оружие, объявлять приговор о взятии заложников и расстреливать таковых.

3. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество её конфискуется, старший в этой семье расстреливается на месте без суда.

4. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

5. В случае бегства семьи бандита имущество такового распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать.

ПРИКАЗ

Генерала Майковского от 30.09.1919 г.

1. В каждой деревне района восстания подробно обыскивать захваченных с оружием в руках, как врагов, как врагов расстреливать на месте.
2. Арестовывать по показанию местных жителей всех агитаторов, членов Совдепов, помогавших восстанию... предавать военно-полевому суду.

3. Ненадёжный и порочный элемент высылать в Берёзовский и Нерчинский край, передавая их милиции.

4. Местных властей, не оказавших должного сопротивления бандитам, исполняющих их распоряжения и не принявших всех мер к ликвидации красных своими средствами, предавать военно-полевому суду, указание увеличивать до смертной казни включительно.

5. Восставшие вновь деревни ликвидировать с удвоенной строгостью, вплоть до уничтожения всей деревни»...

Да что говорить, если известны слова Ленина: «посадить в тюрьму десятков богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы» и «расстрелять на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве». Или: «Пока мы не применим террора – расстрел на месте к спекулянтам, ничего не выйдет».

Красное колесо террора катилось по России. Председатель Петроградской ЧК распорядился расстрелять 1300 человек, заключённых в петроградских тюрьмах. Не существовало ни одной губернской или уездной ЧК, которая бы не приняла решение о расстрелах. Расстреливали где придётся: у тюремной стенки, в подвалах; и кого попало: монархов, республиканцев, зажиточных крестьян, офицеров, священников и т.д.

В конце 1918 года в одном уезде Тульской губернии расстреляно 150 крестьян, в уезде Калужской губернии – 170 крестьян, в уезде Смоленской губернии – 600 крестьян и т.д. до бесконечности.

А белые? Да то же самое.

Но мы так и не извлекли уроки из нашей «революции» 1917 года – снова звучат всё чаще, к месту и не к месту, слова «гражданская война».

Кстати, если говорить о жестокостях уже мирной власти, то надо вспомнить, что враги царской России, т.е. революционеры, высылались в Туруханский край или в Красноярский край под надзор полиции с хорошим содержанием. Революционеры там отдыхали, читали, охотились и успешно бежали, когда ссылка надоела. Как содержались враги Советской власти, а врагом становился любой, на кого падала даже тень подозрения в нелояльности к ней, мы все хорошо знаем.

12.03.92г.

Теперь выходить из Российской федерации собираются татары. 21 марта объявлен референдум. Студенты вузов Казани протестуют против решения ВС республики, лишивших их права участия в референдуме. Лишены этого права все, кто имеет временную прописку или не имеют её вообще. А что дальше? Деление жителей на граждан первого и второго сорта? Тогда нужен закон, лишаящий их российского гражданства, а следом закон о языках с запретом на профессии для не владеющих татарским языком. А это уже неприкрытый национализм...

Теперь очень самостоятельные Украина и Белоруссия под давлением обстоятельств готовы продать всё, что угодно. За четыре дня пребывания там представителей французской военной промышленности им были предложены: авианосец за 10 млн. долларов, кораблестроительные верфи и даже космические ракеты.

25.04.92г.

Рабочее совещание президентов государств Средней Азии и Казахстана в Бишкеке показало, что каждая из бывших советских республик идёт к рынку разными путями: Казахстан и Кыргызтан вместе с Россией; Узбекистан и Туркменистан идут своей дорогой. Ясно вырисовывается стремление к объединению на базе тюркско-азиатской общности. Взгляды обращены на Иран, Турцию. Российская дипломатия может «проспать» Азию, которая, изменив ориентацию, обойдётся без России.

28.04.92г.

Вероятный кандидат на пост президента Азербайджана Алиев заявил, что новое руководство откроет границу с Турцией и Ираном, и что никто не будет чинить препятствие армянам, которые пожелают жить на азербайджанской земле.

30.04.92г.

Никак не решится вопрос с Черноморским флотом. Маршал Шапошников заявил на съезде, что армия заставит себя уважать и больше не потерпит несерьёзного к ней отношения.

Он сообщил, что в ответ на решение Украины (Указ Кравчука «О мерах по строительству ВС Украины», где пункт 2-й гласит: «Сформировать ВМС Украины на базе сил Черноморского флота, дислоцированных на территории Украины») подготовлен Указ Президента РФ «О переходе под юриспруденцию России Черноморского флота».

То есть, получаются два взаимоисключающих указа.

Адмирал флота В.А. Касатонов подчеркнул, что, как человек военный, он обязан выполнять приказ, но отнюдь не Президента Украины, а своих непосредственных руководителей – Шапошникова и Чернавина. А крымчанам становится симпатичным мнение: объявить Крым демилитаризованной зоной, несовместимой с пребыванием там военного флота.

В конце концов договорились: оба указа отменены, а вопрос о Черноморском флоте будут решать путём переговоров двух сторон.

Кстати сказать, съезд проходит на фоне российского флага.

Статую Ленина со сцены убрали.

20.05.92г.

Вопрос о Крыме – камень преткновения между Россией и Украиной. На встрече с офицерами НАТО Кравчук сказал, что рассмотрение парламентом России правозаконности акта о присоединении Крыма к Украине в 1953 году – это прямые территориальные притязания к республике, ведущие к обострению отношений двух стран.

Никита Сергеевич любил делать подарки. Дарил самолёты, дарил земли. И Крым подарил Украине, только-только став Первым секретарём ЦК КПСС. А план включения полуострова в состав Украины зрел ещё в конце сороковых годов, после войны, но Сталин в своё время отнесся к предложению Хрущёва без интереса.

Ярыми сторонниками, да и инициаторами предложения о передаче были Подгорный и Кириченко – сами украинцы. Хрущёв не прочь был потрафить родным украинцам. Сценарий заседания Президиума ВС СССР, где должны было утвердить передачу полуострова, разрабатывал Суслов. И всё же, скорее всего, первоначальный толчок был у Хрущёва хозяйственный. После выселения из Крыма татар и немцев в Крым отправили переселенцев из Курска, Новгорода и др. Заселялись в полуподвальные дома, не зная местной природы, не умея хозяйствовать. На плато царило запустение, и Хрущёв, увидев всё это, пришёл в ужас. Хрущёв имел в виду то, что украинцы возьмут Крым в свои руки и научат переселенцев выращивать кукурузу, персики, груши.

Сейчас комитет по международным делам при поддержке фракции «Россия» настаивает на том, чтобы признать этот акт неконституционным и подлежащем отмене. Сторонники отмены не заявляют об этом открыто, но желание вернуть Крым – очевидно.

22.05.92г.

Турки очень недовольны армянами. Депутаты парламента потребовали на заседании Великого национального собрания скорейшего вмешательства страны в события Нахичевани. Кто-то обвинил правительство Турции в трусости и потребовал военного вторжения. «Если Армения захватит какую-то часть нахичеваньской территории, – сказал бывший турецкий премьер-министр Эджевит, – следом появится вопрос о турецких землях. Армяне потребуют Карс и Ван».

29.08.92г. (экскурс в историю)

А. Солженицын пишет: «В 60-х годах XIX века помещики и администрация Таврической губернии ходатайствовали о полном выселении крымских татар в Турцию. Александр II отказал.

Выселил татар из Крыма Сталин. Так же как он выслал немцев из Поволжья, чеченов, ингушей, карачаевцев, балкар, калмыков, курдов, кавказских греков».

08.01.93г.

После замены Гайдара на Черномырдина борьба исполнительной и законодательной властей в России вступила в стадию перегруппировки сил.

Замена «ельцинского» Юрия Петрова на зампреда ВС РФ Сергея Филатова достаточно красноречива. Ведь старый аппаратчик Петров постоянно подвергался нападкам со стороны демократического окружения президента. Это говорит о том, что Ельцин не смирился с итогами съезда и готовится к решительному бою весной. По-прежнему Андрей Козырев – один из оплотов демократического лагеря.

Заметное событие – встреча глав постсоветской Азии в Ташкенте, где возник союз пяти центрально-азиатских республик. На фоне категорических заявлений Киева об отказе от СНГ ташкентская встреча может рассматриваться и как средство давления на Россию с целью подтолкнуть её к установлению более тесных связей с Азиатскими государствами бывшего СССР.

Если встреча трёх славянских государств 19-20 января не принесёт желаемых результатов, то очевидно это будет последней встречей глав СНГ. А это может быть заменено содружеством России с Центральной Азией плюс, может быть, Беларусь.

20.04.94г.

Два конфликта, которые сейчас на слуху.

Старый, теперь уже старый, но до сих пор приковывающий внимание мировой общественности, Югославский, и новый, Российско-Украинский по Крыму и разделу Черноморского флота.

Мы симпатизируем сербам, но те, похоже, зарвались в борьбе с мусульманами и стали бомбить мирное население. ООН же ничего умнее не придумал как под руководством США нанести удар по сербам, игнорируя Россию, которая настаивала на мирном урегулировании вопроса. Мирное – то мирное, но сербы не хотят признавать присутствие войск ООН.

США в очередной раз предупредили сербов о том, что если они не прекратят военные действия, то войска ООН примут более жёсткие меры.

Это едва не поссорило Ельцина с Клинтоном...

Украина хочет, чтобы ей передали половину Черноморского флота (Россия требует 85%), а так как она не в состоянии содержать эту половину, то тут же продаст России 35%).

Кто-то науськал украинских военных, и они сделали попытки арестовать два эсминца, которые направлялись в Севастополь.

Всё как-то несерьёзно.

Сейчас идут переговоры на уровне военных министров, и военный министр Украины категорически против присутствия на переговорах президента Крыма Мешкова, который занимает пророссийскую позицию.

И Мешков и Крым – бельмо на глазу у руководства Украины.

Ельцин отказывается от встречи с Кравчуком до решения вопроса по Черноморскому флоту. Учащаются провокации с нападением на охрану. Командование флотом дало приказ: стрелять по провокаторам без предупреждения и при любой попытке нападения.

02.05.94г.

К нам зашёл неожиданный гость с Востока Украины. Рассказал, что люди на грани полного отчаяния. Пенсии гражданское население получает уравнилельно тысяч по двадцать, если перевести с купонов. Военные получают побольше. Некоторым пожилым людям платят минимум – 5 тыс. рублей. И это при том, что продукты стоят столько же, сколько в России. Украинцы откровенно недовольны правительством, готовы к перевыборам президента и ориентируются на Кучму.

Националисты готовы поубивать всех «москалей», не считают украинцами Гоголя, Короленко, но чтят Бандеру. И всё же большинство хотят быть с русскими. Нельзя забывать об исторических корнях, которые связывают украинцев с русскими. Белорусы это помнят.

Нельзя отрицать того, что русские терпимы в национальном вопросе. Россия – многонациональная страна, и в ней живут разные народы, которые имеют равные с русскими права. И сколько сейчас беженцев находят приют в России: из той же Украины, из Грузии, из Армении?

Москва вообще стала Вавилоном.

02.10.95г.

Я получил письмо из Украины, из Днепропетровска от своего старого знакомого Григория Ивановича Савина, который всю жизнь проработал врачом скорой помощи, жил в Орле и оказался в Украине уже после войны. Письмо он начал с даты, обозначив её как 12 сентября 1945 года.

Дальше вы поймёте почему.

«Привет с оккупированной бандеровцами Малороссии (т.е. Восточной и Юго-Восточной Украины!).

Здравствуйте, уважаемый Валерий Георгиевич!

Продолжаю наш весенний разговор о жизни. Высылаю вам вырезки из местных газет, чтобы Вы представляли себе, под каким духовным гнётом оказался русский человек в Восточной Украине, которая сейчас скорее похожа на колонию Западной Украины (Видно, не избежать Югославского варианта).

Национал-фашисты развернули бешеную борьбу со всем русским и малоросским. Запрещают православную русскую веру. Их лозунги: «Украина для украинцев», «Москалей лишить избирательных прав», выселить, уничтожить (что они и делают в Чечне, убивая русских солдат и офицеров), «Не давать гражданства» (как в Латвии и Эстонии), «Запретить смешанные браки украинцев с русскими», «Принимать на работу и платить по национальному признаку».

В августе месяце Киевско-Львовские власти запретили нам просмотры и трансляцию русского телевидения из Москвы (ОРТ), хотя в Днепропетровске 90% говорящих и пишущих на русском языке. Только Днепропетровск, Одесса и Николаев отказались подчиняться распоряжению Киева и с 30.08.95 г. распоряжением губернатора области мы снова смотрим и слушаем Москву (как в Отечественную войну). Наш президент Кучма Л.Д. сам из Днепропетровска, но зажат в Киеве своим окру-

жением, а потому ничего не может сделать для Восточной Украины и Крыма, хотя обещаний было много.

Такой ненависти к русским и России не было даже у немцев в 1941-1943 годах в Орле. Так вот, бандеровцы хуже тех немцев, они как бешеные собаки. В буквальном смысле, я переживаю вторую оккупацию.

Коротко о ценах. Голода, конечно, на Украине нет, овощи дешёвые, продукты в магазинах есть, но промышленность умышленно, по другому не скажешь, разрушена.

Курс рубля – один рубль за 35 купонов. Моя пенсия с дотацией за квартиру – 2,7 млн. купонов, т.е. 80-85 тыс. русских рублей. Мой стаж работы – 50 лет. Зарплата врача – 10 млн. купонов, т.е. 300 тыс. русских рублей. Хлеб стоит 36 тыс. купонов за килограмм, сахар 150 тыс. купонов за килограмм, колбаса варёная и сосиски – 400-500 тыс. купонов за килограмм, литр молока – 25 тыс., сливочное масло – 500 тыс., мясо – 300 тыс. купонов, арбузы – 10-20 тыс., помидоры – 15-25 тыс. купонов».

Согласно вырезкам из газет, которые мне прислал Григорий Иванович, в украинских школах стараются всеми правдами и неправдами ввести обучение только на «украинском языке». Вот только одно сообщение: «К началу учебного года первоклашки из Б-Платовской школы № 13 (г. Антрацит Луганской области) получили «праздничный» сюрприз. Отныне обучение здесь будут вести только на «рідні мові». Но «несознательные» родители отказались приводить детей в школу. 1 сентября на собрание, где присутствовали родители всех первоклассников, был приглашён зав. горуно г. Антрацита В. Морозов... На все возмущённые требования родителей отвечал одно: «Возврата к русскому языку не будет». Потом сел в авто и укатил.

То же происходило в Ивано-Франковске, Луганске. В Ивано-Франковске, в специализированной школе № 1. Учёба в этой школе открывала лучшие перспективы для получения образования в вузах Москвы и Ленинграда и, хотя преподавание там велось на русском языке, многие украинцы пытались пристроить своих детей в эту школу. «Национально сознательное руководство органов образования, – говорится в статье одной из украинских газет, – никак не могло смириться с таким положением дел. Поэтому в 1994 году из 4 первых классов два стали украинскими. Окрылённые успехом, в нынешнем году власти решили набрать только украинские первые классы, чтобы самая престижная школа стала ещё и чисто украинской».

03.11.95г. (историческая справка)

Разница между западной и восточной Украиной существует и существует она, прежде всего, в культуре, традициях народа, его ментальности, этнических особенностях.

В восточной части Украины сосредоточены предприятия металлургического комплекса, который требовал привлечения рабочей силы. Этим было вызвано перемещение туда работников с территории Российской империи, а позже с советской территории, которые общались только на русском языке. Отсюда и смешанная культура и традиции.

Западная же Украина никогда не входила в состав России. Это была Речь Посполитая, потом Австрия и Польша – то есть страны, для которых Россия являлась вероятным или реальным противником.

В первую мировую войну русская оккупация оставила не лучшие воспоминания – депортация, аресты, концлагеря, высылка священников, арест митрополита. Затем Западная Украина была насильственно включена в Советский Союз и много лет с оружием в руках боролась против советской власти.

Кроме того, исторически сложилось так, что большинство населения западной Украины говорили и говорят на украинском языке.

К тому же население западной Украины – католики или представители униатской церкви.

Большинство школ на территории западной Украины – украинские.

Население же Восточной Украины в своём большинстве исповедует православие и является прихожанами УПЦ в составе Московской Патриархии, и значительная часть его говорит по-русски. Общим языком для этих областей является «суржик» (смесь русского и украинского языков). Большая часть школьников получает образование на русском языке.

Вот, в принципе, в чём разница между этими территориями.

Но при всей разнице Запада и Востока говорить о том, что кто-то кого-то ненавидит – просто нелепо. Народ здесь ни при чём. Для народа главное не территориальная вражда, которую больше разжигают политики как с одной, так и с другой стороны и националисты, которых хватает в любой стране, а социальный статус: высокие зарплаты, пенсии, нормальное медицинское обслуживание и т.д.

АЛЕКСАНДР ПОЛЫНКИН

КАК ОТ СТАНЦИИ МАЛОАРХАНГЕЛЬСК ДО ГОРОДА ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ ПОСТРОИТЬ ПЫТАЛИСЬ...

С тех пор, как в России появилась железная дорога, наши поэты и писатели посвятили ей огромное количество произведений самых разных жанров. Несомненно, самое известное из них – поэма Некрасова, увидевшая свет в 1864 году. К этому времени уже больше десяти лет эксплуатировалась первая в стране многокилометровая трасса Москва – Санкт-Петербург. Николаевская железная дорога (так она называлась вплоть до революции – А.П.) заметно сократила россиянам время переезда из одной столицы в другую и сильно облегчила доставку грузов по территории Российской империи. Но Некрасов обратил внимание читателя на обратную сторону достигнутых улучшений – на цену вопроса:

*«Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...».*

К сожалению, общественный прогресс, как и красота, почти всегда требует жертв, в том числе, – в виде человеческих жизней.

«Условия труда были каторжными»

Как раз в год написания Некрасовым его поэмы император Александр II приказал начать возведение Южной железной дороги (так первоначально называлась Московско-Курское направление – А.П.), которая должна была пройти по территории Орловской губернии.

Строительство дороги началось в 1865 году, и на него были брошены большие средства и людские ресурсы. Ежегодно от 20 до 35 тысяч крестьян, военных и за-

ключённых трудились, выполняя тяжелейшие ручные работы. Вот как это описали авторы книги «Этапы большого пути» А. Манжосов и Н. Фёдоров (Курск, 1991 г., стр.19):

«Условия труда на строительстве были каторжными. Тяжело было от непосильных норм, но ещё тяжелее – от самих условий жизни. Работали от зари до зари. Зимой – в лютый мороз. Летом – в палящую жару. На болотах и в топких местах – по колено в воде. Подрядчики и приказчики, укрывши львиную долю заработка строителей, кормили рабочих плохо. Хлеб, пока его подвезут из города, становился чёрствым до того, что его рубили топором. Жили строители в балаганах – передвижных палатках, и в сараях. Тысячи людей болели цингой, лихорадкой, тифом, чахоткой».

...Вводилась в эксплуатацию Московско-Курская дорога не сразу, а по частям. Участок Тула – Орёл (176,5 вёрст) был открыт для движения 15 августа 1868 года, а орловско-курский отрезок (146 вёрст) и вся дорога полностью заработали 7 сентября того же года.

Так уж сложилось, что дорога эта, пронизав всю территорию Орловской губернии с севера на юг на протяжении 140 вёрст, прошла только через два города нашего края – Мценск и сам Орёл. И если у жителей Болхова, Новосиля и Дмитровска при таком проекте шансов увидеть паровозы и вагоны в своих городах не было совсем, то вот по поводу возможного строительства железной дороги через Малоархангельск до сих пор ходят легенды.

Легенда о малоархангельских купцах

Если взять в руки современную карту железных дорог, то любой зритель, лишь бросив первый взгляд на участок Московско-Курского пути от Змиёвки (наша область) до Золотухине (Курская область), протяжённостью 68 километров, скажет: «Что-то странно петляет дорога на этом отрезке, уходя порой чересчур далеко от основного направления. А ведь она вполне могла бы пройти и через город Малоархангельск, и уж от него – на ту же станцию Золотухино».

Легенда, о которой я упомянул, прямо говорит, что первоначально так и было в утверждённом проекте. Однако малоархангельские купцы якобы инженерам-изыскателям, прокладывавшим трассу, дали взятку, чтобы они направили трассу западнее. Это, по мнению купцов, избавило их от конкурентов, которые нагрянули бы сюда в будущем по железной дороге.

Однако это всего лишь легенда, ничем документально не подтверждённая. А изыскатели, прокладывая трассу, ушли к западу, скорее всего, в силу природных особенностей местности, чтобы избежать большого перепада высот, переходов через многочисленные здесь речки, овраги и необходимости строить лишние мосты (что всегда делает реализацию проекта более дорогой – А.П.).

Раз, два. Три?

Подтверждение тому, что малоархангельские купцы были совсем не против строительства железной дороги через их город, я нашёл недавно в документах Государственного архива Орловской области.

В начале 1877 года Малоархангельское земство (орган местного самоуправления в те годы – А.П.) отправило на адрес правления Московско-Курской железной дороги письмо с вопросом о возможности строительства железнодорожной ветки от станции Малоархангельск до города Малоархангельска.

А 26 апреля того же года в уездном центре состоялось Чрезвычайное Земское собрание, на которое, кроме гласных (депутатов – А.П.), были приглашены и заинтересованные лица: Малоархангельский городской голова Никулин и четверо

купцов – Н.С. Пономарёв, А.Е. Белоусов, Н.Е. Кубарев и С.Н. Тихонов. Председатель собрания (и – одновременно – Малоархангельский предводитель дворянства) Дмитрий Яковлевич Скарятин сообщил присутствующим, что правление Московско-Курской дороги, в принципе, не против строительства ветки к городу, но хочет знать, какие обязанности готово взять на себя в этом случае земство?

И когда Скарятин спросил: «Господа купцы, поможете?», то представители торгового сословия ответствовали, что готовы пожертвовать определённой суммой денег и отдать под строительство полотна железнодорожной ветки десять десятин земли, поскольку эта дорога нужна всем горожанам.

Земское собрание тут же избрало комиссию из трёх человек (во главе с Д.Я. Скарятиным), чтобы начать подготовительную работу к осуществлению задуманного плана. Но...этим тогда всё и закончилось. Вопрос о дороге был отложен на долгое время.

Прошло 34 года. 6 февраля 1911 года малоархангельские земские гласные снова собрались на чрезвычайное собрание, чтобы обсудить тот же вопрос: «О соединении города Малоархангельска железнодорожным путём с одноимённой станцией на Московско-Курской железной дороге». На этот раз инициатором выступило само правление дороги, предложившее земству обсудить вопрос.

Гласные на заседании единодушно решили, что готовы «понести посильную материальную жертву» при строительстве, но в какой сумме это выразится, сказать затруднились.

Однако на этот раз малоархангельцы не захотели важный вопрос отдать на волю судьбы, а попытались максимально использовать ресурсы Центра, как бы мы сейчас выразились. Депутатом Государственной Думы от Орловской губернии был в это время малоархангельский помещик Василий Потулов. Земство и дворянство уезда через него сумели договориться о предварительном включении малоархангельской ветки в общероссийский список планируемых к строительству в ближайшее время железных дорог. Подключили к делу своих московских и питерских знакомых влиятельные малоархангельские помещики, князя Александр Борисович Куракин и Валентин Иванович Волконский.

Когда же в декабре 1911 года должно было состояться заседание комиссии по утверждению списка планируемых к строительству железных дорог, то малоархангельцы отправили в Москву, для контроля за процессом, своего личного представителя – помощника Малоархангельского предводителя дворянства Владимира Олива. Он присутствовал на судьбоносном заседании.

В деле 24 фонда 473 ГАОО хранится срочная телеграмма, отправленная Оливом в 10 часов 20 минут 21 декабря 1911 года из Москвы в Малоархангельск и полученная земством в 11 часов 05 минут: «Дорога признана желательной. Изыскания начнутся весной». Это была чрезвычайно радостная весть для малоархангельцев, поскольку предполагалось централизованное финансирование изыскательских работ и самого строительства.

Весной 1912 года к решению вопроса о необходимости строительства железной дороги подключились уже все малоархангельцы – через Собрание Уполномоченных Городского общественного управления. К осени были проведены изыскательские работы между городом и станцией, которые определили, что длина планируемой ветки составит 14 вёрст.

Со всеми владельцами земельных участков, где должна была пройти железная дорога, была достигнута полюбовная или материальная договорённость. Непосредственное начало строительных работ планировалось на вторую половину 1914 года. К этому времени дело зашло так далеко, что в развитие проекта, возник вопрос о необходимости дополнить эту ветку ещё одной, уже от города Малоархангельска до волостного села Дросково (длина – 40 вёрст).

К сожалению, грандиозным планам сбыться было не суждено: вскоре началась I Мировая война. Российскому правительству и правлению Московско-Курской железной дороги пришлось решать совсем другие задачи. А потом случилась революция (и не одна), прокатилась с грохотом по нашей территории гражданская война...

Со времени первой попытки построить железную дорогу от станции Малоархангельск до города прошло 135 лет, да и второму плану уже сто лет минуло. Будет ли третья попытка, согласно русской пословице? Один Бог знает. Во всяком случае, от самих малоархангельцев вряд ли что зависит. Или зависит? Как думаешь, читатель?

ОРЛОВСКАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕЁ ВЫПУСКНИКОВ

*Леонид Оболенский:
«Муму» как способ постижения истины»
(50-е годы XIX века)*

Красивая княжеская фамилия Оболенских в современной России стала хорошо известна благодаря популярной песне, которую с успехом исполняли сразу несколько певцов – Жанна Бичевская, Михаил Звездинский и Александр Малинин. А строчка о корнете Оболенском, которого просят налить вина, вообще стала крылатым выражением.

Как ни удивительно, но фамилия Оболенских была очень распространена в Орловской губернии до революции, не исчезла она и в настоящее время. Правда, жили в наших краях не князья, а их однофамильцы из числа небогатых дворян, священнослужителей и даже государственных крестьян. Особенно много Оболенских населяло Малоархангельский уезд.

Специалист по «Русскому богатству»

Одним из них был хорошо известный в конце XIX – начале XX века русский философ, социолог, журналист, писатель, издатель и редактор популярного журнала «Русское богатство» Леонид Егорович Оболенский. Его перу принадлежат несколько романов из крестьянской жизни (написанных под псевдонимом Матвей Красов) и большое число очерков на философские, социологические и литературные темы, в которых он часто полемизировал с самим Львом Толстым.

Родился Леонид Оболенский в маленьком уездном городе Малоархангельске в марте 1845 года. Отец его, Егор Александрович, мелкий чиновник 14 ранга, служил в земском суде (в те годы это учреждение выполняло полицейские функции), мать хозяйничала по дому. Семья мало чем отличалась от других чиновничьих семей уездного города, разве что необычностью биографии мамы будущего журналиста и философа. Елизавета Ильинична была немкой лютеранского вероисповедания и с хорошим образованием, полученным в одном из лучших московских пансионов того времени, очень любила читать и замечательно играла на пианино. Муж её с раннего утра до позднего вечера пропадал на работе, достойного общества в городе Малоархангельске найти Елизавете не удалось, и всю свою энергию и любовь молодая мама тратила на детей. Начальные знания по разным предметам она дала им основательные.

А потом мальчики (Леонид и Валериан) продолжили образование в Орловской мужской гимназии. Леонид проучился в ней 6 лет, оставивших в его душе как дол-

го не заживавшие раны, так и самые тёплые чувства. В 1902 году журнал «Исторический вестник» (том 87) опубликовал написанные Оболенским «Литературные воспоминания и характеристики», в самом начале которых он большое место уделил как раз периоду своего пребывания в гимназии.

С тех пор прошло 110 лет, но эти живые зарисовки талантливого писателя, по-прежнему, хранят горький аромат времени. Я процитирую из «Воспоминаний» несколько отрывков, дав им собственные подзаголовки и перемежая авторский текст небольшими вставками.

Слёзы, перепела и копчёные гуси

«В августе 1854 года мать повезла меня из уездного города Малоархангельска в город Орёл, чтобы отдать в местную гимназию. При проводах служили молебен, на котором присутствовала вся дворня; отец плакал, как ребёнок. Мать тоже плакала навзрыд, хотя и ехала со мною. Плакала прислуга, прослезился даже батюшка, отец Иоанн Зернов...

Наконец, поехали с целым возом, нагруженным и на верху коляски, и сзади её, и на козлах... В числе предметов, составлявших этот груз, была, например, большая кадочка с перепелами, залитыми в коровьем масле, и другая такая же кадочка, с копчёными гусями. Эти кадочки везлись в подарок тогдашнему директору гимназии, господину 3-у, потому что один из орловских приятелей отца предупредил о необходимости именно этих даров, очень любимых господином 3-м.

Кажется, везлись подарки в том же роде и ещё кое-кому... Знаю, что впоследствии одаривались съестными припасами и некоторые из надзирателей пансионна...» (читатель из собственного опыта может сделать вывод, много ли изменилось в этом плане через 150 с лишним лет – А.П.).

Директора гимназии: любитель розог г. 3-н и либерал г. М-ский

«Экзамены были выдержаны; матери пожилы в Орле дня три-четыре и уехали, а мы остались... Мало-помалу я привык к пансиону, начал принимать участие в общих играх и втянулся в общую жизнь...»

В этой общей жизни важную роль играли, кроме самих воспитанников, директор гимназии, преподаватели и надзиратели.

«Директор г. 3-н, о котором я уже упоминал, был выживший из ума старик; он редко появлялся среди гимназистов, а когда появлялся, то говорил длинные, бессвязные речи, делавшие его посмешищем. Так, у него была, например, кличка «Сыплет», данная ему гимназистами за то, что, придя однажды в какой-то класс, он начал свою речь с описания погоды, причём, повторил раз семь подряд, что «сыплет, сыплет, сыплет...».

При этом директоре в Орловской гимназии процветали наказания розгами, причём, за совершенно незначительные провинности. Леонида Оболенского секли дважды. Первый раз – за то, что он вырезал у себя на руке инициалы своей сестры Марии – «М.О.». Второй раз – «за поступок еще более невинный», в котором он и виноват-то не был. Только позже Леонид понял, в чём дело: «директор мстил мне за то, что в тот год мой отец ничего не прислал ему...». Эти наказания чуть не превратили Оболенского в нервно больного человека, постоянно плакавшего в ожидании наказания без причины. Спас его старший пансионер из 7 класса, взявший над ним шефство.

А вскоре место этого директора гимназии занял другой, молодой и симпатичный, совершенно очаровавший гимназистов, г. М-ский. «Он, как только пришёл в гимназию в первый раз, заговорил с нами новым, неожиданным языком: «Я хочу быть для вас не начальником, а другом вашим!» Розги были уничтожены, стали

проводиться литературные вечера, на которых новый директор «читал нам отрывки из Гоголя, Тургенева». Правда, либерализм г. М-ского длился недолго. Как только гимназисты вздумали издавать письменный журнал, в котором помещали свои стихи и рассказы, директор вызвал «нас к себе, кричал на нас, топал ногами и объявил, что если журчал не прекратится, нам придётся оставить гимназию». К счастью, до наказания розгами дело у М-ского всё-таки не дошло.

«Наш любимец Рашевский»

Преподаватели в Орловской гимназии были разные. И о многих из них у Леонида Оболенского остались не самые приятные воспоминания и соответствующие прозвища. Но Ивана Фёдоровича Рашевского, недавнего выпускника Харьковского университета, ставшего потом одним из учредителей первых женских курсов в Петербурге и преподавателем словесности у будущего Императора Николая II и членов его семьи, гимназисты боготворили. Вот как о нём вспоминал Оболенский:

«Неизменным нашим любимцем был И.Ф. Рашевский. Он не заботился о популярности и, тем не менее, имел её. В классе он требовал безусловной тишины и внимания, но никогда не обращался за содействием ни к директору, ни к инспектору. Спрашиванье уроков и писание «отметок» почти отсутствовало. Он судил о наших знаниях по задаваемым работам, так что весь урок проходил в сообщении им различных сведений, по большей частью, прямо на самой практике, у доски, или при разборе наших работ».

С Рашевским гимназисты советовались даже по политическим вопросам. Однажды возмутились они тем, что часовой, охранявший дом орловского губернатора Левашова, заставлял всех проходящих мимо него сходить с тротуара на улицу. Гимназисты сочинили текст листовки и собирались расклеить её в нескольких экземплярах ночью на домах рядом с резиденцией губернатора. Иван Фёдорович, как старший товарищ, сумел отговорить своих учеников от такого деяния, убедив их, что единственным результатом такой акции станет исключение её участников из гимназии.

Но самым замечательным качеством у молодого преподавателя было его умение пробуждать в воспитанниках «чувства добрые».

Слово Леониду Оболенскому: «Больше всего мы привязались к Рашевскому с тех пор, как он начал читать вслух и разбирать в V классе образцовые произведения русской литературы. Читал он превосходно. Я и впоследствии не встречал такого чтеца. До сих пор я помню, какое впечатление на нас произвело чтение тургеневского «Муму», а потом «Жида». Во время чтения многие плакали. Теперь я понимаю, почему он выбрал именно эти две вещицы: он бил важнейшие ошибки прошлого – сословную гордость и национальную нетерпимость... Мы начинали впервые понимать простые вещи...»

Да, Иван Фёдорович Рашевский научил своих учеников понимать простые вещи. Жаль, что в современной жизни нам не хватает близких людей, которые бы читали для нас то, что нам нужно больше всего... Хотя бы «Муму»...

Николай Захарьев:

«Записки из личной жизни научного работника» (1914-1918 годы)

Николай Ильич Захарьев – известный советский учёный, специалист в области повышения продуктивности пастбищ. Родился он 12 апреля 1902 года (ст.стиля) в городе Малоархангельске. Учился в Малоархангельском училище, в Орловской мужской гимназии, в Орловском университете первого формирования (1921 год). В 1924 году закончил Московский зоотехнический институт. Работал в Москве, Но-

восибирске, а потом всю оставшуюся жизнь – в Киргизии, где оставил наиболее продуктивные результаты своей деятельности. Здесь Николай Ильич стал доктором сельскохозяйственных наук (1950), профессором (1952), академиком АН Киргизской ССР (1954). Долгие годы был заместителем председателя Киргизского филиала Академии наук СССР.

Захарьев Николай Ильич. Автор более 130 научных работ, Герой Социалистического труда (1969 год), лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники, Заслуженный деятель науки Киргизской ССР (1947 год), награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, «Знак Почёта» и медалями. Одна из улиц Бишкека носит имя Николая Захарьева.

Отец Николая Ильича, Илья Николаевич, происходил из рода купцов Захарьевых, хорошо известных в Малоархангельском уезде. Мать, Анна Глебовна Самсоненко, «была старшей дочерью в большой, состоявшей из 11 человек детей, семье Глеба Силаевича Самсоненко (истинная его фамилия – Самсонов – А.П.) мелкопоместного землевладельца Малоархангельского уезда, выходца из крестьянской, в дореформенное время – крепостной семьи Ельнинского уезда Смоленской губернии».

Проживала семья Самсоненко в деревне Карауловка Фёдоровской волости. Сюда к родному деду по матери, Глебу Силаевичу, в детстве часто приезжал с мамой маленький Коля Захарьев. Мемуары Героя Социалистического труда на сайте «Проза. Ру» разместил его сын Борис Николаевич, тоже известный учёный (только физик – А.П.).

Отрывки из этих воспоминаний, посвящённые годам обучения в Орловской мужской гимназии накануне и в первые революционные годы, живые, полнокровные, интересные, я и предлагаю читателям.

Учёба в Малоархангельске и в Орле

Первые пять лет я обучался в Малоархангельске, поступив в первый класс начальной школы в восьмилетнем возрасте в 1910 году. Учился я успешно, с большим желанием и все годы был первым учеником в своём классе...

По общему семейному решению, и, главным образом, по моему собственному желанию и настойчивому стремлению матери дать мне образование, я поступил в гимназию. Благодаря тому, что у меня были отличные отметки, мне понадобилось сдавать экзамены только по языкам немецкому и французскому. На второй день после сдачи экзаменов я вместе с матерью с утра уже отправился в гимназию и от учителя Миртова получил сообщение о моем зачислении в третий класс Орловской первой гимназии.

Радость моя была неопишима, не менее того радовалась моя мать, мечта которой сбылась – дать своему единственному сыну хорошее образование в губернской школе.

Сразу же из гимназии мы пошли в магазин, и по городу я разгуливал в гимназической серой фуражке со светлым кантом и белыми металлическими надписями моего нового учебного заведения.

...Вначале о годах первых лет моей юности, годах первого отрыва от привычной жизни в родной семье, когда я переходил почти на самостоятельную жизнь вдали от матери и своего дома.

Проводив до трамвайной остановки, приехавшую со мною в Орёл мать для устройства квартирных моих дел и домашнего питания у одной хозяйки, взявшей на пансион вместе со мною также Володю и Колю, моих родственников, братьев матери, реалистов четвёртого и шестого классов, я впервые оказался один, оторванным от семьи. Вначале было грустно, но эта грусть оказалась недолгой и уже, при-

дя на квартиру, расположенную по Воскресенской улице, недалеко от гимназии, я уже оказался в веселой компании, и началась новая необычная жизнь, которой мне суждено было прожить четыре года с небольшой затем паузой до лет студенчества.

Итак, я ученик Орловской 1-й гимназии. Началась моя ученическая жизнь в новой системе обучения сразу с третьего класса, где меня встретили как новичка из провинциального небольшого городка уже освоившиеся друг с другом с первого класса одноклассники.

Как обычно, знакомство моё было недолгим. Нашлись хорошие товарищи, нашлись даже друзья, и жизнь потекла в обычном ученическом ритме с классными занятиями, переменами, большой переменной, когда вся ученическая орава выбегала на школьный двор (на улицу нас не пускали), и там 30 минут продолжалась весёлая интенсивная разрядка, после спокойных двух-трёх уроков, требующих строгого соблюдения тихого сидения за партой и учебной дисциплины.

Годы моего учения в гимназии вспоминаю как годы начала формирования больших желаний, зарождения первых юношеских мечтаний о служении помыслами и деятельностью своему народу. Наши мечты весьма тонко воспитывались и прививались нам в большинстве своем демократичной учительской интеллигенцией, в умах которой в канун революции имели широкое распространение новые веяния изменения режима классической гимназии. И в школе в разговорах и дома на квартире, где я жил на полном пансионе в семье служащего губернской контрольной палаты, чувствовался в эти военные предреволюционные годы дух ожидаемых больших государственных событий.

Радостные тёплые чувства, самые лучшие воспоминания сохраняются у меня о нашем замечательном весьма демократичном человеке и преподавателе физики Матвее Матвеевиче Петрове. Думаю, что лучшего учителя по истории, каким был Аркадий Николаевич Ильинский, нигде ни в какой другой школе в Орле не было. Его урок – это интересная, иногда увлекательная профессорская лекция. Особенно великолепен он был при прохождении курса истории средних веков и новой истории. Близкой к нам была учительница литературы и русского языка Елена Ивановна Турбина. Она была, конечно, на втором плане после знаменитого у нас в гимназии, известного на весь Орёл крупного литературоведа А.В. Борового, но человеческие качества Елены Ивановны оценивались всеми нами, учениками, высоко. Мы с удовольствием занимались её предметами. Кстати, она один или два года была нашим классным наставником. Хорошим был учитель по математике Верещагин Александр Николаевич, который так великолепно преподавал свой предмет, что не помню, чтобы я когда-либо занимался дома алгеброй, геометрией или тригонометрией, кроме письменных работ, задаваемых на дом.

Добрый хорошим учителем географии был Сергей Иванович Квитко, часто развлекавший нас на уроках своими рассказами о путешествиях в разные страны, которые ежегодно в летние каникулы он совершал в Европу, а то и в другие страны света.

Не могу не вспомнить добрым словом душевного преподавателя немецкого языка Павла Карловича Сея (швейцарца по национальности), у которого я учился хорошо, всегда имел хорошие оценки, и он часто вспоминал, как успешно я сдавал экзамены при поступлении. Пожалуй, следует сказать несколько слов и о нашем латинисте Владимире Сергеевиче Миртове, сумевшем привить нам уважение к замечательному языку – латыни, который будучи мёртвым, ибо нет народа, говорящего на латинском языке, по своей стройности и благозвучию нашёл себе применение, прижился и сохранился до сих пор в медицине, в систематической биологии, в ботанике и зоологии, и недалеко прошлом в научных докладах, которые на латинском языке зачитывались крупнейшими учёными мира в особо торжественных случаях.

Владимир Сергеевич Миртов, был у нас в старших классах года два классным наставником. Это, конечно, наставник, непохожий на Елену Ивановну. Он был строг, требователен, иногда передавал нотацию от инспектора Жудро, всегда следил за нашей подтянутостью и требовал соблюдения установленной дисциплины, но не было ни разу случая, когда бы он наказывал или снижал отметки в журнале.

Были в нашей среде учителей и феноменальные консерваторы, которые сохраняли во внешнем порядке и соблюдении исторически сложившихся традиций в одежде по форме, посещении общественных мест, строгого посещения церковной службы в школьной церкви по субботним вечерам и утреннего богослужения по воскресеньям, изучении закона божия и русской истории с запоминанием биографий царствующих особ. Среди таких консервативных руководителей гимназии особо колоритной была фигура нашего директора, грозы гимназии, его превосходительства Аркадия Николаевича Петрученко. Каждый праздничный день, когда ученики всех классов в обязательном порядке посещали без опоздания богослужение в гимназической церкви, директор по окончании церковной службы стоял по правую сторону от клироса, принимал от учеников почтительные реверансы, слегка покачивая своей старческой головой.

Директор считался крупным латинистом и преподавал латынь только в старших – седьмом и восьмом классах.

Не помню теперь имени и отчества, но хорошо запомнил придирчивость к ученикам нашего очень строгого инспектора Жудро, кабинет которого находился на втором этаже рядом с нашим классом. Он был неприятным, общепризнанным придира-надзирателем, часто останавливал учеников, чтобы сделать замечание о каком-либо непорядке. Он был в числе тех, кто мог встретить на улице, особенно на Болховской, что находилась сразу же за гимназией, за мостом через Орлик, где мы гуляли, иногда знакомились с гимназистками, и по нашему мнению, вели себя вполне корректно, конечно, может быть иногда бывали с нашей стороны какие-нибудь шалости. Не дай бог встретить нашего инспектора, он обязательно к чему-нибудь придерётся, найдёт что-нибудь недозволенное в нашем поведении, сразу же сделает замечание, а потом в гимназии отчитает целую получасовую лекцию и даже накажет, занесёт замечание в кондуит или снизит в четверти оценку по поведению.

Строгости, которые воспитывали нас вести себя хорошо и в классе и на улице, дело нужное, но не придирка, фельдфебельская муштра, это уже не достойно мудрого воспитателя.

Из гимназических лет хорошо запомнились в моей памяти ежегодные торжественные вечера, которые обычно проводились не обязательно в Татьянин день, но вскоре после возвращения учеников с рождественских каникул в первой половине января, числа 10-12 по ст.ст. На эти вечера приглашались по ограниченному числу выдаваемых билетов гимназистки и девочки – родственницы гимназистов – сестры и другие родные. Из гимназистов нашей гимназии на вечер разрешалось приходить всем ученикам, начиная с третьего класса (до восьмого включительно). Бывали у нас обычно многие студенты, приезжавшие в Орёл к родным на каникулы из Московского университета и других больших городов.

Вечера всегда проводились в помещении Орловского губернского земства, где имелся вместительный концертный и танцевальный зал с большим числом (до тысячи) мест для гостей. На антресолях размещались один-два оркестра, один из них обязательно большой духовой оркестр военной музыки.

Во всех примыкающих к концертному и танцевальному залу комнатах, в коридорах и в вестибюле устраивались хорошо оформленные, украшенные ёлками киоски, имевшие всегда в обилии конфетти, серпантин, живые цветы, бутоньерки.

Подготовка к проведению вечера велась длительная и основательная. На Болховской улице, это главная улица города Орла, в лучших витринах заблаговременно вывешивались художественно оформленные анонсы, дававшие публичное оповещение о проводимом вечере. Лучшие из этих объявлений – анонсов оформлялись хорошим художником учеником старшего класса Кремлёвым. Считалось делом чести оформить анонсы наиболее красиво, чтобы привлечь большее внимание.

Билеты гимназистам и приглашенным гимназисткам выдавались бесплатно. Гости билеты покупали, обычно цены билетов были высокие, так как денежный сбор имел благотворительное назначение для помощи бедным ученикам. Некоторые приглашенные гости платили крупные суммы по 20-25 рублей и больше.

Для продажи билетов выделялась группа учеников, которые занимались их распространением.

Как правило, на гимназические вечера не приходили ни директор, ни инспектор, по-видимому, для того, чтобы не связывать весёлого настроения учеников. За общим поведением учеников и соблюдением порядка вели наблюдение ученики старших классов, которые выделяли распорядительный комитет, из них один главный распорядитель танцев и другой – для ведения концертной части.

Отдельная группа учеников выделялась для приёма гостей и наблюдения за общим порядком в помещении. Обязанность этих учеников заключалась в том, чтобы встретить гостей, помочь сдать одежду на вешалку, провести в зал и найти место в концертном зале.

Если кто-либо из девочек приходил без сопровождающих, обязанностью любого ученика, оказавшегося в вестибюле или встретившего идущую одиноко девочку, подойти, помочь, чем нужно, провести в зал. Мне всегда нравилась общая дисциплина поведения учеников на вечерах, которая воспитала уважительное отношение к девочкам, предупредительность, вежливость, внимательность, но не навязчивость.

Обычно съезд гостей назначался на 6-7 часов вечера, а заканчивался вечером в 11 – 11 час. 30 мин.

Учителя, кроме директора и инспектора, всегда присутствовали на вечере и помогали занимать наиболее солидную часть приглашенных гостей, родителей учеников и других, в чём им помогали ученики-распорядители.

Первая часть вечера – концертная занимала непродолжительное время, минут 45–50, не более часа. Программа концерта обстоятельно продумывалась и включала лучшие произведения русских и зарубежных поэтов, писателей, музыкантов. В 1917 году на нашем вечере в концерте принимали вокальные артисты, приезжавшие в Орел, исполнялись каватина Людмилы из оперы Глинки «Руслан и Людмила» по поэме Пушкина, ария Травиаты из оперы Верди, русские романсы Рахманинова, Даргомыжского. Из инструментальной музыки исполнялись произведения Шумана, Чайковского, участвовали скрипки в сопровождении аккомпанемента рояля. Обязательно на любом нашем вечере заключительная часть программы посвящалась памяти Тургенева, исполнялись фрагменты из его прозы, малоизвестные, но замечательные стихи, переложенные на музыку стихи-романсы.

Часто со своими стихотворениями выступали гимназисты, их произведения отбирались особенно строго учениками старших классов и преподавателями литературы А.В. Боровым и Е.И. Турбиной.

Главный распорядитель танцев – душа вечера, судя по сбору гостей, после окончания концерта и двух-трех весёлых маршей духового оркестра, подавал распоряжение оркестру и приглашал всех посетителей к первому танцу, которым обычно был венский вальс Штрауса, а затем по инициативе распорядителя и его мастер-

ства следовали мазурка, другие танцы, антракты, иногда показательные или просто весёлые танцы отдельных пар, как на катках фигурного катания, под аплодисменты зрителей.

Ученики, присутствующие в зале, обязаны были следить, чтобы не было ни одной скучающей девочки, не получившей приглашения к танцу. Если кто-либо из девочек стоит или скучает в одиночестве, требуется обязательно подойти, спросить разрешения и пригласить танцевать, если не на этот, то на следующий танец.

Должен сказать, что по организованности вечера Орловской первой гимназии всегда славилась отличным порядком и посещались гостями с большим удовольствием.

Очень распространенной на вечерах была летучая почта, когда записки, главным образом для знакомства с девочками, передавались от мальчиков девочкам через выделенных распорядителями учеников из младших классов. У этих учеников на груди имелись знаки почтового ящика. Если следовала записка-ответ, то этот ответ почтальон должен неукоснительно вручить инициатору переписки. Иногда были записки-шутки, но, во всяком случае, весёлые, без грубостей, корректные. Было условлено, что плохие по содержанию записки не передаются. С помощью нашей летучей почты я познакомился с одной очень симпатичной девочкой, ровесницей мне по возрасту, с которой мы весело провели вечер, а потом я с удовольствием провожал ее домой.

К сожалению, с милой приветливой Настенькой мне больше не пришлось встретиться, она вскоре уехала со своими родными в другой город, вначале временно, а затем и навсегда. На этом погасло наше хорошее знакомство, но осталось доброе, неугасимое воспоминание, которое сохранилось до сих пор, вот уже ни много, ни мало 64 года.

Вспомнился мне чудесный рассказ А.П. Чехова «Дом с мезонином», который трогательно кончается печальными словами: «Мисюсь, где ты?»

Звучит последний вальс, по указанию распорядителя гости в сопровождении учеников следуют в вестибюль к выходу, где гимназистки, если кто-нибудь из них оказывается в одиночестве, обязательно получают сопровождающего ученика соответствующего возраста, чтобы проводить до дома, или довести на извозчике далеко живущих.

У дома, куда пришлось сопровождать девочку, на нашей обязанности было позвонить, дождаться выхода кого-либо из дома, попрощаться и сдать, что называется с рук на руки. Обычно это уже первое знакомство получает хорошее развитие и встречу на следующем вечере, как старых знакомых, а то и раньше.

Но бывают, конечно, и длительные перерывы без встреч, только воспоминания, о которых не следует жалеть, ибо многие из них сеют в наших душах добрые семена и оставляют в памяти лучшие страницы жизни.

Я, может быть, и не стал бы рассказывать о наших торжественных вечерах, если бы у меня не зародилась мысль, что такая информация из далекого прошлого может быть ещё нужна и полезна для нашей современности, для молодёжи. Думается, что привитие ученикам, да и вообще молодёжи уважительного, дружественного и, я бы не постеснялся сказать, нежного отношения мальчиков к девочкам нисколько не противопоказано нашему времени. Во всяком случае, воспитание хорошего отношения мальчиков к девочкам и в школе, и на улице, и во всех общественных местах, исключение грубости и, напротив, выработка тактичности в общении было бы весьма полезным, драгоценным делом и в наше время.

В 1917 году к нам в гимназию была добавлена группа учеников эвакуированной Рижской гимназии; в наш класс поступило несколько учеников, один из них, Николай Миссин, оказался моим соседом по парте. С ним мы скоро подружились, он оказался хорошим товарищем, и я постарался быть ему помощником в общем ознакомлении с порядками нашей школы и в классных занятиях. Осенью или зимою в нашу гимназию была полностью эвакуирована Виленская мужская гимназия, ко-

торая занималась в вечернюю смену. Конечно, это несколько нарушило обычный школьный ритм и заведённый порядок, но занятия, тем не менее, продолжались, хотя и были какие-то нарушения.

В управлении гимназией произошли серьёзные перемены. Директора нашего заменили, назначив на его место Матвея Матвеевича Петрова, нашего физика, что вполне совпадало с общим желанием учеников нашей школы.

На одном из наших общегимназических собраний мы даже шумно провозглашали: «Да здравствует первый демократический директор – Матвей Матвеевич Петров».

Ушёл от нас и инспектор Жудро. Все остальные преподаватели как будто оставались на своих местах. Не стало как предмета Закона божия, и прекратилась церковная служба в школьной церкви. В остальном жизнь школы протекала без особых изменений, хотя число учеников школы уменьшилось.

Продовольственная обстановка в Орле заметно ухудшилась. В 1918 году, пополняя продовольственные запасы из Малоархангельска, мне ещё представлялось возможность оставаться на квартире у своей хозяйки и продолжать учение в Орле, хотя хозяйка не раз заявляла, что, по-видимому, вынуждена будет отказать мне в пансионе из-за трудности доставать питание. Кое-как, частыми выездами к себе домой я доставлял в Орёл продукты, но в 1919 году это стало очень затруднительно, и я решил заканчивать обучение в Орловской школе и перебазироваться в Малоархангельск.

Поэзия

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

«БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК»

*В алом венчике из роз
Впереди Иисус Христос.
А. Блок. Из поэмы
«Двенадцать».*

*«Бессмертный полк» шагает по России.
Возник, живой, как эхо поколений.
Три сына: Гавриил, Максим, Василий
Легли на главном, на московском направлении.*

*Три сына дедушки ушли и не вернулись.
Несу над ними дедушкин портрет.
У Вечного огня дай постояю, поэт.
Мы выстояли, брат мой, не согнулись.*

*«Бессмертный полк» шагает по России.
По городам, по памяти земли.
Три сына деда: Гавриил, Максим, Василий,
Три моих дяди первыми легли.*

*Смотрю в огонь, колышутся в нём лица.
Остановлюсь, прищурюся на момент,*

*И вижу я, в полк строится столица
И впереди с народом Президент.*

*«Бессмертный полк» шагает по России,
И в том полку живом, в колонне той
Три сына: Гавриил, Максим, Василий
И дедушка мой с ними, как святой.*

30 декабря 2015 г., г. Орёл.

РОДНАЯ РЕЧЬ

*Ты хранись в нас, о русская речь!
Острый меч и испытанный щит!
Нам бы землю родную сберечь,
Русь святая себя сохранит.*

*Сохранит землю Русскую сын,
Сохранит сына Русская мать.
Будем ей молчаливо внимать
Под гортанные скрипы осин.*

*Под тележный заржавленный звук,
Под кровавые просыпи рос.
Был мой дедушка великоросс,
Не согласен на малое внук.*

*Ты хранись в нас, о русская речь!
Русь, Россия, родимая мать!
За неё уж пришлось в землю лечь,
За неё ещё будем стоять.*

Грачёву А.И.

АЛЁШНЯ

*Алёшня в пойме, травяной настой.
Страна раки в берёзовом краю.
Купался тут когда – то Лев Толстой,
И я в воде алёшиненской стою.*

*Я – русский конь в упряжке ременной.
Воз с перемётом затянуло в речку.
Какой там пряник, кнут вневременной!
Как дёрнут – оборвут, боюсь, уздечку.*

*Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться,
Пока мы живы, Бога не гневи!
Пока мы тут, что нам Босфор и Ницца!*

*По всей Алёшне от берёз светло,
По всей долине тянется туман.
Неси, Алёшня, рук моих тепло
В огромный Ледовитый океан.*

У ПРУДА САВИНОЙ

Две липы – две кроны у спасского сада,
Вплетается в шёпот гобой.
То блюзы, то роки – живая эстрада,
То Рознера джаз голубой.

Качаются скрипки – под веткою с краю,
Над прудом играют лозой.
И первыми первый удар принимают,
Последними спорят с грозой.

Зелёною музыкой бредит макушка.
Сюжет на макушке двойной:
Повыше с романсом – садится кукушка,
На джаз – соловей озорной.

Логвинову В.Н.

«ЖИВУ У ЛЕСА С КРАЮ»...

Живу у леса с краю,
С полями говорю.
И сам себе стираю,
И сам себе варю.
Моя изба старушка,
По стенке – повитель.
Считает дни кукушка,
А ночи – коростель.
Гнездо над головою,
Трава у моих ног.
Глаза на миг закрою –
Слуга себе и бог.
Такой же изначальный,
Ровесник всей земле.
То тихий и печальный,
То чуть навеселе.
Раскатываю громы,
Поля водой пою.
Бывает, агрономы
Придут в избу мою:
«Ну, как живёшь, Михалыч,
Как дышится тебе?
Чего там напахали
Плугами по судьбе?
Откуда всяких мошек
Над нами целый рой?
Куда людей хороших
Уносит стороной?
Какие синь – туманы
Полощут край земли,
Покуда сны – обманы
Мережатся вдали?
И как все эти дали

Меняет влажный фронт?
Чего мы напахали
По самый горизонт?...»
Сижу и стол качаю,
Слова кручу – верчу.
И громом отвечаю,
И молнии мечу.
И от раздумий жгучих
Всего бросает в жар.
Под яблоней могучей
Клокочет самовар.
Живу у леса с краю,
С полями говорю.
И сам себе стираю,
И сам себе варю.

РУСЬ

И крестили по – всякому –
По башке, по башке,
Чтоб держать непокорную
Во державной руке.

Оттого – то могильные
Оставались следы.
Голытьбе – безотцовщине,
Ой, хлебнулось беды!

Но вставала упорная,
Семижильная Русь.
Что содеяно – помнила
Навсегда, наизусть.

Про дела чьи – то грешные
Скажет вдруг на миру.
Вся засветится правдою
На кровавом пиру.

Ведь сама в лихолетия
Не имела вины...
Мать сыночка – соколика
Поджидала с войны.

Возвращался израненным,
Покалеченным пусть,
Поднималась детишками
Неизбывная Русь!

Наливалась от семени,
Тяжелила поля.
От воронок, от воронов.
Очищалась земля.

Как с клюкою, родимая,
Побрела по колчам,
Так и ходит, вихляется –
Сумари по плечам.

Платье выцвело, выпрело,
Горб разверзился весь.
Стыдно, отпрыски, стыдно ведь
Хлебы бабкины есть.

Нам бы совесть бабусину,
Тот ковёр – самолёт...
Бабка встала, прогониста,
Бабка губы жуёт.

Бабка за сердце держится:
«Не кручинься, сынок.
Дай поглажу воробушка
И – за тот бугорок.

Шаг по шагу, по чуточку –
Так – то легче, двоим...»
Мать моя, Русь, ты, матушка,
Пособлю, устоим!

ЗЕЛЁНЫЕ ДЕРЕВЬЯ. КИПАРИС

Семеновскому Ивану Алексеевичу –
моему учителю.

Он рисовал зелёные деревья
Со школьной парты, с юношеских лет.
И с замираньем сердца вся деревня
За ним следила, говоря: «Поэт!»

И вот уже учитель в той же школе –
Он рисовал теперь для детворы.
И годы пролетали поневоле,
И уходили целые миры.

А он всё рисовал свои деревья –
Во цвете жизни, в искорке надежд.
– Смотрите, – говорили по деревне, –
Он всё рисует, пишет для невежд.

Уж осенью дышало на планете,
А он всё рисовал в ключе своём.
Смотрите, – говорили ему дети, –
Они ведь золотые за окном.

Он рисовал зелёными деревья!
Зима и лето – было всё равно.

*– Смотрите, – говорили по деревне, –
Они ведь уже белые давно.*

*Да и ему виски посеребрило.
Признания ни где-то, ни в семье.
А он всё рисовал не то, что было:
Зелёные деревья на земле!*

*Ушла жена. Спиною повернуло
К нему его согбенные года.
Деревня на него давно махнула,
Как и махнули прежде города.*

*А он всё рисовал... И вот весною
На этот его траурный абрис
Приехал ученик его с женою
И положил зелёный кипарис.*

СЫН ДВУХ ОТЦОВ МОЯ СТЕЗЯ

*Я – сын отца с тридцать седьмого года,
При Соловках бездонных состою.
Как честного подвижника народа
С двух лет в себе его осознаю.*

*Дома ли строил, создавал «катюши»,
Когда б не он, что стало бы с войной?
Есенину ровесник был, под бучей
Вождей крутых страны передовой.*

*Я – сын отца с тридцать седьмого года.
Лес не валил, иных хватало бед.
Но гены страха своего народа
Несу в себе с Есениным с двух лет.*

*Крутили бесы, гнули несвободы.
К любой несправедливости лицом,
Из мрака списков в те, седые годы
Гляжу глазами сразу двух отцов.*

*Я – сын отца... К Есенину пробилась
Моя стезя сквозь лагерную грусть.
И, очищаясь, духа справедливость
Во мне его преобразила Русь.*

ИЗ «ШЕКСПИРИАНЫ» первый сонет

*Поэзия – это такие крыла,
Едва уловима, легка.
Течёт и течёт, сквозь меня протекла
Вся музыка, все облака.*

*Поэзия – это такая река,
Неостановима, пока
Текут и текут за веками века
Сквозь музыку, сквозь облака.*

*Поэзия где-то не тут, а жива.
Едва выразима, из грёз.
Поэзия – это такие слова*

*У самого пламени звёзд.
Поэзия – это их музыка, миг
В моих облаках и твоих.*

«НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»

*«Неупиваемая чаша», –
Так называется родник,
Откуда дух, вся сила наша
И весь насквозь наш материк.*

*Вся наша Русь в неё видна,
А с ней и мы среди полей.
В июне чаша холодна,
А к Покрову так потеплей.*

*Когда наклонишься к ней чуть,
Чтобы испить в ней и своё,
Глазами может отблеснуть
И отражение твоё.*

*И Русь с небес отражена:
Толстой, Тургенев, Бунин, Фет...
Как славна наша сторона!
Каков нам от Богов привет!*

*Слетит листок туда – на Русь
И, золотой, не тонет, узкий.
К нему губами прикоснусь
Да и скажу: «Я тоже русский!»*

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
Тула

НОВЫЕ СТИХИ

ДЖОН ДЖОНС

*Англичанин, изобретатель,
работавший на Тульском оружейном заводе
в 1817 – 1835 годах. Сделал много полезного.*

*Ещё не просыпалось солнце,
И был рассвет ещё далёк,
А в мастерской у Джона Джонса
Уже светился огонёк.*

*Он ставил на плиту кофейник,
Вставал в раздумье у тисков.
Он жил, английский оружейник,
Среди российских «казюков».*

*Как все британцы пунктуален,
Не зная, что такое лень,
Среди лекал и готовален
Он проводил рабочий день.*

*Узлы, шарниры, сопряженья...
Порой на фоне хитрых схем
Вставал в его воображенье
Далёкий город Бирмингем.*

*Туда, туда его тянуло,
Туда рвалось всё существо.
А за окном вставала Тула,
Вторая родина его.*

*Здесь, в Туле, окружён друзьями,
Улыбкой доброй осиян,
Он был почти что россиянин
Средь добродушных россиян.*

*Ах, как глаза его сверкали,
Когда в цеху иль у реки:
– Иван Иваныч! – окликали
Его с почтеньем туляки.*

*Люди, на расправу скорые,
Не губите старый дом.
Это – памятник истории,
Сохранившийся с трудом.*

*Неужели вас не трогает
Этих линий ворожба?
Эта чёткая и строгая,
Эта тонкая резьба.*

*Он фасадный, он и профильный,
С детства близкий и родной,
И узор цветочный – пропильный,
И орнамент накладной.*

*Сколько смысла и значения
Нам приносят с давних пор
Эти чудные очеля,
Этот вычурный подзор.*

*Не купцом, и не помещиком
Создан этот светлый гимн,
А безвестным русским резчиком,
Добрый пращуром моим.*

*Как сияют окна чистые!
Не бывает в них темно.
Как надёжны золотистые
Стены – к брёвнышку бревно.*

*Люди, на расправу скорые,
Вы не троньте старых стен.
Это – памятник истории.
Что дадите вы взамен?*

ВОТ ТАК ВОЗРОЖДАЕТСЯ НАША РОССИЯ

*Строительство домны
Смешение звуков, смешение красок,
Смешение белых, оранжевых касок,
Смешение бетона, смешение руды –
Везде вдохновенной работы следы.*

*Средь зелени буйной завод наш, как остров.
Вот газоочистки малиновый остов,
На самом верху газосварки игра,
Ритмично средь балок стоят бункера.*

*Земля под ногами дрожит от вибраций –
Возводится здание для аспираций,
Фундамент залит для бетонных колонн,
Грохочут бульдозеры с разных сторон.*

*Смешались подрядчики и заводчане.
Строительство днями кипит, и ночами,
Платформы с металлом идут, с кирпичом,
И плавки в ковши ниспадают ручьём.*

*Работа размеренным движется шагом,
А чуть в стороне, под оранжевым флагом,
Встаёт, занимая сердца и умы,
Стальная виновница всей кутерьмы.*

*Встаёт, поднимается тихо и скромно
Она, долгожданная новая домна.
Пока у неё неприглядный наряд,
Но скоро заблещет красой, говорят.*

*И в ней забуллит огневая стихия...
Вот так возрождается наша Россия.
Давайте ещё поднажмём, земляки...
И пыхтит кризис, оскалив клыки.*

ТУЛЬСКИЙ ПРЯНИК

*Его сперва везли в автомобиле.
Упаковали в аэропорту.
Летел он до Хабаровска на Иле,
А дальше, от Хабаровска, на ТУ.*

*Он приземлился около Находки,
Спустился в бухту через перевал,
И в кубрике большой подводной лодки
Его при всех старпом распаковал,*

*И у матросов, что живут без няnek, –
Их заподозрить в слабости нельзя –
При виде слов печатных «Тульский пряник» –
Вдруг посветлели строгие глаза.
Лежал посланец легендарной Тулы
Одушевлённой весточкой живой,
Когда матросов, словно ветром, сдуло
Сигналами тревоги боевой.*

*В тревожный час матросам не до чая.
Здесь каждый чётко, словно автомат.
А пряник красовался, источая
Такой неповторимый аромат.*

*Подлодка шла под панцирем ледовым,
Согласно предписанию, на норд-ост,
И позабытым запахом медовым
Тянуло даже на центральный пост.*

*И наклоняясь над картою сутуло,
Сам командир улыбки не сдержал:
– Не забывает, помогает Тула.
Хороший город. Знаю. Проезжал.
И в замкнутом пространстве из металла,
Вернувшись к морякам из прошлых лет,*

*Как будто детство давнее витало
Среди приборов, люков и ракет.*

*Матросов ждал поход далёкий , трудный,
Накренясь, лодка делала вираж.
И дальний образ Тулы сухопутной
Маячил перед ними, как мираж.*

**Я ЛЕЧУ
НАД АРГУНСКИМ УЩЕЛЬЕМ**

*Я лечу над Аргунским ущельем.
За бортом красота, как в кино.
Только сердце полно не весельем,
Моё сердце тревоги полно.*

*Там, внизу, жаркий бой полыхает
На скрещении горных дорог,
А над ним наш МИ-8 порхает,
Как заблудший в ночи мотылёк.*

*Громыхает мотор разогретый,
Вертолёт опускает свой нос,
А за ним – тепловые ракеты,
Как жар-птицы пылающий хвост.*

*Облака чередой серебристой
Держат путь в затуманенный лог.
Наклонился пилот к бортрадисту,
И припал к пулемёту стрелок.*

*Там, внизу, затаились бандиты
Под прикрытием каменных стен.
Мы могли быть убиты и сбиты,
И могли быть захвачены в плен...*

*С окончанием командировки,
Когда время прощаться пришло,
Генерал, командир группировки,
Вдруг признался, что нам повезло.*

*И ходил сам не свой целый день я,
Сам себя успокоить не мог.
У меня от такого везенья
Холодок по спине, холодок...*

* * *

*Здесь и солнце выглядит усталым,
Светится едва сквозь пыль дорог.
Здесь земля напичкана металлом,
Как изюмом праздничный пирог.*

*Здесь, в горах, машины дышат тяжело.
Двигается тяжёлая броня.
А на ней в тельняшках-камуфляжках
Стриженная наша ребятня.*

*Скачет водопад в зелёной раме.
А вокруг – куда ты ни взгляни –
Горы, горы, горы над горами,
Днём на солнце, вечером – в тени.*

*Слышится далёкий гул разрыва
Вместо дальней песни чабана.
Я сказал бы:
– Как же здесь красиво!
Я сказал бы, если б не война.*

*А пока вы нас простите, горы.
Будет время, отомкнём штыки
И, забыв все распри и раздоры,
Мы придём сюда на шашлыки.*

ЧТОБ РАЗВЕЯТЬ ТОСКУ

*Для того, чтоб развеять тоску,
Надо б выйти, почистить снежку.
До чего же хорош ты, снежок,
Мой пушистый, колючий дружок.*

*Деревянной лопатой – шмыг,
На лопату ты прыгаешь вмиг,
За броском совершаю бросок
Поперёк или наискосок.
Вот моей отпечаток стопы.
Это значит – начало тропы.
А метелица кружит, слепа,
И опять зарастает тропа.*

*Но метелицы я не боюсь,
Вновь лопату беру и борюсь.
Уморясь – шапку сдвину со лба.
Как прекрасна с метелью борьба!*

*Я метель победить не спешу:
Постою, отдохну, подышу,
Посмотрю на окрестный пейзаж:
Как хорош ты, посёлочек наш!*

*Там дома высоки и крепки,
Чистят снег во дворах земляки.
Пруд замёрзший блестит вдалеке,
И галдит ребятня на катке.
А вдоль леса, дразня и маня,
От меня убегает лыжня.*

*Но я быстрые лыжи беру.
– Эй, лыжня, подожди! – ей ору.
И на берег далёкой реки
Мы бежим с нею вперегонки.*

ПЛАНИШЕТ

*Я теперь зимой и летом
Путешествую с планшетом.
Интересней штуки нет,
В нём кино и интернет.*

*Вижу, как гоняют шайбу.
Вижу всю мою страну.
А задумаю – по скайпу
На любимую взгляну.*

*В США она иль в Чили –
Смотрит, душу веселя,
Хоть немного исказили
Милый образ пикселя.*

*А когда придёт охота –
По плечу любой каприз:
Раз – и можно сделать фото,
Два – поставить модный диск.*

*Я живу, забот не зная,
Чудеса со всех сторон.
Он и книжка записная,
И мобильный телефон.*

*Пусть метель метёт, иль вьюга,
Будит он меня чуть свет.
У меня такого друга
В жизни не было и нет.*

*Мой планшет – мой спутник вечный
Через лес, через пустырь.
Он – всезнающий советчик,
Навигатор-поводырь.*

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

*Благовещение – блага вещанье.
Голубая весна без границ.
Бесконечное птичье звучанье,
Гимн взлетающих к солнышку птиц.*

*Каждым пёрышком свет излучают
Изо всех своих маленьких сил.
Улетают.*

*И благо вещают
Человеку, что их отпустил.*

ДЕТСКИЙ САД

*Вышел на прогулку детский садик.
Ребятишки бегают, галдят.
Взрослые –
Старушки, тётки, дяди –
С умилением смотрят на ребят.*

*Нет в детишках подлости и фальши.
Веселы –
Улыбки до ушей.
Ну а я хочу взглянуть подальше,
В будущее этих малышей.*

*Кто они?
Родной страны опора?
Совесть, честь,
Достоинство её?
Или, может, пьяницы и воры?
Проститутки и хулиганье?*

*Всем открыты солнечные выси.
Всем разверсто пагубное дно.
От чего судьба детей зависит –
Это ныне нам решать дано.*

*Солнышко сияет светлым оком,
Всем на свете дарит по лучу.
Не хочу я чёрным быть пророком
Быть пророком чёрным –
Не хочу.*

ДРУЗЬЯ НАМЫЛИЛИСЬ В ИЗРАИЛЬ

*Не знаю, ничего не знаю,
И сам не верю в эту быль:
Друзья намылились в Израиль.
В Израиль или в Израиль?*

*Глава семейства дядя Лазарь,
Старинный житель здешних мест,
Зовёт меня под вечер вмазать,
То бишь отметить их отъезд.*

*Легла разлука между нами...
Сквозь слёзы смех...
Сквозь слёзы стон...
Мы пьём по-русски,
Стаканами,
Его отменный самогон.*

*И вижу я:
Из уголочка
С меня не сводит чёрных глаз
Татьяна –
Лазарева дочка, –
Богиня, прима, высший класс.*

*Куда несёт тебя из дома?
И где дороге той конец?
Какого дикого погрома
Вдруг убоился твой отец?*

*Ему сомненье душу гложет.
Об этом и ведёт он речь.
Неужто Русь моя не может
Тебя, Татьяна, уберечь?*

*Я у твоей возникну двери,
И сгинут все твои враги,
А если ты в меня не веришь –
Беги, любимая, беги.*

*А нам в России оставаться:
Ковать, косить, пахать и жать.
А нам с Россией возрождаться,
Поскольку некуда бежать.*

ДЕНЬ МЕТАЛЛУРГА

*Опять июль бушует на дворе.
И солнышко с утра манит и дразнит.
Сегодня праздник на Косой Горе,
Наш долгожданный,
Наш любимый праздник.*

*Он в этот год к нам очень трудно шёл.
И если уж по совести признаться
С трудом пробрался через частокол
Аварий, срывов и оптимизаций.*

*И пусть завод наш не настолько юн, –
Он сможет все невзгоды пересилить.
Он продолжает лучший лить чугун
И тем крепить стальную мощь России.*

*А тут уж кто-то начал землю рыть,
Произнося сомнительные речи
О том, что надо наш завод закрыть
И «закозлить» все доменные печи.
Завод наш травит воздух, говорят,
И воду, что всю химию вобрала.
Тогда уж закрывайте всё подряд
От Тулы и до самого Урала.*

*Задыхит с облегчением страна,
Когда не будет выплавки металла.
Ракеты станем делать из говна
И танки – из того же матерьяла.*

*Не надо металлургов ныне злить,
А надобно усвоить ту науку:
Они любого могут «закозлить»,
Кто невзначай на них поднимет руку.*

*Фашисты разрушали наш завод,
Но смерти его враг не дождался.
Был двадцать пятый, девяностый год,
Но КМЗ, как Феникс, возродился.*

*И будет он работать сотни лет,
Какая б в мире ни была погода.
Налей ещё по рюмочке, сосед,
И выпьем за бессмертие завода.*

ВИКТОР САДОВСКИЙ

**ИЗ КНИГИ «ОРЁЛ. ЗА ДЫМАМИ ВРЕМЁН».
КАРТИНА ПЯТАЯ.
ЗАКЛАДКА КРЕПОСТИ**

1.

*Поплыло над лесом солнце,
Небо светом полнится.
Зазвонили в колокольцы
На походной звоннице.
Воевода Безобразов,
Шапку сняв, идёт с Указом
К иерарху старшему:
«Бла(го)слови, владыко, нас
С честью выполнить Указ
Государя нашего».
«Бла(го)словляю! Божья Воля
В царском повелении:
...бысть поставлен град на поли
на реке Орлее!**»

(*Цитата из исторического документа приводится с опечаткой)

*Крест целует воевода:
«Любо, люди ратные!»*

«Любо!..» – громом с небосвода
Эхо троекратное.
«Любо! Любо!» – вторят войску
Мужики работные.
Льётся солнце тёплым воском
На ряды их плотные.
Бабье лето вяжет нити
Паутин серебряных.
«Люди добрые, взгляните!
Вот и ангел наш хранитель
Кружится над дебрями!»
В завершение молебна,
К месту церкви будущей
Прилетел – спустился с неба –
Голубок воркующий.
Крест подняв над головою,
Иерарх со свитою,
Всех кропя святой водою,
Двинулся с молитвою
К месту будущих ворот,
Где река Орёл течёт:
«...утверди, Господи, ограждение се...
избави его от губительства,
труса и потопа, огня и меча,
нашествия иноплемennых,
междоусобной брани.
И даруй насельникам града сего
жизнь счастливую».

2.

На реке волна рябит,
Пригревает солнышко.
Возглас дьякона: «Руби!»
Рог походный протрубил,
И – пошла работушка.

Застучали топоры,
Брёвнышки дубовые
Зачищаем от коры,
Строим крепость новую.

Позарез Орлу нужны
Всякие работники.
Землекопам нет цены,
Дровосекам, плотникам...
Из окрестных деревень
Мужики не хилые
Ходят в крепость каждый день
С топорами, пилами...

Всех Орёл готов принять,
Чтоб расправить крылышки.

Тут закон – не выдавать!
Беглый, каторжник иль тать –
Можешь смело пополнять
Ратные дружинушки.

Хочешь воли – к казакам!
На станицы в полюшке!
Но сперва – с молитвой в храм,
Чтоб накопленным грехам
Не досталось волюшки.

Слух летит стрелы быстрее
По России-матушке.
Чешет выю хан Гирей
И литвин на ратуше.

Крепость русская – что кость
Горлу ненасытному.
Не буди в медведе злость,
Приходи на Русь как гость,
Чтоб не быти битому.

3.

Догорают берёзки и клёны
У корней родословных Орла.
Новый город, как юный орлёнок,
Лишь готовится встать на крыла.

Будет путь и прямой, и извилист,
По велению властной руки.
Дай-то Бог, чтоб вовек не мугились,
Чтобы девственно чистыми бились
В руслах рек, как в сердцах, родники.

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

В ОЖИДАНИИ НОВОГО ЧУДА
Из книги «Весна любви»

* * *

Белоснежно в полях,
в небесах – белозвёздно,
Это значит: весна
возвратится к нам поздно.
Где февраль-бокогрей
кружева на деревьях развесил,

Жду пернатых друзей,
ожидаю их радостных песен.
Ожидаю – в ночи
журавли надо мной зарыдают;
Ожидаю весну,
и тебя, как весну, ожидаю.
В белоснежных полях
моего срединного края
Ты однажды пройдёшь –
словно солнце в полях заиграет.
Говорун ли ручей
пропoeт над равниною белой –
Думать буду светло,
словно ты эту песню запела;
Словно ты на заре
по заречным лугам проходила...
Жду, как песню, тебя –
приходи, моё дивное диво.

* * *

Уходит март.
Весна в моём краю
Шумит по колее дорожной.
Уходит март.
Глаза мокры от слёз –
Себя не узнаю,
И на душе тревожно.

Постой, дружок!
Уходишь от меня...
А, знаешь,
Как ты мне сегодня нужен –
Убрать с тропы
Вчерашний твой снежок
(Работы на полдня)
И походить по лужам.

Но я не вдруг пошёл бы
За тобой,
Веди меня тропинкою заветной:
От Васькиной усадьбы
Через луг –
Дом с белою трубой,
Такой приметный...

Конечно он!
Ты много уже лет
Туда водил доверчивого друга.
Снега февраль бросал
Со всех сторон –
Не виден белый свет,

*Ты усмирял все вьюги
И вёл меня...*

*И вот последний срок.
Сегодня мы с тобой
Ещё помочим ноги;
Мой добрый март,
Побудь со мной полдня,
Из всех земных тревог
Пойми мои тревоги.*

*Они просты, как небо и вода:
Что вот есть дом,
Который часто снится,
Хозяйка в нём...
И я хочу туда –
Приспело время
С нею объясниться.*

*Чего стою?
Да слышу: впереди
Апрель забулькал
 в колее дорожной.
Мой добрый март,
Теперь я сознаю
(А ты веди, веди),
Что без неё
Прожить мне невозможно.*

* * *

*Засинело утром небо надо мной.
Пахнет вербой, пахнет близкою весной.*

*По сугору, среди поля, там и тут,
Словно родинки, проталинки цветут.*

*Издалёка, из-за синих да лесов,
Слышу пенье развесёлых голосов.*

*Издалёка, из-за гор или морей,
Прилетайте, мои птишки, поскорей,*

*Ведь не зря всё зазвенело, понесло...
Сяду в лодку да возьмусь-ка за весло;*

*Кто со мною, кто смелее – залезай!..
Поплыву я, словно дедушка Мазай;*

*Среди льдин да среди вешней кутерьмы
Поплыву от дикой стужи, от зимы.*

* * *

*Славно жить под сияньем небес!
Справа – речка, за речкою – лес,
Всё родное моё, не угрюмое.
Свет небесный в глазах не угас;
О тебе, о себе и о нас
Думку думаю.*

*То не дятел в берёзах стучит –
Моё сердце, оно не молчит,
Оно думку мою понимает.
Мать – земля, в эту вешнюю стынь
Ты согрей нас, ты нас не отринь –
Нам тепла твоего не хватает.*

*День апрельский да будет высок!
И гудит по стволам сладкий сок
И в сосуде стеклянном искрится.
Наши жизни сгорают в огне,
Я – в тебе,
Ты, как песня, во мне,
Что не сможет уже повториться.*

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

1.

*В прогоне смолк ручей –
Отговорил,
Пропел весне задорно свои песни.
И вот с утра над нами трепет крыл,
С утра иные песни в поднебесье.*

*Звенит-трезвонит светлый окоём;
Весна кругом, и мы с тобой вдвоём.*

*Восходит солнце; тёплый ветер тих.
Держу в своих ладонях твои руки.
И что за чудо – этот краткий миг,
Где я и ты, и песенные звуки.*

2.

*В днях погожих пришедшей весны
Оживают зелёные всходы.
Были талые воды мутны,
Отстоялись, очистились воды.
В каждой луже по солнцу дрожит,
Солнце плавает в мелких запрудах.
Хорошо на земле этой жить
В ожидании нового чуда.*

3.

*И снова вижу чудо из чудес!
То гром, то дождь –*

*И всё на голый лес.
Гремит, гремит над крышей ранний гром –
Подумал даже: батя на подводе,
За трезвость уважаемый в народе,
Вдруг растерял бидоны за бугром.*

*Но под навесом сбруя и конёк;
И было бы, быть может, невдомёк,
Что пережили зиму дерева,
И что весна справляет новоселье,
Когда бы вдруг не первая трава
И дух земли, вселивший в нас веселье.*

* * *

*А это было, как во сне.
Волненья были и свиданья.
И вот уже пришли ко мне
Любви горячие признанья.*

*На ветках первая листва,
В лугах зелёной щёткой травы.
Шепчу желанные слова,
Как будто строю переправы.
Пройдёт ещё какой-то срок –
И к вечеру под гомон птичий
Ты гордо выйдешь за порог,
Тряхнув причёскою девичьей.*

*Плеснёшь лазурным светом глаз;
Рука в руке – замрём у хаты.
Сосед устанется на нас
И отвернётся виновато.*

НЕ ПРОРОЧЬ

*Любимой женщине – цветы,
Любимой женщине признанья.
Наступит час – что скажешь ты,
Пророча наше расставанье?*

*Не говори, что ты права,
Что жизнь невыносимой стала.
И пусть придут к тебе слова
С оттенком мягкого металла.*

*Тебе всё выдержать суместь,
А мне не надо аллилуйи.
Сгорает с тобой наша цветъ
В огне взаимных поцелуев.*

*Я радуюсь, что я живу,
Что у меня ты есть на свете;*

*Что каждый раз тебя зову,
Одну зову во всей планете –*

*Другой на свете не нашлось,
И пусть судачат лиходеи.
От мысли, что мы будем врозь,
Душа и тело леденеют.*

*Звездой, сияющей в ночи,
Живёт во мне одно желанье:
Ты лучше всё же помолчи
И не пророчь нам расставанье.*

СИРОТСКИЕ ЗИМЫ

*Сиротские зимы! Сиротские зимы!
То лёгкий морозец, то дождь.
Туманная дымка над полем озимых,
Свистят на ветру повлажневшем лозины,
А сердцем не этого ждёшь.*

*Морозов крутых ожидаешь, старинных,
Сугробов на каждом шагу.
Что после метелей закат снегириный,
У дома, за домом да в поле равнинном
Тонуть бы по пояс в снегу.*

*Январь, а бесснежье; чернеют просёлки,
И ночи длинны и темны.
К утру над равнинами льдинкой-осколком
Прорежется месяц – да что там иголки,
Дома в трёх шагах не видны.*

*И ждёшь: хорошо бы морозец с обеда,
Да треснул бы лёд на реке!
Да брёвна б трещали в избе у соседа,
Чтоб он беспокойно хоть раз отобедал
В своём расписном теремке.*

*И ждёшь, когда санные лягут дороги,
Тропинок охотничьих ждёшь.
В душе, как сорняк, вырастает тревога:
Январь, а в природе неясного много,
То лёгкий морозец, то дождь.*

*И трудно в январском бесснежье озимым,
Деревья закованы в лёд.
Сиротские зимы! Сиротские зимы!
Плетут старики вечерами корзины,
Гадая: а что-то грядёт?..*

РОДИНА

*Всю ночь за домом с радостью великой
То о деревне маленькой моей,
То о стране – большой и многоликой –
Поёт, не умолкая, соловей.*

*Сердца людей стучат, не умолкая,
И каждый день, к восходу обратясь,
Я этот стук тревожный понимаю,
Со всем земным улавливаю связь.*

*Горит огонь.
Полынь чуть-чуть горчит,
Зелёный лес ветрами встревожен.
Смотрю вокруг, а сердце так стучит!
И сознаю, что я ведь смертен тоже.*

*Сгорать от зноя молодой траве,
Огонь – он враг поднявшемуся лесу.
И ласточки в прозрачной вышине
Пугаются железного прогресса.*

*Они тревожатся не о себе,
Живут, своих детей оберегая.
И родина в нелёгкой их судьбе,
Как и в моей, такая дорогая.*

ТРЕВОЖНО МНЕ

*Любви желанный непокой –
Он был во мне сильнее жажды.
Ты помнишь год и в день какой
К тебе, в твой мир пришёл однажды.*

*Ты руку подала свою –
Величественно, как царица;
С тех пор тебя я познаю,
Сумев тогда в тебя влюбиться.*

*Всё было: радость бытия,
Волнение встреч, печаль разлуки.
С тех пор, любимая моя,
В сплетенье тайном наши руки.*

*Всё было? Есть! И, не спеша
Листая прошлого страницы,
Готов признать, что душа
По-прежнему к тебе стремится.*

*Есть тайных чувств девятый вал,
И не считай, что это мало.
Ах, как тебя я целовал*

*И в поцелуях познавал...
Меня ты тоже познавала!*

*Сегодня ты в моей судьбе,
И непременно что-то значишь.
Я знаю: если ты заплачешь,
То думаешь не о себе;*

*О нас с тобой, о прошлом дне,
О том, что будет завтра с нами
(Неужто будет всё, как в драме?)...
Ты плачешь, и тревожно мне.*

ПТИЦЫ

*То тихо, то несносно громыхая,
Проходит жизнь, и, в общем, неплохая.
И я, надеюсь, тоже неплохой.
Созрел для жизни – подавай работу,
Пораньше встать и до седьмого пота
То с ручкой за столом, а то с сохой.*

*Но есть ещё той зрелости примета,
Когда не осень, – середина лета,
И ты способен горячо любить.
Живёшь, наполнен чувствами без меры,
Каких не знают парни-кавалеры,
И не гадаешь, как сегодня быть.*

*А я о том, что мы плохие птицы:
Созрев для жизни, мы смогли влюбиться,
Но вот не свили своего гнезда.
Вот и тоскуем, провожая лето,
Что слишком хрупко наше счастье это,
А с осенью приходят холода...*

МЫСЛИ О ВЕЧНОМ

*В июньскую пору
 уходит пчела от летка...
Так хочется жить,
 только жизнь у меня коротка.
На милой земле,
 осенняя отцовский порог,
Я много замыслил,
 но мало что вечного смог.*

*Стою у летка,
 а над пасекой радостный гуд –
Рабочие пчёлы
 в разведку за взятком идут.
Уходят туда,
 где рассвет,
 словно лебедь, проплыл.*

Я много замыслил,
но многое сделать забыл.

Сквозь призму столетий
доносится стук молотка –
Отец мой живой,
У него за плечами века!
На милой земле
до войны,
до меня,
на войне,
И столько же вечного
делал отец мой при мне.

В июньскую пору
уходит пчела от летка –
в разведку!
В работу!
И мне бы за плечи века!
Сквозь призму столетий
глядел бы мой ветреный внук
На вешие пашины,
на старый заржавленный плуг
И, с мыслью о предках,
сказал бы примерно, он так :
– В хорошее время жил дед мой –
забавный чудака. А выпал сколько!..
А сколько изношено кос!

Но время, – как ветер,
а в этом и главный вопрос:
Мечтая о вечном,
Я был к себе вовсе нестрог –
Как много замыслил,
но мало что вечного смог!
И с мыслью о предках,
о вечном
стою у летка...
Уходят в пространство
минуты,
года
и века.

СКАЗКА

Босоногое детство моё
в голубой рубашонке,
Ты в зелёных лугах
проводило свой день
пастушонком;
На заросшем пруду
на волнах целый день ты качалось,

Мне хотелось всегда,
чтобы ты никогда не кончалось.

Я не думал тогда,
что года так преступно незримы,
Не успел оглянуться –
Промчались, как лебеди, мимо.
Босоное детство,
Я помню тебя пастушонком,
Только вот почему
выгорает твоя рубашонка?..
Золотая пора!
Словно сон!
Словно чудная сказка!..

...От дождей и ветров
посветлела макушка подпаска;
От горячих лучей
смоляными становятся руки;
А бодастые тёлки
Теряют покой у излучки:
Беспокойное племя,
себя исхлестало хвостами –
Не отбиться от мух,
и тогда они к дому, кустами,
Через сырость канав
да по зарослям жгучей крапивы,
Я за ними в слезах,
хотя, кажется, был не слезливым...

Золотая пора!
По тебе я всё чаще тоскую –
Где, в какой стороне,
кто расскажет мне сказку такую?

ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА

«Я СЛЫШУ ДЫХАНИЕ РОДИНЫ...»

* * *

Страна великая, былинная,
Тобой душа не отболит,
Церквушкой кружевной, старинною,
Рекою в серебре раки.
Не отболит родными далями,

Где сеял стрелы печенег,
Славян великими печалями
Из рода в род, из века в век.
Не отболит душа погостами,
Где в буйстве дикая сирень,
Войной просчитанными вёрстами,
Судьбою нищих деревень...
Небесталанна. Без удачи.
За все, за всех – на мне вина.
Душа болит. А как иначе
Тебя любить, моя страна?!

* * *

Я слышу дыхание Родины...
Я злата себе не прошу:
Тропинку бы, кустик смородины,
В цветках повилики межу...
Кто грезит байкальской сказкою,
Валдайским зеркалем озёр,
А мне бы – дорогу на Спасское
И мой новосильский простор,
Пушкарных старинные дворики,
Тургеневский мой бережок,
Застенчивость тихого Орлика,
На взгорке – берёзок кружок

* * *

На открытие памятника
Ивану Бунину в г.Орле
Вернулся в бронзе, величавым изваяньем,
На берег юности, к излучине Оки.
Исполнилось заветное желанье –
Уйти из плена ностальгической тоски.
Земля родная, нужно ль покаянье
Души истерзанной, в тебя влюблённой, Русь?
В серебряном созвездье мирозданья
Воспел Он трепетно твою красу и грусть.
Прими, Орёл, его сыновью нежность
И исповедь средь окаянных дней,
И скорбный звук, и музы свежесть,
И тайны тёмных бунинских аллей.

НОВОСИЛЬ

По-над Зушей раскинулся древний
Городок на год старше Москвы.
А вокруг все сады да деревни,
Перелески, луга да мостки.
Над обрывом в просторах и сини
Птицей вольной мой город парит.
Как нигде, здесь, в моём Новосиле,
Русь со мной о любви говорит.

СОКОЛЬЕ

Какою стариной от мест родимых веет...
Здесь соколиных дел селились мастера.
Взмывал дозором сокол на пути Гирея,
Летела в стан врага разящая стрела.
Не войны - мирный день нанёс сюда проруху,
От соколиных гнёзд в помине нет вестей.
Вчера здесь померла последняя старуха,
Что одиноко у реки пасла гусей...

ГОЛУНЬ

Часто тоскую...
Голунь – свет небесный.
Серп над Западом.
Голицынский дом.
Пряный, духмяный
 за кромкою леса
Глазу приветный
 родимый простор
Все изначально.
До боли знакомо.
Холм над рекой.
Серебро родника.
В парке старинном,
 в местечке укромном
Слышу, как шепчут
 седые века.
Сосны у школы.
 Напевы столетий.
Кроны коснулись
 далёкой звезды.
Самые дивные
 песни на свете
Здесь распевают
 лесные дрозды.
Зуша в лугах.
 И земля плодородна.
В травах дурманный
 малиновый звон.
Люди здесь добрые,
 нравом свободные
С дедовских давних
 и славных времён.

* * *

Как важно свой иметь заветный корень,
Что прорастал веками вглубь земли,
Свой берег над рекой, тропинку в поле,
Сирень у окон, где хмельные соловьи,
Свою скрипучую у печки половицу

*И лик Николы в рубленом углу...
Как хорошо, что есть чему молиться,
И сердце бьется: «Помню и люблю...».*

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

*У памяти свои страницы,
На каждой чьи-то имена.
Кто был, ушёл, как сон с ресницы,
В другие дали, времена.
Со мной друзья, их поминаю
Просвирой хлебной, жгу свечу,
Как воск, с печалью будто таю
И невозвратное ищу.
Надежда брезжит: вдруг приснится -
Мне встреча с кем-то в эту ночь...
Но вновь пришла, зажглась денница,
И вспоминать стало невмочь...*

* * *

*Глотаю я пыль фолиантов –
Судьбою России больна.
«Бояре, князья, адъютанты, -
Читаю, - интриги, война,
Татаро-монголы, напасти
И князьих усобиц раздор,
Короны, никчемность династий,
Мужицкие бунты, разор...»
Что век, то печальнее вести,
Проклятье на плечи Руси!
Рубаха нательная, крестик,
Мужицкая правда...Есть!*

СТАРЫЙ КОЛОДЕЦ

*Касаюсь сруба - сердце сжалось...
И память всполохом зарниц.
Здесь все когда-то начиналось
С ковши у дедовских криниц.
Колодцы рыл мой дед, гордился -
Отсюда род - изба к избе,
Чтоб сын и внук навек селился,
И стар, и мал - судьба к судьбе.
Здесь вволю пелось, горевалось,
Имело всё глубокий смысл.
Здесь солнце с радугой венчалось
Над звонким древом коромысл.
Полынь у старого колодца.
Скрипучий ворот, сруб-труха.
Как горько - больше не поётся
И не гуляется в лугах.*

СТАРУШКА

Старушка стоит у развилки дорог,
Со спелой вишней корзинка у ног.
Недорого просит с проезжих людей,
На хлеб бы хватило на несколько дней.
Да мимо машины. Старухи глаза
Печально глядят, как со стен образа.
И кажется, будто забыта издревле
В той старой печальнице наша деревня.

* * *

Какую поставить свечу?
С какою молитвой склониться?
У Неба защиты ищущу,
Чтоб силы дало не сломиться.
Бездержный спрут-чистоган
Терзает родимую землю.
Вот скрытый славянский курган.
Наш погран обычай издревний.
В ком сила слепая, тот прав,
Бесовская поступь не нова.
Где отчие норы и нрав?
Поругано русское слово...
У Неба защиты ищущу,
Чтоб силы дало не сломиться.
Я Родине счастья хочу!
За Родину надо молиться.

* * *

Мало осталось в нас сказок...
Где ты, Конёк – Горбунок?
Всюду мазки серых красок.
Аленький, где ты, цветок?

Ноздри щекочут игриво
Запахи тленья, беды.
Кружит «заморское диво»,
Всюду вампиров следы.

Брань вперемежку с молитвой.
Оргии бесов, тоска...
Души как будто забыты,
Удаль Конька-Горбунка.

Братья – вразброску и порознь.
Флаги, гербы... Всех не счесть.
Точит за Родину совесть,
Как от раздрая сберечь?

Даст ли ответ мудрый Ворон,
Птица ль слетит Гамаюн?

*Нечистью тайною полны,
Те, что пороки куют...*

*Кони нужны ли Ивану,
Перья Жар-птиц, терема?
Кара Господняя - рана
Сердце нещадно прожгла.*

КОЛОКОЛЕЦ

*Средь рухляди, в заброшенном сарае,
Насмешкой незапамятных времён,
Нашли в паучьих сетях «дар Валдая» –
Поддужный колоколец – меди звон...*

*Беру я драгоценную находку,
Как чудный клад, как летописный свод:
Вот мастера клеймо, из серебра обводка...
Микула постарался иль Федот?*

*Но кто бы ни был – добрый колокольщик,
Под силу мелкий звон и дужные билы.
Веселый балагур, а может – спорщик
С поклоном к нам из русской старины.
«Звени, дружок, да утешай в дороге», –
А седоку посланье: - «Поспевай!».
Кибитка ли, телега, просто – дроги, –
Поёт у колокольчика душа.*

*На ярмарку ль спешил купец-кутила,
Ямирик ли с «подорожной» грустил...
Да, всё одно: коль сердце защемило,
«Валдая» не хватает нам в пути...*

БЛАГОДАТЬ

*Не всё то хмарь да темь осенняя,
Должна быть где-то благодать...
Большак. Деревня. Церковь древняя -
Щадило время, вражья рать.
Алтарь, иконы, колоколенка,
Погоста чёрные кресты.
А над часовней вьётся горлинка,
И радуг светятся мосты...
Благоуханием наполнены
Деревья, травы и леса.
Земля пречистая намолена,
Нисходят к людям Небеса.
Ни слова чёрного, ни помысла,
Корысть оставлена и гнев,
И запустение не горестно,
Мысль о гибели – лишь блеф...
Пора настала, час отмеченный,*

Когда порок замкнул свой круг,
Приди сюда, к земле завещанной,
Впитать в себя наш русский дух.

АЛЕКСЕЙ ШИТИКОВ
Курск

ОТ КУРСКА ДО ОРЛА

МНЕ ВЕРИТСЯ ВНОВЬ!..

Прости, что всё реже стихи о тебе
В тетрадь мою стали являться, –
Неужто я скоро в любовной игре
Играть стану роль тунейдца?..

Печальная шутка явилась не зря:
Сегодня опять почему-то
Меня соловьиного звона заря
К тебе не толкнула – и смута
Сейчас вот туманит раздумья мои:
Неужто остуды взаимны,
Неужто для нас не споют соловьи
Любви вдохновенные гимны,

Как пели они в золотые года
Той младости-юности нашей
И зрелости десятилетий, когда
Была золотою ты чашей,

Наполненной крепким волшебным
вином,
Что «месяц медовый» с дня свадьбы
Всё длило?!.
Ах, как мне забывчивым сном –
Предательским – вновь не проспать бы

И завтрашний праздничный звон
соловьёв
Во славу цветущего мая, –
Всё верится в это: уста мы сольём –
И вспыхнет любовь заревая!

ГЛАДЯ СТВОЛ ДУБА...

Может быть, смогут меня вспоминать
Только родные, которых
Слишком я мало могу насчитать

Даже в родимых просторах,
Не говоря о далёких краях,
Где мои родичи ныне,
Может, о курских поют соловьях,
Но родовые святыни,
Видно, утрачены ими – село
Отчее не навещают
То ль потому, что живут тяжело –
Пенсий рублишки считают,
То ли все узы и скрепы родства
С времени давних вербовок
Так отсыхали, как эта листва,
Что вот с разветий дубовых
Сыплется наземь, на снежную стынь,
Кружится в завертях ветра...

Сын, ты могилку мою не покинь –
Пусть два квадратного метра
Не покрывает забвенья трава...
Но коль осыплется с дуба
В стужу на холмик земной мой листва, –
Пусть полежит эта шуба:
Сам вот не знаю, зачем, почему
Глажу ствол дуба я с лаской, –
Не потому ль, что подобен ему
Род наш был мощью крестьянской?!

ЭЙ, РАЗЛЁТНЫЕ!..

Эй, разлётные, покажите
Напоследок мне то, как мог
Пролетать деревенский житель
По разгонам степных дорог
С колокольцами-бубенцами,
С визгом девичьим озорным!..

Сам сажал я красавиц в сани
И завихривал в снежный дым.
На щеках и устах молодок
Красным перцем горел мороз,
Вбок слетали на поворотах,
Хохотали в снегу до слёз!..
Где ты, молодость? –
Уж не меток
Глаз на влюбчивую сирень...
Эй, разлётные! –
Напоследок
Подарите мне юный день,
Чтоб забыть о душевных ранах,
Чтобы радоваться до слёз,
Видя, как на устах желанных
Красным перцем горит мороз!..

В ВЕСЁЛЫЕ ДНИ...

1

Весёлых дней

*всё меньше в моей жизни –
И всё ж они приходят иногда!..*

*Я пробирался сквозь приречный
хмызник –*

И вдруг!..

*Прости, девичья красота,
Что на тебя нечаянно набрёл я
В тот самый миг, когда ты из реки
Русалкой ловко выбралась на брёвна
И, распрямившись, встала на мостки
Так, чтобы солнце целовало груди.
Я по загару грешных твоих мест
Определил и понял: злые люди
Здесь не пугали никогда невест!
Не мог и я средь веток шевельнуться,
Чтоб не спугнуть
природный твой покой,
И невозможно было отвернуться –
Не управляла шея головой,
И голове не подчинялась шея,
И всякий стыд отсутствовал во мне.
А ты стояла, будто хорошея
С минутой каждой в солнечном огне!
Мои ресницы даже не моргали –
Заворожённо я за тем следил,
Как в каплях влаги сочно созревали
Две землянички на твоей груди,
Как всё нежнее становился лик твой,
Как улыбались радостно уста!..*

*Когда б тебя священной молитвой
Я не толкнул бы в воду, красота, –
Наверно, дьявол взял бы мою душу
Так в оборот, что не сумел бы я
Осилить страсть –
рванулась бы наружу –
В твой мир –
Лавина грешная моя!..*

*Пока в реке плескалась ты,
Я скрылся,
Но этот день –
Весёлый! –
Не забылся...*

2

Ты, словно плакучая ива,
Прикрыта расплеском волос.
Но гудки твои нестыдливо
Глядят на меня из-под кос,
Ниспущенных до поясного
Изгиба твоей красоты...

Прости, что я снова и снова
Целую живые цветы
Твоей охмеляющей стати,
Земная невеста моя, –
До свадебной звёздной кровати
Готов вознести тебя я!

Как жаль, что войти не успели
Годочки твои в зрелость лет,
Хоть вызрел в девическом теле
Так ягодно солнечный свет,
Что я оторваться не в силах
От уст и сияющих роз,
Столь нежных и дивно красивых,
Манящих меня из-под кос!..

Любимая, поустарели
Запреты морали весьма, –
Пушай соловьиные трели
Боязнь твою сверзнут с ума,
Пусть эта плакучая ива
Твоё не печалит чутьё:
Мне ведомо то, что счастливо
Ты будешь смотреть на неё
И завтра, и в годы седые:
Поют мне о том соловьи,
Что девушки все остальные –
Невесты уже не мои...

Желанная, жаркое жало
Любви очумевшей моей
Напрасно так жёстко отжала
Ты вновь от жар-птицы своей, –
Природой земной и небесной
Начертан наш путь вековой:
Ты станешь в душе моей песней
И любящей, верной женой,
А я твоим мужем, счастливым
Любовью – от нынешних дней,
От этой вот ивы до ивы
Последней уж в жизни моей...

ЭЛЕГИЧЕСКИЕ СТРОКИ

Давно ль это было? –
Ты юностью сил
Меня полюбила,
И я полюбил
И годы молился
Твоей красоте!..

И вот наши лица –
Двулунье в воде.
Стоим на мосточке,
Где мы сведены
В далёком годочке
Цветеньем весны
Так счастливо были
Для жизни!.. –
И вот
Устами остыли
И дух – вне высот...

В закрутные свивы
Струистой реки
Плакучие ивы
Роняют листки, –
Не в силах перечить
Они естеству,
И нам всё не легче
Смотреть на листву:
Уносят, уносят
Их токи воды,
А скоро вморозят
Остуды во льды
Их память о мае
И летней поре...

Прости, дорогая,
Что я, в ноябре
Рождённый, вот снова
Не радуюсь дню
И строки сурово
К закату клоню...

ПРАВДА ХОДИТ ПРЯМО...

Правда ходит прямо, а не криво,
Хоть её то тот, то этот бес
Завести пытается блудливо
В ложь громко вещаемых словес...

Кину взгляд на Родину – и снова
Обольётся горяшком душа:
«Нового мышления» полова

Сеется на мощь страны, как ржа,
Разъедая всякие опоры
В городах и весях, – потому
Зашатались на Кавказе горы,
И уже в пороховом дыму
Бывшие Республики Союза,
Поворот-переворот свершив,
Ищут блага для кармана, пуза,
А не для ума и для души...

Неужели загрохочут пушки,
Раскаляя смертоносный пыл,
От просторов Севера до Кушки,
От Калининграда до Курил?
Неужели зря ору мужчинам,
Озверевшим в схватках огневых:
«Что же вы толкаете к пучинам
Смерти глупой и детей своих,
И себя с родителями вместе?..
Нам дана Земли шестая часть! –
По законам совести и чести
Разве негде жить?
Зачем же вспять
Повернуть историю желаем? –
Нет у жизни задних скоростей...»
Грудь сильнее, чем рана ножевая,
Жжёт-болит от страшных новостей:
Сын солдата, павшего на фронте
При боях с фашистской ордой,
Украинцам вот кричу: «Не ройте
Вы могил самим себе!..» Но бой
С фронта разгорается и с тыла,
Взгляд чуть не у всех людей свинцов...

Жутких злодеяний натворило,
«Новое мышление» глупцов!..

ВОЛШЕБНЫЕ ВИДЕНИЯ...

Случается ль с вами такое,
Иль это присуще лишь мне? –
Вот снова лицо дорогое
Открылось глазам в вышине.
Неужто душа моей мамы
Способна творить волшебство –
С небесной смотреть панорамы,
Являя лица естество
Не только духовному глазу,
Что скрыт в подсознание моём? –
Обычным вот зрением сразу
В пространстве узрел золотом
Я мамы лицо молодое,

Наверное, тех ещё дней,
Когда, наклонясь надо мною,
Над люлькою-зыбкой моей,
Красиво она улыбалась
И пела мелодии мне,
Звучанье которых осталось
В сердечной моей глубине!..

Всё чаще стал видеть, всё чаще
Лица дорогого черты,
Пока что она не маняще
Глядит на меня с высоты,
А так же приветно и нежно,
Как в жизни смотрела всегда,
Когда не печалил погрешно
Глаза я её и уста.
Случается – явно послушу
Я даже и голос родной...

Ты, мама, небесную крышу
Ещё поддержи надо мной
Хотя бы лет десять: я песен
Немало успел бы допеть,
И мир мне земной столь чудесен,
Что страшно в нём думать про смерть...

ПАМЯТИ СРОДНОГО БРАТА

Островок среди поля –
Семь берёз и дубок –
Вспоминать я без боли
Во все годы не мог:
Здесь вот сродного брата
В сорок третьем году
Разорвала граната...

Скорбью согнут, иду
По заросшей тропинке
В память, в прежние дни –
Вспоминаю поминки
И рыдания родни,
Отягчённые страхом
Тем, что даже меж хат
Иногда вдруг бабахал
Взрывом мин иль гранат,
Что оставлены были
В пору Курской дуги, –
Их непросто забыли,
Как мне мнится, враги,
А с коварством злодейским:
Чтоб военный каток
Прокатить и по детским
Судьбам...

Вырос дубок.
Так и Мишка бы вырос,
Мой двоюродный брат,
Но лишь память явилась
О живом: как он рад
Песни петь был, смеяться
Колокольчиком!.. Но
Вновь по-братски обняться
Мне с дубком лишь дано...

ЛЮБОВЬ – ДАР ВЫСШИХ СИЛ!

Говорят, мол, как только окончится
Половое влечение, – поэт
Позабудет любовное творчество...
Неужели духовности свет
Во взаимной любви вдруг становится
Ниже плотских физических чувств?
И настолько ли старость – виновница
В угасании славных искусств?
А быть может, грядёт угасание
Стихотворцев таких, чьих глубин
Лишь касаться могла сексомания,
А не мощь Настоящей Любви?..

Верю в то, что Любовь – дарование
Высших Сил, а не только земных,
Потому не готовлюсь заранее
К неявлению стихов молодых
О тебе в моей будущей старости, –
Верю, что за любую межой
Я душой не познаю усталости,
Восхищаясь твоею душой!
Дай мне, Бог, поделиться и с внуками,
Когда зрелость войдёт в их года,
Золотыми мужскими науками,
Как Любовь находить – навсегда!..

ПО МАМИНЫМ СКАЗКАМ...

Дни детства, как звёзды, уже далеки,
Но память с годами
 пронзительней стала:
Управясь в подворье, вязала носки
Под лампою мама и сказки «казала»:
«Под высью небесной
 на глади морской
Есть остров,
 на нём среди Райского Сада
Летает Жар-птица...» –
 при сказке такой
В корабль превращалась родимая хата.
Я старенькой прялки крутил колесо,

В мечтах капитаном себя представляя.
И перелетала мечта моя в сон:
Ко мне приближалась Жар-птица из рая
И голосом маминым пела: «Алёш,
Когда дорастёшь ты до возраста парня,
Тогда соколино крыла развернёшь,
С прекрасной Жар-птицей
летать будешь парно!..»

По маминым сказкам летела душа
В подростковый возраст
и в юность парнишки –
И всё это время мечтою дышал:
Жар-птица ко мне
прилетит не из книжки,
А спустится с радуги –
с райских ворот,
С рассветной зари
иль с вечерней Венеры! –
И чудо сбылось: подарил небосвод
Красу для Любви, и Надежды, и Веры,
С которой вот к свадьбе идём золотой!..
Пусть внуками сказка
не раз повторится:
«Под высью небесной
на глади морской
Есть остров – зов Сокола
ждёт там Жар-птица!..»

ЛЕВ КОТЮКОВ
Переделкино

МОЁ СЛОВО

ИСТИННОЕ СЛОВО

вне прошлого, настоящего и грядущего.
Истинное Слово – это вечное Сегодня,
ибо Слово вне времени и пространства.
Поэзия, как вечность,
объемлет наше бытие и небытие.
Но мы зачастую не замечаем поэзии,
как порой не замечаем чистый воздух,
которым дышим.
И, слава Богу, что не замечаем, ибо
обратить чистый воздух в отравленный –
человеку раз плюнуть.

* * *

*Задыхаюсь во тьме, как в пустыне,
Как во льдах, – у Земли на краю,
Будто горькою кровью полыни
Враз омыло всю душу мою.*

*Будто больше не будет отсрочки,
Но стихи всё растут, как трава,
И слова обращаются в строчки,
И становятся плотью слова.*

*И слова мою душу сжигают,
Но куда-то всё дальше несут...
И от смерти стихи не спасают,
И от жизни, быть может, спасут.*

ПОЭТЫ

*Жаждают отзыва поэты.
Похвалы упорно ждут...
И упрямо, без просвета,
Книги страшные несут.*

*Гнать поэтов бесполезно!..
И без стука в кабинет
Входит, как бандит с обрезом,
Недопризнанный поэт.*

*Мне б послать его с порога,
Не подымая головы...
Но поэт, забытый Богом,
Ждёт безбожной похвалы.*

*Что тебе моё почтение?!
Ты ведь сам себе судья!
Но поэт тяжёлой тенью
Ждёт признанья, как вранья.*

*Говорю: – Фактуры мало...
Говорю: – Банально всё...
Но в чужом стихопровале
Вижу страшное своё.*

*О, как люди одиноки!
Как у бездны на краю...
И хвалю плохие строки,
Будто сам себя хвалю...*

МОЁ СЛОВО

СЛОВО – ЭТО ЛЮБОВЬ!

*Бессмысленны все ожидания,
И горек несбыточный сон...*

*Но в Слове, как в тайне создания,
Останусь до вечных времён.*

*И Слово меня не забудет,
И вместе со мной не умрёт, –
И в час воскрешенья разбудит –
И душу от смерти спасёт.*

*И я над безумною бездной,
Омывшись в огне и крови,
Воскресну с любовью последней –
Навеки, как в первой любви...*

СЕВЕРНЫМ ЛЕТОМ

*Только в любви человек
постигает вечную
молодость Божию.*

*Эта жизнь, как северное лето,
Как осколок льдинки в кулаке.
И уходит молодость до света
Лунною дорогой по реке.*

*И любовь у края белой ночи
Всё молчит над берегом одна.
И напрасно кто-то там бормочет,
Что любовь без старости нужна.*

*И душа с мечтою молодою
Прозревает дальние века.
И нисходят с Севера грядую
В седине громовой облака.*

*И дорога лунная пропала,
Но не стоит плакать от того,
Что душе и молодости мало,
Что любви не надо ничего...*

ХОЛМЫ ЛЮБВИ

*В истинной Поэзии нет правил,
только исключения,
ибо Правда Божия – в Любви.*

*Созвездья тёмные дрожат.
Холмы равнину сторожат.
И горы тёмные вдали –
Навек омыла кровь Земли.*

*Нам горы мир не принесут!
Но правду утверждают холмы!..
И выйдем мы на Божий Суд –
Из ледяной, незримой тьмы.*

*Ну, а пока, любовь моя, –
Всё это морок бытия.*

*Но выйдем мы на Божий Свет –
Из тьмы незримой и глухой.
И никого на свете нет –
Кто знает всё о нас с тобой...*

*Но знает всё Господь о нас, –
И нам не страшен Судный Час.
Бесплодны горы на крови,
И – впереди – холмы любви...*

АНАСТАСИЯ БОЙЦОВА

ПОЭЗИЯ МОЯ

* * *

*Что за поезд придет?
У. Джей Смит*

*Как по скатерти вод без ажурной резьбы,
Не ища никого, разве только – забыть,
Разве только – забыться на вольном плаву
Сквозь шуршание шин, сквозь речную траву,*

*Сквозь огни – и вдыхать этот сонный абсент
Из бензина и водорослей на косе,
Из дыханья асфальта и плоти реки...
А напившись, одною рукой опрокинь*

*Фонари и закат на зеркальную тень,
Мановеньем мазка размешай, и затем
Наклонись и высматривай, взоры вперив
В эту чашу за порванным краем перил:*

*Чьё лицо проступает на скатерти вод...
«Что за поезд придёт?»*

ИЗ ЦИКЛА «ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ»

*Вдоль клавиш белых или клавиш чёрных
Касаниями, гаснувшими втуне,
По пёстрой обжитой клавиатуре
Своих воспоминаний немощёных.*

*Здесь улицы немислимых симфоний,
Здесь тупики таинственных болезней
Вдоль мостовых, назначенных не ездить,
А уплывать в колеблющемся фоне*

*Времён и лет... Как трудно раствориться!
Так память истязают пустяками
Оттенок неба, ощущение ткани,
Жасмина запах или барбариса;*

*Так мечется по комнате смятенно
Не вовремя отпущенная птица...
Ах, только разбежаться вслед за темой,
Мгновенно, не успев оборотиться,*

*И в отзвуке, рождённом первым presto,
Разбиться, постепенно замирая...
Неужто есть в аду такое место,
Которое не ранит?*

ЛЕТО

*Суть бытия? Но эта суть, увы,
Ясней, чем для Сальери в каждой гамме.
Мне надо каждый день гранить ногами
Упругую неровность мостовых,*

*Мне надо каждый час, что длится тут,
Почувствовать всей внутренностью скальпа.
Уж если говорят «дитя асфальта»,
То и асфальт имеет высоту,*

*То и асфальт... Мосты, мосты, мосты –
Любой пролёт ободран и бесценен.
Летят как под обстрелом – пять по цели
И девятнадцать тысяч холостых.*

*А с запада, с удобной огневой
Позиции, с ухмылкой философской
Мосты огнём окатывает Солнце –
Никем не устранённый часовой.*

*Суть бытия шумит и видит сны
С зелёным солнцем в обморочном зеве,
Сменивши на тускнеющую зелень
Меха зимы и розовость весны.*

*Суть бытия – объять этих лап
Испытывать, не вспоминая зиму,
И слышать запах меда и резины,
Как запах материнского тепла.*

* * *

И вот, словно взмыленного коня
С пещерами впалых скул, -
Идёшь по городу – загонять
Ошпаренную тоску.
И вот, зажимая тебя ещё
В сквозных нетвёрдых когтях,
Кривые стремнины ночных трущоб
Тебе навстречу летят.
И вот, поглощая твои шаги,
Струится синяя тень...
Не знаю, бывает ли выше гимн,
Но не завещаю тебя другим,
Мой сон в моей темноте,
Где небо – сверкающий свиток нот
Над серым клочком сукна -
Но в каждом городе есть окно,
А может быть – два окна...
И сквозь аромат машин и костров,
Сквозь пряные своды лип
Я все перфоленты оконных строк
Вычитываю вдали.
И это мерцанье земных планет
Такую наводит жуть,
Что воют собаки, осатанев,
А я на окно, которого нет,
Сквозь собственный сон гляжу.
Моя удача, мой переплёт,
Моё немое кино,
Мой город, что сонную воду пьёт,
Как тощий чёрный щенок,
Мой суций бред, бредовая гиль,
Где я, плаща не надев,
Всю ночь ненасытно черчу круги...
И я не желаю тебя другим,
Болото моих надежд!

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ

Белгород

ГОРОДА ПЕРВОГО САЛЮТА

* * *

Городам Первого салюта и Воинской славы
Орлу и Белгороду – посвящается
Годы прошлые итожа,
По истории я брёл.

Как же судьбы ваши схожи
Белый Город и Орёл.

И от ветра дуновенья
Пламень памяти не гас.
Радость, горечь и сомненья
Были общими у вас.

Цвет лугов, степные дали,
Стебли солнечной травы,
Сколько долгих лет топтали
Кони крымской татарвы.

Позже, разуму не внемля,
Раздавлив плоды добра,
Эти горестные земли
Захватила немчура.

На пути огня и стали,
Смяв метёлки ковыля,
Полею Прохоровским стали
Все орловские поля.

А потом пришла минута –
Наступил свободы миг,
Радость Первого салюта
Разделили на двоих.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

1

Я стою, а пламя
Вечного огня
Всё во мне пылает,
 да и вне меня.
В гомоне тревожном
 лип и тополей
Слышу я раскаты
 гулких батарей.
Светятся росинки
 на коре стволов,
Будто бы слезинки
 матерей и вдов.
Меж войной и миром
 здесь, как на меже,
Я стою со скорбью
В сердце и душе.
И горит-пылает,
 память нам храня,
То святое пламя
Вечного огня.

2

*Букет гвоздик в поклоне низком
Лёг на гранит с букетом роз,
Зелёных елей обелиски,
Почётный караул берёз.*

*Минуту оба помолчали
И руки юные сплели,
Цветы вослед им замерцали
Зарницами самой земли.*

*И взвился над священным прахом,
Над скорбным свитком на плите,
Огонь немыслимой отваги
В своей суровой чистоте!*

* * *

*Когда шумят деревья,
Земле отдав поклон,
Рождается доверье
К тому, что за окном.*

*В ночи несокрушимой
Иль на исходе дня
Он, этот шум вершинный, –
Верховный для меня.*

*Я с радостью щемящей
Из невозвратных дней
Припомню строй шумящий
Заречных тополей.*

*И тихий в отдаленье
Шум сосен на меже.
Когда шумят деревья –
Спокойно на душе...*

ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

*Ни одно уж столетье
На родные поля
Всё идут лихолетья,
Но жива всё ж земля.
Гордость нашей державы,
Начиная с былин,
Город Воинской славы,
Славы русской земли.*

*Как мы выжить сумели
На просторах земли,
Та где войны гремели,*

*Там, где смерчи прошли?
Никли в грохотах травы,
Но вставал, весь в пыли,
Город Воинской славы,
Славы русской земли.*

*Над страной, над Россией
Небо стало светлей.
Мы в борьбе с тёмной силой
Стали духом сильней.
Воспевают дубравы
Шумом листьев вдали
Город Воинской славы,
Славы русской земли.*

ЗЕМЛЯКАМ

*Где ж ты, времечко наше хмельное?
Сколько минуло зим, сколько лет?!
Как в село приезжаю родное –
Первым делом иду я в буфет.*

*Рук пожатие здесь со значеньем,
Аж до хруста корявых костей.
Как собрание всех сочинений,
Здесь собрание всех новостей.*

*Я за стойкой стою незаметен,
От волнения чуть оробел.
И при помощи слухов и сплетен
В курс вхожу и безделиц, и дел.*

*Кружки с пивом красуются грозно,
На столах оставляют круги.
Мужики улыбнутся серьёзно:
«Ну, поэт, расскажи нам стихи...»*

*Среди звона стаканов и звона
Подобревших мужских голосов
Никакого мне нету резона
Запираться душой на засов.*

*Я читаю про лес, про берёзки,
Про разливы весенней реки.
И в фуфайках, затёртых до лоска,
Одобрят меня мужики.*

*Недовольства никто не покажет,
Пивом горло смочив по чуть-чуть.
Невзначай разве кто-либо скажет:
«Ты про нас прочитай что-нибудь...»*

«Боже мой, дорогой ты мой друже!» –
Я безмолвно начну причитать,
Когда с ужасом вдруг обнаружу,
Что мне нечего им прочитать.

И под грузом вины непомерной
Оправдаться лукаво спешу:
«Мужики, я про вас непременно –
Вот вам слово моё! – напишу...»

И уеду я с этой виною,
И не выполню снова обет.
...Как в село приезжаю родное –
Первым делом иду я в буфет.

ЗЛАТОУСТ

Без печали и без грусти
(С ними нынче не дружу)
Молчаливо в Златоусте
Я по улицам брожу.

Мне молчанье – не обидно,
В тишине – слышнее жить.
В Златоусте как-то стыдно
Безыскусно говорить.

Оттого я и не стану
Подражать в избытке чувств
Златоусту Иоанну
Жалкой речью бледных уст.

Потому-то беспечно,
Оборвав строку, как нить,
Златоустское молчанье
Будет в сердце говорить.

ТРЕВОГА

Дорога – не просто дорога,
Асфальт от столба до столба.
Тревога – не просто тревога,
Тревога – людская судьба.

От первого в жизни порога
И до последнего дня –
Тревога! Тревога! Тревога! –
Пуškai не покинет меня.

Тревога за вольные степи,
За чистую русскую речь.
Тревога за горные цепи,
За все, чем нельзя пренебречь.

*Тревога за тех, кому сирот,
Чья жизнь беспросветна во мгле.
Пока есть оружие в мире,
Тревожно за мир на земле.*

СТИХИ ОБ ОТЦЕ

1

*В селе мы были бедняки,
На стук – не замирали,
И на засовы да замки
Дверей не запирали.*

*В дому дела были плохи,
И все об этом знали,
И нас за это “лопухи”
По-уличному звали.*

*Рай в шалаше – не вечный рай.
И вот, надев обновки,
Отец с семьёй в Амурский край
Уехал по вербовке.*

*Молва клубилась, словно дым
Из печек над домами:
«Погнался, видно, наш Ефим
За длинными рублями...»*

*Мошна и впрямь была туга,
И это всё не враки:
Мороз под сорок, плюс – тайга,
И комната в бараке.*

*Отец от этого всего
Похож был на подранка,
Ведь всё, что было у него –
Шофёрская баранка.*

*Шутила мать – в кулак коса:
«Небось, грустить не станем,
Коль есть четыре колеса –
Догоним, наверстаем...»*

*И дружно зажили, сполна,
Грустить и впрямь не стали.
И не случилась бы война –
Догнали б, наверстаки...*

*На фронт! На Запад! Всем, так всем...
И шли, врага ругая,
Но это всё уже совсем
История другая...*

2

Фронт ли, тыл – позарастали
Эти межи до конца
Тою же травой, что встала
Над могилою отца.

Штурмом он не брал высоты
И в разведку не ходил,
Но хабаровские сопки
Все как есть избородил.

Полегоньку, помаленьку
На виду у трёх держав
Свой рубеж, как по линейке,
С трёхлинейкою держал.

По штыку всходило солнце
В дебрях девственной нови,
Чтобы сесть за гребень сопки
Там, на западе, в крови!

Мой отец, туда просился.
Одноглазый военком
Хмуρο на него косился:
– Надо будет – позовём!

Те слова из синей сини
Уссурийской стороны,
Как порой сдаётся, ныне
И ко мне обращены.

Как отец, я безоглядно
Родину готов беречь:
Надо будет – значит, надо,
И об этом наша речь!..

3

...Вот и опять небеса зарябили,
Тучи уныло плывут стороной.
Здравствуй, отец! Я стою у могилы.
Выйди ко мне – побеседуй со мной.

В жизни живой мы в бессмертие целим,
Что-то великое, вечное ждём.
В жизни живой мы живое не ценим:
Времени всё для него не найдём.

Так невзначай и покинули силы.
Вечный покой тебе. Вечная тишь...
Здравствуй, отец! Я стою у могилы,
Я не спешу, да и ты не спешишь.

*Здравствуй, отец! Ты пожми мою руку,
И отведи от меня ты беду.
Всё твоему я поведаю внуку –
Я непременно его приведу.*

*Здравствуй, отец! Побеседуй со мною.
... Выдохнул голос в ответ из тиши:
«Ты не тревожься... Живому – живое...
Ты не спеши ко мне, ты не спеши...»*

БЕЛОГОРЬЕ

Борису Осыкову

*Белогорье...
Поле отчее.
По-над лугом светлый дым.
Трав густых сиянье сочное
По откосам меловым.*

*Змейка вьющегося вереска
Розовеет под горой,
И совсем не видно берега
За травой береговой.*

*Над песчаной зыбкой кручею
Пролетел стрелою стриж.
Юрких ласточек певучее
Щебетанье из-под крыши.*

*Звезд полночных многоточие,
Туч движение гурьбой.
Белогорье...
Поле отчее –
Что зову своей судьбой.*

* * *

Е.И. Носову

*Россия...
Родина...
В высоком
Сиянье звёздном небосклон,
И в чистом поле за просёлком
Вечерний наковальни звон.*

*Огни родимого селенья,
Гармошки голос в стороне,
И речки вечное течение –
Пока я жив – живут во мне.*

*И будут жить,
Пока в высоком*

*Сиянье звёздном небосклон,
А в чистом поле за просёлком
Вечерний наковальни звон...*

НА РОДИНЕ

*А на родине светло!
Добегу до поворота,
Где осеннее тепло
Обрамляет позолота.*

*Дом обжитый у реки,
На скамейке, у излучи,
Отдыхая, мужики
На груди скрестили руки.*

*В облаках над головой
Свет заката утончённый.
Пахнет выжженной ботвой
И картошкой печёной.*

*Брошу плащ свой на межу,
Землю тёплую поглажу.
Никому не расскажу,
Как я сам с собою лажу.*

*Как храню, что утекло,
Как о прожитом жалею?!
... А на родине – светло!
И чем дальше – тем светлее.*

* * *

*Я верю – дух России вечен,
Он неподвластен временам.
Не страшно мне, что быстротечно
Земное время у меня.*

*Меня страшит совсем иное,
Россия, милая моя,
А вдруг я той любви не стою,
Какой любим тобою я?*

*Лишь об одном к тебе взываю:
Когда настанет этот час –
Ты приходи ко мне такая,
Какая есть во мне сейчас:*

*Четой берёз, прохладой речек.
Неповторимы и просты,
Пусть плывут душе навстречу
Твои бессмертные черты...*

СОСНА, ВПАДАЮЩАЯ В ДОН

* * *

*Зависть людская не знает предела.
Сердце, как колокол, нервы, как стрелы.
Небо отчаянья злит пелена.
Лири, скорбящая, желчи полна.*

*Крики, стенания, упреки, тоска...
Сызмальства вечная дрожь у виска.
Гул окаянный – эфирные страсти.
Жить бы в полсилы, да жилы, как снасти.*

*Где ты, ловец человеческих душ?!
Град из камней и забвения куш.*

* * *

*Все образы, все образы и – образа!
Все беспокойные, мятущиеся лица.
Октябрьская полночная гроза,
И всполохи знамён по всей столице.*

*Творится правда, новая заря,
А может быть забвения страница.
Несёт молва весомые слова,
И над Невою дым, как встарь клубится.*

*Туман. Он застит всем глаза,
Скрывает всё – и всполохи, и спицы...
Вздыхают стены вечного Кремля.
Какой им сон теперь, сегодня снится?*

*Жизнь хороша! Все знают наперёд.
Стандартизация, количество успеха,
Открытый рот, закрытый рот,
Душа – в разнос или души прореха.*

*И купола, как свечи оплыли,
И мается всевидящее око
В преддверии торжественной борьбы
За равенство и братство человека.*

*Жгут образа, и катится слеза
Людским потоком, что идёт на плаху.
Сгоняют скот, срывают пояса.
За дело правое не рви с себя рубаху.*

*Все по чинам, а чинных – в кандалы.
Ломались кости, судьбы, жизни узы.*

*А враг меж тем толпился у стены,
Ища себе невидимые шлюзы.*

*Нам тех побед из памяти не смыть,
Ведь каждая окуплена с лихвою.
И наше небо бережно хранит
Все имена для будущих героев.*

* * *

*Я не боюсь остаться запятой.
Придут другие и поставят точки.
Мне только уготованы судьбой
Все эти незатейливые строчки.*

*Я не ропщу на низость свысока
И отдаю убогим их достаток.
Быть может, я шагну через века,
Склоняясь над полосками тетрадок.*

*Да не постигнет черствой мысли плен!
В законе мира всё идёт спирально.
И запятая – это не предел,
Виток другой в цепи моей ментальной.*

* * *

*Купола горят шатрами –
Странникам земной приют.
Неустанно от стенаний
Лики праведных зовут.*

*Пахнет ладаном и миррой.
Простираюсь к образам.
Господи – Вершитель мира,
Лиру, лиру в руки дай!
Онемелость – хуже кары.
Глас поэта – жизни сок.
В слово я Твоё одета,
Я – Твой пастырь и пророк.*

*Поднимаюсь над распятым –
С неба льётся благодать.
Богоматерь, дай мне платье,
Чтоб вовек не умирать!*

*Силы черпаю в столетьях.
Храм души – великий храм.
Верьте, люди! Просто верьте!
Крест не зря к спасенью дан.
Всё меняется, всё возвращается,
Растворяясь в судьбах – питается.
Вместе с нами обожествляется
Или снова во тьме теряется.*

* * *

Вспахано поле – чернилами строчки.
Вей на просторе! С надеждой росточки.

Труд хлебороба – страницы от Бога.
Глас его слышен, но поступь сурова.

Время диктует, и сердцу тревожно.
В рифму простую облечь непреложность.

Мысли, как рати, а латы – слова.
В думах глубоких томится страна.

Доброму семени – щедрые руки.
Строки взлелеяны, всходы, как муки.

Тянутся жилы. Двужильные живы!
Нервы пекутся на творческой ниве.

Ешьте во славу! Хвала небесам!
Хлеб мой насыщенный я весь вам отдам.

* * *

Голод. В душе разруха.
Тянутся люди в храм.
Вера, седая старуха,
Прячется по углам.

Нужно писать о времени.
Мы – XXI век!
Роятся поколения
В дырах своих утех.

Снова талдычат лозунги...
Вышнему в вышних – хвала.
Хватит ли нынче воздуха,
Чтобы поднять времена?!

РУДОЛЬФ КОТЛЕР

СТИХИ ИЗ КНИГИ «ГОВОРЮ, КАК ДУМАЮ»

ЗЕМЛЯ СВЯТЕЙШАЯ
Я живу в современном Орле,
Где война наследила немало,

*И хожу по святейшей земле,
По земле, что всего повидала.
Много тысяч погибших людей
Успокоены здесь обречённо,
Не родивших на радость детей,
Той войной навсегда разлучённых.
Я хожу по святейшей земле
Каждодневно и, кажется, слышу
Голоса тех, погибших в Орле,
Будто землю под нами колышат.
Ничего нет страшнее войны,
Уносящей невинные души –
Силы мира сплотиться должны
И любую агрессию рушить!*

ВЕСНА

*Как все прошедшие, очередная
На встречу с летом мчит весна,
Спешит, как будто подгоняют,
На хвост сердито наступают,
Но неуступчива она!
Торопится отнять у лета,
Как можно больше тёплых дней,
Манит досрочно первоцветом
Остывших за зиму поэтов
Всесильной нежностью своей.
Весна грядёт, мир пробуждая,
Бесспорно зная: всем нужна,
Ковёр поспешно расстилая,
При этом точно сознавая,
Что кратковременна она!*

РЕКА ВРЕМЕНИ

*Если б видеть умела вода,
Наблюдая живущих, как диво,
Унесла бы с земли навсегда
Человечьи дурные нарывы.
Если б помнить умела вода.
По земле из веков протекая,
Покраснела б давно от стыда,
Все безумства людские смывая.
Не вернётся вода, что стекла
В океан бесконечного времени –*

*Лишь она рассказать бы могла
О грехах бытовавшего племени.*

ПОЭЗИИ СЕКРЕТ

*Предпочитают одиночество поэты,
Любви дороже рифмы и важны,
Не ведая, что лучшие сюжеты*

*Родятся от присутствия жены.
Она и есть таинственная лира,
В которой муза прячется от глаз,
О чём не ведают поэты всего мира,
А тишина беспесенна подчас.
Душещипателям, чем значимы поэты,
Считаю долгом предложить совет:
Без женичины стихам начала нету,
Как ручке без чернил, поэта нет!*

О КНИГАХ

*Книгопечатные станки,
Похоже, завершат служенье:
Книг напечатанных полки,
Что так ценили старики,
Глотая мысли сквозь очки,
Сойдут с прилавков, к сожаленью.
Компьютер, плееры, планшет –
Из жизни книгу выжимают,
Взамен несут экранов свет,
Где всемогущий Интернет
Часы досуга пожирает.
Грядёт безумная пора,
Компьютер скорость набирает –
Шустрит с рожденья детвора,
Умы незримо набивает.
Компьютер, безусловно, – друг,
Компьютер – шаг вперёд великий,
Механизируя досуг,
Уступит книгам он не вдруг,
К чему отчасти мы привыкли!*

ПОРАССУЖДАТЬ РЕТИВЫ

*Порассуждать ретивы мы порой,
Обжив вокруг красавицу планету,
При этом создавая непокой
Своею непосредственно рукой
И не казнясь существенно при этом.
Веками, не исчерпав ссор и драк,
Передаём грядущему всё то же,
И зависть, что смиренью злейший враг,
Не уменьшая, к сожаленью, множим.*

ОТРАДНЫЙ ПОВОД

*Стихи – не сладкий сплав повторов,
Не суть подбора в рифму слов,
Не слёзы жизни, без которых
Потеря пищи для умов.
Стихи – порыв навстречу свету
Из запуталой темноты,
Возможность выдоха поэтам
Воспеть приметы красоты.*

*Отрадный повод проявиться
Да громогласно, не юлить,
К сердцам скучающим пробиться,
Любви и подвигу служить.
Опережая устремленья,
Звать окружающих вперёд,
Пером вздымая настроенье,
Которого читатель ждёт!*

ДЕНЬГИ

*Если денег мало - в жизни тяжело,
Слишком много - вовсе тяжелей,
И по сути: некая бумажка
Правит в мире обществом людей.
Деньги рушат, и они же строят,
Разбивают семьи и мирят.
Много их - сохранность беспокоит,
Мало - озабоченно скулят.
Жить без денег тяжело, однозначно.
И хотя не в деньгах жизни суть -
От избытка денег тоже плачут,
Когда нечем более блеснуть!*

КНИГА ЖИЗНИ

*Жизни книга - романа страницы.
Их так хочется все дочитать,
А роман всё худеет, тончится,
И сюжет к завершенью стремится,
До обложки рукою подать.
Было детство роману вступленьем -
Так хотелось бы перечитать
И от первых страниц оглавления,
Позабыв неудач наслоенье,
От вступления вновь всё начать.
Книгу жизни осмыслив толково,
Современный раздел начертать,
Где бы старое спорилось с новым,
Начиналось приветливым словом -
Каждый мог свой роман дочитать!*

СТИХИ О ДЕРЕВНЕ**ВОСПОМИНАНИЕ О САДЕ**

*Сад! Укрепился ты всеми корнями,
Всеми шарами дремотных кустов,
Всею бузиной, всеми летними днями,
Всеми перильцами хлипких мостов.*

*Целым зелёным гектаром поверий,
Диких развилок, черёмухи, встреч,
Зонтиков, крылышек, тонких материй
Столь, что и в памяти не уберечь!*

*Тайной цикадой, аркадой, ходами,
Сыростью, гибкостью, тиной, рекой, –
Видимо, связан ты с теми садами,
Где непрерывен цветущий покой.*

*Видимо, так уже ночь подступила,
Что независимо и наугад
Овладевает целящая сила
Всею твоей прелести, сад ты, мой сад!*

ДОЖДЬ КОНЧИЛСЯ

*Вдали громоздких туч армада.
Прошла задорная гроза.
Сквозь лаковую зелень сада
Слепит последняя слеза.*

*Округа в тающем ментоле,
А солнце жжётся добольна.
У пугала на частоколе
Дымится мокрая спина.*

*Зато на огуречной грядке,
Где марсианский крутит ус
Растенье в буйном беспорядке, –
Дрожит миллион стеклянных бус.*

*Здесь тень. Но выше – глубь и пусто.
Вот стриж опять кроит эфир...
Как молоды, как жадны чувства!
Как сочен и объёмен мир!*

НОЧЬЮ

*Сад в ознобе тумана
И в цвету, как в бреду.
И звенит фортепьяно,
Осыпаясь в саду.*

*Стали ходики-сони.
То ли тень, то ли тлен
На раскрытом балконе,
На кассете – Шопен.*

*Боже! Хрупкое счастье:
Ни о чём не радеть,
До сплошного бесчасья
Невзначай досидеть!*

*Ничего и не надо:
Только нервной игры
И растущего сада
Наобум сквозь миры...*

В БОРУ

*Остались... До изнеможенья в бору,
Где каждая ветка помеха,
Носился, цепляя крылом о кору
Разбуженный нетопырь – эхо.*

*Но выросший, словно виденье, бивак
Уже осветился кострами,
И нехотя сдвинулся барственный мрак,
Привыкший здесь жить вечерами.*

*Заблудшие дети асфальта и стен,
Как ново, как жутко и странно,
Осваивать многоколонную тень,
Огонь обступившую рано!*

*Касаясь корней, обнаруживать дрожь
Души настороженно-дикой,
Взволнованной, правила вспомнившей всё ж
Природы глухой и великой.*

*Уже и не боязно ропот стыда
Исторгнуть из уст неподвластных.
А рядом вершится любовь и вражда
И высших существ, и прекрасных...*

СТАРАЯ СОСНА

*Там старая сосна спит, как руина:
Спалил вершину грозовой набег.
Там сыплется труха, там мох и мех,
Там выводок гнездится аистиный.*

*Едва отыщет солнце свой ночлег,
Душа дряхлеющего исполина
Там оживает и скрежещет длинно,
И будит эха воспалённый смех...*

*Но сладостнее днём, на солнцепеке,
От рыжей хвои веющие токи.
Владей, как в детстве, сказочным ключом*

*И поверни! И впрямь в чащобе леса,
В столетней башне юная принцесса
Спит, по рукам обвитая плющом...*

БОЮСЬ

*Беседы на сырой скамейке
В ночную глушь после дождя,
Когда листва полнее лейки,
Едва заденешь уходя...*

*И это может повториться.
И я скажу: «Скрывать невмочь!
Ты знаешь, я боюсь влюбиться
В тебя в одну такую ночь.*

*Ты знаешь, я, боюсь, нарушу
И откровенный разговор,
И чувство, что объемлет душу,
И зазвучавший звёздный хор...»*

ПОКОСЫ

*Ужель крестьянская война
И с граблями схватились вилы?
То зелень, то голубизна,
Кренясь, подтачивают силы.*

*Покосы нынче широки,
Но если низко наклониться,
На вал воздвигшийся – в штыки
Валков повалит вереница.*

*В глазах солёная слюда,
Блестят трезубцы, взмахи сена...
Страдаешь, страждешь, но страда
Захватывает постепенно.*

*И не заметишь, вороша
Валок, борясь на равных с равным,
Как тело отстранит душа
И воспарит над миром травным.*

*И словно с дивной высоты:
Речную заводь, дол без края,
Косынки, копны видишь ты –
Со всем единство ощущая.*

Как будто терпеливый Бог
Тебя провёл через мученье,
Чтоб, наконец, понять ты мог
Свое простое назначение.

И это новая ступень.
И день, медлителен и меден,
В стерне пересекает тень.
И дрожь Оки, ракит отметин...

А ПО КОМНАТЕ БРОДИТ ЛУНА

Утомительны ночи июльские.
Не усну я никак, и шепча,
Оплела её плечики узкие,
И постель нам двоим горяча.

У подружки в глазах сумасбродинка,
А лица еле виден овал...
– Знаешь, эта роскошная родинка...
Знаешь, как он меня целовал?

Вот, смотри, – и касанье невнятное
Студит шею и ниже, где грудь.
Сразу все отнимается, ватное,
И щекотно, и жутко чуть-чуть

Пахнет с улицы липою пыльной,
А по комнате бродит луна.
Я ревную красивую, сильную:
Как смела, как любима она!

Я послушаю шёпота спешного,
Я замру, если скрипнет крыльцо,
Чтоб мальчишку хозяйского, грешного
Обмануть, подставляя лицо.

ДЕТИ В ДЕРЕВНЕ

Приехали дети в деревню.
Какая здесь воля вокруг:
В морщинах кривые деревья,
За небом кончается луг!

Из яркой пластмассы игрушка
Забыта. И дети несут
Способный палить, как хлопнушка,
Сухой и суставчатый кнут.

И дядя Руслан, чьи, как деготь,
Глаза, а загар словно мёд,
Позволил им лошадь потрогать,
Сказал, что в ночное возьмёт.

*До росного вечера дети
Пробегают. Только уснут –
Приснятся раздолья им эти
И лошадь, и звонкий их кнут...*

*А в комнате время со стрелкой
Пойдёт перетягивать груз,
И пахнет сырою побелкой,
Немного солёной на вкус.*

ОБЛАКА

*Всё неуютнее равнинам
Под небом гаснущим, и вот
Вдали, на западе карминном
Блистая, воинство идёт*

*За строем – строй! Крылаты латы.
За легионом – легион!
И ветер взмыл, тоской объятый,
И завертелся, разъярён...*

*Но оккупировано небо.
Час одоления, скорбный час!
Ночь близится и смотрит слепо,
И тайны окружают нас.*

*В перемежающемся свете
На будущих угодьях сна,
Как бы наброшенные сети
Колеблет воздуха волна.*

*И облака бледнеют, тая...
И вот в поля шумящей ржи
Летит теней прохладных стая
И свора сумерек бежит.*

*Все отдаленней запад брезжит,
Все гуще закипает мрак!
Лишь в небе стынущем мерещит
Какой-то дымный след иль знак!*

ЖАТВА

*День погас. Но, наверно, ещё полчаса
Средь пространств, заносимых дремотой,
Остывали усталых людей голоса,
Насладившихся долгой работой.*

*Не спеша, понемногу сходились к огню,
Оставляя в долине соловой
Неуклюжих чудовищ, одетых в броню,
Пахших маслом, теплом и половой...*

*И пока замерцал, и разжётся пока
Волопас над крестьянской едою,
По привычке искала металла рука,
Изъязвлённая пылью седою.*

*Наконец, эти душиной соломы стога,
Эти люди, служившие полю,
Отплывают, теряя в ночи берега,
Вечность приобретая и волю.*

*Зыбких запахов, звуков уже не унять...
Изнемогшее, тайное время:
Ждет земля, словно женщина. Жаждет принять
И вынашивать новое семя!*

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

*Заглохший сад. Крошащиеся брёвна.
Бесцветная солома на коньке.
У самой двери коромысло, словно
Скучающее по живой руке.*

*Над вишнями играет воздух, зыблясь.
Крапивы металлической стена
Да поминальный, жёлтенький сергибус
Достали до ослепшего окна.*

*Ни лая, ни возни или квохтанья...
Наверное, сейчас в избе кривой
Укрылся от полдневного сиянья
Последний на деревне домовой!*

*Он ветхое хозяйство спозаранку
Кряхтя, обходит. Цыкнет на грачей
И долго на дорогу, на беглянку
Глядит – не сводит старческих очей.*

*Да вечером, грустя невыразимо,
Он слушает из-за пустых дворов,
Как где-то за околицею, мимо
В луга прогонят доеных коров.*

В СЕНТЯБРЕ

*В красных соснах, на красной заре,
Когда луч ниспадает венчально,
Приходи и постой на горе,
Когда что-то увянет печально
В красных соснах, на красной заре.*

*Что там в соснах на красной заре
Начинается необъяснимо?
Ты проводишь рукой по коре,*

*Вся ты – словно засвеченный снимок
В чёрных соснах, на красной заре.*

*Меж стволов, на горе, на заре,
Ты постой, заслонившись лучами!
Вечереет быстрее в сентябре,
Резче светятся звёзды ночами
В чёрных соснах, на чёрной заре...*

Говорить о любви? О добре?

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

В ПЕРИОД КОРОТКИХ ЗАКАТОВ

ВОРОЖЕЯ

*Ходили слухи: бабка ведьма,
Мол, ей и сглазить – плюнуть раз.
Давно пора ей помереть бы,
Да ведьмам слухи – не указ.*

*Вот и жила неторопливо,
Мирясь со злобой языков,
И взглядом жгучее крапивы
Стегала души земляков.*

*Скупа на ласковое слово,
Копной волос белым-бела
И подозрительно здорова...
До той поры, как померла.*

*С кончиной каверзной старухи
Утихомирилась молва...
А на девятый день округе
Хватать не стало волшебства.*

* * *

*Линялый август...
Встать до солнца,
Когда ещё в ознобе сад,
И пересуды у колодца
Вчерашние ещё висят;
Набросив – так, на всякий случай, –
На плечи дедовский бушлат,
Хрустя антоновкой пахучей,
Пробраться мимо спящих хат*

За край села, где по-над лугом
Туман раскинулся ковром;
Брести в нём, влажном и упругом,
На колокольчики коров;
Ступить в дымящуюся реку
И плыть заре наперерез...
Каких же нужно человеку,
Помимо этого, чудес?

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
Что у бабушки Андревны –
Просто диво, как вкусны!

И поэтому, наверно,
Успевает только треть
Урожая у Андревны
Окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна –
Мол, коту под хвост труды, –
Собирая на варенье
Уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
Всё стращит пацанву:
– Вот ужо, кого споймаю –
Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
– Дурна старуха –
Нешто слопать всё одной?

СТОРОЖ

Десять лет колхоза нету,
Сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
Он привык не спать ночей.

В ширину – шагов сто двадцать,
Двести семьдесят – в длину.
Он не может отвлекаться
На бездельницу луну.

Перекурит за избушкой,
Пристегнув себя к ружью,
И пугает колотушкой
Тень горбатую свою.

* * *

*В период коротких закатов
Кусается злее недуг.
Туман под деревьями матов,
А воздух холодный – упруг.*

*Ночная тревожная птица
Визгливо ругает росу...
И очень легко заблудиться
В себе, как в дремучем лесу.*

* * *

*Всю-то жизнь мой отец слесарил,
Почитая свой труд за честь.
Под руками его плясали
Все металлы, что в мире есть.
Размечал заготовки, резал
И паял, и клепал – за грош.
И шутил:
– Я тебе из железа
Чёрта сделаю, если хошь...*

*А теперь, как его не стало,
Прихожу я с вопросом:
– Бать,
Из какого, скажи, металла
Мне для сердца броню склепать?
Слишком много на нём отметин –
Так болит, что уж мочи нет...*

*Прошуршал над погостом ветер
И принёс мне отцов ответ:
– Ты, сынок, только с виду умный,
А на деле – совсем дурак.
Тех, кто ходит с плитой чугунной
Вместо сердца, полно и так.
Ты подумай-ка головою:
С железякой в груди ты б смог?
А болит... Знать, оно живое,
И ты этим гордись, сынок...*

РЕПЕЙ

*Под небом пыльным и сухим,
Меж двух сквозных степеней,
Живёт адептом строгих схим,
Отшельником репей.*

*От зноя жилист он и чёрн,
Тревожен, как беда.
Корнями в выветренный дёрн
Вцепился навсегда.*

Когда тебе у той черты
Случится проходить,
Не пожалей глотка воды
И дай ему попить.

ПОСОХ

В зоревых, тяжёлых росах,
В стылой сумеречной мгле
По земле блуждает посох,
Дыры делая в земле.
Сеет смуту и раздоры,
И судачат старики:
– Бродит в поисках опоры,
Твёрдой, праведной руки.

ХРАМ

Храм родился тяжело,
Туже истины.
Собиралось всё село
Возле пристани.

И стучали молотки
Лето целое.
Поднималось у реки
Чудо белое.

В небеса взметнулся крест
Ярким всполохом.
Долгожданный Благовест,
Грянул колокол!

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Висели дома на высоких дымах –
Отчаянно печи чадили в домах,
И в каждой четвёртой по счёту печи
Румянили к Пасхе бока куличи.
Клубился ванильный над крышами дух,
Творились молитвы устами старух,
И вздох колокольный летел до небес,
И верили люди:
– Спаситель воскрес!..

НАБАТ

Даже глухие его услышали.
Даже немые вскричали в ответ...
Он разрастался, уже не стихая,
Мощной волною врывался в рассвет!
В небе клубился и падал отвесно,
Людям до крови сжимал кулаки.
Волей своей заострял повсеместно
Вилы и косы, и просто штыки.

Гулкий,
тревожный,
надрывный,
натужный,
Как предвещение близкой беды...
Даже безрукие взяли оружие.
Даже безногие стали в ряды.

ВИДЕНИЕ

В котомке квас да мятный пряник,
Большою думой светел лик –
В моей Отчизне каждый странник
В своём убожестве велик.

Пряма, как лезвие, дорога.
Бела, как помыслы, луна.
Спокойно спит моя страна,
В своём величии убога.

Со старины привычна к боли,
К обилью жертвенных кровей...
Обрывки снов пасутся в поле,
Их караулит соловей.

* * *

Родина любимей не становится
С добавлением прожитых годов.
По моей судьбе промчалась конница –
Глубоки отметины подков.
Выбоины тотчас же наполнила
Светлая небесная слеза.
Сердце от рождения запомнило
Родины усталые глаза,
Спрятанную в сумерках околицу
И дымки лохматые над ней...
Родина любимей не становится,
Родина становится нужней.

* * *

Кажется, я не умру никогда...
Речка дымится над вспаханным полем.
Вслед отступающим страхам и болям
Смотрит насмешливо с неба звезда.

Ей говорю: «Не меня сохрани,
Но береги без конца, год за годом,
Тех, кто с моим невесёлым уходом
Могут пред миром остаться одни...»

Сорванный лист устремлён в никуда –
То ли паденье, то ли паренье.
Дочка вишнёвое варит варенье...
Кажется, я не умру никогда.

СТИХИ

* * *

Посмотри на домов силуэты
И на луки изогнутых улиц –
Городишко распластанный этот
Разгуделся с утра, точно улей.

Эти улочки криво и косо
Разбежались от верного глаза;
Тупики заплелись, будто косы,
Там, где грязь глубоко непролазна,

Где дома скалят окна в улыбках,
Не изведавших вкус «Фтородента»,
Где на лавочке, старой и хлипкой,
Имена выжигают студенты...

В этом городе небо краснеет,
Если смотришь в него сквозь ресницы, –
Но тебе он не станет роднее
Оттого, что так часто мне снится.

Эти улицы (может, заметишь?)
Так похожи на корки коврижек,
На излучины, крылья, кометы...
Я тебе покажу – посмотри же;

Но красивейшую из излучин
Сберегу для большого пленэра –
И мы станем с тобой неразлучны
Навсегда – как Париж и фанера.

* * *

Этот город закутался в вечер, как в плащ,
В решето продырявленный точками звезд,
Но зато темно-синий. Как будто игла,
Телевышка его протыкает насквозь.

Этот город простужен, он словно охрип,
Зычным криком гоняя стада воронья.
Как солдаты, расколотые фонари
Вдоль темнеющих улиц дозором стоят.

Перебравшие улочки криво бредут
От окраины – к плавным изгибам реки;
И поют: «Ой, мороз, не морозь...» – на ходу,
По домам разбредаясь, ветра-рыбаки.

*В запылённых домах, из которых сбежать
Слишком поздно, последние звуки умрут –
И останется только топтаться, дрожа,
На забытых углах, на промозглом ветру.*

*В этом городе каждую новую ночь
Отличить невозможно от бывшей вчера.
Каждый день в этом городе – точно больной;
Каждый вечер, как только приходит пора,*

*Тащишь мысли свои, как заморенный мул
Тяжкий груз волочет, по дорожкам меж лип...
Никогда не смогу объяснить, почему
Этот город мне кажется центром земли.*

* * *

*Зашептались окраины, листья шуршат
И дрожит под ногами проспект.
Что же делать, коль хочешь, чтоб город дышал,
И смеялся, и плакал, и пел?*

*Разлетаются улицы и тупики,
А мосты, точно птицы, парят,
И высотки, насуплено, точно клыки,
Дружно строятся в ровненький ряд.*

*И когда перекрёстки вздыхают листвой,
И когда не горят фонари,
Тебе кажется: улицы ждали того,
Кто бы их научил говорить.*

*Почему же никто не ответил тебе
Ни на зов, ни на вызов, ни на
Вдох и выдох, ни на безысходный забег
Через улицы, сквозь времена?
Но замри – и услышишь, как город несёт
Свою песню по всем этажам,
Как деревья рассказывают обо всём
Нарисованном на гаражах.*

*Присмотрись – и увидишь: ветра теребят,
Точно юбки, соседский балкон.
Что поделать, коль город живет без тебя,
Объясняясь своим языком?*

* * *

*Разрезать эту ночь, как арбуз,
Проходя вдоль извилистых улиц,
На которых ветра караулят
То ль прохожих, а то ли судьбу;*

*На которых созвездие Псов
Стережёт одинокие крыши
И фонарь ослепительно рыжий;
На которых, крутясь колесом,*

*В лунном свете дорожная пыль
Серебрится, как мелкие звёзды,
Точно атлас небесный заверстан
С указанием Пути и тропы;*

*Здесь, танцуя во мраке ночном,
Сны чужие срываются с веток
И над улицами до рассвета
Пролетают тихонько за мной.*

* * *

*Город, который построил незнамо какой
Джек в неизведанном времени, месте, пространстве,
Не отличается ни красотой убранства,
Ни обаянием встреченных – только тоской.*

*Город, который похож на огромный сорняк,
На баобаб, что вгрызается в сердце планеты,
Город (второго такого на свете-то нету)
Вновь прорастает корнями в груди у меня.*

*Город, сверкающий окнами даже в ночи,
Вяло шуришащий дверными замками, ключами,
Кажется, в недоуменье поводит плечами,
Ибо давно в эти двери никто не стучит.*

*Город, взмывающий в небо десятком домов,
Город, к земле прижимающийся остальными,
Город, где всякий способен забыть свое имя,
Ставит на лица своё родовое клеймо.
Город, в котором на шаг не приходится шаг,
Город, срывающий лица с раскрашенных масок,
Город, что давит на горло критической массой
Несостоявшегося – заставляет дышать*

Так, будто лёгким остался единственный вдох.

СТИХИ ОБ ОРЛЕ

УТРО В ОРЛЕ

*Булку взять и пойти на Орлик,
И кормить там озябших уток,
И смотреть, как сметает дворник
С тротуара остатки суток.*

*Ощущая всем телом свежесть,
Перейти пешеходный мостик,
Там в раскрытой ладони держит
Город стелу большого роста.*

*Испытать ненароком гордость
Пред величием обелиска.
И почувствовать – этот город
Стал давно мне родным и близким.*

МЕЖДУ ОРЛИКОМ И ОКОЙ (песнь о городе Орле)

*Между Орликом и Окой
Время с собой встречается.
Охраняя души покой,
Словно в люльке оно качается.*

*И скользит островком в воде,
В небе бездонном – облаком.
Забываю здесь кто я, где,
В глубине потерявшись обликом.*

*Плыть готовится струг. Вот-вот
Брызнет весло водицей.
Провожая дружка в поход
Краснощёкою молодежи .*

*Где та Астрахань? Где Ростов?
Полыхнут они вдруг свирепостью?
Как из семечка вверх росток,
Вырастал здесь Орёл из крепости.*

*Он в плечах раздавался вишьрь,
Удаль, удаль тая и молодость.
Постепенно России щит
Становился торговым городом.*

*И всё больше из года в год
В храмах тут воскурялось ладаном.
Умножался в Орле народ,
Оседая вокруг посадами.*

Загадаю – и милый друг,
Может быть,возвернётся к Троице,
На горе за рекою сруб
Основательный будет строиться.

* * *

А к Покрову итог труда
Дверь распахнёт не узкую,
Я хозяйкой войду туда
Под свирели и песню русскую.

На Орёл из окна взгляну:
Там, возвышаясь, плавает
В кучевых облаков плену
Колоколенка златоглавая.

Разноликих вестей гонцы
Звоном округу меряют,
И несётся во все концы:
Русь красна православной верою!

Но за годом стремится год...
Век – лишь момент в истории.
Закипевший гневом народ
Вдруг дорогой пошёл нетореной.

И на брата восставший брат
Жертвою стал невольною.
Кто здесь прав, а кто виноват
Только Богу судить дозволено.

Да вот с Богом – борьба. А суд –
Скорый и человеческий.
И считает души сосуд,
Как пылинку, с одежды вечности.

И считает с лица Орла
Храмы великолепные.
Разбиваясь, колокола
Голоса подают запретные.

Наступает мятежный век
Пяткой на горло прошлому.
Созидается человек
С верой в будущее хорошее.

За собою зовёт звезда
В завтра,в завтра с цитатой меткою,
И мелькают в Орле года –
Пятилетка за пятилеткою.

*Отправляются для вожда
Срочно в столицу сведения,
Что растут, как после дождя,
И Текмаш и завод Медведева.*

*Что Орловицина может стать
Житницей всесоюзною.
А Орлу надлежит взлетать
Ввысь творениями искусными.*

*Дел великих неprovорот,
Лучшее – не фантастика.
Но стучит сорок первый год
В дверь свинцовой фашистской свастики.*

*Нет пока что глубоких ран,
Сонно трамваи щурятся...
Вдруг вонзает Гудериан
В город сходу паучьи щупальца.*

*И два года, как целый век,
Тянутся нескончаемо.
На разрыве иссохших вен
Город бьётся в тисках отчаянно.*

*А потом над Москвой салют
Небо взрывает радостью.
И сердца в унисон поют,
Замирая от счастья сладостно.*

*Но до счастья ещё – ой-ой!..
Взрывами жизнь оскалена.
Начинается новый бой,
Бой с разрухой, войной оставленной.*

*Засучив рукава, Орёл
Сам себя снова строит заново,
Чтобы мир, словно сад, расцвел
Навек Марьями да Иванами.*

*Время быстрое, как вода,
В точке, в точке единой сходится.
Верю истоиво – никогда
Нас не бросит Русь Богородица.*

*И мерцает её покров
Жизни гранями очень светлыми.
Пища здесь моя, здесь мой кров,
И любовь моя – песнь рассветная.*

*Пусть Россия идёт вперёд
Часто тропами времени узкими,
Пятый век над Окой растёт
Русский город с корнями русскими.*

* * *

*Над Ла-Маншем тучи стаей,
Дождь промозглый моросит,
И в тумане зыбком тает
След доверчивой Руси.*

*Распахнулась, побежала
С верой в правду и любовь,
На отравленное жало
В темноте наткнулась вновь.*

*Пошатнулась, устояла,
Ураганный ветер лют.
Оглянулась – бед немало
Православный вынес люд.*

*Навалилась, и конца ей
Не увидеть. Мир суров.
Только в небе чуть мерцает
Богородичный покров.*

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

«УЧИТЕЛЬ»

Отрывок из поэмы. Продолжение

*В одиночку шли и вереницей
Люди зрелых лет
И юных лет.
Шли они к Крестителю креститься.
Иисус оставил Назарет.
Подошёл со всеми к Иоанну.
Глянул тот:
«О Господи, прости!
Не могу крестить
Тебя, не стану!
Я Твой раб!
Ты Сам меня крести!»
Иисус:
«Оставь, да совершится*

То, что нам исполнить надлежит.
Правда пусть святая утвердится
И святое дело укрепит».

Молча Иоанн повиновался,
Окрестил Он Господа Христа.
Голубь прилетел и с ним остался,
Возлюбил священные места.
На плече Христа спокойно сидя,
Он к Нему как будто прикипел.
То был Дух Святой в телесном виде...
Тут же голос с неба загремел:
«Сын Ты Мой Возлюбленный!
Тебе Я
Всё благоволение отдаю.
Равный Мне, рождённый в Иудее,
Мир спасешь Ты,
Как одну семью».

Для большого дела окрестился,
Вышел в путь
Навстречу всем ветрам...
Сорок дней-ночей в песках постился,
Всё бродил по долам и горам.
Наконец, почувствовал голод.
Дьявол тут как тут,
Стал искушать.
Показал на каменные горы:
«Хлеб отсюда можешь добывать?»
Иисус стоял под жарким небом,
Твёрдый и суровый, как гранит:
«Сказано, что не единым хлебом,
Словом Божьим каждый будет сыт».
Сатана с церковного порога
Вниз толкал: «Бросайся, поспешай!»
Иисус: «Написано у Бога:
«Бога твоего не искушай!»
Царства показал исчадь ада:
«Поклонись! Тебе их предложу!»
Иисус:
«Мне царств земных не надо.
Я Царю Небесному служу».
Становился чище и светлее
Голубого неба океан,
И Господь вернулся в Галилею,
А оттуда вновь на Иордан.

Шёл в одеждах белых Агнец Божий.
Был Креститель радостью согрет.
Двое, Иоанна помоложе,
За Христом отправились во след.

Он спросил идущих за собою:
«Что вам надо?»
Двое: «Где живешь?»
Камыши дремали над водою.
В стороне покачивалась рожь.
День сменился вечером туманным,
Разговором долгим За столом...
Был один Андреем Первозванным,
А другой апостолом Петром.

В день субботний был Он в Назарете,
В синагоге книгу стал читать.
«Да, сбылось пророчество!» – отметил.
Речь текла.
Струилась Благодать.
Знали Его с детства. Неужели
Это Он тут рядом подрастал?
Слушали и чуда захотели.
«Нет, сперва уверуйте!» – сказал.
Обошлись и грубо, и жестоко,
Выгнали из города со зла...
«Нет в своём Отечестве пророка», –
С той поры пословица пошла.

В злобе люди – звери, даже хуже.
Знали же с младенческой поры!
Как злодея вывели наружу,
Чтобы кинуть с гибельной горы.
Убеждал, пророка им читая,
Был душою каждому открыт.
Этих книга самая святая
Да и та, видать, не убедит.
Но не гневом сердце разгоралось,
Боль была за каждого подряд.
Может быть, тогда уже сказалось:
«Господи, не знают, что творят!»

Фарисеи с книжниками вкупе
От народа жили в стороне.
Тот, кто нищ, отсталый он и глупый.
Кто богат, тот кесарь на коне.
Берегли великую идею:
Рухнет Рим,
Взойдёт для них заря.
С нетерпением ждали иудеи
Появления нового царя.
Не пророка ждали – полководца,
Не для мира ждали – для войны...
Глядь, стоит учитель у колодца
И твердит: что люди все равны.

Он здоров и молод. Он прекрасен.
От лица струится людям свет.
Рассуждений вывод прост и ясен:
Все равны, в богатстве счастья нет.
Ни к чему ловчить и лицемерить.
Надо зла не делать никому.
Главное – любить,
Любить и верить,
Знать, что свет
Одолевает тьму.
Тьма из тьмы,
Как зло от зла рождается,
Как от мести месть,
Из ада – ад...
От добра дорога золотится
И выводит прямо в райский сад.

Гордецы чужих зовут ослами,
Он же все народы возлюбил.
Умный ослик с добрыми глазами
На себе Учителя возил.
Люди, размышлял Христос, как дети,
Плохо берегут себя от бед.
Дети в Кане,
Дети в Назарете,
А на всей планете разве нет?
Заливают мир горячей кровью...
«Ты прости их, Господи, прости!
Дай мне силы жертвенной любовью
Их от верной гибели спасти!»

Проза

ВЯЧЕСЛАВ ГАВРИЛИН

ГВАРДИЯ ПО НАСЛЕДСТВУ

Старшина артиллерийской команды гвардейского крейсера «Москва» старший мичман Лактионов, стоя на широкой Потёмкинской лестнице, жадно всматривался в раскинувшийся перед ним широкий морской простор. Многоводная Одесса предстала перед ним во всей своей синеокой широте. Маяк на самой оконечности узкого мола призывно манил заходящие в гавань корабли. В отличие от родных Севастопольских бухт, более узких, похожих на пальцы пятерни, готовой, в момент опасности, сжаться в кулак и нанести ответный удар любому непрошеному гостю, а такое случалось не раз, одесская гавань была распахнута настежь всем входящим судам. Да и суда эти были гражданскими, светлыми и чуть неуклюжими, в

отличие от строгих, окрашенных в цвет калёной стали, по-военному грациозных кораблей родного Черноморского флота.

Сколько раз он слышал и читал об этом городе. Давно, ещё в юности, была у него возможность стать одесситом. Дядя мамы Лактионова настойчиво звал его сюда. Служил мамин дядя заместителем командира Одесского артиллерийского училища. Так что возможность стать военным курсантом была. Но иногда обстоятельства неожиданно меняют наши мечты и планы на будущее.

Лактионов вздохнул, привычным движением раскрытой ладони, поправил форменную фуражку с золотистым «крабом» на чёрном околыше, словно отдавая честь морю и маяку, повернулся и неспешно начал подниматься по лестнице в сторону Приморского бульвара. В Одессу он приехал из Николаева. На крейсере заканчивали последние ремонтные работы. Через несколько дней собирались уходить своим ходом домой, к родным севастопольским причалам. Полным ходом шла подготовка к переходу и проверка материальной части и бортового вооружения. Лактионов почти всё время вместе с ремонтниками и матросами своей команды приводил в готовность носовую артиллерийскую установку. Уже в самом конце подготовки к походу его застала весть о смерти дяди Костика, того самого ветерана из Одессы. Лактионов, получив «добро» от командира корабля на сход, успел на похороны.

Хоронили дядю мамы, полковника Лактионова, с почётом, но вот только почётный караул состоял из военных украинской армии. Отсалютовав несколько залпов холостыми патронами, караул поспешно ретировался на грузовике.

А вечером, после поминального обеда, мичман Лактионов сидел на кухне покойного ветерана вместе с его старшим сыном, прилетевшим на похороны отца с Дальнего Востока. Плотный, уже седеющий генерал Российской Армии Геннадий Лактионов достал из кухонного шкафа бутылку коньяка:

– Давай, племянник, выпьем с тобой за русского офицера, моего батю, которого хоронили украинцы.

Генерал грустно усмехнулся, доставая рюмки.

– Веришь, Вячеслав, мне до сих пор не по себе. Вроде на свою малую родину прилетел, а здесь уже всё не так, всё не моё. Артиллерийское училище, где батя служил и где я курсантом был, расформировали.

Он плеснул коричневую жидкость в рюмки:

– Давай, мичман, не чокаясь. А зря ты в наше училище не стал поступать. Сейчас бы уже полковником был.

Вячеслав вздохнул:

– Обстоятельства непредвиденные. В больнице с воспалением провалялся. Да я же вам сюда писал письмо.

– Ах да, помню, отец говорил. Я тогда уже капитаном был.

Генерал прищурился:

– А впрочем, не жалею. Вон у тебя тоже по три звезды на погонах, как и у меня, только помельче размером.

Вячеслав кивнул в ответ.

Генерал встал:

– Сейчас я тебе кое-что покажу. Отец мне награды свои завещал.

Он достал и аккуратно разложил на столе ордена и медали умершего полковника:

– Заберу себе на хранение. Квартиру родительскую жаль продавать, а придётся. Маму заберу в Россию, к себе, да и сам сюда, наверное, больше не вернусь.

Генерал провел ладонью по боевым наградам, как бы пробуя их на прочность:

– Слышал, слышал, что крейсер ваш гвардейский.

Вячеслав снова кивнул:

– Я ещё на срочной гвардейцем стал. Служил в гвардейском арtpолку.

Генерал положил на ладонь одну из наград:

– Вот, видишь этот батин гвардейский знак времён Великой Отечественной, из меди отлит, не то что нынешние алюминиевые. Эмаль немного потрескалась от времени, ну, это не беда. Ему сносу сто лет не будет. Тебе даю. Считаю, что награждаю, как старший по званию. Носи и потомкам передай в наследство.

Лактионов-младший, не смея отказать, встал от волнения по стойке «смирно» и, не шевелясь стоял так, пока генерал не прикрепил награду на его чёрную форменную тужурку.

– Ну вот, так будет правильно для нас обоих, да и для бати тоже. А твой новый я себе заберу. Возражений нет?

Вячеслав молча кивнул.

Генерал Лактионов собрал и уложил остальные награды на место:

– Ко мне в береговую артиллерию не хочешь?

И, услышав решительное «нет», усмехнулся:

– Ну, и правильно. Я ведь тоже не остался в училище, при отцовских погонах, хотя тёплое местечко было. Давай по последней, и спать. Завтра уйма дел и планов...

...Сейчас, неспешно прогуливаясь по одесским улочкам, Лактионов с любопытством разглядывал теснившиеся вокруг дома.

До отходящего на Николаев автобуса оставалось несколько часов. Вдруг его тихонько окликнули. Углубившись в свои мысли, он и не заметил, как к нему подошла молодая женщина:

– Герр офицер, можно вам задать один вопрос, точнее, попросить? Дело в том, что я работаю секретарём и переводчиком у одного немецкого бизнесмена. Так вот, он хочет с вами пообщаться. Говорит, что очень уважает русских военных моряков. Сам он родом тоже из приморского города. Здесь находится по своим делам.

Мичман Лактионов с любопытством поднял глаза.

Рядом с переводчицей стоял полноватый сероглазый крепыш в тёмно-сером костюме и протягивал ему руку.

Вячеслав почти машинально пожал раскрытую ладонь.

– Вилли, – представился незнакомец и что-то проговорил на немецком, обращаясь к своей переводчице.

Та опять обратилась к Лактионову:

– Господин Вилли, то есть Вильгельм Зингер, просит уделить ему немного времени для дружеской беседы и просит отобедать с ним в ближайшем ресторанчике.

Она приветливо улыбнулась и показала на здание, где на втором этаже, застеклённым матовым массивным стеклом, зазывно пестрела вывеска на украинском языке с предложением выпить и закусить.

Вячеслав посмотрел на часы:

– А почему бы и нет. Я согласен.

Через несколько минут Вячеслав, вместе с новыми знакомыми, сидел за столиком в небольшом светлом зале.

Вилли предварительно спросил через переводчицу, что из горячительных напитков предпочитает русский моряк. Лактионову вдруг вспомнилась давняя встреча с земляками Вилли в Севастополе. Было это ещё в советские времена. Военный фрегат из ГДР прибыл к ним с дружественным визитом и пришвартовался у одного из причалов Севастопольской бухты. Однажды вечером, после службы, он и еще двое его друзей – мичманов зашли в пивной бар выпить по бокалу пенистого жигулёвского. Благо в дипломате у одного из них был балычок из красной рыбы, а у другого – бутылка «шила». Рядом, за соседней стойкой, пили пиво два

унтер-офицера из экипажа немецкого фрегата. Русские моряки решили пригласить тогдашних товарищей по оружию. Оказалось, что в школе никто из них, кроме Лактионова, не изучал немецкий язык. Да и сам Вячеслав с трудом вспомнил несколько слов:

– Камрады, – обратился он, подойдя к их столику, и приглашающе поманил рукой. – Ком цу мир... – и теряясь от нехватки слов добавил: – Ком, шнапс тринкен.

В общем, объяснился, как смог.

Вспомнилось вдруг, как быстро «окобели» союзнички от выпитого спирта. Клялись в верности Варшавскому договору... А потом их, подвыпивших, провожали до причала, до самого корабельного трапа, ограждая от ненужных вопросов со стороны местной молодёжи. Где они сейчас?..

Лактионов посмотрел на немца. Да, этот был совсем другой, из иного мира и с иным взглядом на наш мир.

– Давайте по сто грамм водки, – обратился он к переводчице. – За мимолётное знакомство. Вилли одобряюще закивал головой:

– Я, я, водка есть хорошо!

Переводчица заказала «смирновки» и кофе.

Немец продолжил беседу. Через переводчицу спросил, откуда родом русский моряк. Помедлив секунду, Лактионов ответил, обращаясь прямо к нему:

– Курско-Орловская дуга, может, слышали?

Вилли понял без перевода и о чём-то быстро начал спрашивать у переводчицы.

– Вильгельм говорит, что его дед воевал в тех местах, – переводчица вновь повернула голову к Лактионову. – Он говорит, что дед его был пулемётчиком и за храбрость награждён Железным крестом. А погиб он в начале сорок третьего где-то под городком Малоархангельском. В последних письмах упоминал какую-то деревеньку с греческим названием Игречик.

Лактионов даже удивился:

– Переведите ему, что мир, оказывается, тесен. Моя мама родом из той самой деревеньки. Только называется она по-русски – Гречик.

После перевода немец даже приподнялся от неожиданности.

Переводчица опять обратилась к Лактионову:

– Вильгельм хочет отыскать могилу своего предка. Возможно ли это?

– Не знаю, не знаю. Мамка тогда ещё подростком была, – Лактионов помедлил. В памяти вдруг всплыло, как мать рассказывала о том, что они хоронили убитых немцев в воронке из-под разорвавшейся бомбы. Всю зиму они там и пролежали в общей куче, под снегом. А весной, как только запарила под лучами солнца прогретая земля, наступила пора сева, молодёжь послали закопать тех убитых, чтобы не мешали пахать поле. Теперь не найти. Но об этом Лактионов не стал говорить, оставляя немцу призрачную надежду.

– Скажите ему, что я следующим летом поеду в те места в отпуск, пусть подъезжает. Попробуем поискать могилу его предка.

Немец энергично закивал.

Официант принёс заказ. Вилли наполнил изящные стопки и произнёс тост. Переводчица оживилась:

– Вильгельм говорит, что нужно выпить за русскую пословицу: кто старое помянет – тому глаз вон.

– А кто забудет, тому оба, – добавил Вячеслав и попросил не переводить последнее. Не хотелось никого обижать.

Неожиданно Вилли показал рукой в направлении груди Лактионова:

– Гвардия... я...я.

– О чём это он? Причём здесь мой знак? – спросил Вячеслав.

– Видите ли, господин Вильгельм собирает коллекцию орденов, медалей из всех стран, и его заинтересовал ваш нагрудный знак. Он говорит, что это редкий экземпляр, ещё со времён Великой войны. Вильгельм спрашивает, откуда он у вас.

– Гвардия откуда? – Лактионов выпрямился на стуле. – Это наследственное. Переведите ему, что деды мои, и со стороны мамы, и со стороны отца, все были гвардейцами. Я тоже служу на гвардейском корабле.

Лактионов достал из пачки сигарету и, поймав по карманам спички, вежливо извинившись перед девушкой, попросил разрешения закурить. Немец чиркнул своей зажигалкой, а потом быстро заговорил с переводчицей.

Она, помедлив немного, опять обратилась к Лактионову:

– Вильгельм просит извинить его за назойливость, но он бы хотел купить у вас эту вещицу или поменять на одну из немецких наград. Как вы на это смотрите?

Вячеслав глубоко затянулся.

– Передайте ему, что за неё уже уплачена такая цена, что ему и не снилась. Гвардия эта уже окуплена сполна, кровью моих предков. Так и передайте ему. – Лактионов кивнул в сторону немца, ждущего ответа. А ещё скажите ему, что брат моей бабушки, дед Ларя, тоже был пулемётчиком и гвардейцем. Вернулся с войны с одной рукой и прикуривал самокрутку, зажав спички между колен. Ему бы зажигалка кстати пришлась. Только поздно. Нет его уже. И соседа моего, хрипящего после каждой затяжки простреленными лёгкими, тоже нет. Да и деда моего родного, которому немецкий снайпер прострелил плечо при прорыве Голубой линии на Тамани, тоже нет. Умер на моих руках. Вот это их награда! Теперь уж и не знаю, кто покажет место захоронения его деда – «славного дойче пулемётчика». Может быть, я ему и памятник покажу над братской могилой русских солдат, погибших за освобождение «Игречика». Там на плите больше сотни имён выбито. Может, это его дед так постарался, пока самого не уколошили? А впрочем, не надо переводить. Ни к чему это.

Лактионов поставил на краешек стола налитую и не выпитую водку:

– Однако мне пора на автовокзал. Спасибо за угощение.

Он поднялся и, не подавая немцу руки, повернулся к выходу.

Уже начав спускаться по ступеням, услышал голос переводчицы:

– Вильгельм спрашивает: а как же адрес? Где ему искать?

Лактионов обернулся:

– Ах да, адрес... Ну, могу сказать только предположительный адрес захоронения – бескрайние поля России, Орловско-Курская дуга.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ОТРЫВОК ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ «СУДЬБА-СУДЬБИНУШКА»

Мы в чистом поле волю ищем.

Где вся на кончике клинка

Судьба-судьбинушка-судьбища.

Леонард Золотарёв

ПРОЛОГ

Наша национальная гордость Лев Николаевич Толстой, прожив долгую плодотворную жизнь, в конце её рассказывал, что он помнит себя изначально, едва только родился. Михаил Юрьевич Лермонтов, не прожив и двадцати шести лет, помнил себя, оказывается, ещё в утробе своей матери. Недаром Мережковский в статье «Лермонтов – поэт сверхчеловечества» называл его «старичком». То есть Лермонтов в утробе своей матери начал жизнь неизвестно с каких пределов. Я помню себя тоже рано, но позже. И знаю точно, с какого времени я лично помню себя. А именно, с 6 ноября 1937 года, а родился я 24 июня 1935 года. Значит, мне к тому времени было два года с лишним.

Что же это был за день в ноябре такой необычный, суровый, трагический для семьи, что с двух лет ребёнку врубился в память на всю жизнь? Я помню его до сих пор. Помню я, страх сжимал тогда мою душу оттого, что кто-то сзади вошёл в дверь и стоял позади меня, со спины. А передо мной слева было темно, но ощущалось окно, дело было ночью. А справа была стена, снизу доверху были книги с сочинениями Ленина передо мной. А впереди, обомлев, стояли мать моя и отец...

А эти, вошедшие сзади, вдруг подняли меня вверх из кровати посреди комнаты и начали что-то искать в ней, один искал какие-то документы, а другой – что-то в книгах на стенке, сбрасывая их на пол. Мёртвая, гнетущая тишина, сразу возник какой-то беспорядок в комнате. От страха я стал писать, пустил струю в кровать, державший меня под мышки, бросил меня в неё, и они перестали в ней что-то искать. И я продолжал молчать, занемев, как отец и мама, от страха.

Потом все они потоптались на месте. Так же молча завели отца за спину руки и молча вытолкнули его в дверь. Кто-то тихо, под нос себе, сказал шёпотом:

– Пошли...

С этим они и ушли в дверь у меня за спиной, увели отца неизвестно куда навсегда. Больше я не увижу его никогда. Никогда! Никогда! Я плачу... за что?.. И только значительно позже я узнаю, что этим людям из милиции пригляделась наша квартира в Воронеже – двухкомнатная, в центре города, прямо напротив базара. Что их через пару месяцев самих арестуют, но отца моего уже отправили в лагеря куда-то на Север. Отцу дали эту квартиру за ударный труд, он был ударником труда, строил завод имени Коминтерна, выпускавший затем «катюши», которые помогли в войне громить врага... Но всё это я узнаю потом, как и потом, лично меня уже взрослого, прокуратура реабилитирует, за отца...

Всё вдруг круто изменилось у нас. Мать была телефонисткой, училась на медрабфаке, могла стать врачом. А она, чтобы и её тут же не арестовали, бросила всё, что было у нас, подхватила меня и отправилась со мной на свою малую родину: в Таловский район, в хутор Хорольский, это теперь близ института имени Докучаева, здесь был наш корень, где родилась и она, и отец её – мой дедушка, и все её братья...

А дальше, в памяти встаёт вдруг такое. Так чётко и явственно это. Как будто происходило вчера. Одно понимаю теперь, что мать моя – Мария Герасимовна – повела себя, как декабристка. Те в Сибирь куда-то отправились, а она – на Север должна была ехать к мужу своему, моему отцу.

Ей тут в Хорольском собрали кое-какие вещички, деньжонки. И вот она уходит куда-то вверх, от пруда, позади нас. На Север, к станции Няндомы Архангельской области, где отец мой валит лес, копает какой-то канал. И она оставляет меня моим двоюродным сёстрам – Рае и Шуре, а у них самих деда с бабушкой увезли когда-то туда же, на Север...

– Мама-а-а, – тяну я к ней руки свои.

И, чтоб я не плакал, девочки поют мне песню. Какую песню? Я помню её и слова, и музыку, и их голоса до сих пор.

– На рыбалке, у реки
Тянут сети рыбаки...

И опять всё закрыто в моей памяти туманом времени, возникает всё явственно, но не так солнечно, словно в призрачном сне. И это, я знаю, Курск. Железнодорожный перрон. Это мы с маминой сестрой – моей тётей Дусей и её мужем дядей Гришей – едем через Курск в малый городок Малоархангельск, где предстоит мне жить. И на душе у меня уныло. Серый день, моросит и моросит дождь, без конца и без начала. Меня везут куда-то, как и маму мою, далеко – далеко. Скорее всего, тоже на Север или, может в Сибирь? Но почему не мама везёт меня, а моя тётя и муж её – дядя Гриша? Лишь одно утешает меня; как солнышко, у них на лицах улыбка, она освещает меня, и тогда мне кажется, что ехать мне от этого перрона не так уж и далеко. Всего ничего между Курском и Орлом до какого-то Малоархангельска, где живут мой дедушка – мамин папа Герасим Макарыч и старший брат её – дядя Гаврюша.

– Скоро приедем, скоро приедем, – воркует, наклонясь ко мне, тётя Дуся.

И мне хочется верить ей в то, что Малоархангельск не так уж и далеко...

И опять всё закрыто пеленой времени. Но я уже живу в этом самом Малоархангельске, и двор у нас большой и квадратный, обставленный аптечными сараями. Я залезаю на крышу нашего крыльца и смотрю в соседний к Жердевым сад и жду оттуда дядю Гаврюшу с белофинской войны, а он всё отчего-то не приезжает. И страх с меня отчего-то не сходит, такой страх, какой не сходит и с моей мамы. Она всё время ищет свой паспорт, паспорт её куда-то исчез, испарился, никак не находится. Она ищет его всё время, нервничает чуть ли не плачет, а он всё никак не находится. Но я-то знаю, она говорит шёпотом отцу своему – моему дедушке, что она боится его отдавать в руки милиции на прописку, а то ведь могут арестовать и её с воронежской-то пропиской. Как и моего папу, могут отправить её тоже на Север – на лесоповал или копать Беломоро – Балтийский канал...

Наконец-то ей дали новый паспорт с новой, дедушкиной фамилией, а не нашей с папой. И меня начинают уговаривать, чтобы я стал всем на улице говорить, что и у меня фамилия такая же, как и у неё. Но я на это не соглашаюсь.

– Стрижено – кошено, – говорит мама свои слова, которые я слышу от неё и от дедушки, когда они на что-либо сердятся.

– Что это, – махнула она рукой – у нас в хуторе Хорольском была одна такая чудачка, которая всегда всем говорила всё наперекор. – Скажут ей: стрижено, а она отвечает: нет, кошено. Ей скажут: так это же всё равно. – Нет, стрижено, стрижено! – говорит она, не соглашаясь... А закончилось-то чем? – говорит моя мама.

– Да, чем, чем! – аж топаю я ногой от нетерпения.

– Зашла она в пруд далеко и глубоко, и стала тонуть... С берега ей кричат:

– Стрижено, стрижено! – А она отвечает: – Нет, кошено, кошено...

Она уж в воде по горло, а всё своё: давай руками показывать, будто траву косит: кошено, кошено. Да так и утонула...

Вот, наконец, вернулся с белофинской войны и старший брат мамин – дядя Гаврюша. Вернулся раненым в левую руку, но, слава богу, живой. Такая радость!

Мама моя отрезала нам по куску ситного хлеба, тогда его называли «рублёвым» (рубль, что ли, стоила килограммовая буханка), покропила конопляным маслом, дала мне в руки.

– Беги, неси дяде Гаврюше! Попируйте пока что, до завтрака.

Помчался я к дяде Гаврюше в его комнатку, а она выходит окном в жердевский сад. А возле окна постель, и дядя Гаврюша лежит с забинтованной рукой

– Ну – ка иди, иди сюда, – улыбается мне дядя Гаврюша. – Давай – ка сюда. А ну, что у тебя в руках?

– Да вот, – говорю я и сую ему в правую руку кусок «рублёвого» хлеба, политый конопляным маслом. – Мама дала нам по такому кусищу. Ешь!

Дядя Гаврюша берёт кусок хлеба левой рукой и ест его с преобладающим удовольствием. Такая вкуснота, вкуснотища! Просто замечательно есть этот ситный, «рублёвый» хлеб вместе с дядей Гаврюшей, вернувшимся живым с белофинской войны.

– А ну, подлезай ко мне под бочок, – смеётся дядя Гаврюша и отодвигается к стенке, освобождает местечко рядом с собой.

Я ныряю к нему под бочок, прижимаюсь, обнимаю его покрепче. Ищу губами щеку его шершавую, тёплую, дышу в лицо ему, говорю откровенно, от всей души, словами, что копились во мне всё последнее время:

– Ох, и надоело мне быть без папы! Можно я буду называть вас папой, дядя Гаврюша? Я так рад, что вы пришли живым с войны.

Слёзы выступили у него в глазах, скатились со щеки на меня, обожгли моё тельце.

– Сынок, – дрогнул голос папы Гаврюши, и он зарылся лицом в мою рубашонку.

– Вставайте, мужички! – кричит мама с кухни. – Завтракать пора. Нажарила картошки целую сквородку...

– Праздник у нас, праздник будет! – тяну я за здоровую руку папу Гаврюшу. – Мама! Дядя Гаврюша согласен быть моим папой.

В сенцах загремели ведром. Это дедушка наш принёс воды из Никулинского колодца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МЫ – ДЕТИ ВОЙНЫ

Вот она, война! Проводы на фронт. «Соломенные» моторы

Вот она, война! Не успела у папы Гаврюши рана на левой руке зажить, как опять ему отправляться на войну. В воскресенье, 22 июня, как раз перед моим днём рождения. Ровно в 12 часов Молотов выступил по радио и сказал, что фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. Мы дома ахнули: война! И папа Гаврюша тут же стал собираться добровольцем туда, на фронт, на войну. Мы с его дочкой Лидой – моей двоюродной сестрой – побежали на Косой переулочек в пивную с банкой за пивом, а там уж собрались мужики, и всё гудело от их голосов. По гладкому цементному полу было разлито пиво, кое у кого вырывались обрывки известной песни:

– Уходили комсомольцы на гражданскую войну...

Их перебивали другие голоса:

– ... на германскую войну.

Было как-то дико и страшно.

На другой день мы все пошли провожать папу Гаврюшу в военкомат. Он был тут же, неподалёку, на нашей улице за кинотеатром, где недавно мы с Лидой смотрели «Чкалова» и «Чапаева». Двери в военкомат были широко распахнуты. Мужики входили туда, как в пропасть, и назад уже не выходили. Они завтра отправятся далеко-далеко, где уже шла война, и многие сюда не вернуться. Так будет и с папой Гаврюшей.

– Папа, папа, – плакала Лида, и я с ней. И мама моя, и даже дедушка Герасим Макарыч прослезился. Они-то с моей мамой помнили ещё и первую мировую, и гражданскую.

Ночью защитников родины увезли на станцию Малоархангельск. А утром на базар из деревень стали сводить лошадей. Они беспокойно ржали, задирали головы к небу и били копытом о землю. Им тут же обрезают хвосты, закручивали репой, ставили на круп лошадям клеймо. Пахло палёным. Первый запах войны...

Потом всё вокруг стало тихо. Война была где-то там, далеко. Я ходил в деточаг, так назывался тогда детсад. Деточаг был рядом с военкоматом, и мы, дети, поглядывали на двери военкомата, в которые, как в прорву какую, вваливались мужчи-

ны, иногда и женщины, и уже не выходили оттуда. Потом двери эти закрылись. Страх расползлся по городу, как змея: где-то уже совсем близко, совсем рядом была война. Где-то за станцией Малоархангельск.

Чтоб отвлечься, мы в деточаге составляли стулья до самого потолка и падали с них на пол. Но не разбивались, тут же вставали и снова лезли вверх. Однажды послышался отдалённый гром где-то в стороне станции. Наши воспитательницы шептались между собой: это немецкие самолёты бомбят наши эшелоны. От страха мы выбежали наружу и присели на порожки. Со страхом вглядывались в грохотававшее небо там, за Протасово, в сторону станции.

За нами в деточаг стали прибегать мамы. Они хватали своих детей и разбегались по домам. Нас осталось трое. Мы продолжали сидеть на порожках и в сгущающейся темноте вечера замирали от страха, вслушиваясь в неумолимо надвигающуюся ночь. Наконец, и за мной пришла Лида.

Дома, всем вместе, было чуточку легче. Чем одному было там, на порожках деточага. Все думали о папе Гаврюше, ушедшем нас защищать, но ничего не говорили ни о нём, ни о нашей армии где-то там, на границе, а теперь и о немцах, совсем приблизившихся к нашему городку.

Соседи наши – Сопины – из первой квартиры окнами на улицу давно уж уехали. Отец у них был секретарём райкома, и всю семью, как и евреев всюду, немцы могли расстрелять. Сопиным дали подводу, они побросали туда вещички, взяли с собой манки, сахару, крупы и поехали на восток, в сторону Колпны, куда уезжали все районные учреждения. Городок оказался пуст. Как траву, выкосили народ по всему городку. Никого. Ни людей, ни лошадей. Даже грачи подевались куда-то, осень же, наверно, улетели на юг.

Когда Сопины уезжали, они сказали нам:

– Можете перебираться в нашу квартиру, она свободнее и светлее. В ней лучше жить.

Часть вещей мы туда уже перенесли, а часть ещё оставалась тут у нас, в старой квартире. Из разговоров моей мамы и бабушки я знал, что войну мы всё же предчувствовали. Подкупали помаленьку соль, сахар, мыло и спички. Бабушка наш как пил чай с сахаром? А так. Колот на ладони ножиком большие куски на маленькие кусочки, брал на пальцы блюдечко и, бросая в рот себе эти кусочки, дул на кипятток, остужая его. Когда мама упрекала его, что это он пьёт чай с такими кусочками, чай же не сладкий, бабушка отвечал ранодушно:

– А хай ему бис, абы мулело.

А про спички он говорил так:

– Война же, огня на всё хватит.

На это мама моя отвечала:

– Как это хватит? А на чём я буду борщ варить или суп? Картошку на чём буду жарить?

Так что этого добра у нас хватало. Да ещё мыла хозяйственного. Чтобы вши не водились, чтоб не болеть. Быть нам не только справными, но и чистыми. Бабушка мой Герасим Макарыч и мама моя имели большой опыт гражданской войны, они хорошо знали цену хлебу, соли, спичкам и мылу.

Так вот, прежде чем перебраться в квартиру Сопиных, пошептавшись, они решили спрятать коробки с этим добром. Но куда? Куда можно спрятать такое добро? В сарай? На потолок? Найдут. А куда же, куда? Бабушка стал копать землю на кухне. Аккуратно всё делал. Сначала долбил утрамбованную землю, потом выгребал ладонями её на мешок. Потом клал в те же мешки. Чтобы ни соринки не было видно, чтобы никто из чужих не догадался, что добро наше лежит у нас закопанное возле печки: и близко, и глубоко. И как-то таинственно, необычно, чудесно.

И только после того, как всё это сделали, подмели на кухне всё до порошинки, мы начали переносить свои вещи в квартиру Сопиных, что окнами на улицу. А мебель там уже была, оставлена Сопиными. Мы и стали в неё переносить всё туда, на кухню: на плитку ставили кастрюли и чайники, в шкафы – посуду, в шкафу вешали одежду. В общем, начали обживать сопинскую квартиру.

Всё это отвлекло нас от тяжёлых дум о войне, о папе Гаврюше, о том, что немцы уже где-то близко. Надо же, война, можно сказать, недавно началась, в конце июня, а враг уже тут у нас. А ведь всего-то начало октября.

Но в городе пока что ни немцев, ни наших. Безвластие. Последний наш батальон прошёл по улице на восток мимо наших окон. А дождь идёт, и идёт. Измождённые наши бойцы чавкают в худых сапогах по грязи. Замыкает колонну командир на лошадке с закрученным репой хвостом, с выжженным тавром на крупе. Мы стоим с мамой перед ними, я у ног её:

– Милые, дорогие, на кого же вы нас покидаете?

– Мы вернёмся, – кажется, шепчут они. – Мы вернёмся, ждите нас, ждите...

Сердце сжимается болью. И не только у нас, но и у тех, кто отходит за линию фронта. А дождь идёт и идёт, как слёзы с неба, перемешанные с моими.

На другой день мы с бабушкой идём смотреть, что творится в центре-то, где райисполком. Двери в райисполкоме распахнуты настежь. И на первом, и на втором этаже окна разбиты вдребезги, по всем коридорам гуляет ветер, гоняет бумаги и документы, всюду разбросаны дыроколы, графины, стаканы, пишущие машинки...

А там, где была районная библиотека, валяются книги – и небольшие, и такие огромные, в кожаных переплётах, наверное, ещё от князя Куракина. Картины князя после революции увозили в Москву, а книги отправляли в уездную библиотеку.

Ветер перебирает страницы брошенных, сразу ставших ненужными книг. «Как же так? Национальное достояние», – говорит мой бабушка Герасим Макарыч, и я с ним тоже переживаю, хотя читать ещё не умею.

Безвластие. Это страшно. Начались грабежи. То в одном месте, то в другом: увезли из сарая сено, из подвала унесли картошку, утащили дрова. Даже в дом вошли при живых-то хозяевах и унесли одежду, посуду, даже кастрюлю с борщом. Бабушка говорит, что так уже было давно, после гражданской войны в их местах, в Воронежской области, когда там туда-сюда гуляли то белые, то красные.

Безвластие – это когда никакой власти. Ни красных, ни белых. Вылезает всякая дрянь и делает всё, что хочет. Так продолжалось несколько дней. И вот поползло по улице: оттуда, со станции – движутся немцы. Идут уже по нашей улице к нам сюда...

И ужас! Сковал меня, отнял все мои силы! Вот они уже тут. Вот проходят к нашему дому, к нашей квартире. Слышится топот шагов. Гвозди на подошвах вколачиваются в нашу землю, в доски пола. Шаги один за другим, один за другим.

Входят. Двое. Один за другим. На плече одного и другого лёгкий пулемёт. Оба в непонятной, болотного цвета форме. Передний наклоняется резко, обращаясь к нам:

– Солдатен? Партизанен?

Мы стоим в ужасе. Словно кто-то из ада свалился нам на голову.

Солдаты ушли. Проследовали по улице дальше. А под окнами загудели машины. Станные, с «соломенными» моторами. Так они утепляют свои машины – соломенными матрацами. Так они готовились к войне, к русской зиме, к нашим морозам. У детских яслей, напротив, останавливаются грузовики со столами и стульями. Солдат в короткой шинели пытается влезть и втащить за собой на крышу флаг со свастикой.

– Немецкая комендатура! Немецкая комендатура! – аплодируют немцы солдату с флагом. – Гут, гут! Карашо...

Мы смотрим в своё окно и не видим ни неба, ни звёзд. «К этому надо привыкнуть... надо привыкнуть», – шепчет дедушка мой, отворачиваясь от окна.

А во двор к нам въезжает грузовая машина. Тоже со столами и стульями. Появляются немцы и русские в какой-то серо-зелёной форме.

– Ком! – подзывают они мою мать. – Это будет русская комендатура.

К дедушке подходит гражданский в чёрном крестьянском полушубке, говорит, показывая на них:

– Немцы – австрийцы, а русские – власовцы. Тоже русские, но в плену и за них...

– Яволь, – отвечает мой дедушка. – Все вкруговую немцы.

– Вас исдас вкруговую? – подходит немец в офицерских погонах. – Что такое «вкруговую»?

– Все одинаковые, – отвечает мой дедушка. – Что одни, что другие.

– Нихт, – настаивает офицер. – Нет, все разные. Одни – немцы, другие – русские.

Появляется солдат с молотком, что лез с флагом на крышу. Увидев у нас тут длинную лестницу возле сарая, подхватывает её подмышку и направляется к калитке. Из Никулинского сада, от копанки, где полоскала бельё, идёт моя мама. Увидев лестницу в руках немца, она ставит наземь свой таз с бельём и хватается за лестницу. Тащит её на себя. Немец не отдаёт лестницу, что есть сил тянет её на себя. Мама моя хватается валёк из таза, заносит его над головой немца:

– Сволочи! Пришли сюда грабить, тащить всё тут у нас, а ну, брось! Обормот! Оккупант!

Немец швыряет лестницу наземь, расстёгивает кобуру, вытаскивает пистолет.

Обомлев, моя мама стоит, остекленев. Оружие есть оружие. Одно движение, и нет ваших. Спрашивай, как звали. Я бегу к маме, хватаюсь за неё, кричу на весь двор:

– Не надо, мамочка! Отдай ты ему эту лестницу! Пусть подавится!

Немецкий солдат уносит лестницу к себе туда, в немецкую комендатуру. А мама моя долго ещё стоит на месте, чтобы прийти в себя.

Над немецкой комендатурой повис дряблый нацистский флаг, который тут же исчез вместе с домом при бомбёжке нашего самолёта.

ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ

ИЗ ПОВЕСТИ «ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО»

Поезд шёл ни шатко – ни валко, лениво постукивая на стыках колесами, часто останавливаясь. Наконец медленно подполз к станции. Пройдя почти безлюдный зал ожидания, приезжие очутились на площади, просторной и пустынной. Лёгкий ветер гонял по ней сухую пыль. От обилия света слепило глаза. Белое, недавно возведённое здание вокзала ажурной праздничностью своих очертаний напоминало о юге. Укатанная, вытянутая лентой улица вела в город. Морем зелени раскинулся он, скрывая дома. И только главы и колокольни церквей и соборов, сверкая на солнце, кое-где выступали из зарослей. Стоял послеполуденный час. В это время жизнь в городе замирала. Он погружался в сон. Можно было войти в дом и не встретить в передних комнатах ни одной живой души. Бери, что хочешь, и уходи.

У въезда в город белела каменная ограда какого-то кладбища. В просветах трепещущей под ветром листвы лип и клёнов то открывались, то прятались бледно-жёлтые пятна церковных стен. Служба давно отошла. Перед крыльцом и на дорожке было пусто. И не верилось, что каких-нибудь два-три часа назад отсюда, крестясь, выходили люди; стояли, прося подаяние, нищие.

Миновав Московские ворота, извозчик придержал лошадей. Начиналась тряская мостовая, от подпрыгивания на которой не спасали даже резиновые шины пролетки. Пошли деревянные купеческие и мещанские дома, густо украшенные деревянной резьбой. Её волшебное узорочье дышало сказочной древностью Востока.

В последние годы Тургеневу приходилось бывать в родном городе нечасто, наездами, всё больше по какой-нибудь надобности. Город менялся. Некоторых мест Тургенев совсем не узнавал, другие плохо помнил. Но Московская улица оставалась прежней. Подъезжая к Рождественской площади, он увидел балаганы, оставшиеся от масленичных гуляний. Они ставились на тех же самых местах, что и год, и десять, и двадцать лет назад. На Рождество здесь по кругу катались на лошадях. Сани были застланы медвежьими полостями, коврами. Морды лошадей украшены синими и красными сетками. В памяти остались полные радости румяные девичьи и детские лица, счастливые глаза. То-то было шуму, крику! Всё, без сомнения, повторялось из года в год, хотя те дети давно вошли в совершенный возраст, а тогдашние взрослые успели состариться.

Проехали Ильинку, знаменитую своими многолюдными осенними базарами, а ещё ранее наказаниями преступников, на которые собирался смотреть весь город.

Подальше, на берегу Оки, близ хлебной пристани, на Крещение смельчаки купались в прорубях, сходились на льду в кулачных боях.

По недавно отстроенному Мариинскому мосту экипаж переправился на левый берег Оки. Узорное литьё мостовых перил бросало пёстрые тени на блестящий под солнцем булыжник.

Под сводами длинной каменной арки Торговых рядов было безлюдно. Пахло известью, кожей, чем-то застарело-затхлым. Солнце лизало раскалённые камни мостовой. Пусто было и в лавке. На звук колокольчика минуты через две откуда-то из-за шкафа показался заспанный приказчик. Приглаживая смоченные квасом волосы, разделённые на прямой пробор, долго с удивлением смотрел на вошедших, не произнося ни слова. Где-то в глубине помещения скрипнула дверь. Показался хозяин.

— Что вам угодно? — спросил он.

Тургенев изложил ему свою надобность. Некоторые из вещей нашлись тут же. За прочими надо было ехать в другую часть города.

Миновав здание магистрата, бричка свернула к Александровскому мосту. Он был открыт лишь год назад и представлял, как и его Мариинский собрат, предмет гордости горожан. Мягкая конструкция сооружения, точно висевшего в воздухе, вызвала всеобщее восхищение. Поодаль, влево, среди плотно застроенной береговой линии высилась величественная громада храма Михаила Архангела, повидавшего на своем веку царей и архиереев, провожавшего в поход ополченцев Крымской и Балканской войн. От моста вёл довольно крутой подъём. Городовой в белой летней форме стоял возле будки. Начиналась Болховская, главная улица города, застроенная двух и трёхэтажными домами. Кондитерские, колбасные, булочные, галантерейные магазины занимали всю нижнюю линию зданий. Георгиевская церковь переглядывалась с холма с церковью Богоявления, самой древней и первой в Орле, заложенной на излучине Оки и Орлика, где некогда волею царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича, прозванного Грозным, поставлена была крепость для защиты южных границ Московского государства. Страшное и грозное название: Богоявление! Такое не даётся даром и не присваивается сплеча.

Предание говорит, что когда царь и свита искали место для крепости, с ветки дуба в роще при впадении речки Орлеи в Оку слетел орёл — птица вещая, означающая знамение Божие. На месте сем и решили ставить город.

Слева от Георгиевской церкви за домами и густыми садами пряталась улица, где некогда стоял дом, в котором в 1818 году 28 октября Тургеневу суждено было появиться на свет.

... Кончалась осень. Накануне, должно быть, как почти всегда в эту пору, начинались зазимки, сыпало лёгкой белой крупой. Он представил себе, как со слабой счастливой улыбкой матушка попросила раздвинуть плотные ночные шторы. Первое, что увидели её глаза, был белый лёгкий туманец. И сквозь него редкие просверки солнца. «Сердит ты был, — рассказывала она сыну. — Кричал, как генерал на смотру, а я молилась: «Господи, благодарю Тя в радости моей!» И на душе тихо, славно. А всё нет-нет да напоздёт на эту радость тень какая-то тревожная. Шутка ли — новая жизнь в мир пришла! Что-то будет с этим человечком? Крестьить надо. В приходскую нести. Не застудить бы — зима на дворе!»

Поведала она и о том, как, почувствовав в себе биение новой жизни, посадила в оранжерее семена водосбора, «растения бросового», но ей чем-то милого. Страстная любительница цветов целые часы могла она проводить в теплице или возле клумбы перед домом. Цветы становились для неё почти одушевлёнными существами. Она только что не разговаривала с ними. Ароматы кружили ей голову, отрешая от мира, навевая состояние полугрез, полусна. Раскрывавшиеся лепестки пробуждали нежность. Все оттенки земных красок были перед ней. Она чувствовала себя в созданном ею раю. Фиолетовые цветки водосбора, пышно называемого по-латыни аквилегией, особенно приглянулись ей. Вот так, окутанная красками и ароматами цветов, зрела в ней будущая жизнь, уже заранее любимая ею.

Неизвестно, почему назвали ребёнка именем Иван. Может быть, в память об Иоанне Крестителе, а возможно, в честь любимого ученика Христа, Иоанна, апостола Слова, небесного защитника и покровителя тех, кто наделен этим священным даром, требующим чистоты сердца. Праздник его всех ближе пришёлся ко дню рождения младенца. Имя Иоанн означает Божья благодать. Символ же сего евангелиста — орёл. Так же, по случайному ли совпадению, по высшей ли воле, назван город. Орёл красуется и на гербе губернии. Тот самый, что, по преданию, вознёсся над местом будущей крепости. «И да помыслим, чада, о всём сказанном!» — молвил бы православный философ.

Что помнил Тургенев о месте своего рождения? В памяти остались клочки неясных видений: стены детской, какие-то лица, склонявшиеся над колыбелью, деревянная раскрашенная лошадка, широкий двор, поросший травой с жёлтыми головками; ломкий блеск воды где-то далеко под обрывом да раскинувшееся во все стороны ярко-синее небо. Ему было три года, когда семья перебралась в деревню. Дом с обширными владениями сгорел во время одного из пожаров. Город страдал от огня чуть ли не каждый год. Пламя вылизывало целые улицы, оставляя после себя пепелище да долго не выветривавшийся запах гари. Не обходилось и без злоумышленников. Говорили, что сам Государь плакал, читая донесения о бедствиях орловских погорельцев.

Тургенев довольно печально смотрел на состояние тогдашнего Орла, с неудовольствием и болью отмечая грязь на улицах, пьянство и невежество обывателей.

В шестидесятые, благодаря стараниям властей, пожары стали случаться реже и уже не были такими опустошительными. Город отстраивался. Усадебные дворянские и купеческие дома правильными рядами выстраивались по лицевой линии кварталов. Московская улица покрылась мостовой. Появились тротуары. В обширных кварталах нижней части со спокойным достоинством смотрели на

свет обращёнными к улице фасадами добротные осанистые дома с большими окнами. Резьба на них была русская, но сами дома принадлежали немецким поселенцам, селившимся в городе с Екатерининских времён. Чем дальше от центра, тем всё более грязными и пыльными становились улицы и кривые переулки, неказистые домишки. Но резьба, эта обязательная принадлежность русского дома, светилась и на них. И только ветхим, кое-как сколоченным хибаркам, почти вросшим в землю, было совсем уж не до красоты.

Подворья и постоянные дворы сменялись гостиницами. Каких только названий не носили они! «Париж», «Рим», «Саратов», «Шумла», близ которой небезопасно было появляться даже днём. Летом дома для приезжающих пустовали. Город точно спал в ожидании больших осенних ярмарок. С Покрова начинались нашествия торгового люда. Съезжались купцы и крестьяне не только из окрестных мест, но и из соседних губерний. По берегу Оки на версту с лишком раскидывались торговые ряды. Продавали и покупали мясо и рыбу. Пристань была завалена мешками с овсом, мукой и крупами. От овощей, знаменитых орловских яблок десятков сортов ломились прилавки. То и дело попадались «обжорки» — маленькие жаровни, на которых пекли пироги с грибами и луком, с пылу с жару подавали ржаные блины с мясом, с икрой, сметками; готовили саломату. Шум и гам не умолкали до позднего вечера. Песни и крики подгулявших торговцев слышались и ночью.

Непроглядная тьма окутывала город в это время суток. Керосиновые фонари горели только на главных улицах: перед подъездом губернаторского дома, возле жилища полицмейстера и полицейской части. Чадными неверными огоньками обозначались магазины. Даже городской сад был едва освещён, представляя желанное место не столько для гуляющих, сколько для жуликов и всяких тёмных личностей. На окраинах было темно, хоть глаз коли. Притаившиеся во тьме дома с закрытыми ставнями едва можно было различить.

В нижней части города располагались подворья и трактиры для простого народа. Гостиница «Таттиен» на противоположном, левом берегу Оки принимала публику почище. С ней соперничали номера Красовского на углу Георгиевского переулка и Болховской, принадлежавшие прежде купчихе Иордан. Переходя из рук в руки, меняя названия, заведение продолжало благоденствовать многие годы. «У Иордана», как запросто называли горожане гостиничные номера, Тургенев и снимал жилище в далёкие пятидесятые, навещаясь в город из Спасского.

Гостиница, устроенная на европейский лад, имела свои особенности. Оттого ли, что дерево, из которого строился дом, не было достаточно сухо, по какой ли иной причине, только половицы стреляли с оглушительным треском, двери скрипели на разные голоса. Сильно пахло мастикой, что, по мнению хозяина и коридорных, «оченно помогало» против неизменных жильцов всех русских подворий — клопов и блох. Перегородки между номерами были тонкими. Слышалось всё, что делается у соседей. Из бильярдной доносились стук костяных шаров, восклицания игроков, переходившие иногда в громкие споры и даже потасовки. Но местоположение гостиницы было самое выгодное. Вдоль по улице вверх и вниз тянулись лавки и магазины.

В нижнем этаже одного из зданий на Болховской в шестидесятые годы размещались «швальни», иначе говоря, швейные мастерские наподобие тех, которые устраивала Вера Павловна из прошумевшего на всю Россию романа Чернышевского «Что делать?». В них не только шили и ремесленничали, пуская небольшой доход на поддержание бедных гимназистов, но и распространяли революционные сочинения, о чём, конечно, начальство в известность не ставилось. Как и следовало ожидать, «швальни» продержались недолго. Мода прошла, и барышни вновь стали заглядываться на офицеров местного гарнизона и молодых дворянчиков.

Появление Тургенева в губернском городе не оставалось незамеченным. Для одних он был богатый помещик, для других — знаменитый писатель, для третьих — непонятное, но значительное лицо. Почтительный шёпот сопровождал его в людных местах. Знакомые и незнакомые снимали шляпы, кланялись. Некоторые приветствовали в голос, величая по имени-отчеству. Чиновничество же и губернская знать посматривали с опаской: «нигилист, революционер, на плохом счету у правительства, живёт за границей, почти иностранец и вообще духа чуждого и непонятного». Опасались и острого пера. Припечатает — на всю Россию ославит. В герценовском «Колоколе» дважды появлялись обличительные статьи о злоупотреблениях власти и беззакониях в губернии. Автор был неизвестен, но многие предполагали, что дело не обошлось без участия Тургенева.

Со многими здешними дворянами Тургенев был знаком, с некоторыми состоял в родстве и свойстве. Однажды, желая «набраться толков по комитету», даже заказал себе дворянский мундир, но на заседание комитета опоздал, о чём, впрочем, не очень и жалел: атмосфера в дворянском собрании была удушливой, если не сказать больше.

Светская жизнь города привлекала его гораздо больше. Он любил балы с их блеском и милыми условностями, украшающими жизнь, поднимающими человека ступенью выше его первобытной природы. К тому же, и люди раскрывались там совсем с иной стороны. И какие случались неожиданные встречи! «Кто эта женщина?» — спрашивал он себя, увидев однажды на губернаторском балу даму, не входившую, а wpływавшую в залу, подобно владетельной герцогине. Такой она и осталась навек в романе «Отцы и дети» под именем Анна Сергеевна Одинцова.

Многообразен человеческий мир! И кого только не встретишь среди его обитателей! И «белых», и «чёрных», и «красных». К последним относили хорошего знакомого Тургенева Ивана Васильевича Павлова, врача и «мценского помещика», как он сам себя рекомендовал. Тургенев знал его ещё с сороковых годов, встречая в московских литературных кружках. Личность незаурядная, с острыми и нелюбимыми суждениями, он поразил Тургенева резкостью и бесстрашием далеко идущих суждений и стал одним из живых прообразов Базарова.

«Фантастическая ночь» пятьдесят восьмого года навсегда запомнилась Тургеневу. Павлов повёз Ивана Сергеевича куда-то на окраину Орла к цыганке. Та нагадала ему, что он будет готов вступить в брак несколько раз, но так и не женится. Он посмеялся тогда такому странному предсказанию, но потом не однажды вспоминал о нём. В другой раз приятели посетили один таинственный дом на какой-то мрачной захолустной улице, где обитал с матерью местный юродивый, странный и страшный человек, которого избрала своим «духовным учителем» жаждавшая «подвига» девушка, бросившая под ноги этому грязному и страшному чудовищу свою жизнь и честь. Странные формы принимает иногда жажда самопожертвования!

Теперь, проезжая мимо гостиницы и глядя на её окна, Тургенев вспомнил об этом.

К «красным» причисляли и братьев Карповых, которых Тургенев знал с детства. Особенности и свойства этих людей влились в образы Павла и Николая Кирсановых.

Всё это были вольные просвещённые люди. Чиновничество же как сословие несвободное во всём, от мнений до манеры одеваться и вести себя, следовало примеру начальства. Государственные люди держались умеренной середины. Необузданные же помещики открыто выражали своё несогласие с новыми веяниями. На проект освобождения крестьян партия консерваторов откликнулась протестным письмом, поданным на Высочайшее имя. Это была чужая, враждебная Тургеневу среда.

Одним из самых приятных людей, с которыми ему приходилось встречаться, был обрусевший немец, осевший в Орле, Венедикт Флорианович Генчель. Страст-

ный любитель музыки, он владел нотно-музыкальным магазином на Болховской. Приезжая в губернский город, Тургенев не упускал случая заглянуть к нему. Генчель садился за фортепьяно. Под его пальцами инструмент оживал. Многие связывали его имя с образом Лемма, хотя внешнего сходства не было никакого. Лемм был суров, замкнут, почти уродлив и очень несчастен. Генчель лёгок в общении, строен, хорош собой и, как будто, не жаловался на жизнь. Роднили их только страстная любовь к музыке да иноземное происхождение.

Загадочным образом рождаются легенды. Житейскому сознанию необходима опора на реальность. У творчества же свои законы. Образы возникают и из цельных кусков породы, над которыми потрудился резец ваятеля, и из живоносной рассеянной пыли, из наплывающей музыки, и, обретя очертания и краски, существуют уже сами по себе, вызывая толки и пересуды. Однако как нет дыма без огня, так нет и живоносной пыли из ничего.

МИХАИЛ ТУРБИН

ПО КОЛЕНКАМ

Рассказ

Лев Мартинович на исходе октября решил зарезать подсвинка, – кормить стало нечем. Для такого непростого дела в местной округе обычно приглашали колыщика Степу с Выгонки – пожилого заводчанина. Тот приходил по первому зову рано утром и придавал своему побочному занятию некий языческий ритуал: заходил к животному в сарай один и без ножа. Почёсывал намеченной жертве бока, что-то шептал в уши-лопухи, может, заранее прощение просил, – кто его знает? Потом покидал сарай, мыл руки, надевал клеёнчатый фартук и уже шёл в закуту вершить смертное дело. Через минуту выходил и торжественно произносил: «Готово!» Ни единого звука не издавала свинья в момент кончины, потому как Степан – умелец. Правда, слово «готово» Мартинович, когда слышал подобные байки, воспринимал с недоверием. Это, мол, когда петуха или курицу кладут на бревно, то – «раз-два и готово», а тут – наоборот, работа только начинается. Тушу надо за ноги волочить во двор, водружать на доски или клеёнку, затем приступать к опалке паяльной лампой со всех сторон, вплоть до закоулков кожи. Опалённые места, прямо из-под пламени лампы, надо тщательно скрести ножом, а если огня недостаточно, то вновь подвергать опалке и очистке от гари. Женщины уже должны стоять наготове с ведрами и тазиками в ожидании разделки, а это основная по сложности работа, когда туша будет лежать брюхом вверх. Степа-колыщик и в этом мастер, Мартинович как-то видел его за работой. Другой мужик на его месте будет с одной поросычьей ногой возиться полчаса, выкручивая её и так, и этак, а он, словно хирург, знает, на каких сухожилиях она держится: чирк-чирк ножом и – в таз! Когда же брюхо станет вспарывать, только и успевай, то кровь собирать, то внутренности принимать. Потом, ставь плиту или примус, спеша за сковородкой под печёнку.

Разделяет Степан свинью по всем правилам – бери, засаливай и складывай куски в подвальную кадушку на зимний сезон. Расторопный мужик, ничего не скажешь. Сделает работу и сядет во дворе на табурет – перекур. Будет ждать, когда

хозяин или хозяйка позовут к столу. Сковородка уже разносит аппетитный запах по двору.

Разве кто уходит от свежатинки с бутылкой? Да ещё дадут в дорогу два-три килограмма сала для семьи. Так положено, никуда не деться.

Льву Мартиновичу не хотелось тратиться на Степана. Решил в целях экономии заколоть подсвинку сам. Видел же не раз, как это делается. Какие сложности? – вдавил нож под левую лопатку – всё!

Приготовил, что требуется в таких случаях и отправился рано утром в сарай, где уже повизгивал голодный поросёнок, ещё не дотянувший до четырёх пудов. Решительно зашел в полумрак закуты, даже жену не попросил, чтобы задние ноги попридержала подсвинку.

Чутьё у свиней намного превосходит собачье. И тот почуял что-то недоброе. Запах, шедший от хозяина, видимо, показался опасным, заставил взвизгнуть, замесаться в поисках выхода. Мартинович с трудом дал ему подножку – лишил опоры, завалил набок и быстренько воткнул под лопатку нож. На миг показалось – дело сделано, но не тут-то было, – не захотел подсвинок отдавать богу душу, наоборот – придал своей жизни резкое ускорение. Мартинович слетел с него в каменный угол сарая, ударившись головой об стену, а подранок бросился во двор с неистовым визгом. Такого развития события Мартинович не ожидал, даже не предусматривал, а между тем тот, выбив рылом калитку, выскочил на улицу и, оглашая окрестность страшным смертным воем, помчался, куда глаза глядят, кровавая дорожка. Мартинович вне себя от огорчения, впал в ярость, схватил первое, что попало под руку, а это был лом, погнался за жертвой с целью её добить. Лом же, как известно, – тяжёлое орудие для дробления льда и камня. Поразить им бегущую свинью, даже раненую, орущую во всё горло под окнами соседей, – проблема. Мартинович целил в голову и делал промахи, но всё же, в конце концов, добился победы, хотя и вывихнул при этом себе руку. Кое-как затащил тушу во двор и запер калитку. Потом отдышался.

Знай он, как трудно добивать подранка, не скупердяйничал бы.

* * *

Дед Юра не только слышал поросятчий визг, но и рассмотрел в заборную щель всю картину погони в полной её несуразности. Посмотрел-посмотрел на лихорадочные действия соседа Лёвушки, да и плюнул с досады, мысленно выразив своё отношение презрительным замечанием: «Тоже мне – хозяин! Не можешь – не берись». И пошёл разводить костёр, чтобы пропарить дубовую бочку для засола капусты на зиму. Она уже стояла невдалеке, залитая колодезной водой на четверть. Нужно только накалил увесистый кусок рельса и булыжники. Зима вот она – на носу. Трава седая, как и он сам.

Пока костер полыхал, раскурил «козью ножку». Дымит ею и посматривает вглубь своего двора. Там – Федя-зять ядрёные кочаны раздевает, расставляет на верстаке, к шинковке готовится. Для этого имеется доска с трёхрядными ножами, что рубанок перевернутый, а под ножами кадочка стоит, куда будет сыпаться капустная стружка. Дочь Зоя уже натирает на тёрке морковку в таз, и порой, как мышка, кусочки морковочные приканчивает – зубками хрумкает.

Зять – заводской токарь, широкоплечий сгорбленный верзила с печалью вальцовых глаз. «Повезло дочке, – думает дед Юра, – трудяга Федька и семьянин хороший. Сирота. Отец погиб на войне, мать потом умерла, а он с 14 лет на заводе горбатится. Говорил как-то с обидой: «Я для завода – гожа, а в армию – не взяли». Здоровьем не подошёл, но молва прошла: директор завода лично вмешался, мол, Фёдор нужный заводу человек, – незаменимый фрезеровщик. Только он может де-

лать точные, сложные проходы в каких-то там деталях. У других не получается. Кто бы ни пробовал – не то. Может правда, уважили просьбу директора, не взяли в армию по этой причине? И вообще, в комсомоле он – на виду, и в профкоме – на виду... Как смогла Зоя отбиться от стольких претенденток на внимание такого парня? Видно, какие-то прочные корни в ней есть, но я что-то не вижу в ней материнской хватки. Лида-то моя без слова правды дня не проживёт, пока её не выскажет. Может, от меня дочь что взяла? Но ничего такого во мне нет, кроме терпения и сомнения».

Дед Юра докурив сигарку, добавил древесного мусора в костёр и продолжил разговор сам с собой: «Глаз у Федьки сметливый не только в выборе жены, и по металлу знает тонкости, а вот к деревянному делу прохладен, на бондарство моё смотрит мимоходом, как бы промежду прочим. Тут мало любопытства, тут нужен долгий упорный труд, прилежание к нему, потом и явится то, без чего жить не можешь. Так и рождается мастерство, – когда по нужде, когда по влечению сердца. Скоро заглохнет бондарство, а кабы знал Федька, что в древности пушечный ствол не отольёшь без опалубки, стянутой обручами, да и в любой кузне не обойтись было без кадушек и чанов, не говоря уже о других ремёслах и хозяйствах, может тогда приметливее бы относился к моему делу. Жаль, что сегодня некому передать его. И ещё слабина одна у Федьки имеется: любит покойников хоронить. Не сказать, что только из-за выпивки, нет, здесь что-то другое, какая-то непостижимая тяга к чужой печали. Загадка какая-то... Как только кто-нибудь из заводчан или их близких умирает, обязательно обращаются к нему за помощью. Знают, что охотно отзывается он. Бросит все домашние дела, но пойдёт с ребятами закапывать покойника. Лучше других в этом деле стал понимать, с чего правильно начинать и завершать. С похорон приходит грустный, словно расстался с родственником. Может, и загадки никакой нет? – чаще других стали помирать бывшие фронтовики».

Дед Юра порой глубоко ныряет в память, сидит, как глухой пень, не слышит, когда к нему обращаются с каким-нибудь вопросом, а услышит, жди, когда придёт в себя. Вот и сейчас вспомнилось ему, как шли они тогда на Варшаву, да не дошли. Тут спрос с Тухачевского, а не с него. Не по своей же вине оказался он в колонне пленных, и лишь случайно узнал его гродненский подъяесаул Павел Жиркевич, с которым он в русско- японскую войну служил в одном эскадроне императорской армии. Потом в годы всероссийской неразберихи Паша оказался по другую сторону – в армии Польской. Он и помог ему, – вытащил из колонны пленных, заявив: «Этот москаль будет использован для особых нужд, я его золотые руки знаю». И отправил на хутор к своим родственникам из Гродно. Кадки изготовлял им на хуторе, потом Паша помог ему до замирения с Польшей перебраться в родные места.

«Где был?» – спрашивать на Орловщине было некому, кроме родственников. Все тогда выживали, как могли. Такое время – не приведи Господи!.. Это потом дружно взялись принимать друг к другу и взаимные доносы писать. Грамотны же стали». Вдохнул дед Юра и полез в карман за кисетом с махоркой, не переставая размышлять.

Зять Федя, в это время, глядя в сторону костра, думал своё: «Петрович, что дуб морёный, – крепок ещё. Много чего повидал на белом свете, а всё – неугомонный. Обычно проснётся утром, и уже слышится по всей округе – бум-бум, бум, бум!.. Очередную бочку молотком охаживает, обручи набивает, потом потащит на базар для продажи. И вновь у верстака выстругивает клёпки, для очередной кадушки. Бондарь! – да такой, каких не скоро найдёшь. Вся жизнь прошла – бум-бум, бум-бум! И всё о чём-то думает, и ни на что не жалуется, хотя есть на что... До сих пор не пойму, за что его выслали в казахстанскую степь с началом войны? Спросил однажды: «Петрович, за что тебя Берия из дома выслал к чёрту на кулички?» А он – не резко так: «Ни за что!» Потом

подумал и добавил: «Обстановка обязывала... И ты бы сделал то же самое, и я, будь на его месте». Во, – сказанул! Тогда, выходит, зря реабилитировали? Лучше бы не спрашивал...» Порой это не выходило у него из головы.

Дед Юра всё ещё задумчиво сидит у костра. В нём добирает жар рельсовый кусок в четверть пуда и два булыжника.

Вскоре он ловко подхватывает лопатой раскалённый кусок рельса и быстро швыряет его в бочку с водой. Раздаётся страшное шипение и бульканье, пар с огромной силой рвётся наружу. Старик тут же ловко накрывает бочку старым ватным одеялом, сверху набрасывает брезент.

– Дно бочки прогорит, подложи жёсть! – кричит зять.

– Не учи учёного, – ворчит тесть, – я подложку давно опустил, ты лучше вот что: когда я каменюку понесу, сбрось укрывалку, а я вторую ходку сделаю...

Пошвырял он булыжники из костра в бочку, накрыл плотно старьём, но всё равно пар щелит из-под тряпья, бочка трясётся, как припадочная. Пришлось своей фуфайкой докрыть. Обхватил её руками, просит зятя проволоку подать, вдвоём крепко-накрепко утягивают её.

– Порядок! – доволен тесть. – Теперь шинкуй, зятьёк, кочанчики, глядишь, к полудню управимся.

Тот потянул носом.

– Никак, палёным пахнет...

– Это не у нас. Это Мартинович порося смолит.

– Забил-таки?

– Концерт! Аль не слыхал визга? – вскинул брови тесть. – Тут и мёртвый поднимется...

– Значения не придавал... На печёнку-то пригласит?

– Спеш и падай! Разве Лёву не знаешь? – удивляется тесть. – И Ритка его ещё та – куркулиха. Да-а, повезло им, дом от войны уцелелый, не разбомбленный, а от нашего тогда один фундамент остался. Тёща твоя, Лидия Васильевна, мне рассказывала: когда она вернулась из эвакуации с детьми, ахнула, увидев родное гнездо. Вещи, что зарыла в яму сарайную того – тютю!.. И сарая нет – растащили на дрова. До сих пор горюет о потере швейной машинки. Зингеровская ведь! Ничего не нашла тогда, пришлось гнездиться заново, начинать житьё с нуля. Ты же видел сам – разруха вокруг стояла. И скажу тебе, Федя: Ритка никуда не уезжала, сама потом рассказывала вам: «Мы перед приходом немцев пёхом шли с тачками к Ельцу, но за Чернавой немецкие танки нагнали беженцев и воротили назад».

– Какая же Маргарита Яковлевна куркулиха? – недоумевает Федор. – Ничего особенного в доме у них нет, никуда не высовываются, если и прижимистая, что из того?

– Кабы прижимистая, то ничего, беда заставляет копейку экономить, тут – другое, позвонче будет... Она изнутри материалом гнилистая, на неё чутьё надо иметь, а ты по поверхности судишь. Лёва – тот на виду – по налокотникам видно, что на рукавах, и на роже написано – влазистый. Поживёшь с моё – поймёшь...

И замолчал.

«Не мужское дело – думает дед Юра – языком чесать попусту».

Сам в эвакуации не был. Его – участника сражения под Мукденом, и ветерана Первой мировой, в июне 1941 года, выслали под Семипалатинск, в степь.

– За что? – поинтересовался он тогда у оперуполномоченного НКВД. Тот, к его удивлению, оказался словоохотливым:

– Потом поймёшь...

Порылся в бумагах, нашёл формуляр, уточнил ещё раз:

– Бондаренко?

– Я!

– В списке ты.

Полез в сейф.

– Ух ты, мать-перемать! – вдруг удивился он. – Здесь значит: «Бондарь-ремесленник»... Занятно. Тут всё занято. – И весело сочинил на ходу: – Бондаренко, Бондаренке дал под зад и по коленкам. Слушай «за что», бондарь-Бондаренко. У меня дед тоже бондарем был, чаны для виноградарей делал, я из уважения к нему объясняю тебе: таким, как ты, нечего здесь делать в опасное для Родины время. Кто знает, куда переметнёшься? Ты же в польском плену бочки пшекам ладил. Столько русских солдат отдали там богу души, а ты живым вернулся... Может, затаился до поры до времени, чтоб вред нам наносить? Ладно, на шпиона ты не потянул, не успели наскрести, но скоро разоблачат, не сомневайся, хотя в райпотребсоюзе ты чуть ли незаменимый. Но ведь и немцам бочки понадобятся в большом количестве, а нам – ещё больше. Поэтому и отправляешься туда, где будешь пользу приносить своей стране, если ей не враг.

Выслали его в голую степь, выживай, как сможешь. Чуть не помер в первое время, потом вспомнили о нём. Бочки, действительно, требовались для нужд Красной Армии. Изготавливал их ровно 15 лет. Вроде как вино отрабатывал, чтобы впредь руки вверх не поднимал: ни перед поляками, ни перед прочими врагами советской власти.

Реабилитировали при Хрущёве. Вернулся домой, пенсию назначили, начал зятю помогать достраивать дом. Федор уже детишками обзавёлся. Пенсию назначили, потом помогал Фёдору дом новый достраивать. И слова опера не забыл: «После поймёшь...» Это когда ж?

Дым от костра струится вверх – к последнему солнышку бабьего лета. «Хороший день для засолки капусты выбран, – думает дед Юра, – если не считать испорченное утро: ужасный вой подранка ещё стоит в ушах».

Своих двух поросят они с зятем планируют дотянуть до Нового года, а лучше – до Крещения.

Семья большая, растёт год от года. Уже три девочки, обязательно будет ещё ребёнок – мальчика хотят. Зоя устроилась работать поваром в столовую, есть чем кормиться, да и поросятам отходы будет носить. Вон, как ловко она в тазу перемешивает посоленную капусту с морковкой. Рядом жена с корытцем – тоже перемешивает, покрасневшими оголёнными руками. Вот заполняют они полбочки, тогда и начнём перестилать соленье рядками антоновки. Испокон веков так мочили: и капуста душиста, и яблочки – не оторвешься – дай-ка ещё!

– Перезимуем, Зоюшка? – кричит он от нахлынувших чувств.

– Ещё как! Никуда не денемся! – поняв отца, откликается она.

Лидия Васильевна кидает на них улыбчивый взгляд.

* * *

Мартиновичи уже разделались с тушей – внутренности собраны в вёдра, тазы, кастрюли, тарелки... Окорока временно подвесили под потолок сарая. Безухая и безъязыкая свиная голова лежит на столе веранды, ждёт завтрашней доработки. Она ещё злобно щерится опалённой пастью из-под накрытой на неё клеёнки. Худые рёбра с салцем отделены от позвоночника и, густо пересыпанные солью, помещены в бочонок. На холодец пойдут ноги, уши, хвост...

«На сегодня – хватит!» – проголодавшись, решают они. Маргарита Яковлевна успела-таки поставить на примус сковороду, приготовить жаркое, пока муж резал и рубил тушу.

– Намаяться мы с тобою, Рита – говорит он устало. – Были бы дети рядом, а то жди их!

– Что напрасно толковать? Разделались, и ладно. Учатся студенты наши и пусть учатся. Дай бог, к Новому году приедут. Теперь есть чем порадовать и поддержать их. Лёва, слушай, а не пригласить ли нам на ужин, к примеру, Лиду с Фёдором и Зою? Как-то неудобно, соседи же.

– Без Юрия Петровича?

– Он точно не пойдёт, выдумает что-нибудь, лишь бы характер показать, и Лида тогда под вопросом.

– Молодых звать – бутылку выставить, а нужно?

– Лёвушка, мне нужен Фёдор. Хочу попросить его выточить из бронзы на заводе держатели для гардин оконных штор. Он нашей Варваре Степановне их бесплатно сделал за один день. Мне понравились.

– Зови, если надо, пока сковорода стоит, – решает Мартинович, морщась от предстоящих дополнительных хлопот с гостями.

* * *

Дед Юра появления Маргариты Яковлевны не ожидал. Выслушал, поблагодарил, но гостевать отказался.

– Почему? – вяло поинтересовалась она, больше из любопытства: что он на этот раз выдумает?

– Коран не велит!

– Ну, шутник! Верующим стал? Не поверю...

– Погуляй по степным просторам, поверишь.

– Жену с молодыми отпускаешь? – не унималась она, хотя те уже переоделись, оставив детвору на попечение старшей девочки – Вики.

– Воля их, стар я с вами лясы точить.

Ушли они по приглашению, а он задумался: может, прав Фёдор, сомневаясь в жадности Маргаритки? Может, чутьё притупилось? С Лёвой всё ясно, его он знает, как облупленного: чужого не возьмёт, но и своего из рук не выпустит. И всё ещё работает бухгалтером на элеваторе, но горсти зерна не выпишет для своих кур и поросёнка. За бардой, почти дармовой, не ходит к ямам спиртзавода. Другие горожане носят её ведрами и возят на тачках, а зимой – на санках для подкормки скотины. Лёва же, считает ниже своего достоинства шагать с хмельным пойлом. У него на рукавах пиджака налокотники, чтобы локти не протирались – противно смотреть на это. Насмотрелся в ссылке. Один вид их, как ожидание подлости, – заключает дед Юра.

Пока он снова погружался в воспоминания, внезапно появилась жена, возбуждённая от встречи с Мартиновичами.

В руках она с трудом держала зингеровскую швейную машину и не могла сказать ни слова, пока следом не вошли в дом дочь с зятем.

Дед Юра взглянул на дочь, та сияла от непонятого восторга, потом разом выпалила:

– Пап, а мама... Ой, не могу! Молодец, артистка, хоть в разведку посылай!..

– Не надо, у неё ревматизм, колени распухли.

– Нет, пап, встретили нас хорошо. Балакаем с дядей Лёвой о том, о сём, а Маргарита Яковлевна Федю обхаживает, что-то ему заказывает, и тут я вижу: мама за столом сидит, и временами косит глазами в спальню...

– Я сразу увидела там свою машиночку! – наконец, заговорила Лидия Васильевна. – Та самая, что я в сарае закопала перед эвакуацией вместе с вещами, потом ещё сверху кучу угля насыпала... А сегодня вот, сижу в гостях за её столом и сразу аппетит пропал, солёным огурцом чуть ли не поперхнулась, но вида не подавала. Погоди, думаю, воровка, я тебя на чистую воду выведу! Я тебе правду обрисую.. И как земля таких носит, как вода поит? Разозлилась из-за старой потери, встаю...

– Дай доскажу, – не выдерживает дочь – я лучше видела, как ты встала.

– Как я встала? Причём здесь «встала»?

– Потому что встала торжественно, а говорила жалостливо, как над покойником:

– Ой, Риточка, ой, кровиночка моя сердечная, ой родненькая, что же ты над собой сделала? Ой, что теперь будет, жалкая ты моя?..

– Правда! – подтвердил Фёдор. – Так и причитала, все в ступор вошли – глаза вытаращили, Мартинович рюмку выронил, челюсть отвисла. И я не пойму, что происходит?

– И тут мама идёт в спальню, – продолжает Зоя, – потом возвращается, ставит на табурет машинку и говорит:

– Смотрите! – и поворачивает держалку, заваливает набок станину агрегата, а там – короб деревянный. И объясняет: – Когда я машинку свою собиралась закапывать в сарае, то на боковой стенке короба написала свою фамилию, имя и отчество – «Бондаренко Лидия Васильевна». Вот она – надпись, чтобы ясно было всем; машинка – моя! – а не её. Ой, Риточка, что же натворила ты, – воровочка мародёрская!

– Она с ней, как кошка с мышкой играла, – заулыбался Фёдор. – Лидия Васильевна взяла машинку и понесла домой, а мы – за ней. Не сразу, правда. Мартинович вышел из-за стола сам не свой, что-то пытался объяснить, мол, до войны Маргарита Яковлевна ещё не была замужем, её девичья фамилия тоже – Бондаренко.

– У мамы и у неё одинаковые фамилии? – удивилась Зоя.

– Я вышла за Юрия Петровича и стала Бондаренко за десять лет до войны, – повернулась к ней мать – у Риты отбила его – было такое в девичестве. Она за Лёву Мартиновича вышла замуж сразу после войны, потому и написала я на коробе своё имя-отчество. Тут ничего не спутаешь, и она всё поняла – не стала спорить, а то бы ей не поздоровилось.

Вот и обрела своего законного хозяина памятная и любимая вещь.

Лидия Васильевна занялась внучками. Девочки не слушались старшую Вику, не шли в постель, хотели, чтобы бабушка рассказала им про аиста, про то, как он весной принесёт им в узелочке братика. Он умеет через трубу спускаться в комнату и класть узелочек с ребёночком на кровать. Эта сказка им так понравилась, что каждый вечер просили они повторения.

Дед Юра полез в карман за махрой, вышел во двор. Долго стоял и курил, роясь в памяти и стыкуя в одно целое куски прошлого. Остро выпирал осколок слов опера: «Потом поймёшь...». И его ехидная придумка: «Бондаренко Бондаренке дал под зад и по коленкам». Не ключ ли это к пониманию? Маргарита вполне могла написать на него донос о его пребывании в польском плену, но зачем?

ВЛАДИМИР САМАРИН

КО КРЕСТУ

– Чурынь!

Кондукторша, не по-летнему одетая в плюшку да ещё и повязанная платком грубой шерсти, прокричала название автостанции и первой заспешила сойти, что-

бы прикупить у местных бабусь тыквенных семечек. Семечки были дешёвые. Да и как иначе: до этой самой Чурыни битком набитый автобус разбросал людей по деревушкам и перекресткам, так что охотников до местных лакомств добиралось немного. Я был сам – треть. И поэтому пришлось купить стакан семечек у старушки, к которой не подошли ни водитель, ни кондукторша. «Помогай тебе бог! – сказала она, бережно пеленая в узелок носового платка мой двугривенный. – Я сразу человека вижу, я, сынок, добрых людей всех-всех помню!»

Шофер нажал на клаксон, и со старухой я так побеседовать не успел. Осталась она позади, в Чарыни...

У полосатого шлагбаума, преграждавшего переезд, мы простояли добрых полчаса. Я как-то не сразу заметил, что и кондукторша и шофер смотрят на меня с каким-то неприязненным любопытством. Водитель даже зеркальце подправил, чтобы лучше меня разглядеть. И шевелил-шевелил губами, чего, конечно, я не мог ни понять, ни услышать. А вот кондукторша осмелилась и перевела:

– Да чево вы тут в бензинной духоте сидите. До центра-то ведь только линию перейти, да вниз по улице. Это же мы в Малохерувимск, считай, приехали... А человеку надо и отобедать, и воды в машину залить. А может ты не тутошний?

Я не стал объясняться. Тем более за долгую дорогу от духоты и отработанных газов меня чуть тошнило. Подхватив чемодан, я как-то по-стариковски поклонился своим последним попутчикам и потопал через дощатый настил переезда.

По мягкой и одновременно накатанной грунтовке идти было легко и приятно. Впереди, за лесополосой, маячила труба какого-то производства. Там, наверное, и начинался дорогой сердцам наших ребят Малохерувимск, там ждали меня оскорбленные древности и другие еще не описанные никем вдохновенные сюжеты.

У сторожа или обычного пенсионера, сидевшего перед кирпичным сараем с высокой асбестовой трубой, я как можно деликатнее поинтересовался насчет «Тихой Сосны»!

– А-а, клоповник!

Дед обрадовано вскочил. Овеял меня перегаром махорки и свежего первача – за руку, как мальчишку, повлёл за собой.

– Синий дом видишь? – ткнул он пальцем за придорожные кусты, а оттуда чуток направо ихняя уборная. Значит напротив её и это... «Сосна».

Деда я поблагодарил, хотя никакого синего дома из-за зарослей не увидел. Пошел напрямик, куда указывал минуту назад скрюченный прокуренный палец. От скопившейся усталости и сухоты во рту мне вдруг перестало думаться о здешних древностях. Захотелось под сень чего-нибудь – пусть тараканника, пусть клоповника: растянуться, обмягчить, а потом уж и искать разные красоты. Надо было, конечно, представиться и в райкоме комсомола. Но не в таком же виде?

«Тихая Сосна» и впрямь оказалась недалеко: первый же прохожий указал мне на раскрашенное суриком и охрой крыльцо. «Только местов там не бывает» – ласково упредил он меня.

И веранда, и большая прихожая с грязным обшарпанным диваном были пусты. Через приотворенную дверь конторки виднелся угол кровати и стол с большой казенной книгой. Одинокая и невидимая муха в последнем изнеможении билась где-то о стекло. Примостившись на диване, я закурил и стал размышлять. Первый день моей командировки угасал, пропадал ни за грош, а обижаться было не на кого.

Из дремы меня вывели разные неразборчивые голоса. Человек шесть мужчин в одинаковых фуражках-аэродромах равнодушно прошагали мимо меня в комнату налево. Уставшие люди нервно ругались, а когда затихли, на пороге появился ещё один человек. Был он горбат, до черноты спален солнцем и нёс перед собой половину подсолнуха, на ходу очищая его и сея повсюду беспорядок.

– За диван плачу я, – беззлобно сказал он мне. – Поднимись-ка, парень. – Из-под лежанки он вытащил подушку и серое одеяло и улёгся, приладив заранее подсолнух под горб. Таракана в «Тихой Сосне» я ещё ни одного не увидел, но всякая надежда хоть на примитивный покой исчезла.

С портфелем я перебрался сначала на веранду, потом на крыльцо. Подозрительно мелькнула в голове мысль о том, что, может быть, с малохерувимовскими древностями не так всё плохо обстоит. Да и где они? Возможно, их запустили до такого основания, что и отыскать нельзя...

Из размышлений меня вывел какой-то небесный, но и знакомый голос. Вот так штука! Бабушка, семечная торговочка тоже пожаловала на ночлег. «Местов нету» – сказал я ей на понятном языке и подвинулся на ступеньке крыльца, предоставляя ей сидячее место.

– Да чего ж тебя сюда занесло, соколик! В Чурыни, небось, дом для приезжих совсем пустой. А у нас все заполонили строители, армяне значить.

– Так вы, значит, комендантом здесь или как?

– Заведую. Тридцать семь лет уже.

Я молча вытащил из кармана довольно потёртое служебное удостоверение и протянул хозяйке гостиницы:

– Где же мне в вашем Малохерувимске голову преклонить?

Старуха прищурясь, с видом бдительного стража, изучала мою фотомордочку, расплывчатые буквы на печати.

– У нашего участкового, Васеньки Миронова, тоже такая книжка есть, а всё равно его два раза били. Ох, как били, сынок!

У меня не было сил вслух сочувствовать участковому Миронову и на старухины слова я только утвердительно покивал головой.

Хозяйка гостиницы вернула мне удостоверение и, подперев ладонью маленький сморщенный подбородок, уставилась куда-то ввысь, на лазоревшие вечерние облака. И тут, наконец, я почувствовал, как тихо и тоскливо на всем небольшом протяжении Малохерувимска. Ясной до банальности пришла отгадка его чар для всех газетчиков молодёжки: побывав здесь, трудно обижаться на толчею большого города, очереди и плохую работу автобусов, на всякие мелочи жизни. В областном центре после такой командировки несказанно обрадуешься озвученности, ритму бытия. Здесь он словно исчезал, пропадал в никуда.

Постель мне все-таки хозяйка устроила прямо на веранде: три-четыре плетёных коврика, несвежая простынь и одеяло, наверное, ещё шинельного послевоенного сукна. Портфель я положил вместо подушки и, вручив хозяйке рубль, провалился в здоровый сон заморенного пилигрима. Снилось мне, что хозяйка угощает меня домашними пампушками и чаем из настоящего тульского самовара, а потом ведёт в какую-то светелку наверх, где встречает меня у королевской постели настоящая царь-девица с глубокими, как омуту глазами, и роскошной золотой косой...

Утром Клавдия Егоровна, как звали, оказывается, старушку-заведующую побаловала меня чайком. А заодно и пожаловалась, что в городе всё только разоряют и ничего не строят. Вот и Крестовскую пустынь собираются разобрать, чтоб из тех кирпичей кооперативный гараж построить. «Не думает начальство – вздыхала она, – что и странникам это будет обидно, и Богу. А ещё беды наклинуть».

Чувство долга перед родной газетой так и толкнуло меня в сердце. «Разоряют древности». «Корысти ищут». «С народом не посоветовались».

– Бабушка, а далеко это от вашего Малохерувимска?

– Чего далеко? Прямо в городе, на краю. Крест там большой каменный, а за ним три дороги. Прямо пойдёшь – скоро пустынь и откроется! Да у тебя же, милоч, и попутчик есть. Вот энтот, горбатенький. Вчера сказывал мне, что идёт за облегче-

нием к Богу. Тяжко, видишь, ему всю жизнь на себе такой колтун таскать. А что? Может и пособит Господь. У нас тут в Малохерувимске всякое бывает.

– Брешет всё она, – горбун беззлобно улыбнулся, на одно мгновение, но тут же жуткая маска стянула и без того страшное его лицо. – Я за правдой иду. А если понадобится, и до пустыни доберусь. Надо вот только к властям наведаться.

Я в общем-то не собирался составлять ему пару: признаться – неудобно было идти даже через этот замшелый городишко с таким нефотогеничным попутчиком. Но горбун как-то сразу взял всё в свои руки.

– Ты, я чувю, командировочный. Так что и тебе к властям надо. Без спросу тебе к пустыни дорогу перегородят...

Он лихо стучал клюкой по булыжной мостовой, и за добрых сто шагов до рай-исполкома его уже почувствовали. Сначала выбежал на крыльцо молодой человек с какой-то бумажкой, засуетился, заколдовал чего-то возле дверей. Чуть позже из окон второго этажа повысовывались кудрявые, крашенные или просто лысые головы. Молодой человек сделал своё дело, как раз когда мы подошли к крыльцу. На четвертушке бумаге, ещё сочившейся клеем, горбун прочёл: «Личный приём в связи с массовым выездом на сельхозработы переносится».

Попутчик мой не то хмыкнул, не то прорычал, но дверь распахнул без всяких сомнений. Клюка его, как волшебная палочка, уверенно вела нас к людям, которые по всем приметам его жизненного опыта должны здесь обитать во множестве.

– Алексей Ильич просил вас подо...

Смазливая секретарша с глупыми и лживыми глазами не успела закончить фразу, как чёрный горбун распахнул председательскую дверь. И через секунду оттуда донеслась такая забористая площадная брань, что бедная охранительница кабинета пулей вылетела из приемной.

На рык горбуна отвечал задиристый звонкий голос. По служебной привычке он часто повторял «молчать» или «вон отсюда», но получилось так, что первыми подточились именно его голосовые связки. Дверь снова с грохотом растворилась и взмокший до чертиков и розовый, как шатиловский помидор, человек пронёсся мимо меня, затопал шибко по коридору, отбил чечётку по лестнице и пропал за аккордом пружины входной двери.

Горбун вышел из кабинета неспеша. Устроив подмышкой клюку, он рассовывал по карманам поношенного пиджака многочисленные бумаги и конверты. Только слишком частое громкое дыхание выдавало в нём участника перепалки в кабинете.

– С-сволочи! Они всю землю загадили этими бумагами... На законы ссылаются, на положения. Не-е-т, здорово выходит: все выгоды для себя придумали, а другим – дулю. Нет, я не в министерство и к прокурору поеду. Я, молодой человек, немедленно оттащу Самого в пустынь. Что, идёте со мной или вам надо обязательно засвидетельствовать почтение этих хамам?

Уши мои горели от стыда, хотя и неизвестно за что. Во рту стало горько и сухо. И я облегченно вздохнул, когда такой странный для нашего времени человек покинул прихожую и даже раскланялся в дверях с секретаршей, возвращавшейся на свой пост:

– Ой, он у нас невозможный, – наполовину с обидой, наполовину с гордостью сообщила секретарша. – Инвалид. А знаете, как бегаёт? Его все начальство боится, кроме, конечно, первого и нашего Александра Васильевича. А кстати, вы-то по какому делу?

Я показал свое командировочное удостоверение и посчитал, что после этого могу присесть. Секретарша очень быстро сменила женский гнев на улыбку и предупредительность:

– Корреспондентами у нас чаще занимаются в райкоме. А, впрочем, не худшим гидом по нашему району сможет для вас стать и Тимофей Яковлевич. Я пойду поставлю его в известность.

Пока секретарша разыскивала начальника и излагала первые впечатления обо мне, я с удовольствием, развалясь в мягком кресле, наслаждался и этим маленьким почётом, и предложением проехаться с гидом. Да и вообще всё в этом доме было иначе, чем во всём Малохерувимске: навевал прохладу с высоты бронированного сейфа вентилятор, в открытое окно клонились крупные грозди уже отцветшей липы, электронные часы с репетитором аккуратно и безошибочно отсчитывали каждую секунду жизни. И она, эта секунда, казалась куда приятнее, чем в «Тихой Сосне» или пригородном автобусе.

– Галина Глебовна уже поставила меня в известность в отношении вашего серьёзного задания. – Совершенно неожиданно появился передо мной новый человек. – Тимофей Яковлевич Воскобойников. Зампред. С вами, как говорится, знаком заочно.

Пока он жал мне руку, улыбался, а возможно, и похлопывал по плечу, я никак не мог сообразить, где уже его видел. Серый костюм, рубашка в тон и галстук, конечно, розоватые щёки и заботливый взгляд врача-диагноста. И само пожатие руки знакомо до чёртиков, словно у тебя укладкой щупают пульс.

Пока такие мелочи неотвязно занимали моё внимание, Воскобойников под локоток уже сопровождал меня по лестничным переходам. Только во дворе, где стояло несколько чистеньких «уазиков», я опомнился и услышал конец длинной фразы, начатой Тимофеем Яковлевичем ещё на пороге кабинета: «...всякое отрицание действительности, в конце концов, ни к чему хорошему не приводит. Я понимаю, условия проживания в «Тихой Сосне» справедливо возмущают каждого. Но, помилуйте, в вашей командировке написано чёрным по белому: разобраться с пренебрежением к древним крестьянским обычаям. Это поклёп. И поклёп не стоящий, и ржавого гвоздя не стоит. Вот только выедем за город – выбирайте любую дорогу. И наблюдайте, наблюдайте честно, беспристрастно – что оскорблено, что подрублено под корень?» Я вежливо молчал, вежливо улыбался. А в мозгу вертелось: «Вот и посмотрю: вот и сделаю выводы».

Тимофей Яковлевич сам сел за руль машины, и довольно ловко и лихо мы выскочили из узеньких исполкомовских ворот. Обгоняя могучую малохерувимскую пыль, промчались мимо «Тихой Сосны», высокой асбестовой трубы, охраняемой дедом-пенсионером, и выехали на узкую асфальтовую ленту шоссе, бегущего вдоль железнодорожной однопутки. Но вскоре она пропала и побежала вдоль нескончаемых полей знатной малохерувимской свёклы и не столь знатных овсов.

Километрах в пяти от городка я заметил впереди знакомую фигуру горбуна. Пиджачишко свой он снял и нёс на клюке через плечо вместе с ботинками. Было мгновение, когда моя рука потянулась к плечу Тимофея Яковлевича: остановите, мол. Но Воскобойников дал такую сирену, что бедный странник резко сиганул в овёс. «Опять к кресту идёт праведничек! – не очень злобно прокомментировал мой гид, – Всё ему чудится, что гостей и проверяющих мы не той дорогой водим. Есть мол, ещё одна, за которую, по его мнению, всех нас надо упечь куда подальше. Пункт даже населённый выдумал – Крестовая пустынь, почти как у Толстого. И святого какого-то объявил. Можно было бы, конечно, с этим покончить сугубо административно, а с другой стороны – свобода совести

– Ну, а крест каменный, действительно, есть?

– Есть. Да ещё какой. От креста мы обычно и начинаем просмотр для гостей. Было время, когда ставили вопрос о его, так сказать, уборании. А в области кому-то понравился. Оставили. Тем более, что от него все дороги в любой колхоз.

Перед спуском в глубокую балку Воскобойников круто притормозил и аккуратно провёл машину и по разбитому щебню, и по хлипкому мостику. На взгорке Тимофей Яковлевич чуть свернул с дороги и зашагал к мелким дубовым посадкам. Надо, наверное, было воспользоваться этим и мне. Но Воскобойников, не притронувшись к известной части туалета, нагнулся и стал шарить в траве, затем призывно замахал рукой.

Поспешив, я чуть не споткнулся о красно-бурую глыбу, скрытую зарослями болиголова и мать-мачехи. Сажени три в длину каменный крест уже крепко утонул в земле. Но на щербатой его поверхности не было ни случайно явившейся травинки, ни клочочка мха.

– Вот это наша первая древность – Воскобойников носком ботинка постучал по широкому изножью креста, – Как храним? Музея здесь не поставишь. А крепости в нём от дождей и ветра хватит на века. Можно было бы, конечно, с помощью крана водрузить. Но тут две загвоздки: для чего, во первых, а во вторых – этот горбун и наш местный краевед Веденеев ещё больший крик поднимут. По их формулам все крылья креста, кроме основания, показывают направления самых коротких дорог в районе. Эти «учёные» считают, что ещё одну дорогу надо построить – от вершины. Зачем, спрашиваем? «Для совести». Возьми вот так и выложи миллионы туда, не зная куда.

Я обалдело смотрел в направлении вершины креста: прямо за ней угадывался глубокий яр, густые заросли терновника, а дальше шли холмы да холмы, кое-где желтеющие лишь нивой. Сер и убог был их вид и страшно было представить, что вот так эта панорама может продолжаться и дальше.

– А-а, понятно! – весело воскликнул я, – Вам просто неохота за свой счёт тянуть дорогу по чужому району, тем более, что здесь, кажется, граница области.

– Здесь, да не здесь. Наша, малохерувимская, вот тут, у креста, и кончается, а Кутужский район соседней области начинается километров за двадцать.

– Ничейная земля?

– Кто его знает. Может просчёт землемеров. Сколько у нас за двадцать лет эти границы делали и переделывали. Кому охота ходить сюда скот пасти или за щавелем. А эти, из настырных, и выдумали пустынь.

Горячее, живое зашевелилось во мне:

– Тимофей Яковлевич! А если мы возьмём сегодня с вами и эти химеры развеём! Машина, конечно, не пройдёт. Но двадцать километров – не так уж много. Знаете, какой репортаж может получиться!

Воскобойников ласково, отечески потрепал меня по плечу, в глаза даже заглянул:

– Вот так, Владимир Игнатьевич, мы время и транжирим. Выбери лучше направление. Извини, что на ты. «Направо поедешь – богатому быть... Влево поедешь – женатому быть». И это отчасти правда. Давайте через Разноплеки.

Разноплеки из тридцати-сорока дворов мы проскакали в один момент. Вырвались в полевое раздолье, и тут зампредрика показал всё, на что способны его нервы и узлы машины; лесополосы, свеклоплантации, рядки скошенной травы неслись навстречу, обскакивали нас, била с гудом в лобовое стекло плотная воздушная струя. За ржавой, брошенной на погибель цистерной Тимофей Яковлевич сделал резкий поворот вправо и без дороги, придерживаясь края лесопосадки, с той же бешеной скоростью понёсся навстречу синеющему впереди лесу. На очередном повороте сбросил газ, притормозил.

По одному ему известным лесным тропкам Воскобойников ловко объезжал буераки и болотца, то спуская машину в глухие яры, то выжимая из мотора все возможное, карабкался на подъёмы. Наконец, в широкой заросшей балке со светлыми пятачками полян блеснула то ли река, то ли ручей. То ли другая жизнь.

Дорогу уязуку преградил зелёный шлагбаум, возле него оказались и люди в зелёном. Человек с майорскими погонами очень долго изучал мою внешность: вообще-то он смотрел только в глаза, и так пристально, что заломило в затылке. Предъявленное корреспондентское удостоверение он спрятал в свою планшетку и после этого козырнул: «Счастливого отдыха!».

Дальше нам пришлось идти пешком больше километра. Тимофей Яковлевич, почему-то шёпотом, пояснил:

– Для экологической чистоты здесь не ездят в автомобилях. А во-вторых, каждому сюда входящему даётся время для адаптации.

Прогулка под сводом высоченных сосен не была утомительной, и очень скоро мы оказались перед двухэтажным белым особняком с сияющим золотым куполом. Тимофей Яковлевич загадочно улыбнулся:

– Вот тебе и Крестовая пустынь!

У парадного подъезда нас никто не встречал, и создавалось впечатление, будто мы появились здесь ни к селу, ни к городу. Однако Тимофей Яковлевич легонько подтолкнул меня к тяжёлой дубовой двери с фигурной ручкой:

– Ты иди оформляйся первым... Я ещё немного покурю...

За дверью оказался отделанный белорозовым мрамором холл. Скрытая подсветка сразу успокаивала всё существо, а щебетание воды в расположенном по центру холла фонтане ещё больше клонило к приятному забытию. Не удивительно, что, присев в одно из кожаных кресел, я почти мгновенно уснул, но и столь же быстро проснулся: в моём магнитном либо биологическом поле произошло какое-то важное изменение. Я оглянулся по сторонам и увидел сидящую почти напротив меня девушку. Лицо её было повернуто в мою сторону, но глаза обращены куда-то выше моей головы.

– Добрый день! – каким-то полусонным голосом выдавил я, но тут же понял, что милое создание вкушает сон с открытыми глазами. Скрещёнными на груди руками девушка словно прикрывала нечто драгоценное от неведомой враждебной силы...

Я поспешил ретироваться, но она тут же проснулась.

– Здравствуйте!.. Извините... Здравствуйте... – симпатичная обитательница таинственного дома стала суетно одёргивать короткую юбку, поправлять наколку в волосах. Создавалось впечатление, что она и сама не знала, куда меня вести и как привечать.

– Я вообще-то приехал посмотреть древности, но здесь, кажется, от них ничего не осталось...

– Вы жалеете об этом? А ведь нигде более прекрасного, чем на нашей даче, вы не увидите в своей жизни! Меня зовите просто Аллой, а вас, с разрешения конечно, я буду называть Володей.

Алла пригласила подняться вслед за ней на второй этаж, и акцентированный стук её каблучков почему-то задел моё сердце – оно застучало быстро и громко.

– Вам отвели мою любимую комнату.

Алла слегка коснулась надраенной бронзовой ручки, и массивная дубовая дверь легко отворилась. В предбаннике плафоны величиной с чайное блюдечко обозначали три входа.

– Про это распутие у нас так говорят: направо войдёшь – освободишься от неотложных забот, налево – крылышки почистишь. А счастье ждёт впереди...

На пороге спальни меня остановила волна неведомой тревоги. Лившийся из-за розовых занавесей свет стрельчатых окон словно кипятком плеснул. Стало страшно и стыдно от одного узнавания места, где нахожусь. Без сомнения, это был алтарь верхнего храма. Фрески его, конечно, закрыты евроотделкой, а вместо престола в

самом центре громоздится кровать под балдахином. Неверующая душа моя и то содрогнулась: святое место здесь бесчестили каждый день...

– Знаете, мне почему-то захотелось...

– Да, конечно, вы ведь только с дороги. Обед и напитки можете заказать по телефону, это будет звонок ко мне. Канала связи с остальным миром нет, так порекомендовали медики. А вообще чаще звоните, я приду всегда, когда вы только захотите.

– Хотелось бы прогуляться по окрестностям вашего чуда. Деревеньку какую-нибудь посмотреть, молочка попить парного... – От стыда я не знал, что говорить, и нёс всякую околесицу.

– Отсюда раньше времени увозят уже отдохнувших либо больных. Не собираетесь же вы бежать?

– Вот именно, собираюсь. Только не знаю, как это сделать без шума.

Она предлагала мне «всё-таки отдохнуть», «утолить нервы хорошим вином и хорошим чувством». Потом сдалась:

– В нашем пансионате есть, конечно, не только правила, но и исключения. Отсюда уйти легко, но вы уже никогда не вернётесь и сюда, и на свою работу.

– Что вы имеете в виду?

– Увольнение в связи с несоответствием занимаемой должности.

Из бывшей Крестовской пустыни меня отправляли водным путем. Провожала Алла, но я чувствовал, как, по меньшей мере, десяток пар глаз следил за удаляющейся по монастырскому пруду лодочкой. Когда из-под обстрела взглядов мне удалось, наконец, схоронить спину в зарослях прибрежного орешника, я тут же растянулся на траве, чтобы передохнуть от всего. Разбудил голос у самого уха. Я оглянулся: знакомый горбун из Малохерувимска улыбался наполовину беззубым ртом.

– Я всем говорил, что дойду до Крестовой пустыни. Вот и дошёл. Только тебя здесь никак не ожидал увидеть. Ты не похож на всех их, не будет на земле тебе покоя...

ВАЛЕРИЙ АНИШКИН

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА «ПОТЕРЯВШИЕСЯ В РОССИИ» (в сокращении)

Глава 29

...Сидели на кухне. Ольга Алексеевна высыпала в раковину из ведра с десяток картофелин и открыла воду. Чистая струйка воды растекалась по картошке и уже грязными подтеками устремлялась в отверстие слива. Ольга Алексеевна смешала картошку и стала мыть, подставляя под кран то одну картофелину, то другую, и постепенно замысловатые зигзаги воды вокруг груды картошки светлели, пока ни стали такими же чистыми и прозрачными, как струя из-под крана. Виталий Юрьевич с любопытством ребёнка смотрел на эту простую метаморфозу и отвёл глаза, когда Ольга Алексеевна взяла нож и стала чистить вымытую до нарядности картошку. Под ножом картошка шуршала и очистки, извиваясь непрерывной лентой, падали в раковину.

- Так что ж там всё же случилось, дочка? – спросил, наконец, Виталий Юрьевич.
- Инсульты и инфаркты тоже просто так не случаются. Какой-то толчок ведь был?
- Всё из-за машины! – сказала Мила. – Ты же видел «Шевроле», на котором он ездил?
- Да, он меня даже подвозил на ней до дома.
- Ну вот, я тогда говорила, что он эту машину пригнал под заказ.
- Ну да, он её тогда и обкатывал, – подтвердил Виталий Юрьевич.
- Вот и дообкатывался, пока двигатель заporол, – тихо сказала Мила. – Машина новая, при обкатке скорость не должна превышать девяносто километров и то по хорошей дороге. А дядя Слава за городом гонял под сто сорок.
- Как же это он? – сокрушенно покачала головой Ольга Алексеевна.
- Да так же! – передразнил жену Виталий Юрьевич. – Эти машины с места развивают скорость до ста километров. А на дороге скорость у них вообще не ощущается...
- Отдал бы машину сразу, как пригнал, и ничего бы не было, – заявила Ольга Алексеевна.
- Свежая мысль! – сказала с сарказмом Мила. – Задним умом мы все крепки.
- Ладно, пусть мотор сгорел, – упрямо сказала Ольга Алексеевна. – Машина-то целая.
- Да без этого, как ты говоришь, мотора грош ей цена... А ты знаешь, с кем дядя Слава связался? Ребята, на его беду, оказались крутыми, да такими, что круче некуда. Деньги-то он за машину взял предоплатой. А разбираться, что там с двигателем и почему, им по барабану.
- Мила, выражайся прилично, – одернула дочь Ольга Алексеевна.
- Да ладно! – отмахнулась Мила.
- Ну, можно же было машину продать подешевле, и деньги вернуть, – поддержал жену Виталий Юрьевич.
- Пап, ты прямо как с луны...это, – Мила покосилась на мать. – Ты знаешь, сколько машина стоит? А без двигателя кому она нужна?
- Ну, расплатиться-то можно было. Хоть за сколько-нибудь продал бы. Ну, добавил бы, конечно.
- Нет, пап, ты чего-то не догоняешь!
- Как это не догоняю? – удивился Виталий Юрьевич.
- Ну, не просекаешь! – засмеялась Мила.
- А-а! И чего же это я не просекаю?
- А то, что пришли крутые ребята с бычьими шеями и железными бицепсами и назначили срок: три дня. А потом включили счётчик.
- А счётчик-то зачем включать? – обалдело посмотрела на Милу Ольга Алексеевна.
- Ну, и дремучие вы, родители! – Мила покачала головой. – Включить счётчик – это значит назначить проценты за каждый день просрочки. А проценты такие, что легче повеситься, чем расплатиться.
- Ой, да что ж это делается! – запричитала Ольга Алексеевна. – Это же чистый бандитизм. Куда же милиция смотрит?
- Какая милиция, мама? Окстись. Ты в каком времени живёшь? И время другое, и власть другая.
- Я вижу, бандитская, – буркнула Ольга Алексеевна.
- И как же они выбрались из этого дерьма? – хмуро спросил Виталий Юрьевич, оставляя без внимания причитания Ольги Алексеевны.
- Дядя Слава запил, а тетя Валя, с согласия Лины, продала её квартиру, которую Лина здесь купила.

– Продали квартиру? – ахнула Ольга Алексеевна.

– Если бы только квартиру, – отозвалась Мила. – Чтобы полностью расплатиться, им пришлось продать всё ценное, что имели. У них вообще ничего, кроме двухкомнатной квартиры, в которой сами живут, не осталось.

– Ну, проценты можно было не отдавать. Что это за проценты такие? Техас, что ли? Слава богу, в России живём, – строго сказала Ольга Алексеевна.

– Это другая Россия, – поправила Мила.

– Которой Техас теперь в подмётки не годится, – отозвался эхом Виталий Юрьевич.

– Неужели было не стыдно этим, как ты говоришь, крутым ребятам пользоваться несчастьем людей и отнимать нажитое честным трудом.

– Ну, мам, вы с отцом неисправимы. Вы ещё рассуждаете о какой-то совести. Совесть, как категория становится понятием второстепенным. Она мешает новым хозяевам жить...

– Очень жаль, – мрачно сказал Виталий Юрьевич. – Где нет совести, там нет и нравственности...

– Ну, что ж, больное государство – больное общество. Как говорится, лес рубят – щепки летят.

– Только щепками почему-то, как всегда, оказываются люди, – горько посетовала Мила. – Когда хоть будет что-то нормально? Вечером ложишься и не знаешь, что тебя утром ждёт.

– Ладно. Все, в конце концов, образуется. *Post tenebras lux* (После мрака свет (лат.)) – говорили латиняне. *Oportet vivere* (Надо жить (лат.)).

– У Вячеслава Михайловича всё уже образовалось. Ему теперь не скажешь «надо жить», – Ольга Алексеевна тяжело вздохнула и кончиком фартука промокнула глаза.

Виталий Юрьевич по обыкновению забарабанил пальцами по столу. Мила молчала, и на кухне воцарилась тишина, только звякали столовые приборы, которые доставала Ольга Алексеевна из ящика кухонного стола...

– Как же теперь Валя одна будет? – сказала Ольга Алексеевна, когда чаепитие закончилось и чашки перекочевали в мойку.

– Наверно, уедет к Линке в Бельгию. Там всё налажено: стабильный заработок, хорошая квартира. Да и детям бабушка нужна, все равно няню нанимают. А потом тетя Валя классный дамский мастер. По крайней мере, здесь к ней в «Салоне красоты» в очередь за месяц записывались.

– Это она сама сказала или ты так думаешь? – поинтересовалась Ольга Алексеевна.

– Нет, я знаю, что Лина этого хочет. Ещё когда отец был жив, Линка говорила, хорошо, мол, если бы родители были рядом, а тётя Валя говорила, что будь она одна, уехала бы хоть на край света, но дядя Слава считал, что русские должны жить в России, даже если она стала мачехой, а с ансамблем своим его только смерть разлучит.

– Вот и разлучила, – вздохнула Ольга Алексеевна.

– Где ж хоронить будут? – спросил Виталий Юрьевич.

– На Крестительском кладбище.

– А говорят, теперь хоронят на новом кладбище, где-то в Лужках. А здесь, в городе, не хоронят.

– Почему? Хоронят и здесь, – отозвалась Ольга Алексеевна. – Если есть место, хоронят.

– У него мать и брат на Крестительском похоронены, – пояснила Мила.

– Ну вот, – почему-то обрадовалась Ольга Алексеевна. – Значит место есть...

Глава 30

Было уже по-зимнему холодно. Зима ещё не наступила, но ждали, что вот-вот посыплет снег; ветер уже носил поземку, и снежная крупа больно хлестала по лицу, и люди поворачивались спиной к ветру или утыкали носы в шарфы и воротники пальто.

Несмотря на ненастную погоду, народу на похороны пришло много. На гроб филармония поскупилась. Вячеслав Михайлович лежал в стандартном сосновом гробу, правда, обитым красным бархатом. Под траурный марш гроб с телом вынесли на улицу и поставили на две табуретки. «Какой синюшный цвет лица», – безразлично отметил Виталий Юрьевич. Равнодушно, потому что он уже не отождествлял лежащее в гробу тело с Вячеславом Михайловичем. Для него человек существовал или не существовал. Все остальное уже было неважно. Так случилось, когда умер его отец, Юрий Тимофеевич. Виталию Юрьевичу тогда было двадцать лет. Он очень переживал, когда отец медленно угасал от рака, не находил себе места и изводился от тоски и жалости к отцу. А когда отец умер, и Виталий Юрьевич увидел его мёртвым, он поймал себя на мысли, что смотрит с какой-то безразличностью на труп и воспринимает его просто как нелепость, несовместимую с тем живым, которого он любил, и кто ему был дорог. Его попросили побрить мёртвое лицо, на котором вдруг выступила щетина, и он с трудом заставил себя взять в руки электрическую бритву и автоматически, избегая смотреть на то, что недавно ещё было его отцом, водил по щекам, усам и подбородку. И на похоронах, которые он запомнил как дурной сон, он слышал причитания, похожие на заунывную, надрывную песню бабушки, и истерический, захлёбывающийся плач матери, и разноголосые стенания, похожие на вой, родни, но сам не проронил ни слезинки и выполнял всё, что его просили, с отрешённостью зомби. Отца просто не стало. Всё остальное было бутафорией. Родственники тогда упрекнули его в чёрствости, а мать до самой смерти жаловалась, что похоронить её будет некому, потому что на сына, которого даже смерть отца не тронула, надеяться нечего...

До центральной улицы гроб несли на плечах под непрерывный, разрывающий душу похоронный марш. Процессия растянулась на сотню метров. Впереди несли венки: от филармонии, от танцевального коллектива, от родственников, от городского отдела культуры и даже от городской администрации. На подходе к улице Горького гроб погрузили в катафалк, близкие полезли за гробом, остальные, кто хотел ехать на кладбище, сели в автобус.

У кладбищенских ворот процессию встретил батюшка, гроб внесли в церковь, и началось отпевание. Виталий Юрьевич столбом стоял в толпе провожающих, косился украдкой на иконы, к которым многие прикладывались, не знал, как вести себя, и чувствовал неловкость. Он с удивлением отметил, что Ольга Алексеевна крестится и делает это естественно и ловко, как истинно верующая.

– А вы что? Если в храм пришли, перекреститесь. Креститесь, креститесь, рука не отсохнет, – услышал Виталий Юрьевич и не сразу понял, что дьяк обращается к нему.

Он неловко перекрестился и, почему-то, ему было стыдно.

«Вот она, катком прокатившаяся по душам атеистическая мораль советской власти, – иронически подумал Виталий Юрьевич. – Видно, я как был атеистом, так им и останусь... Но, в конце концов, Толстой был верующим, а в церковь не ходил и церковно-служащих не любил», – успокоил свою совесть Виталий Юрьевич.

К месту захоронения шли за батюшкой, который неразборчиво бубнил старославянские слова и размахивал кадилом. Время от времени он оборачивался, и тогда Ленин муж, Володя, совал ему в руку мелкую купюру.

Когда гроб закрыли крышкой, с женой покойного Вячеслава Михайловича Вaley случилась истерика. Она бросилась к гробу, её оттащили и удерживали Володя и Лина, пока она не успокоилась.

Гроб опустили на веревках два могильщика. Им помогал кто-то из провожающих. Могильщики оступались на мёрзлых кучах земли, скользя и теряя равновесие. Наконец, гроб стал на дно могилы, головами уйдя в выемку у самого дна, вырытую из экономии, чтобы не копать могилу во всю длину. Градом застучали о крышку гроба смёрзшиеся комья земли, и вдруг хор голосов завёл обрядовую песню к разлуке:

*Стоят сани снаряжённые,
Ой да наряжённые.
И полостью подёрнуты,
Ой да подёрнуты.
Только сесть в сани да поехать,
Ой да поехать.
Кому вынется, тому сбудется,
Ой да сбудется.
Тому сбудется, не минуется,
Ой да не минуется.*

Пели ладно, высокий голос выводил строку, а остальные многоголосно подхватывали припевные повторы. Песня плачем разносилась по кладбищу, и от этого плача или стоны щемило сердце.

*Сидела я у окошечка,
Ждала к себе милого.
Не могла дожидаться –
Спать ложилась.
Утром встала – спохватилась,
Гляжу на себя – вдова!*

На могильный холмик положили венки. Венков было много, и те, что не поместились на холмике, поставили вдоль ограды. Потом кто-то говорил прощальные слова над могилой, но Виталий Юрьевич не вслушивался. Теперь, когда могилу закопали, ему хотелось побыстрее уйти домой. И, когда первые провожающие пошли на выход к автобусу, он взял Ольгу Алексеевну под руку, давая понять, что им тоже пора.

По дороге их нагнала нищенка, полная девочка с грубо зашитой заячьей губой и загундосила: «Владимир Петрович, всем денежку давал, а мне не дал. Дайте, Христа ради!»

– Оля, дай ей сколько-нибудь! – растерянно попросил Виталий Юрьевич.

Ольга Алексеевна достала из сумки десятку и отдала девочке, та сразу отстала

– Чего она ко мне-то? – удивился Виталий Юрьевич.

– Внушаешь доверие, – шепнула Ольга Алексеевна.

– Кто такой Владимир Петрович?

– Здравствуйте! Муж Лины... Он же здесь вроде старшего. Распорядитель, что ли.

– Надо же, нищие как быстро сориентировались, и имя отчество знают, – чуть усмехнулся Виталий Юрьевич.

Они подождали Лину и Валентину на выходе, ещё раз выразили соболезнование. Ольга Алексеевна соврала, что Виталий Юрьевич плохо себя чувствует, и они не остались на поминки.

Дома Виталий Юрьевич с Ольгой Алексеевной помянули покойника, выпив по рюмке водки перед ужином, а на следующий день, в субботу, когда к ним зашёл

Владимир Сергеевич с Милой и Катюшкой, Виталий Юрьевич достал из холодильника начатую бутылку водки и поставил на стол.

– Надо всем вместе помянуть Вячеслава Михайловича, – ответил он на вопросительный взгляд жены.

Ольга Алексеевна собрала на стол, вслед за мужчинами пригубила из рюмки.

– Похороны были знатные, – заметил Виталий Юрьевич.

– Дай бог каждому, – эхом откликнулась Ольга Алексеевна. – Много было народу. Венки. И от филармонии, и от отдела культуры. И весь ансамбль «Матрёшки», которым он руководил, хотя они в последнее время и перебивались кое-как.

– Вы, родители, завидуете, что ли? – засмеялась Мила.

– Не говори глупости, – обиделась Ольга Алексеевна. – Завидовать тут нечему. А только приятно, когда в последний путь тебя провожают по-человечески, а не кое-как.

– Да ладно, мам, шучу! – серьёзно сказала Мила. – Не обижайся. Вам ещё рано думать о похоронах.

– Всё хорошо. Только гроб еле через ограды протасили, – вспомнил Виталий Юрьевич.

– Так у нас ограды, как заборы на дачах, в человеческий рост. Только зачем, непонятно! Некоторые на калитки даже замки вешают, – заметила Ольга Алексеевна.

– Да это ладно. Сейчас место на городском кладбище – дефицит. Ловкие люди и здесь поспели. Ходят, выискивают заброшенные могилы и за взятку приватизируют места. Да еще могильщики, тоже за взятку, теснят уже занятые места и чуть не на дороге устраивают захоронения. Вот и растут ограды там, где им не положено быть.

– Ну надо ж! – всплеснула руками Ольга Алексеевна. – Ещё неприятности!.. Мы когда на могилу сходим? – набросилась она на мужа. – Там, небось, уже заросло всё. Вот займут наше место, куда мы с тобой? И повезут в Лужки, к чёрту на кулички.

– Да какая тебе разница? – буркнул Виталий Юрьевич. – *Omnia vinitas* (Всё суета (лат.)).

– Ну, вы, родители, даёте! – только и могла сказать Мила.

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

ДОМА

*«Малая родина – это то,
что на всю жизнь одаривает нас
крыльями вдохновения».*

Е.И. Носов

В мягко сомлевшем, предзакатном солнышке, а может, из-за цветущих подорожников, задичалый просёлок становился в этот час розово-пенным, топлёно-молочным. Ступать по нему, по девственному, зефирному облаку, нога не осмеливалась. Куда привычнее шагалошь приобоченной стёжкой, меж высоченных, обрызганных мёдом и золотом зарослей донника, переплетённых луговой повителью, с вездесущими куртинами лиловых султанчиков кипрейника.

В вышине, в легчайших потоках июльских воздушных шаров, парил величественный стрепет. Старожил. Сколько себя помню, столько помню и его, царственного владельца игинских полей.

Обогнув разомлевшие под палящими лучами валуны, прогретые в знойких июльских погодах свои увальни-туши и источавшие на вечерней заре ласковый жар, просёлок по-хозяйски вступил на опушку Хильмечков, домовито, не спеша, точь в точь, как ступает, возвращаясь с работы, мужик на прикрылечный прохладный и влажный от расплёсканной на нём суевающейся хозяйкой ключевой водицы порожек. А за просёлком шнырнула, словно боящаяся заблудиться в широких покосах собачонка, косматая от переспелых трав стёжка.

Если на краю бора ещё слышались птичьи посвисты и перепорхи, то глушь уже окутывала дрема. Веки могучих сосен почти смежились. Сумеречный свет едва-едва прокрадывался меж красно-бурых стволов, лениво опудривая земь то ли мучнистой пылью отцветающего перестоявшего разнотравья, то ли первой заревой осыпью купальской росы.

Тончайший предвечерний свет этот всегда врачевал мою душу, проникал в её самые потаённые закоулки, всклень наполняя их целительным умиротворением, покоем и внутренним ладом, который наступает обычно после беседы с духовником или приходит во время долгожданного общения с очень дорогими сердцу людьми.

В эти минуты озаряешься такой добротой и нежностью, что осознание радости простого земного бытия перехлёстывает тебя через края, расплёскиваясь на ближайшую округу, примыкающую к Мишкиной горе, на мою родину: на этот истоптанный вдоль и поперёк моими земляками в поисках маслят и куманики, погружающийся в трепетную тишину бор; на звуки, доносящиеся из отходящей ко сну крохотной, сохранившей несколько дворов деревушки, на выстелившийся над ним мелкими цветками млечного земляничника Небесный просёлок (кажется, сделай лишь шаг – и ступишь на его звёздную россыпь).

Когда-то здесь, на Мишкиной горе, сотни изб перемаргивались до зари своими оконцами. Думалось ли?.. Время, прокатившиеся по земле ураганы, да и сами люди не пощадили обжитого столькими веками места. Но от этого родина для меня не перестала быть родиной. Приходишь ли ей поклониться или покидаешь её навсегда, истинная святыня не меркнет ведь никогда. Она, невзирая ни на какие обстоятельства, извечно лучит и лучит свой тихий и неповторимый свет... И не велик он, свет моей Мишкиной горы, и не ярок, но, словно пламя Божьей лампадки, чист и негасим.

И подумалось вдруг: вот и свет окошек отчей хаты тоже отовсюду вижу я и чую его притягательное тепло и неизбывный зов, даже сквозь великие вёрсты, как сейчас, сквозь окраинный молодой соснячок бора.

От отцовской усадьбы слышится звонкий приветный лай. Это Дружок, высмотрев меня издали, от самых Хильмечков, срывается навстречу, сминая волглые травы, вышарахивая из них сонных, очумелых перепёлок. С залиистой радостью кидается мне на грудь, сбивает с ног.

А в небе, высоко-высоко над нами, орлит дивная птица, уходит в сторону Ярочкиной лощины. Бежим с Дружком за ней, наперегонки. До самой изгороди, до неохватных шаров приоколичных раkit. Воткнутые отцом лет сорок назад колышки вымахали в гигантские деревья, раскатились вдоль просёлка на въезде в Игино.

А там, сквозь червленое последним, закатным лучом серебро высоченных топей, обрамляющих родительскую усадьбу, просматривается вылинялая, но всё ещё видная за версту красная крыша нашей пятистенки.

Минуя утренний укус, успевший просохнуть за долгий летний день, и к вечеру впритруску собранный в валки, просёлок вкатился в деревушку, а пришпиленная к нему стёжка, ничуть не заморачиваясь, рванула напрямки – вихлянула и, нырнув

в шалфейное море, выскользнула на краю бахчи, запетляла меж цветущих картофельных гряд и веснушчатых зонтиков укропа.

Пройти мимо поляны шалфейника недостало мочи. Когда-то отец подтащил на её край поваленный ноябрьскими ветродуями тополь, опилил его и теперь, после ухода мамы, в летние вечера частенько засиживается на этом бревне. Пристроилась на нём передохнуть и я. Завспоминалось...

Когда цветы и травы входили в силу, в июле, под Ивана Купалу, и в августе, на Пантелеймона Целителя, мама собирала на Мишкиной горе охапки зверобоя и чабреца, душицы и мяты. И зимы напролёт семейство наше упивалось её вкусными чаями. К шалфею у мамы отношение было особое. То ли верила она в его силу великую, то ли нравились ей его крошечные, неброские, фиолетовые цветки-«петушки», только пуками шалфейника в детстве моём было завешено у нас всё крыльцо.

Сиреневая шалфейная поляна с тех далёких времён разрослась, откуда-то среди «петушков» объявились лупастые ромашки, рассыпались пшёнкою таволги, вызвенелись колокольцы – собирай букеты, плети венки! Да некому...

Вечер истаял до последней капельки. Лишь цвигикали цикады да в полуверсте всё ещё не мог утомиться на заброшенных торфяниках подкативший под самый угор, поросший ряской, небольшой, с картузок, пруд-карасевник. На все лады орали на нём, прославляя свои камышовые заросли, горластые лягушки. Правый берег, кировский, выступал в Ярочкин лог, а левый, голубой от нескончаемых зарослей незабудок, считался испокон веков нашим, игинским.

Клин, разделявший отцовскую усадьбу и этот прудок, пахали исстари тоже игинские мужики. На этом-то, некогда хлебном, а теперь поросшем молодым березняком поле и обосновался мой стрепет, объявлявшийся, как мне казалось, над просёлком всякий раз, как только я выходила за околицу. Вот и сейчас, покружив над поляной, снизившись до предела, он почти чиркнул крылом на прощание о склонившиеся в дреме цветы, удалился на покой.

От пруда вдоль низины давно курились туманы, поднимаясь всё выше и выше по угору, они, наконец-таки, скрыли и бор, и околицу, и уснувшую шалфейную поляну.

Уютом и покоем поманили окошки отцовской избы. Пора!

* * *

В деревне сидеть без дела – не разбалованы. Отец, дожидаясь нашего возвращения, накрыл стол суровым настольником, уже и картошки ранней наскоблил, и слазил в погреб, а нас всё нет и нет. Чтобы не терять время попусту, пристроившись на порожке, он, посматривая то и дело в сторону леска, «на гулянках» принялся нанизывать на суровую нитку тонко накрошенные подберёзовики, развешивал их сырые, тяжёлые гирлянды на гвозди, вбитые вдоль крылечных стен.

Со вчерашнего обеда, с самого моего приезда, отца распирало чувство радости, и он, стесняясь почему-то его обнаружить, просто говорил и говорил со мной без умолку. Вот и теперь, весь вечер, покуда я помогала ему украшать крыльцо отволглыми низками, а потом собирала на стол, он не давал мне вставить в его балаканье ни слова.

– Без солнца солнцем осветила, – было отцовским запевом. – Дай, хоть наговорюсь с тобой досыта, а то Дружок совсем неслухом стал. Я ему про то, про сё, в некотором царстве, в некотором государстве, а он – шнырь и на боковую, – останавливал меня старик каждый раз, как только я открывала рот.

Я покорно смолкала. А отец говорил и говорил. Взахлёб, обо всём подряд.

Через распахнутые окна из палисада слышался неумный стрёкот цикад, с огородных гряд тянуло укропом и огуречником.

Наконец, плетушка опустела – с грибами было покончено. Щёлк -брызнул свет, и Мишкина гора озарилась им из шести окон нашего небольшого, затерянного в среднерусской ночи дома.

На свет сквозь реденькие тюли слетались бархатно-серые, тяжёлые бражницы, кружили у плафона, под самым потолком. Ветки старой антоновки мягко тёрлись листвою о стёкла. В мальвах ещё громче надрывались цикады.

Казалось, нет и не может быть в мире другого иного места, где так же отратно, где так же, как здесь, отступят от моей души заботы и утолятся мои печали.

За плечами отца большая жизнь: смолоду хлебнул лиха, а выучившись, наперекор всем страстям, благодаря лишь своему упорству, учительствовал, потом взвалил на себя неподъёмные тяготы почти развалившегося колхозного хозяйства. Но вот уже более десятка лет все хлопоты его сводятся едва ли не к починке-подлатке старенького нашего домишки, догляду, пересчёту пчёл на притулившейся под разлапистыми яблоньками крошечной пасеке, уходу за бакшой, где всё, как и полагается, своёское, под рукой, – и лучок, и свеколка, и огурчик-помидорчик.

Хозяйство у старика моего невеликое. Но на крестьянском подворье работа всегда найдётся. Вот и топчется он с ранней рани до вечерней зари, всё дело себе пытается. То накопает по весне в Хильмечках молоденького соснячку, и пристроит его обжиться по кромке Мишкиной горы, то возьмётся по её склону дубовые порожки к роднику налаживать. Да мало ли какой непорядок доглядит пытливый мужицкий глаз!

– Вот и ещё день отлетел, – отрывая листок от численника, усталый, но довольный несчётной кучей переворошённых дел, отец усаживается за стол на своё излюбленное место, у допотопного буфета, и, кинув на колени большие кулаки, тихо добавляет, – Спасибо тебе, Господи!

Сиротствуя с малых лет, не привыкши верить ни в какую иную силу кроме своей, у него и на Бога не было надежды, и, как казалось мне, к православию был он совершенно равнодушен. Правда, с годами, нет-нет да сам затевал отец долгие разговоры, порой и споры, о «религии, о вере». Видать, мыкалась душа его, пыталась сыскать к концу жизни приют благодатный. Может, оттого и на колокола Сергиевской церкви, не задумываясь, подал старик мой денежку, и потом, ни чуть не смущаясь, будучи непоколебимым коммунистом, явился на освещение храма.

И теперь, заметила я, всё чаще слышу от него: «Спасибо, Господу!» Или «Прости, Господи!» Уже от этих слов становится на душе моей тепло. Чтобы понять эту малую мою радость, надо знать моего отца. Повлиять на него в таком важном деле не представляется никакой возможности. Он до всего доходил сам. Сам, своей непроторённой тропкой идёт он, видать, и к Богу.

Отчего, и не ведаю, только всегда, возвращаясь в родительский дом, у меня возникает одно и то же неукротимое желание, будь то самое жаркое лето, и уж, конечно, в зимнюю стужу: растопить, как бывало в детстве, печку, покоротать время в разговорах ни о чём, под потрескивание полешек, в отблесках огня до полуночи, а то и до петухов, у родительского очага. Есть несколько предметов, знаю их наперечёт, которые сразу возникают перед моими глазами при воспоминании о родине и отчем доме. У кого-то, может быть, как повелось, это наши дивные берёзовые рощи. А у меня, поди ж ты! – одно из самых дорогих воспоминаний – распростая русская печка.

Зная мою слабость, отец загодя подготовился, заправил печку щепой и поленьями. Охалка берёзовых дровишек белоснежной горкой возвышалась у её подножья, дожидаясь своего часу. Чирк – скукожилась береста, печка расправила душу, вздохнула, и огонь мгновенно охватил сухое до звона дерево. Заплясал, загудел в дымоходе.

Старик мой – без похвальбы – с завязанными глазами может сладить любую грубку, печку, а уж себе-то, знамо дело, – расстарался. Огонь загулял – красотища! И домишко наш ожил.

В чисто подметённой, в меру протопленной хате на столе парила, обсыхая с развару ранняя картошка, курятина, рядом дышали чесноком и хреном первые малосольные огурчики, присыпанные укропом и луком, в миске сопливились с фуфаечную пуговку, не крупнее, маслята, собранные нами с Дружком ещё вчера по краешку Ярочкина леса.

Отблески печного огня, наполняя дом покоем и уютом, ласковыми рыжими котятками скакали по половикам и занавескам, вспрыгивали на табуретки, заскакивали на подоконники.

Светлой печалью всплыли воспоминания о том, как прощалась, уезжая на житьельство в город к средней своей дочери, бабушка Григорьевна. Обойдя на прощание избу, она, наконец, подступила к печи. Обняла её, и уж причитала, причитала о ней... мол, как же я без тебя, родненькая, на чужбине-то?

Один за другим гаснут очаги в игинских избах... и кричи, не кричи, остывает душа моей тихой безответной родины. А без неё, без Мишкиной горы, хоть и живём мы с ней давным-давно порознь, нет, видать, мне ни душевного лада, ни счастья.

За ними и возвращаюсь я сюда снова и снова. А ещё – чтобы разжечь огонь в родимом очаге, чтобы подышать смоляными воздухами Хильмечков, чтобы испытать студёной, аж зубы заломит, водицы из знакомого с малых лет игинского родника. А без всего этого, до боли родного и милого, как жить?

И куда бы ни забросила меня судьба, я знаю наверняка, меня ждут, меня помнят. И эти, разбушевавшиеся у крыльца «золотые шары», и у забора задумчивые, высоченные липы, и сбегаящая вдоль суглинистого склона к ручью Жёлтому затерянная в анисовых зонтиках юркая ящерка-стёжка, и... да вся моя родимая земля. С её былинными деревьями Закамней, с поросшей чудными купавами и непроходимыми тальниками Кромую-рекою, с заповедно-берендеевым Савиным урочищем и ещё много, много с чем.

И знаю я наверняка: пока у меня есть Мишкин бугор, мне есть куда возвращаться, а потому – ничего меня не страшит – у меня есть родина, есть великая опора.

Догорают дровишки, бордовые уголья то гаснут, то на мгновение вспыхивают, то затухая снова, осыпаются, бледнеют. Таинственно-вечное свечение звёзд, июльская ночь, объявшая Мишкину гору, наконец, остепеняет занудных цикад. Или у меня, разморенной теплом и уютом, к полуночи притупляется слух?

Вот так бы плыть и плыть в полудрёме, то прислушиваясь к отцовским былям-небылицам, то давая волю собственным мыслям, сквозь время, сквозь эту чудную летнюю ночь... причаливая то к лазурному, осиянному маминной и бабушкиной любовью и заботой берегу детства, то к берегу юности, с разговорами с отцом по душам обо всём на свете: и о том, что рядом, чем полнится душа человека, живущего землёй и на земле, и о том, что предстоит изведать в дальних краях, испытывая в разлуках своё сердце на привязанность к породившим и вскормившим меня местам, на умение сохранять к ним любовь, невзирая на время и расстояние.

* * *

Как не попытаться, за отцом не угонишься. Вроде и проснулась раньше некуда – солнышко только-только показало краешек своей короны за глинистым погостом, за дрёмными Копытцами. Ан нетушки – старика уже перед зарёй след простыл, по-молодому ударился в бег! Может, рванул на «тот конец», в Кирово?

Выхожу на крыльцо и отправляюсь на его поиски: через двор, по маковке горы, стёжкой спускаюсь по склону в межгорье. Тёмно-зелёный след на сивой от росы

траве выводит меня в низину, к подножию Мишкиной горы, к роднику, к ручью Жёлтому. Раздвигаю прутья краснотала и только тут, наконец-таки, обнаруживаю отца: хоть и медвяная росная прохлада обжигает тело, босого, подкатавшего штаны, забравшегося по колено в воду и вытаскивающего на берег, в рогозные кусты, поваленные бобрами стволы раkitника, ветки и листовой мусор.

– Развелось этой дичи у нас несусветно! Вишь ты, всё подгорье перекрыли, дыхнуть, свежей водицы испить Жёлтому не дают. Не ручей, а самое что ни на есть болото! – путаясь в бородастых прядях илистой тины, возмущался старик на заселивших наши места лет пять назад и расплодившихся не на шутку непоседливых работяг.

И действительно: куда ни взгляни, вдоль русла ручья – завалы, хатки и нагромождения. Изредка слышатся размеренные водяные всплески. Поручены громадные осоки, не верится даже, что небольшой зверёк, будь он хоть сколько проворен, способен подвалить, словно добротная бензопила, неохватные стволы прибрежных деревьев. Но приглядишься и поверишь – пила прошла бы ровнёхонько, а тут – торчащие из воды комли, подточены резцами неуёмных бобрищ, заострены, словно частокол.

Рассвет исходил лаской, истончался. Проявляясь всё настойчивее и явственнее, налаживался молодой, день: лизнул алым светом метёлки камышей, чавкнул, подлетел легчайшим ветерком под болотные туманы, слившиеся с синевой раннего утра и принявшие окраску разбавленных водой чернил, и понёс их, подгоняя, словно табун заблудившихся овец, куда-то в Гороня, по лосиным тропам, за дальние луговины.

Очнулись и хором принялись восхвалять пришествие нового дня невидимые птицы. Из зарослей тальника, подкрякнув, дикая утица вывела на середину поросшей ряской, остановленной бобрами воды, пяток уже подросших, но всё ещё отличавшихся размером от матушки, боящихся любого шороха, утят. На все лады, радостно и беззаботно, щебетали синицы, перечивкивались воробьи. Сквозь этот беспечный, счастливый гам с опушки Хильмечков вдруг прорвалось, словно вдовье приглушённое рыдание, печальное и долгое кукуканье.

Из глиняных нор с крутояра, сверкнули стрижи. И заносились, зачиркали над округой, кроя вдоль и поперёк миткальные, пропахшие осокой и валерьяником воздуха.

Жаль, соловья уже не услышать. Здесь, в Игино, удивительные, какие-то неуёмные соловьи, искусно вычмокивающие такое количество коленцев, что не стыд потягаться и с курскими. Отзвенели, отхлебнув июльских рос, наши игинские певуны. Так уж и пора – Петровки на носу!

Досыта навоевавшись с бобрами, отец, наконец-то, выбрался из воды, откатал штанины, надвинул любимые, растоптанные на просёлке сандалии, и мы совсем, было, засобирались до дому, как старик вдруг всплеснул руками: «Что ж это я? Хотел тебе кое-что показать, да закрутился с этим зверьём, совсем настырные палочки отбили. Пойдём-ка, на коммунизм полюбуемся. А то ведь, чую, ни мне, ни тебе, да и Диме твоему, видать, дожить до него не посчастливится».

И, цепляясь за бурьянины, заткнув за пазуху кепку, старик закарабкался по глинистому склону на самую верхотуру, повёл меня к одинокой грушенке-дичке, знакомой мне да и всей нашенской ребятне с рассопливого детства, своими мелкими, но, если потерпеть до октября, когда улежатся в палой листве, вкусными плодами. Смолоду у отца привычка: рассеивать повсюду семена яблок и груш, косточки слив и вишен. Видать, и это дерево – его рук дело, иначе откуда бы оно и взялось в таком отдалённом от деревенских садов месте.

Ещё издали, на подходе к грушенке, смекнула я, в чём дело. Над деревом стоял спокойный монотонный гул.

– Всё ясно! – подумалось мне, – отец обнаружил пчелиный рой, драпанувший с чей-то пасеки и присевший передохнуть.

– Не-е! Ты полюбуйся, полюбуйся! Свободный народ! Надо же, присмотрели себе дупло, обустроились и поживают. А и, правда, чем не колодина? – читая мои мысли, опередил отец.

– А причём тут коммунизм? – подивилась я.

– Как причём? Что ж тут непонятного? Вот ты сама прикинь: строили мы, строили «светлое коммунистическое общество», и наконец, что и успели, было, наладить, сломали. А самое главное, никто не несёт за то порушенное никакого ответа.

– Причём же тут пчёлы?

– А притом – в отличие от нас, людей, пчёлы отличаются высокой организованностью. Каждое насекомое чётко знает свою работу и обязанность. Среди них есть и медоносы, и рабочие, и матка, – отец сел на своего конька, – у пчелиного общества такого краха, как у нас вовек не произойдёт. Ведь всё до мелочей, нам в пример, продумано: сформировано крепкое чувство семьи, коллективное проживание, групповая добыча пищи, заготовка её впрок, забота о потомстве, защита матки, наконец, как я уже говорил, разделение труда. Ну, чем тебе не коммунизм?

– Сдаюсь! Сдаюсь! – улыбнулась я на доводы отца, рассматривая удивительное пчелиное жилище на расстоянии, слышала: дикари такие злоющие, не дай Бог! Заедят, защищая, свою коммуноу.

Перекусив на скорую руку и прихватив кое-что и съестного на потом: разрезанные вдоль и натёртые солью пупырчатые огурчики, пяток утомленных, духовитых яичек, густо обсыпанные чесноком и перцем, с щедрой прорезью кусочки сала, наостраемся в Плоцкий лесок. За ягодой.

Раньше-то лесной малины в наших местах вовсе не водилось. А вот поди ж ты! Лет почитай с десяток, как заполонила она окрестные урочища и боры, кустик за кустиком, и красная и жёлтая – расплодилась, разгулялась от оврага к оврагу. Видать, птицы из Дмитровских лесов занесли. Ведь до малинников Дмитровских им – пару-тройку перелётов. А там ягодки этой вкуснющей – пропасть!

И вот мы топаем глиняной дорогой. Всё вверх и вверх, до самых росстаней. Мимо сизых, пошуркивающих на утреннем ветерке, диких овсов, мимо всё ещё зашпанного, утонувшего в росных кукушкиных слёзках подсосённого. По обочине, нам навстречу катятся жёлтые-прежёлтые, аж до рези в глазах, шары сергибуса, насквозь пропитанные солнцем и восхитительным духом июльского раздолья.

Попробуй откажись от такого лакомства! Срываю молодые, не успевшие выбросить соцветия, ломкие побеги. Барашками снимаю с них нежную, прозрачно-малахитовую кожицу. И, вспомнив, детские походы за диким луком, щавелем и сергибусом по игинским горам и долам, с удовольствием нахрустываю сладкий, сочный стебелёк.

А войдя в Плоцкую ложину (лес, по правде говоря, в ней – никудышный – заборник да прясельник), под завяз заполонённую малинником, так увлеклись, что не заметили, как разбрелись с отцом в разные стороны. Аукай, не аукай – не докричишься, не дозовёшься – растворились, окунувшись в непролазные, непроходимые пахучие дебри. Запутали в малинниковых чащобицах, почуяв себя единым целым с этим затерянным в центре Орловщины миром, с этими полянами, осиянными розоватыми берёзами, с сопроводившим нас от околицы до самого леса хозяином нашенских окрестностей – гордым красавцем стрепетом, да и с самими, непостижимо высокими, фиалковыми игинскими небесами.

Ягода – одна другой крупнее. И тьма тьмущая! Но подготовились мы основательно, корзины, а у нас их аж по две, лёгонькие, из тончайшего тальника, наполняются на глазах.

Увлекательное это дело – собирать малину. В погоне за самой спелой, за самой лучшей можно забрести Бог знает куда. Так и ненароком заблудиться ничего не стоит.

Берёшь ягодку за ягодкой... уже ни времени не ощущаешь, ни места. И душа в этом сладком раю, наконец-то, от забот, от дум тяжёлых отдыхает, ведь за доброй ягодой, как у нас говорят, и сам себя не помнишь, в детство впадаешь.

Почему так бывает? А всё очень просто – в окружении Вечной Природы в голову не может придти и мысли, что сам ты не вечен, что жизнь твоя сравнима с мгновением, и верится: коли ты часть этого Великого мира, то и сам ты пришёл в него навсегда. И всё в твоей жизни обязательно наладится.

Сладкие воздушные потоки над ложиной струятся едва-едва. Лениво перепархивают какие-то забавные пичуги, наверно, малиновки, иным здесь и не место. С луга, с низины доносится протяжное мычание. Это гнездиловские пастухи украдкой с утраца «травят» нашу луговину. Раньше бы, при колхозе, не осмелились, а теперь – вольному воля.

Щёлканье кнута и залихватский свист подпaska возвращают меня в реальный мир, и я, наконец-то, замечаю, что корзины – полны-полнѐхоньки. Теперь можно и горсточкой, другой полакомиться, на посошок. Привычка у меня такая – пока не наполню посудину, ни одной ягодки в рот не кину.

Знаю, отца теперь не сыскать. В свои восемьдесят с хвостиком, пока я топталась на пяточке в Плоцком, он, в поисках самой наикрупнейшей ягоды, конечно, успел побывать и в Савином логу, и в Ярочкином, и в Закамнях. Наколеси-ил! Всё надеялся: в следующем перелеске малина – куда отменнее той, что уже по-встречал.

На обратном пути, когда уже и забыла от усталости, куда и зачем шагаю, выйдя к росстаням, обнаруживаю моего старика, спящего в овсяннице под корявой, изломанной грозой, лесковкой. Соломенная шляпа его – от назойливых мух и слепней – сдвинута на лицо, тут же, обочь, – корзина ягод – вперемешку, всё, что попадалось: и запоздалая, видать, из самой глуши, тёмно-бордовая земляника, и уже в подсушенных чашелистиках луговая клубника, её у нас в Горонях, по откосам, видимо не видимо, не обошлось, конечно, и без малины, только по ягодке видно – розоватая, не как в Плоцком – длинноноса, а ровная, кругленькая, знать, добрался-таки отец и до своей заветной куртинки в Закамнях.

Другая корзина – поди ж ты! – полным-полна молоденьких сыроежек. Грибок этот – ломкий, до дома поди донеси. Обычно, хоть и сладка сыроежка, у нас её не берут, в крошево изломается и на жарёху не набрать. Но на этот раз отец не устоял, соблазнился: молоденькими синими, розовыми, зелёными, белыми, какими-то серо-буро-малиновыми однодневками сыроежатами переполнил корзину, борта её даже пришлось нарастить листьями папоротника. Красота, да и только! Если не присматриваться, – грибочки настолько ладненькие – почудится: в корзине пасхальные крашенки.

Отец просыпается и загадочно улыбаясь, вынимает из-за ствола яблоньки пронзительный, синий-пресиний букет лесных колокольцев. Знает, что с детства обожаю эти самые чудные создания игинских лесов. Крупные, под стать садовым, порою, встречаются и белые, они буйствуют в наших лесах испокон веков, славя своим великолепием землю среднерусскую, вызванивая своими бубенцами её тихие, скромные напевы.

При всей суровости крестьянской жизни, отец, на удивление мужского населения Игино, всегда выкраивал время на «красоту» – дома этим занималась мама: подоконники заставляла горшками с бальзаминами и геранями, фиалками и плющами, а в палисаде у отца с первых проталин до октябрьской пороши бушевали

тюльпаны, пионы, жасмины, сирени, флоксы и Бог ведает какая ещё замечательная растительность, не говоря уже о вездесущих зарослях мальв, с которыми не надо носиться, как с писаной торбой – радужным разноцветьем осыпают они самосевом самые отдалённые уголки нашего сада.

Всё-таки молодец мой старик! Такой выносливости и жизнелюбию можно только позавидовать! Вместо того чтобы отправиться домой кратчайшим просёлком, отец потащил меня, не тяготясь снопом зверобоя, стянутым тугим перевяслом, по бурьянному краю Хильмечков. И всё только ради того, чтобы показать место, окоп, где в девятнадцатом красные бились с деникинцами, где он не раз находил и штыки, и патроны времён Гражданской войны.

Пробежав по лесам несколько часов к ряду (а какой он, говорят, в молодости был, какая удаль!), старик может без передыху толковать о временах былых, от них переключаться на нынешние, снова возвращаться, сранивать, предполагать, размышлять о том, что ждёт нас в недалёком будущем, прикидывать на пять десятилетий вперёд. Мол, не может того быть, чтобы эдакая махина, край наш Орловский, похерился на веки вечные. Придёт час, не знаю, когда то случиться, но обязательно, как птица-Феникс, дождётся и он своего рассвета. Рано ли, поздно, объявится для землицы нашей мудрый оратай, возродится из пепла глубинная российская деревня.

Что мы за люди-человечишки такие?! Земля не скупится, щедро одаривает нас самыми лучшими своими дарами, а мы, не умея ими распорядиться, не дорожим, пользуемся – и в отбросы. Страшно подумать, – сотни гектаров пахотной земли – в отбросы, в бурьян! Можно по-разному относиться к Сталину, но, думается мне, при нём о таком обхождении с землёй и помыслить было невозможно, за такое, мягко сказать, бесхозяйственное отношение к ней, наверно, как минимум, светила бы Сибирь.

В крови у мужика дума о поздне... Века владел землёю пахарь, а она владела им. Извечна на неё и надежда. Крестьянину без земли – никуда...

Судя по положению дел в нашей округе, навряд ли отцу на его веку посчастливится дожждаться заветного часа, когда снова, как в старь его пращурами, раскорчует от березняка дородная рожайка – игинское поле, пойдут гулять под ветром ржанные-пшеничные волны.

Но вера старого хлебопашца не зыблема, и мне она не позволяет даже на миг поколебаться в том, что время перемен не заставит себя ждать, потому что иначе человеку и вовсе не сдюжить, без надежды никак нельзя, сама жизнь есть извечная надежда, не стань её, что и делать-то человеку на земле?

А неутомонный старик уже ныряет в приопушечный сосняк, тащит меня взглянуть на «муравьиную деревню». И впрямь, в дремучей папороти, словно по шнурке, в два рядка, выстроились две улочки: старые, высоченные, муравейники, с налаженным, упорядоченным бытом, и хатки пониже – видать, новостройки, на которых всё идёт чередом – суетится, хлопочет, ни минуты покоя, мелкий лесной люд.

– Тоже жизнь – свои надежды, свои заботы... Поколение за поколением... всё спешат торопыги, – отец опускает былинку на кипящий шустрыми жильцами муравейник, и те облепливают её, оседлав, тащат куда-то это «бревнище», пытаясь его тут же приладить, пустить в дело, на подлатку своей хатёнки. – Жистюшка ихняя – почитай мгновение от нашей, воробыиный порск, а вот, поди ж ты – тоже по-своему стараются, карабкаются. Ведь самое лёгкое – умереть, а вот выстоять, измудриться выжить – куда посложнее будет! И вообще – дело ведь не в том, сколько лет, десятилетий проживёшь, а в том – как... Крути-верти, а правы древние мудрецы: жизнь долга, если она полна. И измерять её поступками, а не временем.

С раннего детства, сначала неосознанно, а с возрастом – с понятием, наблюдала я, присматриваясь, дивилась умению и жизненной стойкости отца, его крестьян-

ской, житейской мудрости. Как же и сейчас, в пору моей зрелости, нуждаюсь я в таких вот неторопких беседах с ним об обыденном, каждодневном и вместе с тем совершенно необходимом, наиважнейшем.

Отлучаясь надолго, день ото дня начинаю испытывать голод и тоску по общению со своим стариком. Надо же! Имея немалый жизненный опыт, до сих пор не обхожусь без всей той премудрости, что успел он накопить за свои восемь десятков, что передалось и сохранилось в его цепкой памяти от пращуров нашего рода-племени.

Без этих драгоценных выжимок, многовекового опыта, на котором выстроилась жизнь моего отца и людей его поколения, кажется, и мне бы не сдюжить. И я снова и снова, изголодавшись, возвращаюсь на Мишкину гору, к родимому порогу, чтобы укрепиться духом, подпитаться, как когда-то в далёком младенчестве, материнским молоком, воздухом моей, позабытой правителями родины, настоящим на великом трудолюбии и чести, нестигаемости и неопровержимой правоте.

* * *

Вот ведь как порою получается? Бродит человек по свету, всё ищет, чем бы пробыться, по пословице, где лучше. И то ему – не то, и это – не это. Намыкается-а, прежде чем докумекает, что далеко и ходить-то было незачем. Что лучше выколосившегося спелыми травами Плоцкого луга? Этого, в росных подорожниках и лютиках Глиняного просёлка, горьковато-кислого, но полюбившегося ещё в детские годы вкуса приобоченной лесковки? Разве сыщется что-нибудь желаннее щедро отхваченного выевшимся, с резной деревянной ручкой, ножиком ржаного ломтя от бабушкиной краюхи, сдобренного постным маслом и крупного помола сольцой? Или в горнице и сенцах – слаще духа молодых берёзовых ветвей в ясное Троицыно утро, а к вечерней заре – отраднее перегуда и вжиканья майских хрущей на подгорье, в только что выкистившихся черёмуховых зарослях?

Заботливое неумолчное квохтанье клуши Рябки, около неё – журчащий ручеёк писклят, песня второй с левого боку крылечной половицы, негасимое белое полымя ночных мотыльков у амбарного фонаря, выстланное пересохшей полынью бездонное нутро материнского «приданого» сундука, звенящие мелким бисером, поросшие кукушкиными слёзками поляны в Ярочкином логоу, вкус и аромат молодого снега, а с ним, по первопутку, и морозная алость дикой ягодки-калины из Савина урочища, ловля голыми руками по новолетию в парном ручье Жёлтом вихлястых гольцов...

У каждого в запасе, если хорошенько покопаться, сыщется сотня-другая подобных, простых, но таких родных и дорогих моментов, вещей, запахов, вкусов и ощущений – истинно бесценных сокровищ, при воспоминании о которых тает сердце, а в душу проливается такое тепло, такой свет, что однажды, до дрожи, окатывает, наконец-таки, понимание: вот оно – и не надо было бегать по свету, наматывать вёрсты, не так уж много человеку и надо-то – с самых пелёнок всё, что тебе необходимо в жизни, что делает тебя наисчастливейшим на свете человеком, и было оно с тобой рядышком, только ты почему-то этого не замечал, совершенно не ценил.

Правда, переоценка эта происходит лишь после того, как помыкаешься по чужим краям, чужим дорогам, чужим жилищам, когда пресытишься и устанешь от «достижений цивилизации». Вот тогда-то для тебя и настанет момент истины, тогда-то вдруг осознаешь, что, оказывается, запах цветущего укропа или подсолнечника с отцовской бахчи в тысячу раз дороже аромата охапки всех вместе взятых голландских роз, подаренных тебе за все годы жизни. И ни одна прогулка в самом комфортабельном автомобиле по глянцу превосходной автострады не стоит поездки на колтыхающей телеге сквозь розовую марь и ядрёный туманец, сквозь ме-

ста привольные, в поросшие вековыми дубами и лещинником наши сенокосные Гороня.

А последние годы, дома, в Игино, со мной стали происходить вообще какие-то странные странности: вдруг ни с того, ни с сего стала я теряться во времени, точнее совсем о нём забывать: какой день, какой год, какой век – безразлично. Просто погружаюсь, окунаюсь, ухожу с головой в окружающий меня, покинутый цивилизацией, обретший свою девственность, мир.

Живу почти натуральным хозяйством и горя не знаю. И, как не странно, совершенно не ощущаю себя несчастной из-за отсутствия интернета и прессы, благо библиотека в родительском доме всегда была достойная. И, что самое главное – есть множество моих любимых авторов, которых я могу перечитывать бесконечно, дивиться очередным своим находкам и открытиям на их страницах.

Ласточата пищали в лепной хатке над нашим кухонным окошком, то занудно пели осы над шлёпнувшимися, разбившимися в крошево ранними грушовками, тянуло мёдом от солнечно-рыжих календул, то сквозь тюлевую дырчатую кипень виделось, как осыпались маковым перламутром на кроны сада ласковые лепестки летнего заката... А может рассвета... Время растворилось во мне, а я – во времени.

Правда, это не мешало мне помнить, что отец рядом: осыпает ли золой от глущащихся гусениц капусту, обметает ли метлой затканые пыльной паутиной с застрявшими в ней сухими мухами подслеповатые оконца сарая, ладит ли покосившуюся калитку, пытается ли отвадить промышлявшего в куриных гнёздах каналью-кота. И всё разговаривает, разговаривает: со мной, развешивающей на протянутой вдоль сада верёвке, располосканное на омутке бельё, со вконец обнаглевшими пакостницами-гусеницами, продырявившими насквозь озимые кочаны, с потерявшей всяческую память, совсем прогнившей калиткой, с хоть и посаженным под корзинку отбивать наказание за неумный прожорливый нрав, но дерзко артачившимся котом Дармоедом, требующим выпустить его на волю вольную.

Когда старик мой предаётся своему любимому занятию – обрядившись в сетку, ныряет с дымарём под яблоньки и забывается в кругу своих зундящих друзей, которые к полудню, ярясь и сатанея, не дают проходу по подворью никакой живности, мне, наконец-то, выдаётся минутка, не обижая отца, побыть одной, я ухожу бродить в поля...

А однажды откуда-то наехали незваные гости, уже ушедшее в отставку, но всё ещё помнящее отцовское хлебосольство, привыкшее погулять на дармовщинку, какое-то районное начальство. И отец засуетился, он радуется любому, заглянувшему на его хутор. Угощал новолетним мёдом, огородиной и садовиной. Не обошлось и без своей сливовицы.

Нагостевавшись, наточивши балясы, отяжелев донельзя, залётные отъехали, и мой старик, размягчившись, только тут дал слабину: заговорил о покойнице-маме, привсхлипнул, не просил, а требовал похоронить его, как преставится, на Мишкином бугре, потому как «с корня своего» он, даже мёртвый, не сделает шагу.

В этот вечер не спалось, хоть тресни. Угомонились далеко за полночь – старик, расчувствовавшись (ещё умеет плакать), стал куда разговорчивей, и в сотый раз пришлось мне терпеливо выслушать, хоть и память отца не подводит по сю пору, но уже со всё новыми, порой совершенно противоречивыми оговорками и добавлениями, житие ушедших и где-то, за пределами нашей деревушки ещё здравствующих малочисленных моих земляков.

За чаем, не из какой-то там сенной трухи, из игинских трав, можно просидеть и несколько суток, не то, что короткую июльскую ночь. В нашем, окружённом густым туманом, доме, под неспешное тиканье ходиков сквозь рассказы старика, зна-

ющего всю подноготную про здешние старые годы, меж тем прокатилась история не одного поколения русского двужильного крестьянства. Не по одной жизни он прошёлся: сменялись, мчали, словно с горы на салазках, века, шумели, громыхали войны, рождались, пищали дети, игрались с размахом свадьбы, тихо отходили в мир иной игинские мужики и бабы, разъезжались по всему белу свету, несмотря на дедовские завещание, их, потерявшие крестьянское терпение, дети – не собрать уже ни на Пасху, ни на Радуницу, ни в Родительскую субботу.

К утру расслабившийся, позабывший границы своим чувствам, отец, утомился, видать, наконец-таки, набил оскомину, сладил с тем, что долгие годы в нём накапливалось, выговорился. А я, с переполненной его былями и небылицами душой, глаз уже сомкнуть не смогла. Кликнула Дружка, готового по велению своего авантюрного, бродяжьего нрава в любую минуту ринуться навстречу закалиточным приключениям и похождениям. И мы, скатившись в пойму ручья Жёлтого, по ранней прохладце поднялись к его, поросшему белоусом, осокой и стрелолистом, истоку, ушли аж к Закамням.

А там, вскарабкавшись на косогор, заполонённый вошедшими в расцвет своей жизни рыжебёдрыми соснами, обустроились на одном из самых красивущих нашенских местечек: внизу поблёскивает, пожуркивает в омшелых валунах Жёлтый, из строевого сосняка тянет не опёкшимися на солнышке, не обрюзшими ещё, сочными маслятами, а дали, до самой Кромы, до ещё закутанных в дымку Гавриловских садов (где нет уже тоже ни одного, разъединого домишки, в разор разорились, а живали там когда-то хозяева справные, теперь же – только заросли собачника, болиголова, молочая да жабника), дали те уходят и до уже помымыкивающего, просыпающегося Старогнездилова, – сини и лиловы от выплеснувшихся луговых колокольчиков и липок. А на противоположном угоре, за ольшаником и вербачом, – рощица. Берёзовая-а! Увенчанная золотыми, пронизанными солнцем шатрами, словно церква, куполами.

Частенько на выставках картин у дочери спрашивают, мол, где это она отыскала для своих пейзажей такие красоты. «Зачем далеко ходить? – каждый раз улыбается Аня, – места – исконно русские, Орловщина, моя прародина».

Отойдя порядочно от деревушки, обустроившись на подваленной внешними ветродуйными грозами берёзе, – вся округа на ладони – просидела я, глядя на разгорающийся день, почти до полудня. Но даже под лучами восходящего солнца не возможно было согреться, мелко знобило. То ли из-за отцовских воспоминаний, из-за поминутно сменяющихся, один за другим, образов игинских мужиков с их домочадцами, с их крестьянскими судьбами, а может быть, от невыносимости ощущения, мысленного и созерцательного, обезлюдения, опустошения этого, одного из живописнейших уголков России, которым бы гордиться и гордиться, лелеять и холить его земли, беречь его пахаря. Как не возникнуть на сердце пыльной горечи?

И вдруг я снова обрела время, словно из какого-то провала чётко выплыло: лето 2015... Если уже сейчас на многие вёрсты – ни души... Волком взвоешь! Что же будет с моей землёй дальше?.. Ни чужак и приبلуда я на этой земле, потому и захлестнули мучительно-неизъяснимые горе и обида – ничего и никого уже не воротить, время набирает ход, устремляется вперёд, и только вперёд, ни тормознуть, ни, тем более, остановить.

Ещё десяток лет – и прощевай! Осыплются прахом, как сгорают к Покрову игинские леса, стены последних хуторских домишек, порастут дурман-травой да глухой крапивой, словно никогда ни хуторка Игино, ни самого села Кирово Городища и вовсе не бывало. Запропало Божье место!

На подступах к Копытцам заворковало, небо там, вдали, стало набухать, и из ясно-фиалкового обернулось в сизо-сливовое. Облака, словно диковинные, голодные звери, принялись перелаиваться, и ринулись наползать на Игино. Дружок держит ухо всегда остро, не кутёнок молочный, – пригасил радость, зачувяв неладное, первый рванул без пути с откоса, гроза для него, уже проверено, – самое разнелюбое дело, такое, что просто не приведи Господь.

Хлёсткие капли не остудили разгорячённых мыслей моих, а наоборот, подтолкнули, дали волю накопившимся слезам. Порывы ветра и ливень перекрывали мои рыдания. О канувшей в Лету русской деревне, о по горло засыпанном роднике, о роде-племени моём, о себе ли, о потомках ли надрывалась моя исхворавшаяся душа?

* * *

На крыльце стоял густой запах вошины. Отец, как ни в чём ни бывало, неторопко, без суеты, со знанием дела (на руку ещё крепок, движения отлажены и отшлифованы временем), отодвинув к краю стола мамины бальзамины, готовил свежие рамки (первые, как обычно, к Престолу, Сергову Дню, откачивают). Несколько пчёл спокойно-натружено ползали по стёклам, мирно кружили под потолком. Казалось, старик настолько увлечён своим любимым занятием, что вовсе не слышит разбушевавшейся природы, всё у него идёт обыденным чередом.

Отцовский душевный покой и прямота сердца да ещё – домашний лад опять сделали своё дело – через пару минут, переодевшись в сухое, я уже отходила под его спокойным, ясным взглядом, слушала его мягкое журение, мол, надо же было в такую даль забраться, ай, забыла: на носу Ильинки, без сапог и плаща – со двора ни ногой.

Конечно, от него не ускользнули мои покрасневшие глаза, припухший нос, но старик мой, хоть и охочий на речи, настолько мудр, что, когда надо, чтобы не попасть впросак, может себе позволить не задавать лишних вопросов, не лезть ко мне в душу.

А о чём расспрашивать-то? Давно и всё насквозь отец обо мне понимает и знает. И не только обо мне. Порою кажется, что с годами ему всё больше постижимы не каждому ведомые откровения. На склоне лет – восемьдесят первый на Рождество разменял, – хранит он в своём уме и сердце что-то такое, чего мне пока не постичь, до чего я ещё не дошла, а может, и вовсе не осилю до этого, наиважнейшего, дотянуться. А так хотелось бы! Мне бы его уверенности! Чтобы и мои дети рядом со мной обретали равновесие, чувствовали во мне опору и надёжу. Можно сказать и так. Но самое главное – чтобы во мне копилась год от года, не проскользнула мимо моей души мудрость моих пращуров, чтобы по силу было мне не растерять её и передать своим детям.

Последние порывы дождя задохнулись, сшуркнули по макушкам клёнов, скатились в пойму, затарабанили по Свободновскому полю, накинута на притихшую деревеньку Выдумку. А прямо над игинским полем зацепившись, словно за гвоздик, за солнечный лучик, повис расшитый пестрющими мулине рушник. Один конец его утирал промокший до ниточки Ярочкин лесок, другой канул самотёком где-то за Хильмечками, на росстанях.

С улицы пахло метеолой, цвигикали ласточки. От земли поднимался пар, искрились умытые кусты и травы.

Увлекаясь какой-нибудь работой, отец любит напевать, скорее намурлыкивать, себе под нос. Вот и сейчас, чтобы не дай Бог не соблазниться запытать меня вопросами, он завёл свою «Самару-городок». Всем своим видом старик показывал: хватит-де кукситься, словно выпила вчерашний чай, надо жить! Жить взахлёб! Делать обыденные вещи: радоваться окончанию ненастья, позвонить детям, дозвать-

ся, наконец, их в гости, перечитать, для отрады души, ещё разок любимую Носовскую «Луговую овсяницу», закончить начатую повесть. Да мало ли дел накопилось и ещё соберётся впереди!?

С крыши сбегали последние струйки, рассыпались, бились в мелкие склянки об утрамбованную стёжку, о прикрылечный каменный порожек. Но в воздухе не ощущалось сырости. Высветлилось за окнами – просветлело на душе, снова коснулась окаменелого сердца моего благодать Божья. Вызолотилась необычно лёгкая тишина, только в лужах радостно чупахались мокрые воробьи и голуби.

Повязав миткальную косынку, выпорхнула с крыльца, увитого завитушками дикого винограда и лиловыми венчиками повителя, прошлёпала в резиновых полсапожках по шумному потоку, несущемуся через наш двор с маковки Мишкиной горы мимо уже воспрявших от ливня тёмно-зелёных шаров задичалых гортензий, за распахаванные ветром ворота. Сдёрнула с верёвок растерзанное ливнем, обвисшее – тряпка-тряпкой – бельё. Некогда в кулак зевать, охать да в затылке чесать – срочно переполоскать!

И ещё – перемыть полы и окна, наварить зелёных щей (под угором приметил: отавой молодой щавель облистился), затеять из «вальцовки» к Спасу яблочные пироги.

И вообще – после уборки картошки, по Бабьему летцу, пока будут вставать погожие зори, перетряхнуть узелки с житейским добром, поменять бы обои, подмазать надтреснутый печной зев, подкрасить потускневшие резные наличники и рамы... Наконец, отослать сыну, укатившему два месяца назад во Вьетнам недавно написанное письмо:

*Летаешь по белому свету
И сам не знаешь, что ищешь.
А в Кирово – Царское лето,
В прадедовом Городище.
А в Кирово – вновь сентябрины,
И градом – тёрень по крышам,
И горечью спелой полыни
Просёлочный ветер вышит.
Ах, брось ты забаву эту –
Искать где-то за морем долю.
Дороже, поверь мне, нету,
Рожавшего хлебушек поля.
Приедешь и по теплыни
На сене в сенях заночуешь.
Здесь, на мужицкой перине,
Всю память землицы почуешь.
Подшалком полночным, сурьмяным,
Укроет затихшая ночь,
И птица-тревога в бурьянах
Вскричит, басурманская дочь.
Столетия помчатся, засвищут,
И в сон переплавится быль:
Горит над Кромой Городище,
И кровью кропится ковыль.
А ворог – несметною тучей,
И края-конца не видать!
О, сын! Несгибаемый русич!
Тебе ли к седлу привыкать?..*

*Я слышала: ты до рассвета
Сражался, не чуя боли.
Ах, брось же забаву ты эту –
Искать за морями долю!*

ЗЛАТА ФОССЕМАНЬ
Лион, Франция

АВТОБАННЫЙ ХУЛИГАН. СКУКА

Эмерик гнал к автобану. Когда он повернул налево, проезжая полоса прекратила своё змеиное движение и, выпрямившись, упёрлась в пункт оплаты. Он знал, что после знакомого витка налево начнётся его любимая игра. Одна только мысль об этом вызывала приятное щекотание в теле.

Знакомый сигнал барьера разорвал прозрачное пространство июльского утра, изредка прерываемое рычанием автомобилей. Лёгкий нажим на акселератор, и Эмерика буквально затянуло чёрным асфальтом полосы разгона. Вот он уже на прямой, набирает скорость до 80, 90, 110 и, наконец, 130 километров в час его путевой скорости для поиска жертвы.

После четверти часа быстрой езды, она уже тут: восхитительная блондинка за рулём своей «Ауди А6» TFSI 170 Advanced Edition.

– Милая моя, а ты уверена, что можешь водить такую машину: 170 лошадиных сил, 4 цилиндра, 16 клапанов? Ну-ка, посмотрим, на что ты способна...

Главное для Эмерика показать ей, что она его интересуется. Он годами отработал свою тактику. Для начала он возьмёт её на мушку и попытается подъехать как можно ближе.

– О, моя дорогая, я приятно удивлён: чтобы тебя догнать, мне приходится повышать скорость до 140 километров в час! Что ты нервничаешь, моя радость? Неужели ты не видишь, что я справа? Смотри, я торможу слегка и мигаю тебе фарами. Да, вот так, еле заметно. Я наконец-то совсем рядом. А, ты меня видишь! У меня захватывает дух: я догоняю тебя на скорости 150 километров в час! А ну-ка, погазуй ещё. О, ты не можешь быстрее, несмотря на то, что твоя четырёхцилиндровая может развить скорость до 200 километров в час! Да, ты, видимо, совсем не можешь. Судя по твоим гримасам, мне уже, увы, с тебя нечего взять. Я тебя бросаю, прощай...

– Смотрите-ка, ещё одна, прекрасная брюнетка. О, просто динамит. Какое декольте! Ты думаешь, что я слишком близко? Ну неужели ты боишься? Ты погоди. Давай поиграем чуть-чуть, моя красавица. Мням-мням! Клянусь, что твоя C220 4Matic, «Мерседес Бенц» – последний писк технологий: 4 цилиндра, 170 лошадиных сил, полная передача, система Comand Online ; между прочим, с твоим новым бустом иначе и быть не может. Давай, давай, посмотрим, водят ли брюнетки машину быстрее, чем блондинки?

Эмерик прыснул со смеха, предвкушая скорое удовольствие. Он слегка притормозил и пристроился сзади. Всякий раз, когда «Мерседес» жгучей брюнетки увеличивал или уменьшал скорость, он демонстративно делал то же самое. После десятиминутного преследования, водительница наконец-то осознала, что ДСЗ превратилась в своего рода её тень. Охваченная тревогой, она нажала, что есть

силы на акселератор. Её «Мерседес» дёрнуло и понесло всё быстрее и быстрее. Вот уже её скорость 130, 140, 145 километров в час.

– Ну, давай, давай, только не тормози, моя красавица! А ну-ка, газуй ещё! Смотри-ка, я всё ещё рядом. Как же любовь прекрасна, не правда ли? Ты меня притягиваешь со скоростью, запрещённой дорожным кодексом. Ха-ха, посмотрим, насколько тебя хватит. А, уже? Пять минут всего-навсего-то? Не круто. Твоя великолепная машина глубокого красного оттенка уже изрядно потрепалась. Знаешь, я не в восторге от тебя. Серьёзно...

По всей очевидности, как и сейчас, женщины его всегда разочаровывали. Но только одному Богу известно, как он в них нуждался, а они в нём. С самого раннего возраста Эмрик производил на женский пол огромное впечатление. Он понял это очень рано, ещё подростком. Именно в этот период он догадался, что способен очаровать любую девушку. Но, конечно, же ту, которую он выбирал! И в обязательном порядке, она должна быть достаточно к нему расположена. Это было одним из необходимых условий.

Кстати говоря, что такое идеальная женщина? Она должна быть красивой, это верно. Но самое главное в ней – чувствительность. Без этого пункта никакая любовная игра не может иметь места. Минимум восприимчивости просто необходим. О нет, Эмрик не искал безмозглых дурочек, нет, конечно, они вообще не способны его очаровать, его притягивали романтические женщины. Как это было упоительно восхищаться их непосредственностью и пылкостью. Он любил доводить женщин до иступления, сводить их с ума. Это-то и есть, вне всякого сомнения, настоящее искусство. И неважно, если женщина не свободна, он сумеет её сделать доступной. В этом состоял его сугубо мужской подход.

– Да, я мужчина, настоящий мужчина. Сам факт ухаживания за замужней женщиной приводит меня в высочайшее возбуждение. Я обожаю, когда она отказывается от своего мужа, жениха, сожителя ради меня по мере того, как продвигается игра. Иногда это происходит вне всякого вмешательства с моей стороны. Во всяком случае, забавно видеть, как растут рога у моих соперников, в то время как меня всё больше и больше обожают. Двойное удовольствие.

– Ну, куда ты прёшь, право слово? Где ты научился так водить? Общеизвестно, что обгонять справа запрещено! Ну-ка, покажем немного, чтобы водитель «Фольцвагена» не возомнил, что он здесь как у себя дома, дадим ему урок вождения. Монотонная дорога меня располагает к раздумьям. На чём это я остановился? На женщинах... Большинство из них думают только об одном: как выйти замуж, оседлать другого мужика. Они всегда норовят воспользоваться моим социальным положением, состоянием и Бог знает ещё чем. Это «хищницы». Но они мало меня возбуждают: в какой-то момент я теряю к ним всякий интерес. «Хищницы» навевают на меня скуку. Даже если я и обожаю, когда они теряют над собой контроль на финишной прямой.

Есть женщины, единственно достойные уважения. Только они способны любить мужчину настоящей любовью, бескорыстно и безмерно. Эмрик был уверен, что только они могут прогнать у него ощущение Скуки, потому что истинное чувство не имеет границ. Эта необъятность подхлестывала всегда его воображение.

– Да, я не лишён романтизма, кстати, это единственная моя слабая черта. Я жду свою принцессу, которую встречу однажды, я в этом уверен на все сто. А моя жена Лани? О, я долго полагал, что она — моя настоящая любовь, но чем больше течёт время, тем больше я убеждён, что и она принадлежит к первой категории, как и все женщины, которых мне довелось, увы, встретить в жизни.

Эмрик не знал, в какой точно момент у него возникло это ощущение. Возможно, это произошло, когда Лани перестала делать ему комплименты в примероч-

ных магазинов во время его облачения в новые, всегда приталенные костюмы... Он никак не мог вспомнить. То же самое произошло с Маевой, его первой женой. Он часто изменял ей, чтобы прогнать это ощущение отчуждения, заменяя её другими женщинами. Когда они узнали, что Маева не может иметь детей, она превратилась в несносную, истеричную и нервную бабу, было из-за чего потерять чувство даже самому любящему мужчине. Его многочисленные измены ускорили, к сожалению, их развод.

Поэтому, на этот раз он не хотел сделать Лани несчастной. Контекст не тот. Но откуда же у него возникло это ощущение Скуки?

– Как всё безвкусно, несносно и, в общем, недостойно интереса... Но посмотрите-ка, кто же за рулём этого великолепного «Мерседеса» Класса S7 VII 500 Blueefficiency: 8 цилиндров, максимальная скорость 250 километров в час? О, нет, это старая карга, морщинистая к тому же! О, какая гадость! Ну, нет, хватит терять время на поиск красавиц, конец преследованиям, на сегодня мне всё это уже надоело.

Эмрик включил указатель поворота и выехал на третью полосу. Он слегка нажал на акселератор. Его машина послушно набирала скорость. Педали стали упругими, в то же время он чувствовал ступнёй каждый их квадратный сантиметр, сами ноги размякли, словно вросли в пластик. Каждое движение DS3 передавалось его мозгу, подключенному к её механике. Он составлял единое целое с машиной, это его тело повышало скорость до 150-160-170-180 км/ч. Ритм движения машины мешался с его пульсом. Ничего больше не существовало: только эта серая полоса перед ним и пейзаж, меняющийся с молниеносной быстротой, удерживая его от погружения в Скуку. Эмрик чувствовал, как пространство заглатывало его. Время отныне не существовало.

– Кстати, о времени. Через 5 минут надо будет тормозить, через 20 километров – первый радар.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА
Роттердам, Голландия

ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО

Первое, что я увидела сегодня, проснувшись и открыв глаза, были большие лохматые снежинки, которые, медленно кружась в воздухе, плавно опускались на землю, покрывая её белоснежным пушистым ковром. Всё вокруг сразу преобразилось и стало таким красивым, чистым, светлым и немного сказочным. Невольно вспоминалась русская зима с её трескучими морозами и сугробами, и стало как-то... тепло и уютно на душе.

Такое же приятное чувство охватывает меня каждый раз, когда я во время прогулки в парке увижу несколько стоящих у обочины берёзок, или обнаружу томик Толстого на полке какого-нибудь книжного магазина, или услышу по радио знакомую русскую мелодию. Это всегда напоминает мимолётную встречу с чем-то близким, знакомым, родным. А ещё большая радость охватывает меня, когда я достаю из почтового ящика письмо с московским обратным адресом и именем одной из моих задушевных подруг на конверте. Иногда даже руки дрожат от волнения, пока я с нетерпеливой поспешностью распечатываю его и быстро пробегаю

глазами, надеясь найти там что-то очень-очень важное для меня именно в данный момент. Что это, ностальгия?

Я живу здесь, в Голландии, уже шесть лет. И за это время так часто от разных людей слышала одни и те же вопросы: «Привыкла ли ты к жизни в Голландии?», «Скучаешь ли по России?». Причём обычно, спрашивающие меня люди ждут от меня короткого, сдержанного и немногословного ответа, такого же, какого ждут всегда на свой другой традиционный вопрос: «Как поживаешь, хорошо?». И остаётся только сказать: «Спасибо, хорошо!».

Я уже давно научилась относиться к этому со снисходительным пониманием и необходимым здесь на каждом шагу чувством юмора. И всё же так хотелось бы ответить на первые два вопроса не формально, а вложив в ответ все свои чувства и эмоции, которые, правда, как уже знаю по опыту, скорее всего останутся непонятыми, неслышанными, а иногда и вовсе могут вызвать недоумение и досаду. И приходится постоянно прятать эти чувства от посторонних глаз, копить их в себе, почти что стыдясь их (и, может быть, даже упрекая себя в излишней сентиментальности), в стремлении как можно быстрее и лучше приспособиться к чуждому нам, суровому и чрезмерно деловому способу общения наших новых соотечественников.

Да, мы так старательно и прилежно пытаемся привыкнуть к их жизни, перенять их правила и традиции. Уже договариваемся о встрече за целый месяц и не заходим ни к кому в гости в шесть часов вечера, почти не удивляемся открыткам к Рождеству, в которых написаны только имена отправителей, а также знаем, что если нас пригласили на день рождения, то, отправляясь туда, нужно не забыть дома как следует поесть. Кроме того, пришлось, к сожалению, отвыкнуть и от поздравлений с первым весенним праздником 8 Марта (да, кстати, и сама весна у них начинается на три недели позже), а также от регулярных посещений театров, концертов и выставок, ток как здесь это не входит в перечень необходимых жизненных потребностей.

А помните, как раньше мы до рассвета могли с друзьями спорить и дискутировать о смысле жизни или искать ответы на вопросы – «Что такое счастье?» или «В чём заключается тайна любви?» (откуда она возникает и куда она вдруг исчезает и можно ли её удержать?).

Повседневна рутина, проблемы, страхи, сомнения и ощущение беспокойства, неуверенности, напряжения иногда так надолго овладевают тобой, что порой задумываешься и никак не можешь вспомнить, когда ты в последний раз заглядывал в сборник любимых стихов или просто от души искренне и беззаботно смеялся.

А мучительное чувство одиночества никогда не охватывало вас? Не правда ли, странно звучит, если представить себе в какой густонаселённой стране мы живём?.. И всё же несмотря на это, нам так часто не хватает человеческого тепла, сердечности, понимания, сочувствия, доброты и чистой, доверчивой ласковости, так трудно совместимых с принятыми здесь отношениями между людьми. Но вот что у меня никто не отнимет и за что меня никто не осудит, так это мои мечты. Ведь мечтать можно когда угодно и о чём угодно, в мечтах ничего невозможного нет...

И вот сейчас, замороженно наблюдая за медленно падающими за моим окном снежинками, я почему-то не хочу думать о грустном!

Да, проблемы. А когда у нас их не было?!

Да, неприятности и разочарования. Но ведь, не зная их, разве можно потом испытать радость от их преодоления?!

Да, тоска по родным и друзьям, которые к сожалению, так далеко... Но представьте себе счастье следующей встречи с ними! Ведь недаром говорят, что ожидание счастья порой и является самым большим счастьем.

Вспомните об этом, улыбнитесь! И всё будет хорошо!

ГУРОВЫ

1. Война

Павел зашел в конюшню. Управляющий Мюллер — хлесткий здоровяк с большим красным носом — сидел на своем излюбленном месте, на диване, сбитом из необтёсанных берёзовых слег. Крупные узловатые руки поглаживали постромку от пахотного хомута.

— Ком... — медленно выговорил он, тараща глаза и показывая пальцем, куда должен подойти Павел.

В деревне хорошо знали, что такое вызовы Мюллера: двоих забил до смерти, трое были избиты так, что не могли ни лежать, ни сидеть.

Сложенная вчетверо постромка резанула поперек спины, тело пронзила дикая боль.

— Морковк... у староста, — прошипел Мюллер. И снова мелькнула в воздухе постромка, снова дикая боль, которая заставляла вскрикивать, стонать...

От крика ли своего или от боли проснулся, Павел Тихонович вначале разобрать не мог.

— Фу, чёрт, опять этот Мюллер, — выдохнул он. — Шестой десяток доживаю с того дня, а никак не забудется. А тут ещё радикулит.

Стояла глубокая ночь. В доме было тепло и тихо. Антонина Романовна спала, очевидно, крик его был не настолько громким, чтобы разбудить уставшую от домашних забот жену, да и уже давно привыкла она к бессонным ночам мужа.

Картины далёких лет снова стояли перед глазами. Павел понял тогда сразу, по какому поводу вызвал его к себе немец: кто-то из деревенских парней, отработав в поле, по пути домой заглянул к старосте в огород за морковкой, а тот пожаловался управляющему. Но Павел-то в огород к старосте не ходил, а его отдубасили и ещё в наказание заставили пилить дрова. Такая же участь постигла и Кольку Борисова, дружка, который был несколькими годами моложе.

Это было в 1942 году, когда фронт ещё не подходил к Хитрово, его родной деревне, но где-то далеко-далеко советские войска уже начинали трепать отборные немецкие дивизии, и в их тихую деревушку прихлынула на постой серая волна солдат в нерусских шинелях. А первые фашисты появились в деревне ещё раньше, осенью 41-го. Помародёрничали, постреляли гусей на пруду, загрузили подводы продовольствием и тряпьем и уехали в Глазуновку. Потом были ещё такие наезды, пока не приехали эти — обживать деревню надолго.

Не обжили. Где ты теперь, тот самый Мюллер, загубивший только в небольшой деревушке серединной России не одну человеческую душу? Могилы твоей, конечно, нет. А память о тебе поганая. Но поднять бы тебя на свет божий, да чтобы увидел ты, какими стали те самые юнцы, которых ты не считал за людей; что сделано ими на земле, какую ты уже считал своей; сколько посажено садов и построено домов на месте тех, которые ты сжёг.

Первой сожгли хату Гуровых. Павел Тихонович хорошо помнит, как в один из февральских дней 1943 года, когда советские войска освободили г. Малоархангельск и вплотную подошли к Хитрово, к ним прибежала родственница.

— Тихон Алексеич, — шепнула она отцу, — забирайте что можно и уносите. Вашу хату будут жечь. Как-то она мешает им стрелять, ориентир что ли. Переводчица просила передать.

Хата была крайней, рядом — колхозный сад. За садом, в пятистах метрах — передовая.

Через полтора часа два солдата сделали свое чёрное дело. А ещё через несколько дней по неокрепшему мартовскому насту вместе со всеми увели Павла Тихоновича Гурова в Глазуновку, погрузили в вагон, и колеса товарняка неторопливо пропели родному краю свою прощальную песню.

2. Вместе со всеми

По-разному складываются человеческие судьбы, но у каждого поколения всегда много общего. Великая Отечественная пронеслась-прокатилась над страной и своим железным крылом зацепила Хитрово. Господи, кто бы мог предположить, что от их уютной деревушки в 85 домов, наполненной запахами цветущих садов, криком гусей на пруду посреди этой красоты да весёлыми играми ребятни, останутся одни пепелища. Восемьдесят пять домов, в каждом не менее трёх детей, по три и более трудоспособных! Война разметала людей по свету, кому-то дала приют в других краях, кого-то определила на вечный покой, и также далеко, а кого-то и неизвестно где. Иначе трудно представить, ведь здесь, в пятистах метрах от Хитрово, пять месяцев стоял фронт, была передовая северного фаса Орловско-Курской дуги. Пять месяцев накапливали с двух сторон силы, чтобы 5 июля 1943 года обрушить их друг на друга.

Фашисты не устояли. Пусть пепелища, пусть земля опустошена, но теперь хозяевами здесь были мирные советские люди. Этому радовались все, кто возвратился в свою родную деревню после освобождения в дальних краях.

На товарняке Гуровы добрались до станции Малоархангельск. Хитрово в трёх верстах, но шли долго. Кругом один бурьян, и тропинка через него. То слева, то справа дощечки с надписями: «Мины».

Заминированной оказалась и их усадьба. Землянку оборудовали неподалеку. Павел позаботился о посуде — подобрал котелок, стреляные гильзы от снарядов, каски. И началась для него на родной земле новая полоса жизни.

До войны в Хитрово был организован колхоз «Верховье Неручи», и две бригады легко справлялись со всеми делами. Люди только начинали возвращаться, и каждый человек был на счету. Надо наводить порядок на полях, закапывать окопы и бомбежные ямы, пахать землю и сеять, собирать урожай.

А ещё надо копать огород под картошку и прочее, без чего трудно прожить на первых порах. Мать с тревогой смотрела на сына, мол, молодой он ещё, а работает как настоящий мужик. Но потом всё встало на свои места, и мать считала делом обычным, если Павел вместе со всеми приносил на себе из Глазуновки семена, это километров десять в один конец, а обратно — с пудом зерна на плечах.

В колхозе обратили внимание на парня: крепкий, исполнительный, смекалистый, и скоро, как только пошли по полям «натики» и «хэтэзики», Павла Гурова взяли в прицепщики.

То далёкое время теперь вспоминают только старики, а сегодняшнему поколению вообще трудно представить, с какой тревогой провожали механизаторов в поле. Ведь сколько их, молодых ребят, осталось лежать на этих полях уже после войны! Знала она, молодёжь того поколения, что можно погибнуть, но шла, считая за честь выполнять сменные нормы.

3. Пенсионеры

Уже поздний вечер. Мы сидим втроём — я, Павел Тихонович и его жена Антонина Романовна. Теперь они пенсионеры.

О прошлом вспоминают беззлобно — это их жизнь.

— Прошли её, как сумели, — говорит Павел Тихонович. — Вся она прошла в работе. На кого обижаться и за что? Такая судьба у всего поколения.

— Поработали, — поддерживает разговор хозяйка, а потом вдруг смеётся с иронией. — Без баб они бы выполнили норму! Бывало, трактор в поле, а трактористу в придачу двух баб дают.

— Для поддержки штанов, — шучу я.

— Считай, что так. Радиаторы-то у тракторов худые, не успеет доехать до другого края поля, как вода вытекает. Вот и носили бабы воду из бомбежных ям — одна на одном краю поля, другая на другом.

— А я мог погибнуть, — после некоторого молчания вспомнил Павел Тихонович. — Осталась бы ты, Тонька, тогда в девках. Да, поженились-то мы в 48-м, а это было в 45-м, кажется. У Якушова в прицепщиках я ходил, на культиваторе сидел. А он мне и говорит, мол, чего тебе там сидеть, поле хорошо пахано, лезь в кабину и отсюда посматривай, когда забьётся — скажешь.

Сел. Едем. Гляжу — ящики какие-то под культиватором ворохаются. «Стой! — кричу, — Ящики там!». Александр Иванович остановил трактор, заглушил. Гляжу на него, а у него лицо белое. «Мины это, — говорит. — Два ящика. Пошли в правление».

По минным делам спецом у нас был Перфилов. Сложили мины в воронку от авиабомбы, туда ещё снарядов добавили, он шнур протянул, зажёл его, а сами в траншею, что метрах в ста. Рвануло здорово, а один снаряд ушёл в сторону соседней деревни. Но ничего, вроде, не было. Наверно, не взорвался...

И хорошо, думалось мне, остался жив — и прославил себя добрыми делами. И на шахтах Донбаса по призыву поработал, потом в Малоархангельском хлебоприёмном, а лет 25 перед пенсией снова в колхозе. Хорошим электриком был. Павлу Тихоновичу уже за 70, а нет-нет да и вспомнят о нём, зовут, когда что-то не ладится.

* * *

Мирно тикают часы. Работает телевизор — на экране война.

Конец ноября. Конец года. Конец века. Каким-то будет новый век, в котором будут жить Павел Тихонович со своей Романовной, не одно десятилетие проработавшей на ферме, и как будут жить их сыновья — Иван, Сергей и Володька, их внуки. Об этом они и тревожатся.

2000 год

ГЕННАДИЙ ВЕРКЕЕНКО

Судьба векового старожила

Рассказ

Когда-то очень давно, в те времена, о которых даже сама память запорошена легендами и сказками, в наших краях, вблизи моего родного посёлка Заречье, вырос лес. Славился он своими вековыми дубами, а люди, жившие рядом, благоговейно относились к их незапамятной древности, наделив каждого такого богатыря именем, и передавали названия этих дубов из поколения в поколение. Я с самого юного возраста знал имена этих могучих дубов. С величайшим уважением и даже с почтением относился к лесным великанам, так было принято в семье моих родителей и у большинства жителей посёлков и деревень, уютно располагавшихся на окраинах леса.

Мне повезло провести свои годы детства и юности вблизи и в окружении незабываемых лесных пейзажей. Дебрянский лес издревле славился красивыми дубравами и могучими дубами. Выстояв в годы пожаров и лихолетий, сохранив на своих могучих стволах глубокие шрамы и отметины от тех времён, они, даже израненные, всегда укрывали своими крепкими телами тех, кто искал в нём для себя защиту. Люди часто не решались пилить такие дубы на свои хозяйственные нужды, более того, они всегда любовались ими, и в этом любовании скрывались гордость за их величие и глубокий смысл бережного отношения моих односельчан к самой природе.

Дубы не росли поодиночке. В лесу они возвышались в своей неопишуемой красе высоко над подлеском, прикрывая его благодатной тенью огромной кроны плотных, упругих, словно омытых дождем, резных листьев. Но, поднявшись ввысь, они гордо раскачивали своими кудрявыми верхушками, приветствуя таких же старожилов-соседей, с достоинством охранявших свои территории. Истинных дубрав сегодня очень мало. С давних пор древесина дуба считалась самой крепкой и поэтому шла на различные хозяйственные постройки.

Из истории известно бережливое отношение к вековым дубам царя Петра I. Он запрещал вырубать, требовал сохранять великанов и растить их только для государственных нужд. Готовясь ко второму Азовскому походу, царь основал под Воронежем, где было много дубрав, корабельные верфи. Дуб не гниёт в воде, за много лет пребывания в ней он становится чёрным и очень плотным. Такая древесина называется морёной. Её использовали не только в кораблестроении, но и для постройки плотин на реках, изготавливали дорогую прочную мебель.

Теперь могучие дубы в наших краях встречаются очень редко, они ещё радуют глаз в основном в старинных парках и заповедниках, да кое-где в лесу. У многих из них есть и свои названия. Моему отцу Петру Тимофеевичу рассказывал о происхождении названий древних дубов его отец, а мой дедушка – Тимофей Мартынович. Мне запомнились такие дубы, как Бородач, Корявый, Шершневый, Громовой, Дупляной и другие. У каждого из них была своя история...

Местные жители моего посёлка от мала до велика знали эти дубы. И когда-то, как их предки, они тоже любовались раскидистыми кронами этих красавцев, не раз отдыхая под дубами от своей непосильной крестьянской работы в прохладной тени.

Дуб Бородач поражал путника своей замысловатой кроной, сформировавшейся за долгие годы его жизни. Ветки нижнего яруса от тяжести обильных снегов и сильных ветров, от зимней стужи и борьбы за своё выживание под жаркими лучами солнца были причудливо изогнуты, завалены мелким сушняком, опавшими листьями соседних деревьев и создавали неприглядную картину запутанной и нечёсаной бороды, которая, словно неряшливый лоскут, спадала на грудь этого великана, а в сумерках вечера нагоняла неподдельный страх на припозднившегося путника. Иногда к этому устрашающему виду добавлялась и вылетающая из его густой бороды случайно испуганная ночная птица, укрывавшаяся на ночлег в сумерках его ветвей.

Шершневый дуб в своём дупле, высоко над землёй, под одной из корявых толстых веток, приютил с давних времен шершней. Они постоянно жили там и выводили не одно поколение своего потомства. Гнездо располагалось так, что до него было трудно добраться, да и желающих это сделать не находилось, зная агрессивный нрав этих насекомых. За многие годы дуб и шершни словно сроднились и, казалось, поддерживают друг друга: дуб укрывал их от непогоды, давал кров, согревал в зимнюю стужу, а они, в свою очередь, ремонтируя каждый год своё гнездо, отгрызали из трещин и сколов кусочки загнивающей древесины для обновления сот и тем самым защищали дерево от разрушения.

Дуб служил и надёжным ориентиром в лесу. Мои земляки говорили: «Дойдёшь до Шершневого дуба, повернёшь направо... или налево...», а затем называли то место, о котором шёл разговор. Это или болото, или лесная сенокосная делянка, или дерево, которое необходимо было срубить; могла быть и поляна с ягодами или грибами. И не было случая, чтобы, ориентируясь по дубу, кто-то сбился в лесу с пути и не нашёл нужное место.

Отличался от Шершневого дуба Дупляной, росший тоже в нашей округе. В его мощном стволе было множество дупляных отверстий. В них находили приют разные лесные пичуги, выводя пернатое потомство.

Словно лесной небоскрёб, он возвышался над роскошной зелёной опушкой леса, сохраняя у подножья красивый ковёр тенелюбивой травы вперемешку с лесными цветами. Чуть поодаль от могучего дерева рос орешник, красная бузина, калина и даже загадочный бересклет, из которого из-за его природной гибкости местные жители любили делать куцобки (разновидность трости) с причудливо загнутой верхней частью. Ими было удобно пользоваться при ходьбе по дороге или при пастьбе скотины на пастбище.

По стволу дуба на разной высоте от земли взору представлялись дупла, творимые неутомимыми дятлами. Вход в них был идеально отшлифован вначале хозяином постройки, а затем и самими жителями. Я любил наблюдать дятлов. Увлёкшись строительством своего дома, дятел с головой прятался в дупле, продолжая там работу, и оттуда виднелось только его яркое оперение. Сам плотник появлялся только для того, чтобы выбросить очередную порцию щепок. От такой работы внизу под деревом скапливались целая горка пахучей древесины. Она позволяла нам, ребятам, заранее узнать место нового дупла. К тому же дятлы очень оживляли лес своей барабанной дробью. Интересно было смотреть, как во время добывания пищи, усевшись на нижнюю часть ствола и опираясь на длинный хвост, эта птица, словно по спирали поднималась всё выше и выше, отыскивая по пути насекомых. В лесу можно было встретить не одну разновидность этой птицы, особенно при хорошем урожае сосновых шишек, орехов, желудей.

По соседству с ними в некоторых дуплах жили белки, но иногда по какой-то причине дупло долгое время оставалось никем не занятым, и тогда оно постепенно зарастало древесиной и наростом из коры. Разглядывая с земли поселения птиц на Дупляном, мы, мальчишки, могли определить, какое из них заселено и есть ли там птенцы. Если кто-то из нашей компании сомневался или спорил по этому поводу, то проверяли свои предположения весьма простым способом: брали палку и резко ударяли ею по толстому стволу дуба. От удара по дереву птенцы начинали пищать, обозначая своё присутствие. Возможно, писк был ответом на шум, исходивший от удара, или был как инстинктивная реакция птенцов на прилёт родителей с кормом. Случалось, что птенцы, до этого переговаривавшиеся между собой, после удара палкой по дереву переставали пищать и, чувствуя опасность, замирали в своих гнёздах-дуплах. Нам становилось скучно, и мы удалялись прочь заниматься более интересными ребячьими делами.

Корявый дуб. Название, или народное прозвище этого великана, очень ярко говорило само за себя. В отличие от Дупляного, находившегося недалеко от лесной дороги, Корявый рос глубоко в лесной глуши, вдали от людских глаз. Его ствол был тёмным, практически чёрным. Дуб уже сам не помнил, как когда-то давно в прогретой солнечными весенними лучами земле он зародился от блестящего жёлудя, случайно сохранившегося под листвой в лесной чаще. Первые годы ему приходилось настойчиво бороться за своё существование, он изо всех сил тянулся ещё совсем слабым тонким ростком к солнцу. Окружавшие его большие деревья, густой подлесок, сильные ветра, зимние вьюги с обильными снегопадами и ко

всему – недостаток солнечных лучей сформировали дубовую крону из сучьев, напоминающую коряги с невероятными изломами. Но постепенно дуб, возвышаясь над высокой травой, а затем и над подлеском, вырос так высоко, что его крона оказалась выше всех деревьев. Она укрыла сверху зелёным шатром из резных листьев всю неприглядность его изогнутых веток, заметных путнику только с земли и подтверждавших его корявость. В лесной прохладной глуши дуб казался сказочным и немного наводил страх на одинокого прохожего. Этот дуб знали все мои земляки, и часто при выпасе домашнего стада они ориентировались на него, выгоняя животных из леса.

Гораздо привлекательнее Корявого великана когда-то был Громовой дуб. Он был выше всех деревьев, растущих с ним в округе. Возможно, из-за своей величавости и высоты он больше всех страдал от молний. У нас в посёлке говорили «от грома», так как молнии с её разрушительной мгновенной силой никто не боялся, а все невольно страшились следовавшего за ней оглушительного раската грома. Поэтому дуб, получивший не один удар молнии, назывался Громовым, словно его разбила не молния, а гром. За многие годы стихийных напастей дуб не единожды был расщеплён вдоль ствола на множество осколков и с годами стал засыхать, только кое-где ещё теплилась жизнь, выдавая своё дыхание мелкими зелёными листочками, распускавшимися по весне на отдельных его ветвях.

Птицы, когда-то вившие гнёзда в кроне дуба, белки, жившие в дуплах, словно чувствуя его близкую кончину, покинули его. От некогда роскошной кроны Громового остались толстые кривые сучья, и только на некоторых из них всё ещё распускались по весне листья и созревали жёлуди. Но, несмотря на угасание, в нём всё ещё угадывалась былая мощь векового дерева. Его корни, видневшиеся над поверхностью почвы и уходившие глубоко в землю, словно могучие пальцы, вцепились в грунт, крепко держали дуб, не боясь ни сильных ветров, ни зимних буранов.

Дуб стоял недалеко от дороги, пролежавшей по лесу и соединявший посёлок Заречье с деревней Гамалеевка. По пути из нашего посёлка в школу я и мои сверстники часто, особенно летом, играли под Громовым. Засыхающая крона уже не затемняла его подножье. Вокруг него не было густого подлеска и зарослей кустарника, здесь было светло и просторно. Летом у дуба зелёным, почти сплошным ковром расстилалась брусника; тонким медовым ароматом благоухала медуница, радовало глаз лесное разнотравье, а в грибную пору выросло множество боровиков, похожих своей окраской на осенние дубовые листья и таких же изумительно красивых по форме, с бархатными шляпками приятными на ощупь. За ними приходили грибники и всегда радовались своим находкам.

Осенью к дубу на кормёжку собирались дикие кабаны; нагуливая жир к зиме, они лакомились желудями и корешками растущих под ним трав. Эти клыкастые обжоры некогда наедались здесь до отвала, а теперь приходили сюда в поисках лакомства уже по привычке, но, как и раньше, оставляли следы своего пиршества – изрытую землю.

Как ни крепился дуб, как ни старался продлить свою жизнь, со временем его сучья засыхали и падали вниз. Некоторые были настолько толстыми, что, надломившись, висели, зацепившись за другие более прочные ветки, раскачивались при порывах ветра, скрипели и издавали пугающие звуки, норовя упасть.

Наш отец не любил, когда дети, находясь в лесу, останавливались у подножья Громового, и предупреждал нас об опасности. Но, оказавшись в очередной раз поблизости с облюбованным нами для игр местом, забывали о его наказах. Отец знал об этом и стал присматриваться к дубу, чтобы убрать эту опасность от детворы, да и от односельчан тоже.

Однажды глубокой осенью, когда были закончены все осенние уборочные работы, и пришла пора заготовки дров на зиму, мы с братом Валерой услышали от отца:

– Я присмотрел в лесу дуб на дрова... Надо бы его спилить. Думаю, что нам дров от него точно хватит на всю зиму.

И продолжил:

– Слышал я вот недавно, что в этом году зима будет суровая, холодная и снежная, трудно будет согреть дом, поэтому надо пораньше заготовить дрова.

Немного помолчав, добавил:

– Я уже и с лесником поговорил... он разрешил спилить один дуб...

Взглянув в лицо отцу, я спросил:

– Пап, неужели ты решился спилить Громовой?!

Отец, удивившись моей догадливости, вздохнул и утвердительно качнул головой. И как бы рассуждая, вслух произнёс:

– Дуб уже давно болеет, может наделать беды...

По настроению отца я понял, что решиться на это ему было нелегко.

Заручившись моей и Валеркиной подмогой, отец стал готовиться к спиливанию дуба-великана, дожившего до своей глубокой осени. Прежде всего, в нашем домашнем хозяйстве он выбрал самую длинную пилу и другие нехитрые инструменты. Подготовившись, в один из дней, мы втроём отправились в лес к Громовому.

Денёк выдался на славу! Притихшим ранним утром погода радовала чистым, по-осеннему прохладным воздухом. Небесный купол ярко-синего цвета, без единого облачка, уходя в бесконечность, завис где-то высоко-высоко над нашими головами. Не слышно было летнего птичьего многоголосья, птицы уже улетели в тёплые края. Эту прозрачную осеннюю идиллию нарушало только слышавшееся с дальних болот редкое кряканье диких и домашних уток, да проносившиеся мимо нас стремительные стайки серых воробьёв.

Мне нравились эти умные птички, благополучно жившие рядом с человеком. Особенно оживлёнными они были по весне. Как только появлялись маленькие проталины, они тут же начинали громко чирикать, радуясь её приходу. Интересно наблюдать: когда они кормятся зёрнами подорожника, полностью сливаются по цвету с его листиками, и только шевеление травы выдаёт их близкое присутствие. Даже по земле птички передвигаются как-то по-особому, задорно скачут бочком-бочком по тропинкам, словно пляшут свой, непохожий ни на какой другой, птичий танец. Конечно, они не обладают изяществом и красотой, не умеют звонко петь, но всё же эти маленькие разбойники милы мне и до сих пор.

Дорогу к Громовому мы знали наизусть, она пролегала по лесу от нашего посёлка до деревни Гамалеевка, а сам дуб рос недалеко от неё. Так как по этой дороге постоянно ходили односельчане из Заречья в Гамалеевку и обратно, отец предложил нам пойти немного другим путём, чтобы не привлекать внимание встречных. Мы были одеты по-простому: из верхней одежды – старые ватные фуфайки, на ногах кирзовые сапоги, смазанные салом для эластичности и сохранности, на головы были наброшены лёгкие шапки. Валера нёс на плече верёвку, а я под фуфайкой топор, заткнутый топориком со стороны спины за подпоясывающий мои брюки ремень. По дороге разговор сам по себе, конечно же, зашёл о предстоящей работе. И тут, взглянув на отца, немного объёмного в своей одежде, с каким-то испугом в голосе я спросил:

– Пап, мы идём пилить дуб, а пилу ты дома забыл?!

Улыбнувшись, он спокойно расстегнул три пуговицы старой фуфайки и указал своим взглядом внутрь.

– Смотрите сюда!

И мы с Валерой увидели там пилу. Отец обернул полотно вокруг себя, закрепив её оба конца между собой деревянными ручками, сделав из них естественный замок, который не позволял пиле упасть. Она была блестящая, гибкая, необыкновенно тонкая и сталистая, поэтому хорошо согнулась в кольцо и не падала. Тут же отец не преминул заметить, что и моего топора не видно, если смотреть на мою одежду.

С разговорами шли мы по лесной дороге в сторону, где рос Громовой. Лес, залитый косыми, уже не греющими лучами солнца в осенней красе, был просто великолепен! Природа, словно искусный художник, умело нанесла лимонные, оранжевые и коричневые мазки на всё, что было ещё совсем недавно зелёно-пёстрым разноцветьем. Воздух – настолько прозрачен в своей тишине, что слышался шорох одиноко падающих листьев. Раскидистые берёзки давно расплели свои светло-жёлтые косы и опустили их, кокетливо, по-девичьи, прикрывая свои белоснежные ноги. Чуть заметно в глубине леса дрожал пожелтевшими листьями осинник, красными брызгами колыхались на ветру редкие ветки боярышника... Осень всегда завораживала меня простой и знакомой, но в то же время неповторимой и вечно обновляющейся переменой ликующих красок.

Любуясь осенним лесом, свернув с нашей безлюдной дороги на едва заметную мягкую от мха тропинку, хрустя ломкими сухими ветками мы приближались к Громовому дубу. Он одинокой громадой возвышался над лесной поляной, его тоже опалил осенний пламень, редкие листья не были жёлтыми, а потемнели, стали тёмно-коричневыми, словно закоптились от бушующего внизу разноцветного огня.

Листья будто старались продлить жизнь исполина, прожившего рядом с людской дорогой, похожего на человека с нелёгкой судьбой, много повидавшего и пережившего, но удивлявшего своей стойкостью и нежеланием умирать. Листья на Громовом кое-где распускались и зеленели по весне лишь на отдельных сучьях. В некоторых местах кроны прорастала нежная поросль, в которой по-прежнему гнездились мелкие пичуги или отдыхали крупные птицы.

Однако с каждым годом пышная крона дуба становилась намного прозрачнее и всё реже. Взглянув издалека на почерневший от дождей и снега, на израненный молниями Громовой дуб, нам показалось, что он немного сник и ссутулился, ожидая от незваных лесорубов своей участи, и в то же время своими мощными сухими ветками он словно призывал нас избавить его от такой нерадостной, угасающей жизни, наверно, понимая свою обречённость.

Вид его был плачевным: с кроны к подножью сыпалось много сухих сучьев, а один из них – самый толстый, надломленный бурей, повис высоко над землёй, зацепившись за стоящее рядом дерево. Подойдя ближе и подняв головы вверх, мы увидели, как с ветки с гортанным криком взлетели вспугнутые нами два лесных голубя.

Услышав звук крыльев поднявшихся птиц, тотчас вспомнил случай на охоте. Я не забыл его до сегодняшних дней и, как мне кажется, он не позволил мне полюбить охоту по-настоящему, хотя, как и большинство мужчин, имею оружие и охотничий билет.

А дело было так. Взяв в руки дедушкино ружье, будучи ещё начинающим охотником, я отправился в лес добыть какую-нибудь дичь. Это мог быть тетерев, дикая утка, куропатка, лесной голубь, вальдшнеп, бекас или даже перепёлка. Проблудив много времени по болотам и лесным опушкам, я так ничего и не подстрелил. Немного расстроенный, что иду домой с пустыми руками, проходил мимо Громового. И здесь услышал клёкот лесного голубя: «кгу-у, кгу-у-у...» Он доносился с самой верхушки этого дерева. Подойдя ближе и подняв голову, заметил, как и сейчас,

сидящего высоко на ветке дикого голубя. Его трудно было подстрелить, мешали ветки и листья. Пересекающиеся между собой сучья от самого низа до верхушки дуба закрывали обзор, но имевшийся к тому времени опыт помог мне найти удобное место между ветвей, и выстрелить.

Выстрел оказался для птицы роковым. Голубь на миг замер, но потом стал медленно и как-то странно сваливаться с дерева. Падая на очередную ветку, он цеплялся за неё когтями, надеясь удержаться от страшного полёта вниз, замирал на время, и, когда его силы покидали, он вновь расцеплял свои коготки и снова падал до очередной ветки... Так продолжалось, как мне показалось, очень долго. И вот он, наконец, ударившись о землю, замер в траве.

Подчиняясь охотничьему азарту, я подбежал и схватил его руками, поднял над землёй. Зажав между ладонями это пернатое тельце, почувствовал огромное напряжение его судорожно сжимавшихся мышц. Угасающие глаза голубя были широко открыты, а через некоторое мгновение медленно-медленно стали заволакиваться синевато-белой плёнкой, после чего закрылись навсегда, и он обмяк в моих руках. Мне стало нестерпимо жалко эту только что беспечно распевавшую и уже через мгновение погибшую птицу. В голове пронеслись сожаление, раскаяние, жалость... Опомнившись, быстро вырыл поблизости маленькую ямку в земле и похоронил голубя.

Придя домой в удручённом состоянии после перенесённого потрясения, я никому не рассказал про этот случай на охоте, отделавшись словами, что охота в этот день не удалась. Но мои ощущения и то раскаяние в содеянном долго не покидали меня.

Встреча у дуба и такой же, как и раньше, голубиный клёкот в его кроне навели меня на грустные мысли, от которых мне хотелось поскорее избавиться, срубив Громовой. Чтобы стряхнуть с себя тревожные воспоминания, я направился к отцу. Помог ему поодаль от дерева сложить на траву наши инструменты.

Подойдя ближе к стволу, мы тщательно осмотрели место, где предстояла мужская работа. По расчётам отца, на разработку дуба надо было потратить дня два: в первый день – спилить дуб, а во второй – перевезти домой. Как запланировали, так и решили действовать.

Оглядев основание дерева, принялись вырубать растущую рядом поросль, расчищать мелкие кусты, утаптывать траву, убирать из-под ног большие сухие палки, которые при работе могли нам помешать. Чтобы не спотыкаться, выровняли землю, взрытую кабанами. Своими пяточками они, словно маленькими бульдозерами, подняли дёрн, прокопали замысловатые канавы, зиявшие рыжей песчаной землёй. В одной из них после недавнего дождя сохранилась влага, и эти лесные хрюшки устроили себе ванну, очищаясь в ней от паразитов. Хорошо утрамбованная и отшлифованная широкая ложбина на разрытой кабанами почве подтверждала, что здесь отдыхало целое кабанье семейство. Кое-где дикие свиньи оставили несъеденные жёлуди, и они, блестя своими шоколадными бочками, переливались на солнце. Пришла идея собрать их и посадить новую дубовую рощу. Я снял с головы шапку, и мы собрали в неё все плоды от Громового.

Закончив подготовительные работы, зашли с отцом с противоположных сторон дуба, решительно взялись за ручки пилы и невысоко от земли стали запиливать с той его стороны, куда по нашим расчетам должно было упасть дерево. От прикосновения зубастой пилы, как нам показалось, дуб словно вздрогнул. С его кроны, откуда-то с небесной высоты, вновь посыпались сухие тёмно-коричневые листья. Кружась в воздухе, они, как игрушечные кораблики, похожие на раскрытые детские ладошки, осыпали наши плечи, спины и головы и своим последним шуршащим листопадом заполнили всё воздушное пространство...

Сделав в стволе Громового нужной глубины запил, перешли на его противоположную сторону и стали пилить. Из-под толстой коры, ещё частично оставшейся на стволе, коричневой мукой сыпалась труха – след неумолимого жука-короеда. От нашей слаженной и размеренной работы по лесу эхом разносились тонкие, приглушённые древесиной металлические звуки: вжик-вжик, вжик-вжик, словно кто-то невидимый в лесной чаще играл на неизвестном инструменте. Отец подсказывал мне, как надо держать пилу, чтобы она не ушла вверх или вниз и чтобы её не заклинило в сделанном пропиле. Я знал, что у неумелых лесорубов такие казусы были не редкость, особенно когда дерево было уже пропилено ближе к середине. Порой не хватало даже сил просто вытащить её оттуда, не то чтобы пилить дерево дальше. Иногда горе-лесорубы бросали подпиленное дерево вместе с пилой в лесу, потеряв всякую надежду на вызволение её из плена...

Пилить становилось всё труднее. Уже образовались две больших кучи пахучих опилок, добытых пилой из могучего ствола некогда лесного красавца. У нас их называли – тырсá. По мере продвижения пилы её размах становился минимальным, длины пилы еле-еле хватало, а скольжение по мере заглубления всё больше затруднялось. Мы стали чаще отдыхать. Подключился брат, но, чтобы его помощь оказалась полезной, отец привязал верёвку за ручку пилы с моей стороны, и Валера, стоя поодаль от меня, тянул её одновременно со мной, только я дергал за ручку, а он – за привязанную к ней верёвку. Торопиться здесь было ни к чему.

Допилив до середины ствола, мы почувствовали некоторое облегчение, нам повезло, ствол внутри дуба, его сердцевина, оказалась трухлявой и пилилась легче, тырсá стала проваливаться в пустоты и не заклинивала пилу. Почувствовав это, мы решили опилить дуб, чтобы он быстрее стал валиться в нужную нам сторону. После первых движений пилы по окружности дуба послышался глухой треск, похожий на глубокий выдох. Это лопнула от напряжения внутри ствола древесина.

Лес как будто замер перед предстоящим падением великана, даже замолк глухой стук дятла далеко от того места, где мы работали. В висках от напряжённой работы в полусогнутом состоянии пульсировала кровь, чаще билось сердце. Возможно, в этот момент природа и человек сливались в своем безмолвии, чувствовали развязку в жизни векового старожилы леса.

Время продвигалось ближе к полудню. Треск и глухие скрипучие звуки внутри ствола стали повторяться всё чаще. И, словно стряхивая осенний сон, дуб вдруг вздрогнул. Его морщины и шрамы от молний на стволе пришли в движение, стали медленно приближаться, увеличиваться в размере. Дерево, как могло, старалось держаться вертикально, но, умело подпиленное со всех сторон, оно, как в замедленной съёмке, кренилось в нужную нам сторону. Отбежав на безопасное расстояние от дерева, мы наблюдали, как Громовой с гулким стоном, так же мощно, как и рос, падал, ломая и круша всё на своём пути. Ударившись о землю, сухая макушка дуба сломалась на множество мелких кусков, прикрыв и засыпав ими росшие на пути падения кустарники. Основание дуба, где белел свежий спил, напоминало огромную площадку с коричневой гнилой сердцевиной, наполовину заполненной сырыми опилками.

Ошеломлённые крушением такого великана, мы стояли, не двигаясь, в звенящей тишине леса, нарушенной лишь шорохом продолжавших медленно падать сухих листьев. Они ещё долго кружились и кружились, нехотя оседая на землю и словно саваном укрывая упавшее дерево. После его падения над лесной поляной открылась небесная высь, стало светлее и просторнее, по-особому завиднелась зелёная трава, пробивавшаяся сквозь ковёр осенних листьев. Но лес, до этого казавшийся таким могучим и величественным, вдруг сразу на наших глазах поник, потерял свою статность... На душе было двойственное чувство: радостное от сде-

ланной нами работы, но и грустное от того, что теперь можно будет только вспоминать, что на этом месте когда-то рос Громовой дуб.

Отец, глядя на нас и разделяя наши чувства, сказал:

– Хватит на сегодня. Надо отдыхать, уже устали. Пошли домой, пора обедать, а то мать с Диной и Ниной, наверное, уже ждут нас, а мы с вами завтра с новыми силами займёмся распиловкой дуба и его перевозкой. С конюхом я уже договорился насчёт лошадки.

– А вдруг наш дуб кто-то заберёт, пока мы будем дома, – засомневались мы.

– Не волнуйтесь, никуда он не денется, никто, кроме нас, не справится с таким великаном. Будьте уверены, завтра придём, а дуб так и будет лежать на этом месте.

Подчинившись отцу, мы вернулись домой, где нас, действительно, ждал вкусный обед, во время которого мы долго, наперебой рассказывали всем о нашей работе. Показали собранные от Громового дуба жёлуди и попросили маму припрятать их в надежде, что они пригодятся в дальнейшем. Отец ещё раз подтвердил, что ребят Гамалеевской начальной школы пригласили поучаствовать вместе со старшеклассниками Валуецкой восьмилетней школы в посадке дубовой рощи недалеко от трассы Почеп-Погар.

На следующий день, встав пораньше и взяв лошадь у конюха из колхозной конюшни, отец, я и Валера вновь отправились к поваленному великану. Дуб лежал на старом месте, он белел свежим срезом ствола, мощно возвышаясь на поляне, но уже выглядел умиротворённым, как будто за длинную ночь он всё передумал и смирился со своей участью.

Не сговариваясь, мы стали обрубать тонкие ветки, затем занялись распиловкой ствола. Брёвна и сучья старались рубить в размер по длине телеги. Вначале погрузили сучья помельче, увязали верёвками, чтобы по дороге они не рассыпались и наказали Валере отвезти их домой. От Широкого Лога, где мы работали, до нашего дома было чуть более километра, что по деревенским меркам практически рядом с посёлком. Брат согласился и, выслушав наказы отца, гордо забрался на дрова, взял по-хозяйски вожжи и, понукая лошадь, направился в сторону дома.

Мы тем временем, оставшись в лесу вдвоём, стали готовить новый воз дров и продолжали убирать сучья и ветки, мешавшие распиловке основного ствола. На это ушло немало времени. Работали с отцом, попеременно: то отец обрубал сучья, то я. Когда мы отпиливали очередную толстую ветку, которая поддерживала дерево, не давая ему до конца упасть на землю, ствол вдруг прогнулся и зажал в распиле пилу. Пришлось вставлять клинья, чтобы допилить до конца и выволить её. Пока мы возились с клиньями, быстро и незаметно пролетело время.

– Что-то вы мало заготовили дров? Наверное, долго отдыхали тут без меня? – съезвил в наш адрес, вернувшийся из посёлка Валера.

– А ты давай, иди, попили здесь, может, у тебя быстрее получится, а я вместо тебя дрова на лошади повезу? – отреагировал отец.

Валерий, смекнув, чем может закончиться этот диалог, быстро замолчал.

Отправив в очередной раз телегу с дровами в посёлок, мы стали готовить к перевозке самые толстые кругляки. Один из них, от комеля дуба, приблизительно двухметровой длины, мы всё-таки успели отпилить к возвращению брата. Он подогнал телегу как можно ближе к бревну, но поднять кругляки нашими силами было просто невозможно. Тогда приготовили покаты – так у нас называли приложенные с наклоном к телеге и упирающиеся в землю, срубленные здесь же крепкие сучья. По ним можно было закатить на телегу неподъёмные части дерева. Без них с одним бревном можно было возиться очень долго и не всегда успешно. Но и на этот раз, как мы ни старались закрепить его верёвками и вместе тянуть, катить на телегу, бревно своей тяжестью возвращалось в исходное положение, норовя ко-

го-нибудь придавить. На наше счастье, из посёлка по дороге в Гамалеевку шли зареченские мужики. Увидев, что мы не можем погрузить комель дуба, они дружно пришли нам на помощь, сказав:

– Тимофеевичу поможем! Под этим дубом мы сами давно боимся пасти стадо.

Сказали и помогли.

Закатить-то сообщца закатили и, закрепив его от раскачки на телеге короткими клиньями с двух сторон, осторожно довели до дома, но, когда по приставленным покатам это бревно стали разгружать, стараясь не поломать тележные оси, то оно, набрав скорость, покатилося с телеги так далеко, что развалило наш забор. Но это было уже неважным, главное, что часть тяжёлого дуба была во дворе, а починить забор после случившегося не составило нам труда.

Остальные кругляки дуба-старожила, хотя и были легче первого, тоже доставили нам ещё немало хлопот. Много времени пришлось потратить и на благоустройство места, где раньше стоял великан: собрали все оставшиеся мелкие сучья и сожгли в костре, который мы, чтобы не повредить траву, развели на месте кабаньей лёжки. Пень забросали землёй и укрыли мхом, а в его гнилое дупло в середине набросали желудей в надежде, что они смогут со временем прорасти...

Во дворе дома к распиловке брёвен приступили только через некоторое время, когда наступили выходные дни и мы были свободны от работы и учёбы. Мелкие суки и ветки, предназначенные только для растопки печи, рубили на специальном деревянном чурбане и складывали отдельно от основных дров поленицы. Сучья потолще пилили пилой-двуручкой на чурбаны, а потом кололи колуном, применяя клинья. Для распиловки брёвен приспособляли деревянные кóзлы. Они были изготовлены отцом из толстых жердин и напоминали двух рогатых животных, которые стояли, отвернувшись друг от друга, глядя в разные стороны. На колов приличную горку поленьев, складывали их под навес для просушки.

Очень толстые брёвна расщепляли вдоль на сегменты и плахи. Делали расколы по всей длине брёвен, забивали в них топоры и клинья, а расклинив – раскалывали. Такие заготовки шли на изготовление стоек (копыльев) для саней, клёпок для дубовых бочек, на укрепление стен и фундаментов домов и сараев. Иногда на толстом бревне вырубали лекало для изготовления полозьев саней и дуг. И тогда это лекало или другие изделия долго напоминали людям о том дубе, из которого оно было изготовлено.

Громовой дуб, прожив по человеческим меркам целую вечность и доставленный после его гибели на наше подворье, ещё долго служил нашей семье, согревая своим теплом, поддерживая домашнее хозяйство столбами, перекрытиями в погребе, полозьями и саями. Даже пень, оставшийся после спила великана, прогнивший и поросший мхом, не один год дарил моим односельчанам в осеннюю пору множество опят, облюбовавших это место.

Прошло совсем немного времени. Наступила весна следующего года. Директор Валуецкой восьмилетней школы, как и обещал, пригласил моего отца – заведующего Гамалеевской начальной школой – с учениками поучаствовать в посадке дубовой рощи. Был субботний или воскресный день. Мне, в то время ученику одиннадцатого класса Бакланской школы, очень захотелось тоже принять участие в посадке дубовой рощи, к тому же я раньше закончил Валуецкую школу и знал многих учителей, с которыми хотелось увидеться: с географом Кукшиновым Иваном Емельяновичем и его женой – учительницей русского языка Зинаидой Александровной, учителем немецкого языка Байдой Петром Терентьевичем, да и со многими другими.

Забрав сумку с желудями от Громового дуба, а их было не меньше килограмма, Валера, я и отец с учениками пришли в условленное место между деревней Гама-

леевка и селом Валуец. Как сейчас помню солнечный день, когда мы всей гурьбой вышли из школы, вооружившись заостренными палками и с сумками через плечо, заполненными желудями; вместе с учителями разошлись на выделенном лесником участке, на котором сажали каждый жёлудь, надеясь что он со временем прорастёт и превратится в замечательный могучий дуб. Острой палочкой делали в земле небольшое отверстие и опускали туда жёлудь, не придерживаясь, как мне казалось, никакого порядка, кто как мог, так и сажал...

Помню нехитрые бутерброды, которые мы запивали лимонадом, возвращаясь домой, и наши разговоры, что на нашем месте, может, и вырастет дубрава.

Прошло около пятидесяти лет после того дня, когда я вместе с отцом и братом сажал жёлуди от Громового. Мне ни разу не довелось за это время побывать на этом месте. Оно находится несколько в стороне, приблизительно в километре от трассы Почеп-Погар, где нет селений, автобусных остановок, а с дороги этот участок из-за удалённости тоже не виден. Но совсем недавно, летней порой, посещая родину, я решил проехать по заросшей дороге, где предположительно раньше ездили на телегах местные жители, а мы, ученики, ходили пешком восемь километров из села Валуец через деревню Гамалеевку в наше Заречье. Я отыскал быстро то место, где когда-то сажал жёлуди нашего Громового. Пятидесятилетние дубы, уже достаточно высокие, красотой и статью встретили меня, шелестя молодой, совсем ещё юной для их лет листвой. У подножья семейками и поодиночке росли толстоногие боровички. Обняв руками один из дубков, я приложил свою седеющую голову к его прохладному стволу, мысленно приветствуя юную дубраву. И где-то в вышине их крон от дуновения лёгкого летнего ветра будто слышал ответный шёпот благодарности за подаренную жизнь.

АНДРЕЙ ШЕНДАКОВ

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

(краткие рассказы)

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Бывают дни, когда льёт грозовой шквал или третьи сутки не унимается метель, когда нет причин ни для радости, ни для буйного застолья, но – на душе тлеет терпкий огонёк тонкого, редкого, таинственного чувства. Где-то в глубине души, даже не в голове рождается мысль, что всё – хорошо, что я нужен этому безнадежному миру.

Тайна такого озарения скрыта для меня в обычном и, в то же время, необъяснимом явлении: с одной стороны, попросту в какой-либо из газет или в журнале вышли мои произведения, а с другой – как, почему я чувствую читательские импульсы?.. Иногда, когда интерес к стихам или рассказам велик, импульсы сильны настолько, что их энергии хватает не на один день.

Телепатия?.. А может, неизвестные законы? Может быть, всё может быть, ведь наука уже подсказала, как и насколько чётко «братья наши меньшие» улавливают магнитные волны. В решётчатой кости у них теплится окись железа, кальция и марганца – магнитит: его кристаллы изменяют направление в потоке зарядов. Так

ориентируются в пространстве перелётные птицы, возвращаются домой кошки, киты бороздят океаны, не сбиваясь с пути.

Человек устроен сложнее, ему необходимы другие потоки и мотивации, он творит и ждёт результатов своей созидательной работы, он нуждается в энергии особого рода: в энергии Космоса, Бога, Вселенского Разума. Но, увы, как муравьи никогда не смогут разгадать, кто такой человек, так человек, наверное, никогда не раскроет загадку Творца.

Искусство повышает шансы человечества перед хаосом небытия, потому что благодаря творчеству люди прикасаются к иным мирам, к неземным энергиям, к сгусткам психологической плазмы, которой пронизаны звёздные системы и галактики.

Солнце плавно тонет в летней закатной дымке, пробуждаются огненные светила, и я чувствую, предчувствую, что будут вечные странствия, вечное вращение вокруг Вселенской оси, медленное и уверенное приближение к Тайне. И с каждым витком, с концентрацией человеческой мысли и высокой душевной энергии наш мир реабилитирует себя перед Небесным Царством, перед Творцом.

Я чувствую, я предчувствую Его шаги по своей солнечной, пропитанной светом душе...

ЗАСУХА

Иду к берегам детства, где давным-давно, сидя на тёплом песке, удил рыбёшек – плотвичек и окуньков. Мои уставшие ноги опоила пыль-кудесница, исцарапал чертополох, красноволосый отшельник, и опутала цепкая трава, высотой до пояса. Дико льются шорохи между камней, под сухой ольхой, да лисьими хвостами осотника ветер дымку вокруг лугов закручивает. Щёлкая, раскалённые жарой семена разлетаются во все стороны. Слюдяными крыльями-винтами стрекозы раскачивают душный воздух, задевая жалкие былинки и садясь на тёмно-коричневые гривы конского щавеля. Кусты вдоль дороги на корню погибли, не скинув ни единого листика.

Закрутил маревый поток косы горьких иссушенных трав, и пепельно-бежевой рысью-призраком набежала на меня мёртвая волна, въелась острыми клыками в голени, обхватила когтями колени и походную сумку: синева смотрит неподвижными глазами сквозь льняную даль и рваные сарафаны берёз.

– Не было на людской памяти столько огня и копоты в наших краях, точно земная ось повредилась, распаталась без хозяйской, человеческой заботы. Того и гляди – всё под откос полетит, вместе со всеми выдумками научными, теплоходами и ракетами... – твердит мне прохожий, тот, что не полез в траву, а по серой грунтовке пылит. Да и я вослед за ним – медленно, прислушиваясь: не огонь ли ползёт за мной?..

Нет. Ящерка прошмыгнула, да крупная, пятнистая, похожая на маленького вараана.

– У моей соседки в этом году дыни и арбузы на грядках уродились, – хвалится мой попутчик, – а в Подмоскovie, я слыхивал, медузы в реках завелись... Скоро крокодилы из Африки приплывут!

– Если и приплывут, то наши рыбаки тут же их сетями побьют, – как от вымерших этим летом комаров, отмахиваясь от его слов и поворачиваю к реке.

Впалые исчерченные трещинами колеи шуршат под ногами, то ныряя в пологом овражке, то пересекаясь среди бугристых колдобин; месяца два назад, когда грозовые шквалы рубили под корень деревья, кого-то, видимо, занесла сюда нелёгкая. Я и сам чуть не утонул в здешней трясине шесть лет назад, а теперь – сушь, пыль, горят торфяники.

...С холма доносятся удары топоров по брёвнам, в лучах закатного солнца ярко, огненно блестят кресты монастыря, кричат мальчишки, прыгая с коряги в реку, а над всем этим ползёт невыносимая, удушливая засуха.

ИВОЛГА

Иволга плачет к дождю... Прижимается к земле трава, ветви черёмух клонятся над скамейками, секут их крупной дробью зелёных, неспелых ягод; ивы вплетают в игривые соломенные косы утиный пух, хлещут ими изо всех сил по нависшим в глуши проводам, обнимают еловый смолянистый столб у обочины и роняют листву. Пыль взлетает выше домов, вращаясь вихрями и застилая пригородное поле; вслед за хозяйкой тяжело ступает по склону холма рыжеватая корова, надувая бока, и суетливый петух-говорун зазывает кур от дождя под раскидистый навес жасмина. Молнии жгут кнутахми вспышек по горбатым спинам далёких берегов и поперёк почерневшего неба, со свистом проносится ревущий гром, дрожат стёкла хлопающих окон, в одежду впивается солома.

– А откуда гром? – спрашивает мальчик у старухи возле калитки.

– Иволга дождь накликала, – с прищуром объясняет старуха внуку, – везут мужики по небу бочку, она гремит, полная воды, а потом – бух! – и выливают на землю...

Я смеюсь, укрываюсь от ветра, спешу домой; бабы граблями живо соскребают под яблони свежее сено, парники подворачивают на ветру широкие пёлы, оголяя жидкие колени своих деревянных стоек и надувая зеленоватое нутро, въевшееся в рёбра проволочных дужек... И вдруг – шквал, беспросветный, стеной, хлёткий, с градом, пробивающим насквозь листву; ломающий под корень тополя и липы, срывающий с коньков шифер и разметающий по окрестности собранное в стога сено. Из подворотен плывут калоши и щепки, вымытый из грядок чеснок и домашняя живность – юркие утята и ушастые щенки. Мутные потоки сливаются в одну бурлящую уличную реку, молнии режут землю; пенится, пузырится дождевая вода; вслед за уплывающей в поле тучей радуга поднимает уголок цветастого подола, а в нём ещё мелькают, догоняют друг друга весёлые капельки-мальки. Небо отпускает их в реку – и снова, через всю окраину, с шипением и треском пробивает тучу ветвистая молния... Дождь стихает.

Где-то в лесной глуши одиноко, заунывно плачет иволга... Неужели окликает грозу?

ПОЛОВОДЬЕ

Ребристые хребты весенней реки, словно гарпуном, резво прошила чёрная вода, вздыбив бугристый снег, лишённый белизны и чешуйчатого блеска; серые пятна на речных боках – лунки, пепел костров и ржавые вёдра – залила мутная длинная лужа, а бойкие ручейки ещё бросались с каменистых холмов, впиваясь иглами соломинок в деревянные плавники мостов. Постепенно наклонились кусты и осока, глина заволокла прибрежные родники; по склонам, растягивая радужные пятна мазута, потекло смолянистое месиво коричневатой грязи, заполняющей овраги и впадины. В тёмно-бурых зубьях бетонной плотины, словно рыбыны, бились огромные льдины; плотики и пляжные кабины ушли в глубину. Затянутый ремнём солдат пробрался к ледяному затору и, заложив тротилковую шашку, отмотал провод; взрыв колыхнул деревья и выбил стёкла береговых строений, затор загудел, заревел, пополз, дико кусая дрожащие сваи и сдирая кору с ветвистых раки. Смелый подросток спускался к бурлящей крошечной воде, выжывая подсаком оглушенных голавликов и пескарей. На льдинах плыли обломки старых частоколов, берёзовые поленца, лошадиные дуги и даже живые куры...

Буйство половодья бодрило, радовало, увлекало горожан небывалым размахом, но вскоре веселье сменилось настороженностью, страхом, паникой, бедой. Дома прибрежных улиц, наглотавшись воды, смотрели подтопленными окнами в резкие водовороты, на крышах стояла мебель – кресла и кровати, с чердаков выглядывали испуганные жильцы, к которым, по очереди, пробиралась моторная лодка, натруженно дымя и чихая.

– Эй, на том берегу, – слышу я сквозь шорох и хруст ночных льдин, – вас ещё не затопило?..

– Нет! – громко кричу в ответ, карауля неровную кромку прибывающей воды.

И душу охватывает ужас, магнитом тянет её холодная река, словно сам ад вернулся наизнанку, закручивая воронками всё живое. А над этим ревушим бескрайним простором безмолвно кружат яркие звёзды – вечные спутницы человеческих надежд и каждого земного существования...

МИМОЛЁТНЫЙ МИР

Капли утренней росы падают с набухающих почек жасмина, разбиваясь о мягкую землю возле скамейки, и в окнах моего родительского дома, смотрящего с вершины холма, отражаются облака. Как и тридцать лет назад, в уличных зарослях бойко перекликаются скворцы: звуки пропитаны светом, а воздух – весенней свежестью с привкусом солоноватого дымка.

Едины и вечны запахи яблоневого коры, мха, берёзовой пылицы и молодой крапивы, старых, почти истлевших досок и гашёной извести, вкраплённой в локуты окаменевшей глины между прутьями орешника, которые намертво прибиты к стенам бревенчатого сарая. Даже запахи прошлогоднего сена, печной сажи и ржавых листов железа на боковинах кроличьих клеток – всё это запахи моего детства...

Человек приходит на Землю чистым, непорочным, несмышлёным чадом, крохотной крупницей мироздания, такой же, как пылинка с вербной серёжки или песчинка на тропинке в лучах солнца – с блёстками, переливами, с неуловимыми гранями. Приходя, человек впитывает всё, что окружает его и вживляется в его смиренную душу.

С годами всё меркнет, превращается в молчаливый поток: изо дня в день слабеют птичьи голоса, тускнеет цвет апрельских нарциссов, замолкает сердце и вспыхивают ожившие камни – движением нашей памяти и любви, ощущением тленности и робкой попыткой продлить свою крохотную вечность, сжатую, сконцентрированную от безликих широт до узенькой полоски жизни, до микроскопических клеток и ядрышек нашего мозга – обречённого путника в нечеловеческом хаосе.

Наступает время оглянуться...

На весенней тропинке тепло, солнце, словно сигнальный огонь, прошло из сухого пригородного тростника и упало с другой стороны – на вершины цветущих берёз, по которым, навстречу новым ветрам, словно на длинной рыбацкой леске, рванулась и вернулась назад душа. Заметая бронзово-серебристой пылью вечерние крыши, звёзды пронзили своим пепельным взглядом наш мимолётный, по-детски прекрасный мир...

ПЕСЧАНЫЙ ГОРОД

Утренний пляж дышит приморской свежестью и сладко-пепельным дымком дальнего сухогруза. Набегая на мелкие угловатые камни, море выносит на берег тёмно-бурые водоросли и убитых штормом медуз. Их студенистые бледно-фиолетовые полусферы медленно, с каждым толчком умиротворённой волны, выползают на кромку суши, разлагаясь и засыхая.

Вдруг, словно из-под земли, за спиной появляется странный мальчик с лопаткой и ведёрком в руке. Не говоря ни слова, он закапывает в песок мёртвых медуз и садится на ещё прохладный валун. «А-а-а, это Лёша... – подхватывает подоспевший местный купальщик, ловя бодрым взглядом сполохи рассветного солнца. – Он сейчас домики из песка будет строить.»

На Лёше – серая просолённая морем майка и чёрные плавки, выцветший чуб свисает до бровей, оттопыренные уши и крючковатый нос торчат из его головы, словно сбежавшие из зоопарка пеликаны: они настолько велики, что их пропорции уже не портят лица, а придают его неправильному овалу милый вид.

Запуская смуглые руки в сырой песок, Лёша сдвигает огромные кучи, из которых медленно и осторожно вырастает целый город – с башнями и пирамидами. Тихие черноморские волны неохотно подступают к стенам города, словно боятся обидеть странного, больного мальчика. Проходит час, несколько часов, наступает вечер, а город – всё стоит и радуется Лёше, радуется меня и разомлевших хмельных туристов.

Вдруг, словно ветер, на пляж врывается компания шумной молодёжи, прыгает в море, поднимает волну, брызгает и смеётся, падая в остывающий песок. Город, построенный Лёшей, превращается в прах.

...Но снова и снова – изо дня в день – одержимый безумец возводит стены и фасады, и снова, и снова рушится всё – до основания. Лёша плачет, плачет порой настолько горько, что вслед за ним всхлипывают другие дети и окончательно захмелевшие туристы.

– Не грусти, – сказал ему однажды всё тот же знакомый утренний купальщик, – ты хороший, умный мальчик, умнее даже, чем президент Америки...

Закончился ещё один день. Звёзды вплавились в безлюдный пляж и потекли над миром, вращаясь в своём извечном полёте, словно брошенные по ветру фотографии. На одном из них плыли знакомые стены и фасады – в моей памяти, в моей душе, в невидимых фотонах, улетающих в небо. И как было бы здорово, если бы правители мира сего понимали, что вся наша планета хрупка и уязвима, словно песчаный город.

ОДУШЕВЛЕНИЕ НЕБЕС

После редких выюг и затяжных оттепелей, как медведица после спячки, бредёт весна, слизывая бледным языком рассвета остатки грязного света с лапы-улицы. Тяжёлыми, натужными стали вёсны, словно мысли депутата-неуча, и оголтелыми, точно политика Запада. Вёсны – вровень со временем, сродни хищническому истреблению и засорению природы, вёсны наравне со всемирным лицемерием. Когда потеплеет так, чтобы не брать с собой в дорогу плащ?..

Но есть души светлые, дерзновенные, честные, им никто не указ: ни депутат, ни американский солдат, что недавно бомбил Белград, а теперь убивает в Ираке детей.

– Петрович, – слышу с улицы, – ты зачем опять тротуар скребёшь?

– Чтобы чисто было...

– Так ведь чисто уже...

– Чтобы ещё чище, – отвечает Петрович, – чтобы мир чище стал.

У Петровича судьба не сахар, седая борода по грудь, лысина блестит на солнышке, из кармана торчит газета: из колледжа-академии его выдворили якобы по возрасту в конце девяностых. Не нужны тогда стали умники-правдоискатели, не ужившиеся с преступными манерами и новыми пустоголовыми начальниками.

– Нет теперь правды на Земле, – говорит Петрович, словно лопатой по сердцу рубит, – взбесилась она, земля наша, на небе тоже не всё в порядке – постоянная

конкуренция между добром и злом, слишком много мусора на небе. А нам бы надо небу помогать, одушевлять его своими поступками. Вот и скребу я, чтобы небо чище стало...

Вот и скребёт Петрович – без денег, без прибыли, потому скребёт, что на душе тошно. Уже всю улицу выскреб, а люди шепчутся, что он чокнулся. Где тут: умнее всех умных.

Бурая безрукавка на Петровиче, растоптанные сапоги оставляют следы непонятные, почти медвежьи, пот с косматых бровей катится, метла по тротуару хлещет. Ходит он, словно шатун, за одинокой весной-медведицей.

Глядя на Петровича, одушевляются небеса, очищаются от мусорных облаков и чёрных клубов нефтяного дыма.

ТУЧА

Читал статью, где критик объяснял, почему Гоголь сжёг второй том «Мёртвых душ», а утром горче старинной меди родник плеснул окисные блики в предрасветную траву, вода ворсинистой рукой-потоком по ноздреватому известняку. Кривой луч ударил в бронзовые щиты окон, залив рябиновым соком пригородные овраги и опалив рваный рубец каменистой реки ртутным пламенем. Роса проступила на ребристых спинах дряхлых гаражей и построек, а в глухом углу сарая, давясь и топоча, прогорланил петух. Начался июльский день, ничуть не отделимый от других летних дней, тяжёлых, тягучих, словно похмельная дума, и громоздких, словно черныбыльское эхо.

Неуютно, зябко, грустно... Тишина брызнула по воздуху из небесной кадки звоном в ушах, натянулась бельевой верёвкой-проволокой, нависла, натужилась, точно невеста-роженица; вздохнула, потекла, качнула бёдрами башен и колоколен; засверкала, причесав вербные косы и положив загорелые руки-лоскуты на стропила недостроенного храма; разжала медвяные губы-лепестки у околицы и, словно удила, закусила обочины дорог, вскинула голову, разметала по-змеиному зелёные кудри-волосы, махнула пыльной бязью сарафана – и зазвучала, понеслась. Шорох прокрался по сиреневым кустам, растрепал загровки сосен и чубы барбариса жилистыми пальцами-струнами, оборвал спелые капельки красной смородины и сыпал их за пазуху, в ребристую сорочку застиранной, почти дырявой тучи.

Сгорбилась туча, прыгая низко, над яблоневым садом и вишнёвыми кущами, подобно дикому вепрю; упёрлась свинцовыми бивнями в бугристую пашню, раздирая и полосуюя загородное поле чешуйчатыми перьями-плавниками: ни дождинки, ни молнии из неё не выпало, будто всё уже выпито, растрчено в поединке с земным светом, добрым замыслом. Рябины согнулись до земли, с прибрежных раakit посыпалась молодая листва... Но с улетевающей тучей, неожиданной, нездешней, смолкли и шум, и шорох, и свист, пыль легла на репейники; обходные пути – ложбины и впадины – в травяные пригоршни собрали пух, пропитали одежду горечью диких яблок.

– Неужели опять где-нибудь что-то бабахнуло?.. – слышу разговор старух у речной околицы.

– А сатана каждый день что-нибудь бабахает...

И душу охватили смятение, страх, по-пчелиному зароились мысли, словно поиному заговорил Гоголь: «О Русь, непостижимая, самовольная, своенравная туча, куда летишь ты, словно безголовая всадница?.. Куда несёт тебя невиданная сила?..»

ЗОЛОТЫЕ ИСКРЫ

Нет ничего ярче и возвышеннее, чем откровение, рождённое в минуты очищения души и прозрения ума, такого прозрения, когда душа, вылетая, словно бабочка,

одним крылом из тела, возвращается назад и приносит частичку Творца. С Его приходом открываются миры и являются иные формы существования, рождаются пророчества и, серебрясь космическим пеплом, зажигаются единственно верные пути.

Куда более удивительно откровение, пронизанное таинством погружения в прошлое, настоящее и будущее, где вертикальные восхождения и горизонтальные потоки психологической энергии переходят в материальную оболочку духовных, горних миров, а тело нарушает земные законы, побуждая нейроны вступать в контакт с информационным полем Солнечной системы.

Это сложно, слишком сложно... О таких способностях поэтам и творцам можно только мечтать, но нет ничего невозможного для страждущего, одержимого гения человеческой души: Господь ведёт людей разными дорогами, по силам, по умственным и душевным способностям...

Словно слайды, вспыхивают перед глазами былые картинки, былые эмоции возвращаются и закручивают душу в белую воронку событий; помню пронизанную светом голубовато-оранжевую осень с запахами опят и свежей акриловой краски на крышах окраины, с вымытыми дождём стёклами домов и грудями антоновских яблок на пожухлой траве.

В обрывках памяти из детства долетают образы ушедших близких, с их печалью и скорбями. Вот мой дед, лётчик-фронтовик, пьёт чай на залитой осенним светом кухне. Терпко пахнет керосиновая лампа, а на примусе, вырываясь из заваренного собачьего корма, пар хлопает сытными пузырьками. Вот бабушка рассказывает про немецкий концлагерь, вытирая скупые слёзы.

Возле сарая, любуясь яркой листвой и ворохом налитых нектаром яблок, живой, чёрный как сажа пёс Филя порывается на прохожих. Осенний день клонится к закату, высвечивая следы каблуков и копыт на уличной грунтовке, кусочки каких-то ржавых жестянок и отполированных до желтизны камней на тропинке вокруг дома.

Огромная бежево-красная луна выплывает из-за холма и, словно молот, бьёт по задымлённой земле через несколько часов; по городской окраине летят брызги танцующей листвы и золотые искры полыхающих звёзд, прожигающих душу. Всё повторяется вновь и вновь...

ПРОЗРЕНИЕ

Порой так трудно достучаться до истины, так же трудно, как почти невозможно случайно отыскать в грудях металлолома золотое кольцо с бриллиантами. Годы уходят на то, чтобы в мирской суете, в наслоениях лжи, бреда и лицемерия Творец заметил вдруг брезжащий свет, Божий промысел, тихое, едва уловимое откровение...

Вот и теперь: электричка, словно железная анаконда, вздыбилась на холме и, огибая склон, чёрной петлёй метнулась на испуганные берёзки; подобно ангелам, они вскинули белые крыла и бросили по ветру горстку искристого пепла.

Повернувшись лицом к окну и поправив седовато-русый локон, странная оборванная женщина, убаюкивающая на руках ребёнка, на миг пронзила карим взглядом январскую стужу. Шевельнувшись, малец ещё сильнее впился в её полуоголённую материнскую грудь.

Женщина не стыдилась ни меня, ни такого же, как она, странного одинокого старичка в чёрном плаще и линялой широкой шляпе. Во всём вагоне кроме нас никого не было, и лишь сквозь шипение пара, стук колёс и ртутный лязг летящего «металлолома» слышалось детское причмокивание.

Качнувшись на деревянном кресле и выпучив мёртвый вставной глаз сквозь мутноватое стекло очков, незнакомец неожиданно встрепенулся и убедительно изрёк:

– Женщины – будущее цивилизации!..

Поезд притормозил. Махнув полами чёрного плаща, незнакомец двинулся к выходу. Его фигура медленно растворилась в налетевшей тёплой метели, где-то на краю деревенского сада, а женщина, не отрывая глаз, всё смотрела и смотрела ему вслед, туда, где он исчез, где пропал навсегда, словно гость из иного мира; словно путник, потерявшийся во времени; словно стражник, на мгновение покинувший райские врата.

По её щеке катилась слеза, её бледная грудь касалась сонного личика улыбнувшегося ребёнка: женщина не торопилась прикрыться краем жиденького пальто. На секунду мне привиделось, что мир изменился, что всё будет именно так: люди опомнятся, перестанут враждовать и рвать друг друга на куски.... А над вагоном, над моим мимолётным прозрением по-доброму, долго-долго, где-то в небесах кружили белые рождественские ангелы.

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Сухие комья глинистой земли усыпаны лепестками роз. Лето в разгаре. Пахнет пивком, ракизовыми гнилушками и скошенной крапивой. На меже, широко раскинув длинные костлявые ноги, сидит местный чудак Василий. Он из тех, кого в советские времена бросали в кутузки за острый язык, а в армию запикивали только по большому благу в поликлинике и родственными связями в ЦК, но теперь... теперь он горемычный ветеран лукавой интернациональной войны и неподдельный объект язвительных, кусачих насмешек.

Из-под его выцветшего картуза завиваются русые кудри, словно густые проводки отрезанного кабеля в ворохе палёной пакли. Все его ровесники с местного околотка, особенно отвоевавшие, уже давно сгинули: кто отравился вином, а кто сгорая или сдуру рванул под вечер конопляную верёвку.

Попади Василий в науку – получил бы Шнобелевскую премию, ведь бывали уже такие случаи: это и респиратор, сооружаемый лёгким движением руки из нижнего женского белья, и механизм для сбора слизи от чихающих китов, и... Да бог с ним, ведь это у американцев, нам-то вроде бы и ни к чему... В общем, сидит наш герой в густой траве, любуется своим детищем, – гладкий, наполовину ошкуренный осиновый кол вбит в рыжеватую почву, за прогнившим тракторным ободом в конском щавеле.

На шесте, глотая западный «демократический» ветер с папиросным дымком и привкусом тимьяна, кружит деревянным винтом бирюзовый самолёт, творение Василия. Да и не самолёт вовсе, а доска с фанерной перекладной. Следуя методам многоуровневой иррациональной логики, другие шнобелевские лауреаты, археологи называют такие чудеса древнеиндийским ядерным оружием. Но у нас иная история...

Вокруг кучерявого добродушного чудака-«философа» собирается уличная ребятня, чтобы посудачить и отжечь очередную политическую остроту про «знатного изобретателя». Смотрят мальчишки то на Василия, то на жужжащий шест. Не решаются подходить, задумались.

– А что, дядя Василий, – осмелился один, – самолёт-то тебе для чего? Это твой виман, что ли?.. Ты ему, наверно, как папуас, молишься?..

– Это не самолёт вовсе и не виман! И не молюсь я ему!.. – бросая окурочек в пасущихся кур, картаво, обидчиво, но назидательно выпаливает чудак, одновременно смешно и серьёзно. – Это инновационное изобретение. Вот...

– Какое изобретение?.. – подхватывает ребятня, еле сдерживаясь от смешливых слёз и хватаясь за животы.

– Чтобы солнце ловить! – признаётся насупившийся Василий. – Дует от солнца ветер, а я его поймаю и вам раздам по чуть-чуть... И тебе, и тебе... А кол осиновый потому, что под нами, с другой стороны планеты – Америка...

– О-ой, ну ты и насмешил... – разлетается по улице заводной разноголосый смех, впиваясь в любопытные окна.

...Шурша клетчатými рубашками, мальчишки уходят по бугристой грунтовке, поднимая пыль. В лопухах, наедине с курами и самолётом, сидит задремавший Василий, с прищуром да гнутой потухшей папироской в узловатой мозолистой руке, опёртой на тёплую рыжеватую землю. Улица пахнет молодой зеленью, сырой извёсткой, разрытым залежавшимся перегноем и кисловато-медовым дымком, а над всем этим летит непойманный солнечный ветер, шальной и по-приятельски добронравный.

Письма из Италии

ВАЛЕНТИНА ПОРСЕДДА
Сардиния, Италия

ПОРТРЕТ ЮНОГО ГЕНИЯ Дмитрий Шостакович. Первая симфония

Несколько дней назад мы были на концерте в музыкальном театре г. Кальяри и слушали две симфонии: 7-ю симфонию - Людвига ван Бетховена, и 1-ю симфонию - Дмитрия Шостаковича, а также «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь» А.Бородина для хора и оркестра и Meeresstille und Gluchliche Fahrt для хора и оркестра Бетховена в исполнении оркестра и хора этого театра под управлением Х. Альбрехта...

Город Кальяри находится в часе езды на машине от нашего Сан-Вито. Мы сели в машину и поехали в Музыкальный театр.

Все, что мы слушали в этот вечер, нам очень понравилось. Впечатляющим было и высокопрофессиональное исполнение Meeresstille und Gluchliche Fahrt, и 7-й симфонии Бетховена. Слушая и видя (что тоже очень важно) все переплетения музыкальной ткани симфонии, так выразительно обозначенные в экспрессивных жестах дирижера, мы воочию наблюдали, как на наших глазах было возведено грандиозное музыкально-архитектурное сооружение, поражающее воображение и своим величием, и сложной гармоничностью, и многофункциональностью своих форм. И хотя эта симфония была и раньше мне известна, но после этого прослушивания хочется снова вернуться к этой музыке, чтобы лучше «разглядеть» все её детали, их «назначение».

А вот «Половецким пляскам» А.Бородина в интерпретации Х.Альбрехта, на мой взгляд, недоставало «дикости». Слишком академическое, «причёсанное» исполнение лишило произведение того простора и вольности, а в некоторых местах, и исступлённости танца, присущих музыке А.Бородина.

Но самым потрясающим было впечатление от 7-й симфонии Д.Шостаковича. Никогда раньше её не слушала, и она стала необыкновенным открытием для меня. Все мои чувства были потрясены, а в конце её я просто не удержалась от слёз...

После такого концерта мы ещё раз убедились, что никакая запись не может заменить живое исполнение не только по силе и многоплановости восприятия, но и...по факту нашего личного участия в этом исполнении как слушателей и как соиздателей новой жизни музыкального произведения.

Когда мы возвращались домой, то, как обычно, говорили о только что прослушанной музыке. Мой муж, который вёл в это время машину, спросил меня: «Поче-

му ты плакала? Чем поразила тебя эта музыка? О чём она, по-твоему?» Я ответила: «Это – русская музыка. Она русская и по своему стилю, и по особой одухотворённости, присущей ей. А ещё потому, что она рассказывает русскую историю – страдание русской души в новой реальности начала 20-го века, гениально отражённое соединённым с этой народной душой молодым Дмитрием Шостаковичем. (Ему ещё не исполнилось 19 лет, когда он закончил симфонию в 1925 году: это была его дипломная работа по классу композиции в Петроградской консерватории. Все эти факты я узнала, вернувшись домой и посмотрев статью в Интернете. Я специально не захотела ничего узнавать о ней до прослушивания, чтобы не замутнить возникающие образы полученной заранее информацией).

А пока мы ехали в машине, я говорила с большим волнением, едва сдерживая слёзы, вновь переживая потрясение от сильных музыкальных образов только что услышанной симфонии. Мне представлялся молодой человек, вышедший в открывшийся перед ним мир взрослой жизни и вглядывающийся в него с надеждой, волнением и неясным тревожным предчувствием. В этой музыке есть сильный образ искренней доверчивой открытости миру, который появляется уже в первой части симфонии. Порой музыкальные образы – такие яркие, очевидные, что, кажется, можно составлять каталог образов: вот эта тема – надежда, эта – нежность и любовь, эта – радость наступающей весны (вся гамма чувств молодой чистой души), это – страх, а это – колокол, упавший с жалобным стоном с разрушенной колокольни, и даже в резких частых ударах барабана так отчётливо слышится пулеметная очередь...

Я была потрясена искренностью и прозрачностью музыки симфонии, так легко отзывающейся в моём сердце. В этой почти невероятной, чудесной способности воображения композитора создавать лаконично точные и выразительные музыкальные эквиваленты собственных чувств и реальностей окружающего мира и состоит его гениальность...

Светлые образы сталкиваются со зловещими образами неумолимой жестокой действительности разрушения (она звучит уже в главной теме в первой части). Преодолевая страх, молодая душа гения пытается противостоять ей и вступает в борьбу, обрекая себя на страдания... Я плакала, потому что почувствовала глубину этого возвышенного страдания...

Мы ехали в машине, окружённые темно-синим бархатом ночного неба, на котором уже появился молодой месяц. Он улёгся на дымчато-прозрачном облаке и улыбался нам своей жемчужно-серебристой улыбкой. Следуя за поворотами дороги, он появлялся то слева от машины, то справа, как бы играя с нами, весело напевая: «Привет, друзья, привет!». Он знал, что несмотря на слёзы на глазах, в наших сердцах было и огромное счастье соединённости с величием жизни, и радость от встречи с большим Мастером, от прикосновения к его живой юной душе... Мы возвращались домой...

1.03.2016 г.

ПОЭТ ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

(мимолётный взгляд читателя)

О, вы, напоминающие о Господе!
не умолкайте.

Исайя:62,6

Невозможно рассказать о поэзии Юрия Кублановского, не говоря о России, о её трагичной судьбе. Она присутствует в его стихах, как их главная тема, как вдохновительница, как мечта, как постоянная боль, как живая трепещущая душа:

Россия, ты моя!

*И дождь сродни потопу,
и ветер, в октябре сжигающий листья...
В завшивленный барак, в распутную Европу
мы унесём мечту о том, какая ты.*

*Чужим не понятна. Оболгана своими
в чреде глухих годин.
Как солнце плавкое в закатном смуглом дыме
бурьяна и руин,
вот-вот погаснешь ты.*

*И кто тогда поверит
слезам твоих кликуш?
Слепые, как кроты, наощупь выйдут в двери
останки наших душ.*

*...Россия, это ты
на папертях кричала,
когда из алтарей сынов везли в Кресты.
В края, куда звезда лучом не доставала,
они ушли с мечтой о том, какая ты.*

1978.

При первом же знакомстве со стихами Юрия Кублановского поражает то, что за каждым поворотом мысли и чувства встречаешь всегда одно – огромную любовь к России, которая всякий раз заставляет замирать сердце от восхищения, боли, нежности. В этом смысле Кублановский является наследником той великой любви к России и веры в её будущее, которое несколько поколений русских людей пронесли через всю свою жизнь, о чем ещё в 1918 году Георгий Федотов написал пылающие огнём строки в своей статье «Лицо России»: «У всякого народа есть родина. Но только у нас – Россия... Мы даём обет жить для её воскресения, слить с её образом все самые священные для нас идеалы. Пусть для других звучат насмешкой слова о её славе. Пусть озлобленные и малoverы ругаются над Россией, как над страной без будущего, без чести и самосознания. Мы знаем, мы помним. Она была великая Россия. И она будет. Но народ, в ужасных и непонятных ему страданиях, потерял память о России – о самом себе. Сейчас она живёт в нас, немногих. В нас должно совершиться рождение будущей великой России. Найти в себе силы делать всё, что потребует от нас спасение России. Как бы тяжело это ни было... Но от падения в омут грязи и крови, от омертвения в языческом мире интересов и страстей будет нас спасать всегда хранимое, всегда любимое – небесная путеводительница – лицо России» (Свободные голоса, №1, апрель 1918, СПб). Так же, почти как клятва, звучит стихотворение Ю. Кублановского «Систола – сжатие полунапрасное»:

* * *

И.Б.

*Систола – сжатие полунапрасное
Гонит из красного красное в красное.
...Словно шинель на шелку,
Льнёт, простужая, имперское – к женскому
Около Спаса, что к Преображенскому
так и приписан полку.*

*Мы ль предадим наши ночи болотные,
склепы гранитные, гульбища ротные,
плацы, где сякнут ветра,
понову копоть вдыхая угарную,
мы ль не помянем сухую столярную
стружку владыки Петра?*

*Мы ль... Но забудь эту присказку мыльную.
Ты ль позабудешь про сторону тыльную
дерева, где вороньё?
Нам умирать на Васильевской линии!
– отогревая тряпницами в инее
певчее зеву своё!*

*Ведь не тобою ли прямо обещаны
были асфальта сетчатые треицины,
переведённые с карт?
Но воевавший за слово сипатое
вновь подниму я лицо бородатое
на посрамлённый штандарт.*

*Белое – это полосы под кольцами,
это когда пацаны добровольцами,
это когда никого
нет пред открытыми Богу божницами,
ибо все белые с белыми лицами
за спину стали Его.*

*Синее – это когда пригнетаются
Беженцы к берегу, бредят и маятся
у византийских камней,
годных ещё на могильник Галлиполи,
синее – наше, а птицы мы, рыбы ли
это не важно, ей-ей.*

*Друг, я спрошу тебя самое главное:
ежели прежнее всё – неисправное,
что же нас ждёт впереди?
Скажешь, мол, дело известное, ясное.
Красное – это из красного в красное
в стынувшей честно груди.
1986.*

Любовь Юрия Кублановского к России основана на глубоком религиозном чувстве, и это делает особенно значительной всю его поэзию. Судьба России понята Ю.Кублановским как собственная религиозная проблема и как личная творческая задача и судьба:

*...С приходом над дремным простором,
где в детстве крестили тебя,
и тамошним аввою в створах
таинственного алтаря,*

*землѣй обескровленной нашей,
со льдом иссякающих рек
– мы связаны общею чашей
и общей просфорой навек.*

Это – самое потрясающее в творческом облике Юрия Кублановского. Он как бы сделал собственное своё сердце алтарём для служения России и несёт непрестанную, постоянную службу любви. Ему прислуживают только вера и надежда. Они то громко заявляют о себе, то говорят тихими ровными голосами, иногда, кажется, совсем умолкают, но любовь никогда не перестаёт. Его любовь глубока, чиста, постоянна, ревниво оберегаема от посторонних влияний. Целомудренна. Как ни странно это определение звучит в отношении поэта, но никак иначе не могу назвать ту особенную чистоту чувства, которым окрашено каждое упоминание о России. Возвышенная красота этой жертвенной любви заставляет сердце благоговеть перед нею...

Юрием Кублановским пройден сложный путь в поэзии, и уже сейчас можно и стилистически, и географически, и хронологически выделить три периода в его творчестве: до эмиграции, эмиграция и уже начавшийся новый, послеэмигрантский период, представленный прекрасными стихами: «Под снегом тусклым, скудным», «В Отечестве перед распадом», «Признаешь ли, Отечество, сына» ...

Каждый из этих этапов творчества нуждается в серьёзном исследовании, я же хочу высказать лишь некоторые соображения.

Кажется, что всё, написанное Ю. Кублановским в эмиграции, можно уподобить музыке в форме рондо. В ней главная постоянно повторяющаяся тема-рефрен, тема России перемежается многочисленными и разнообразными эпизодами: появляются альпийские пейзажи, красиво выписанные в разное время дня и года, «зелёная в вешнем цвету, холодная и осыпная на ярко-свинцовом свете» Англия сменяется Францией. Мелькают, как в калейдоскопе, европейские города – Венеция, Париж, Рим, Люцерн. Новая архитектура, новая растительность (вместо пижмы и репейника – жимолость, вместо ивы – каштан) и – новый язык. Стихи становятся сложнее, но они по-прежнему красивы. Особенно, стихотворение «Венеция. Начинает смеркаться». Оно просто переворачивает всю душу значительностью и глубиной чувств и какой-то небывалой красотой, оставляя впечатление личного присутствия в этом городе, и всё стихотворение читается как воспоминание своего собственного давнего сна. Очень трудно удержаться, чтобы не процитировать из него хотя бы фрагменты:

1.

*У зелёной воды
Затопившего крипты канала
Гребешки лебеды.
Из кирпичных руин арсенала
В пышный ордерный лаз,
обнаруженный лет через триста,
вышел прямо на нас
лев – и окаменел мускулисто.*

*О, Венеция! Вслед
лижут волны твои променады
и мерцают с пьестетт
из наборного камня фасады.*

*Андрогинна до слёз,
вся прозрачна, крылата, когтиста
– византийский форпост
под эгидою евангелиста.*

Март 1988.

Тема России не просто повторяется: многие стихи посвящены ей («Покров в Печорах»), «Купина палимая», «Памяти алапаевских узников», «Мальчиком суриковским», «Чёрный день», «Земля», «Птица», «С доверием к географии», «Сюга на север» и др.), но она «проступает» сквозь европейские пейзажи то гребешками лебеды, то сурепкой, придавая им особенный российский колорит, то просто вплетается в темы-эпизоды («Напряжённая голубизна», «Ивы»), то звучит контрапунктом к ним, как, например, в стихотворении «Шиповник помёрз и пожух». Эти четыре написанных парами стихотворения (если считать и вариацию), – очень красивы композиционно. Они построены по законам музыкальной композиции, так как только в музыке возможно одновременное развитие двух планов действия, как в этом стихотворении: на фоне красивого альпийского пейзажа (к церкви на холме под звуки благовеста спешит, укрывшись зонтом, инок и входит в церковь), написанного прозрачно, как бы размытого, – громкий вопль страдающего и тоскующего сердца. Это потрясает до глубины души, до слёз. Именно в сопоставлении. И хотя оба «действия» в стихотворении развиваются постепенно и чередуясь, в целом они воспринимаются как одновременные и непрерывные, а всё стихотворение – как музыкальная композиция, не зря у него есть вариация. По ассоциации вспоминается «Ностальгия» Тарковского, кадры, когда Горчаков приезжает в гостиницу и ведёт разговор с хозяйкой; его бесцветные вялые ответы звучат за кадром, а в это время на экране – заброшенная деревушка, какие-то люди, и всё погружено в атмосферу задумчивой печали. На экране ничего не происходит, но эта картина «кричит», а голосов, которые раздаются за кадром, просто «не слышно». И в том, и в другом случае – пример блестяще найденного решения для выражения сложного психологического явления. Но если для кинематографа такой приём логичен, не нов, то в литературе мне не приходилось встречать ничего подобного.

Надо сказать, что стихи Ю.Кублановского не просты для понимания. Одна из причин этого, как он сам однажды выразился в отношении поэзии И.Бродского, – в высокой «концентрированности лирической речи», что справедливо и в отношении его собственных стихов. Чтобы их понять, чтобы войти в этот мир, необходима не просто внимательная сосредоточенность, но и какое-то особое сердечное усилие. А ещё... вдохновение. Да, именно так. Есть что-то чудесное в том, как в какой-то удивительный момент они вдруг раскрываются перед вами, как будто сами («слышишь, когда не ждёшь»). Повторное прочтение требует такого же внутреннего напряжения, как и предыдущее, и даже стихи, которые знаешь наизусть, в которых известен каждый поворот мысли и чувства, нельзя прочесть, как бы качаясь на качелях: то есть нельзя прочесть, вспомнив одну строчку, а дальше само стихотворение без твоего усилия, как на качелях, раскачивает тебя, унося в своём собственном ритме то вверх, то вниз. Прочтение стихов Ю.Кублановского требует постоянного присутствия духа. Но это духовное усилие всегда вознаграждается, потому что каждое новое стихотворение Ю. Кублановского – это новое поэтическое событие, переживание удивительных впечатлений. Трудно читать эти стихи вслух по памяти. Всегда требуется видеть стихотворение глазами. Это усиливает ощущение тет-а-тет с поэзией, которое особенно важно для понимания стихов Юрия Кублановского.

...Эстетика его стихов парадоксальна. В них нет никакой намеренной красоты, ничего специально улаждающего слух и зрение, ничего расслабляющего и развлекающего, и тем не менее вас не покидает ощущение красоты. В его очень богатом и разнообразном лексиконе много старых слов (персть, выя, зане, глаголь, хляби, брашно и т.п.); и эти праздничные, торжественные, несколько громоздкие слова соседствуют с разговорной обыденной лексикой, иногда даже пониженного тона. Казалось бы, трудно сочетаемое единство, оставляет неожиданное впечатление эстетически гармоничного, даже изящного. «Эти горбыли (по собственному выражению Ю.Кублановского), писанные точно бороною, шедшей под углом», кажутся изысканно прекрасными, оставляют впечатление утончённой красоты.

Такое же парадоксальное впечатление пришлось испытать мне когда-то, глядя на репродукции Леонарда Туржанского. Эти его лошадки, курочки, неприятельные деревенские пейзажи, где нет людей, оставляют впечатление такое же, как какая-нибудь салонная живопись. Виртуозный живописный артистизм Л.Туржанского превращает припорошенный снегом клоч соломы в изящный натюрморт. Смотришь на старую со спутанной гривой лошадь возле изгороди, а впечатление такое, будто видишь светскую красавицу в роскошном вечернем туалете, украшенную сверкающими бриллиантами, то есть, помимо всего прочего, испытываешь и эстетический восторг, несмотря на форму, которая не считается утончённой в общепринятом смысле.

В стихах Ю. Кублановского красота – внутренне присущее им свойство как следствие правды и значительности чувств и впечатлений. Всегда лирически окрашенные, преображенные со свойственным ему артистизмом и безукоризненным поэтическим вкусом, его стихи – потрясаяще красивы («красота – символ правды», как сказал однажды Андрей Тарковский о такого рода красоте).

Напряжённая жизнь духа делает стихи Ю. Кублановского объёмными. Они обладают глубоким и очень сложным внутренним пространством. Очень характерные для Ю. Кублановского многоточия перед последней или предпоследней строфой – не просто приём, а знаки, указывающие на глубину окружающего пространства стиха. Оно – пугающе глубоко. С этим связано удивительное их свойство – неразгаданность и таинственность. В них есть что-то всегда волнующее. Какая-то вопросительность, если можно так сказать, даже хорошо известные стихи влекут к себе как что-то до конца непонятное. Они не исчерпывают себя, в них всегда остаётся «призрачный остаток», который никак «до конца не даётся в руки». Стихотворение при каждом новом прочтении открывает свои новые глубины, новые сферы своего внутреннего пространства. Об этом очень трудно говорить: трудно найти слова для этих впечатлений. Это – самые таинственные стихи, которые мне приходилось читать. Они – открыты, как бы не завершены, они – живые. И может быть, самое удивительное их свойство – это то, что они побуждают к творчеству, и свидетельство тому – вот эти мои заметки: раньше мне не приходилось писать ничего подобного.

...Как неисповедим путь слова человеческого и как велика его власть над сердцами! И хоть говорил Ф. Тютчев: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», все-таки существует милость Божия к поэтам на этой земле, утешительная и целительная («цельбоносная», как сказал бы Ю. Кублановский) – им дано знать свою судьбу, характер своего призвания и свой путь. Каждый большой поэт знает себе цену, и это понимание часто выражается в стихах, которые можно было бы назвать «автопортреты». Для Лермонтова, например, это – «Парус» и «Выхожу один я на дорогу», для Высоцкого – «Я не люблю»; для Ю. Кублановского – «Судьба стиха – миродержавная». В нём – и метафизика поэта, и его творческий метод, и сознание своей особой миссии в формировании обновлённой живой души России.

И когда «смотришь» на этот «автопортрет», то видишь, что судьба поэта (или стиха) – вплетена в судьбу России и связана с нею, как снежинки – «с вьюгою разногласия», и как бы хрупким ни казался стих («хотя его столбец и краток»), именно на нём и держится мир и принимает тот облик, который видится поэту в его напряжённом, жаждущем невозможного, всматривании в образ этого мира.

СУДЬБА СТИХА МИРОДЕРЖАВНАЯ

*Судьба стиха миродержавная,
хотя его столбец и краток,
коль в тайное – помимо явного
заложен призрачный остаток.*

*Нерукотворное содеется
и до конца не дастся в руки,
спасётся не уразумееется
ни встреченное, ни в разлуке.*

*Казалось бы, давно за скобками
судьбы – Отечество и вера
в орла с змеиными головками,
как всякая земная мера,*

31 декабря 1987

... Наверное, у каждого большого поэта есть стихотворение, обращенное к неведомому читателю, стихотворение – просьба, вопрос, робкая надежда, вызванная к жизни верой в утешительное встречное понимание и оправдание одинокого и трудного пути поэта. Помните, у Марины Цветаевой:

*К вам всем – что мне, ни в чём не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.*

Как страстно хотела она быть понятой и любимой кем бы то ни было.

Подобное стихотворение есть и у Ю. Кублановского. Вот оно:

*Сын, мужавший – за семью замками
От моих речей.
всё равно когда-нибудь глазами,
честный книгочей,
пробежишь, хоть по диагонали
эти горбыли –
жидкие парижские скрижали
бати на мели,
писанные точно бороною,
шедшей под углом,
кто там вспомнит – под какой звездою
за каким столом...*

13.10.83

Как много в мире таинственно-прекрасного! И тайна понимания поэта и читателя – в этом ряду. Но для каждого из них эта тайна существует по-разному: для поэта в ней – ожидание ответного движения души как подарка, как благодати; для читателя же в ней – обещание радостной встречи. Но есть и этическая сторона этой

тайны. Именно она доминирует, когда речь идёт о Юрии Кублановском. Поэзия Ю.Кублановского – поэзия огромной нравственной силы. Она преимущественно и, в первую очередь, затрагивает нравственные и религиозные чувства. Её убедительность и сила – в тождестве личной и поэтической судьбы Юрия Кублановского. И это пробуждает в читателе чувство ответственности перед этим словом. В конечном итоге, это ответственность перед общей связующей их Истиной, которая обретается любовью и трудом.

1993 – 2016 год

ВАЛЕНТИНА ПОРСЕДДА

СТАРУШКА

Она шла медленно, слегка сутулясь. Её кроликовая шуба, несколько великоватая (а может, она сама сменила размер?), старинного, ещё елизаветинского, покроя, выцветшая под холодными лучами двух десятков зим, поистёртая в лифтах, на вешалках в прихожей, полинявшая не один раз за время своего загробного существования, напоминала шубу от какого-нибудь доисторического, первобытного кутюрье.

Брюки, условно назовём их так (да не буду я называть их так! назову – кальсоны!), едва доходили до лодыжек, обнажая светло-серо-жёлтые то ли носки, то ли колготы, то ли ещё что. Как следствие, загадочного фасона обувь – кроссовки? Полусапожки? – выглядели беспомощными, жившими сами по себе маленькими пушистыми существами – белка? енот? скорее, енот. При каждом шаге зверьки поворачивали друг к другу мордочки – она немного косолапила – и, успевая что-то быстро шепнуть соседке, вновь расставались – иди, иди, потом скажу...

Обгоняя её по узкой, в полтора шага шириной, снежной тропинке, Прочев успел разглядеть редкие пряди волос седой охры (ну придумай что-нибудь попроще!), небрежно торчащие из-под съехавшего на затылок деревянного, как ему показалось, платка. Искусство морщин на щеках, острый нос, полумесяц губ – таких же бледных, почти прозрачных, как их реальное воплощение в тёплую, туманом занавешенную, зимнюю ночь.

Провалившись одной ногой в миниатюрный сугроб с краю тропинки, Прочев, недовольно морщась, обогнал её. Он потопал ногами, чтобы стряхнуть снег, прошёл ещё пару шагов и тут услышал:

– Сантиметров на сорок...

Прочев в пол-оборота оглянулся, мельком увидел ясные, искрящиеся глаза старушки и пошёл дальше. Не пройдя и пяти метров, он вдруг остановился, как вкопанный, не в силах обернуться и не в состоянии уже двигаться дальше. Он слышал только шорох двух зверьков, которые уже почти упёрлись к его ногам и от предчувствия их возможного прикосновения дрожь пробежала по телу Прочева.

– Сантиметров на сорок...

Старушка стояла сзади, вплотную к нему. Её голос – дремучий, ворожащий, аккуратно-манящий и вместе с тем ироничный – выдул сквозняком всю волю. Не в состоянии повернуться, произнести слово, трясаясь всем телом, Прочев всё понял.

- Вы кто? – не оборачиваясь, механическим, отвратительным голосом произнёс он.
- Кто наблюдает ветер, тому не сеять, и кто смотрит на облака, тому не жать.

Стало душно, лес вокруг утратил равновесие, по небу пробежал электрический разряд. Прочев обернулся.

Острый взгляд полоснул его лезвием наотмашь, от левой брови, через нос и, царапнув щёку, почти у самой мочки уха, по инерции скользнул за правое плечо. Прочев опустил глаза.

- Откуда вы знаете? – он не узнавал свой голос.
- Неважно...
- Но ведь это бред...
- Конечно, бред. Есть Отец и есть Сын. И есть Дух Святой как связующая нить, как Идея, объединяющая Братство. Как святыня, как знамя полка. «Вперёд, к победе коммунизма», – помнишь?
- Да, помню...
- Можно оскорбить коммуниста, но оскорбить идею нельзя... сам знаешь, что за это полагалось...

Духовное братство Богов, Царство Небесное также живёт Идеей – вперёд, к победе любви и добра. Это – вектор, цель. Это самое светлое и трепетное чувство. Это – Мечта Бога. Мечту нельзя оскорблять и хулить. Поэтому любой грех простится человеку, а хула на Духа Святого, на Мечту не простятся.

- Но традиция говорит о Духе как о личности... – Прочев посмотрел в лицо старушки.

В этот момент картинка перед ним застыла – старушка, лес, тропинка, снег, пролетавшая в этот миг птица за её спиной волшебным образом стали вдруг кадром диафильма – старым, коричнево-зелёным, поцарапанным кусочком пластмассы. Внизу даже виднелись титры в форме диалога, но Прочев не успел прочитать – кадр сменился. Кто-то крутил ручку проектора, и изображения старушки стали меняться – она молодела. Шуба исчезла, платок вспорхнул с головы, как дикий лебедь. Новый кадр. Лицо, волосы, вся фигура меняли свой возраст, с каждым поворотом колёсика сбрасывая с плеч лет десять-пятнадцать, пока не обрели очертания молодой, красивой девушки в белой тунике, подпоясанной в талии золотой, шёлковой тесьмой. Реальность вернулась так же неожиданно, как и пропала всего мигу назад. Последний слайд стал плавиться, расплываясь радужными узорами от центра к краям, будто кто-то поднёс к нему горящую спичку, исчез окончательно и перед Прочевым стояла живая, очаровательная девушка с овальными глазами и тихой улыбкой. В её зрачках Прочев увидел облака и ветер, аллею стройных кипарисов и причудливых птиц на ветвях, похожих на большие изумрудные снежинки.

- Когда Христос изгонял бесов Духом Святым никакой личности рядом не было, – голос девушки янтарными гусями звенел сверху, вокруг, везде. – Он изгонял их с помощью мысли, несущей в себе приказ совершить то или иное действие. Бесы или злые духи – те же ангелы, падшие ангелы. Но ангел есть создание Бога – робот, машина. И им можно управлять, как можно управлять компьютером, например. Ангел подвластен воле Бога, поэтому, когда Христос приказывал бесу оставить человека, бес выполнял приказание...

- Да, согласен... Но Христос дальше говорит: если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царство Божие. Как это понимать?

Прочев и девушка стояли в центре Римского форума, у одной из колонн храма Сатурна. За ними белела лепная статуэтка Триумфальной арки Септимия Севера. На Прочеве была белая, льняная аболла – двойной плащ по колено, с бронзовой застёжкой на плече. Когда-то аболлу носили военные, но потом её стали называть «плащом философов».

– Христос в случаях изгнания бесов или в случаях исцеления больного, а также при воскрешении человека использовал технологии Царства Небесного, технологии высокоразвитой цивилизации. Мысль материальна и с её помощью можно проникнуть в определённый участок мозга человека и внести нужные коррективы. Бесы также могут проникать в сознание человека и настраивать сознание на определённую волну – волну порока, скажем так.

Так вот. Христос своей мыслью, несущей волну любви вытесняет волну порока, приказывает бесу отменить настройки и бес оставляет человека.

А главное – если Божественные технологии применяются на земле, по отношению к земному человеку, значит действительно достигло вас Царство Божие.

Прочев взглянул на девушку, но она исчезла. Пред ним была форумная площадь – жаркая, душная рыночная площадь с многочисленными торговцами, лошадьми, повозками. Справа, недалеко от него велось собрание: толпа окружала оратора, который с достоинством окультуренного хама нёс в массы «разумное, доброе, вечное».

Для детей

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

СМОТРЮ В ОКНО

Смотрю в окно на берёзу. Она такая большая, красивая – выше нашего четвёртого этажа, достаёт уже до седьмого. И вся одета в золото осени, уже октябрь, дело к тому, чтобы сбросить листву. Но пока берёза стоит, как царица, в золотых своих одеяниях. Подхожу к окну и смотрю на неё, так мне нравится видеть её ещё не опавшей, пышной, сказочно разодетой...

И вижу, кто-то смотрит на меня оттуда, с берёзы, сюда в распахнутое окно. Ну кто же ещё? Сорока. Сорока-белобока. Любит прилетать сюда именно, на эту берёзу, которую когда-то мой папа посадил под нашим окном, давно уже, когда мы тут получили квартиру.

– Сорока, – говорю я ей, – почему ты белобока?

А она глазами кругленькими такими, стеклянными насмешливо упрётся в меня и хвостом дёргает.

– Тыррр-тыррр, – отвечает она. – Тебе-то какое дело?

Так вот мы с сорокой и разговариваем, когда никого дома нет, не с кем поговорить. А если надо с папой поговорить, так я телефончик свой достаю и с папой разговариваю, когда он где-то тут в Орле, бродит по городу или когда в Малоархангельске. Пишет что-то или на огороде работает. Мобильник у меня французский, называется «Алкатель», в ярком трёхцветном футляре цвета нашего национального флага. Мы купили этот футлярчик накануне Олимпийских игр в Сочи.

Любит смотреть на трёхцветный «Алкатель» сорока-белобока даже больше, чем на меня. Говорят, примечают сороки всё блестящее, яркое и таскают к себе в гнездо. Даже произведение такое есть «Сорока-воровка», кажется, у писателя Герцена.

– Слышь, – говорю, – сорока? У Герцена ты описана. А это у нас тут рядом, за речкой, улица существует такая, носит имя писателя.

– Тыр-тыррр, – отвечает сорока, – ну, и что? Вот если бы улица была про меня, про сороку-белобоку.

– Много чести, – говорю я, – чтобы улицу твоим именем называть. Не почётный гражданин города, не заслуженный строитель Орла.

И тут кто-то в дверь позвонил. Я, конечно, к двери туда из лоджии. Открывать надо: папа с мамой пришли. Папа насущного хлеба принёс, а мамочка, как коза – дереза, принесла в пакете молока масловского. Завтра будет овсяную кашу варить. Говорят, овсяную кашу едят англичане. А они мозги себе кашей чистят, полмиру прочистили, на ноги поставили. Я, конечно, этому не верю, но кашу овсяную ем. И не только с утра.

Голову себе я этим забил – разговором с папой и мамой. Да всё рассматривал на кухне, что они там купили, принесли из магазина. И совсем забыл про старушку, сороку – белобоку, с которой только что разговаривал. Возвращаюсь в лоджию, а старушки – то нет. Улетела по внукам, по своим неотложным делам. По городу она не мотается, а только по своему околотку, по кварталу нашему. А он у нас большой, как микрорайон, – девятиэтажниками обставлен. В одну сторону до дороги с движением – улица Горького, в другую – до улицы с ещё большим движением – улица 60 лет Октября.

Значит, вернулся я в лоджию – окно настезь, старушки нет, мобильника нет. «Куда же это я его определил? – думаю. – Совсем, что ли, заплосал, память отшибло?»

Нет телефона, и всё. Как же это без телефона? Просто жить нельзя без телефона. В Москве даже мэр города детям раздаёт телефончики, на шею им вешает, чтобы они были как на привязи у родителей. Как японцы у власти, чтобы никуда не девались.

– Мама, – зову я свою палочку – выручалочку, – куда я дел телефон, не знаешь?

– Не знаю.

– Папа, а ты? Знаешь, куда я дел свой мобильник?

– Поищи, – говорит мама.

– Всё уже перерыл, – расстроился я. – Нет ни в кармане, ни даже в ящике.

– А ты поищи телефон с помощью телефона, – советует мама. – Из моего звони.

Она у нас умная, догадливая на всякие такие дела. От неё чаще всего исходят дельные советы.

– Можешь и с моего позвонить, – всерьёз обеспокоился папа. – Мой телефон берёт лучше мамино, мой более совершенный.

И давай я названивать, и давай. То с мамино телефона, то с папиного. То с папиного, то с мамино. Глухо, как в подвале на даче у нас в Малоархангельске.

– Мамочка, не берёт что-то ни твой телефон, ни даже папин, более совершенный, – уже чуть не плачу я.

– Ничего, ничего, – подбадривает мама. – Утро вечера мудренее. Как –нибудь твой «Алкатель» сам найдётся.

Дня через три пошла она на рынок (он у нас Рынок Выходного Дня называется), возвращается и говорит, пожимая плечами:

– Что это? Чудо какое – то, что ли, мне примерещилось. Иду мимо вон той берёзы, – показывает она в кухонное окно. – Вон та берёза, видишь?.. Иду мимо, и вроде бы мобильник где-то близко звонит. Прислушалась – вроде бы твой.

– Ой, мамочка? – аж подпрыгиваю я от радости. – Это же я звонил тут, а туда к тебе попадало.

– Смотрю вокруг, – говорит она, – ничего. Кроме листвы под берёзой. Покопалась в листве – ничего подобного...

– Ну, пошли, пошли с тобой, – беру маму я за руку. – Может, скорее вместе найдём?

Прошли полдвора, подошли к берёзе, стали вдвоём смотреть, копаться в опавшей листве – ничего, ничегошеньки.

– Папа, – вернулись домой мы. – Глухо, ничего не нашли.

Папа глянул в кухонное окно, пригляделся к берёзе, под которой мы только что копались, шевелили листву и говорит:

– Ну-ка, ну-ка, что видишь, браток, на берёзе?

– Гнездо сорочье. Не было, а сейчас есть.

– Не было? А сейчас есть? Листья упали, дерево обнажилось...

– Вот что! Дуй-ка швыдче туда к берёзе, а я тут из своего, более совершенного позвоню, лады?

– Лады, – и пулей я туда под ту, другую берёзу.

Стою под берёзой, а она там, наверху, голосом «Алкателя» моего звонит, вот названивает. Прибегаю домой и в лоджию, к распахнутому окну. А там сорока-белобока сидит на этой берёзе и в меня уставилась насмешливым взглядом.

– Сорока – воронка! – кричу я ей. – Скоро все мобильники с нашего квартала постащипь в гнездо к себе.

– Тыр, – тыррр! – кричит сорока – белобока. – Не стащу, это я только у тебя. У тебя одного он такой, яркий, трёхцветный.

На другой день приехала машина с длинной штуковиной, которая достаёт до самого верха столбов, что на нашей улице 8 Марта, со светодиодным освещением. Попросили мы ребят, которые там работали, чтобы они машину на момент к нам во двор перегнали к берёзе той, на которой сорочье гнездо.

Выручили ребята. Достали мой французский «Алкатель» из гнезда. Вот смеялись, как это сорока по-французски со мной свысока разговаривала.

Вот такая с моим мобильником получилась история.

СЛИВА - ЧУДО

Расскажу историю о чуде – дереве в нашем саду, о сливе. У нас много слив, они растут от косточек всюду, их приходится удалять, чтобы они не засоряли сад. В основном это деревья с тёмными плодами, называются они чернослив: ягоды сладкие, средней величины, но в них не отделяется косточка, их трудно перерабатывать и даже неудобно есть. Другой сорт слив – тёмно-лиловые, с красноватым оттенком, с отделяющейся косточкой, хороши, но растут они на улице, под окном. Мы не раз пытались затащить их в сад, рассаживая косточками и черенками – никакого результата, косточки не всходят, кустики превращаются в колючки.

И вот решили мы купить сливу. На рынке молодой парень продавал саженцы из питомника: расхваливал их, говорил, что сливы и сладкие, и крупные, и косточка отделяется, и урожай начнут давать через пару лет. Купили мы крупный саженец не задёшево, посадили на хорошем месте, стали ждать. Год проходит – слива растёт; второй год – слива становится большой, ствол крепкий, ровный. Радует. Проходит третий год: видим весной, что стала наша слива красавицей: высокая, стройная, с пышной кроной. Зацвела, и ягоды появились. Но летом оказалось, что не держатся на ней ягоды: засыхают, опадают – урожая никакого, даже покушать не можем, что за слива.

На следующий год история повторяется, ягоды появляются, но не наливаются, не зреют, твёрдые, как камень, а потом засыхают и падают. Папа уж нервничает, хочет удалить сливу, заменить другой. Правда, мы на даче не жили всё лето, то приедем, то по делам уедем, бывает, нет нас по две недели, и даже больше. А в по-

следнее лето получилось так, что дача не была без нас: кто-нибудь всегда оставался, а чаще мы были тут все втроём.

Начали мы к сливе приглядываться, жалко такую красавицу убирать из сада. А когда началась жара, поливая овощи, мы поливали и сливу. Она такая большая выросла, вон сколько слив на ней, её же поить нужно. Не пропускали ни одного дня. Видим, ягоды держатся, всё крупнее становятся, но август на носу, а они всё равно твёрдые-претвёрдые. Другие, обычные сливы начинают темнеть, созревать, а эта всё в одной поре: тёмная, чуть синеватая.

Прошло ещё какое-то время, и вдруг однажды утром увидели мы нашу красавицу, стройную, всю в голубом. На расстоянии она смотрелась как синее чудо: зрелище удивительное. Благодаря обилию ягод видно было только красивое, синее дерево, будто и не было зелёных листьев. Просто синева ягод заставляла забыть о зелёных ветвях. Ягоды не падали, но оставались несъедобными, никак не зрели. Так продолжалось до конца августа, нам пришлось уехать, и приехали мы недели через две. Когда не было той жары, прошли дожди, слива обошлась и без нас.

Приехав, мы тут же пошли в сад, бросились к сливе. Плоды висели красивые, крупные, сочные, попробовали – косточка легко отделялась. Слива созрела! И была такой сладкой, такой вкусной, необыкновенной. Мы собрали ягоды, угостили друзей, привезли полное ведёрко слив в город. Угощали родственников, приятелей, хотелось, чтобы они тоже отведали таких вкусных, больших, таких замечательных слив.

Оказывается, слива эта относится к поздним сортам. Летом надо о ней заботиться. Вот такая история вышла у нас с красавицей-сливой в нашем славном гефсиманском саду.

КУСТ ХРИЗАНТЕМ

Накануне маминого дня рождения мы отправились на Рынок Выходного Дня, чтобы купить продукты и цветы для мамы. Мама родилась 19 октября и очень любит осенние цветы хризантемы. Их тут великое множество, всех цветов и размеров, выбор огромный. В этот раз мы сначала купили творогу, мяса, яблок, затем подошли к цветам. Мы любовались всякими цветами: жёлтыми, белыми, фиолетовыми, синеватыми. И вдруг остановились, как вкопанные, перед огромным букетом некрупных хризантем удивительного малинового цвета, они горели так ярко, просто светились, сияли все изнутри. Это была такая красота – невозможно оторвать глаз. Мы бросились к этому букету, огромная охапка цветов, которую надо было нести перед собой двумя руками. Женщина, продававшая цветы, попыталась охладить наш пыл, сказав, что этот букет не для вазы, а для посадки, он с корешками, и этот образец она не продаёт. Мы стали её уговаривать, она согласилась, наконец, но повысила цену, что не смутило нас, папа сказал, за красоту надо платить.

Довольные, мы вернулись домой и поставили цветы в вазу вместе с корешками, завернутыми в бумагу. Два следующих дня, до маминого праздника, мы начинали утро с того, что, заходили в комнату, где стоял наш удивительный букет и заряжались энергией на весь день.

День рождения прошёл весело. Приходила мамина кузина с внуком Мишей. После обеда мы пили чай с маминым яблочным пирогом, Мишина бабушка Рая называет его фирменным, наверное, потому, он всегда получается вкусным. Папа спел романсы «В том саду, где мы с вами встретились, мой любимый куст хризантем расцвёл», а затем «Уж давно отцвели хризантемы в саду». Так наш букет стал участником праздника. А Рая вдруг предложила нам посадить этот куст на нашей

даче в Малоархангельске. Всем ужасно понравилась эта идея. Мама сразу оценила Раино предложение и сказала, где именно нужно посадить хризантемы в саду: под яблоней, где большой стол и где мы обычно сажаем герани. Куст этот впишется в ландшафт, и каждый день, проходя по дорожке, можно будет смотреть на него, здороваться с ним и видеть, всё ли в порядке. Конечно, мы будем ухаживать за ним.

В первую же субботу после Дня рождения мы поехали на дачу, благо, что на улице было тепло, светило солнце, осень в этом году необычная: много тёплых солнечных дней, самое время сажать хризантемы. Мы с папой отвезли наш куст в Малоархангельск, посадили на выбранном месте, хорошенько полили, подкормили, пожелали ему хорошо перезимовать и ожидать нас весной. В нашем саду много цветов: есть тюльпаны, нарциссы, роскошные пионы, любимые нами ландыши – «светлого мая привет». С середины лета до самой осени у нас тут цветут флоксы, а вот осенних цветов, сетует мама, нет. Теперь куст хризантем будет радовать глаз и в сентябре, и в октябре, на Покров. А это очень большой праздник, мама никогда не забывает его. Чуть позже, 19 октября, у неё День рождения. Этому дню Пушкин посвятил одно из лучших своих стихотворений «19 октября», где есть такие слова «Друзья мои, прекрасен наш союз, он как душа неразделим и вечен», обращённые к своим друзьям по лицу. Это стихотворение читается у нас в семье каждый год и именно 19 октября. Теперь в России этот день стал Днём Лицея.

Домой мы вернулись радостные, украсив наш сад необыкновенно красивым кустом хризантем. Теперь, когда осенью деревья надевают свои лучшие наряды, мы каждый год приезжаем сюда, чтобы увидеть красные гроздья рябины, которой, как в народной песне, всё никак не удаётся перебраться к жёлто-зелёному дубу, оказавшемуся в нашем саду от неё на расстоянии. Не устаём любоваться одетой в золото берёзой перед нашим окном, любимыми мамиными клёнами, одетыми в багрец и золото (по календарю друидов клён – мамино дерево). Ну, а куст хризантем, по словам мамы, как аленький цветок, будет гореть теперь днём и ночью в нашем осеннем саду.

АНДРЕЕВСКИЙ КОЛОДЕЦ

У папы среди друзей есть журналистка Марина Карлова, она работает в районной газете в Колпне, пишет хорошие стихи, и они общаются с папой. Однажды Марина привезла папе рукопись, сказала:

- Вячеслав Гаврилин, почитайте.
- Где живёт он? – спросил папа.
- В Андреевке, – ответила Марина. – Мичман в отставке.

На какое-то время папа забыл о рукописи. Я напомнил ему о ней. Решили почитать вместе. Рукопись из Андреевки, а все мы знаем, что там Андреевский колодец, святая вода.

Наше занятие прервал телефонный звонок, междугородный. Оказалось, из Западной Сибири. От тёти Лиды, папиной двоюродной сестры. Мы друг про друга всё знаем. Папа с ней вместе прожили всю жизнь, а сейчас тётя Лида живёт в Томске, у своей дочери Оли.

В папиной семье, начиная с его мамы, моей бабушки, чудесная закономерность: разница в возрасте восемь лет. Старшая у них – папина мама, моя бабушка, она была с 1911 года, её сестра Дуся – с 1919, тётя Лида – с 1927 и так до папы. В 1943, когда Малоархангельск освободили от немцев, тёте Лиде было 16 лет, теперь она уже в почтенном возрасте. Звонила она в свой День рождения, седьмого декабря. Папа сказал, что он не забыл в этот раз её День рождения, перенося его по ассоциации с

её годом рождения на 27 декабря. Просто она его опередила своим звонком. Папа поздравил свою любимую сестру, передал поздравления от нас, приветы Коле, её мужу, дочери Оле, всем сидящим там у них, за столом. Потом папа позвал меня к себе и говорит:

– Давай я тебе расскажу историю одну, связанную и с Лидой, сестрицей моей двоюродной, и с Андреевским колодцем, со святой водой...

– Давай, рассказывай, – присел я к нему поближе.

– Так вот, в сорок третьем, где-то в сентябре, когда мне было восемь лет, я пошёл в первый класс, в школу. Война уже далеко, за Глазуновкой. И тут я подхватил скарлатину. Болезнь вроде ангины, горло болит, только гораздо опаснее... Я-то маленький, мне ещё ничего, а для подростков, взрослых она куда страшнее, можно и умереть. Лиде было шестнадцать, все мы находились в комнате вместе, не было никакой изоляции. Передо мной на стуле была еда, хорошая еда, которой всем тогда не хватало. Я не мог есть, больно глотать, а Лида рядом, что-то схватила у меня со стула и заразилась. Конечно, скарлатиной.

Я уже на поправку пошёл, уже сам на улицу в туалет выходил, а Лида впала в беспамятство. Ночь напролёт вскакивает, всё куда-то бежать ей надо, за какой-то святой водой. Дедушка наш Герасим Макарыч пиджачок подле её постели бросил и прилёг, чтобы Лида через него не переступила, никуда не ушла. Приходила медсестра с соседней улицы, уколы делала, красный стрептоцид приносила, как раз для фронта, для раненых, его стали изготавливать. Так она стрептоцид давала Лиде. А Лида своё:

– Пить, пить!.. Святой воды мне... Из Андреевского колодца... Из колодца Андреевского...

Наутро, чуть свет, дедушка собрался и ушёл в Андреевку. Это как раз на полдороге между Малоархангельском и Колпной. Метров в трёхстах от границы районов, направо, в лощине, где лоза и ракиты. Из Малоархангельска туда и обратно километров сорок, ну, может, и больше.

Ждём мы дедушку, как Бога. До самого вечера.

Вот и он! Лида схватила бутылку и давай пить жадно, крупными глотками.

– Ну вот, – вздохнула она. – Теперь буду жить.

И поставила бутылку обратно на стол.

Удивительно, правда, чудо какое. К вечеру Лида встала на ноги и сама вышла на улицу...

– Вот какое дело, сынок! – сказал мне папа. – Что такое Андреевский колодец, святая вода.

Набирает папа номер мобильного Александра Михайловича Полынкина, известного краеведа. Всё знает обо всех творческих людях, что живут на юго-востоке области, вокруг Малоархангельска.

– Александр Михайлович, дорогой, кто это там в Андреевке живёт? Какой-то мичман в отставке.

– А-а-а, – засмеялся Полынкин. – За Андреевским колодцем присматривает, написал даже книгу о нём.

– Молодец мичман! – говорит папа. – Надо почитать.

Взял папа тоненькую рукопись, что вручила ему Марина Карлова и с первого же абзаца, как закричит:

– Да ты глянь, как написано! Про Одессу и Севастополь, про Чёрное море... Как юнга севастопольский – Кирюша из Севастополя...

– Папа, – говорю я ему, – мичман и тут у нас в Колпне выбрал воду – Андреевский колодец, святая вода...

Быстро летит время, пулей. Вот уже и апрель. Вот-вот нам всей семьёй ехать на дачу – в наш Малоархангельск, к родному дому. Как приедем, так вскоре на автобус «Малоархангельск – Колпна». И на полдороге, за Хмелевым, выйдем. И пойдём направо к святому Андреевскому колодцу.

Едем к мичману. Открытие ждёт читателей в очередном номере журнала «Русское поле»: публикация его рассказа про Одессу и Севастополь. Разве не чудо – талант? Андреевский колодец, святая вода. Мы с папой верим в чудеса, и с этой верой как-то легче живётся.

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА,
ЕЛЕНА МАШУКОВА

**ИЗ СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОМАШКИ,
ИЛИ ТАЙНА ДЕРЕВЯННОЙ ЛОШАДКИ»
(Посвящается детям войны)**

**ГЛАВА ВТОРАЯ,
ИЗ КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ, КАК ЛОШАДКА ПОЯВИЛАСЬ НА СВЕТ**

Василий Никитин затеял подарок. Его сыну вот-вот должно исполниться три года. Значит, подарить нужно что-то особенное от тепла руки отцовской, доброе, на всю жизнь. Так и эдак кумекал, одним словом – придумал.

В мастерской Василий выбрал подходящую деревину и принялся выстругивать. Дело было непростое: впервые затеял молодой плотник игрушку. Вспомнил, какими в его детстве в деревне лошади были, и принялся за работу. Время шло. Огрубелые руки, казалось, обретали какую-то особенную чувствительность. Он хорошо представлял силуэт будущего скакуна и пальцами, почти чародейски, понимал, где, какой глубины бороздку резцом делать. Особенно трудно дались глаза, зато получились, точно живые. Когда лошадка была готова, Никитин почесал за ухом и наметил квадратик тайничка. На боку, ближе к животу лошадки, он выпилил нишу, вставил ящичек и замочек с ключиком. Поставил игрушку на полудужья – пусть малец качается в удовольствие. Даже седло и уздечку приладил. Рад был молодой отец, что всё у него получилось. Не только с игрушкой, а вообще всё в жизни с толком: жена милая, дочь красавица, сынок вот подрастает. Завернул лошадку в старые газеты, вышел во двор и вдруг услышал, как из репродуктора на всю улицу диктор скорбным голосом произнёс: «Война». Сразу всё понял, решил для себя плотник Василий Никитин.

Вошёл в комнату детей как-то особенно тихо, мягко. Дюжий, высокий человек хотел, казалось, как можно меньше производить шуму, потому что то, с чем пришёл, было очень важным. Брат и сестра – особенно она, Лида, – чувствовали это, сидели тихо и смотрели на папу.

– Вот, – сказал отец, протягивая им деревянную лошадку.

Маленький Серёжа не мог держать её в руках и обнял за шею, как настоящего скакуна.

В эту минуту у лошадки внутри что-то кольнуло, будто дерево на её груди треснуло.

– Берегите её, пока я не вернусь, – сказал папа.

– Ты куда? – спросила дочь.

– Такое дело... – задумчиво проговорил отец. – Беда пришла. Все папы собираются нынче идти защищать своих детей. Вот и я иду. Эту лошадку будете беречь вы. А она вас. Только имя я ей не придумал.

«Придумайте, пожалуйста», – изо всех сил пожелала игрушка.

Отец подсел к детям на кровать, обнял сына.

– Мы назовём её Звёздочка, – предложила девочка.

– Хорошее имя, только высокое, неудобное, а она – смотри – добрая, близкая. Имя ей нужно земное.

Пока папа и девочка придумывали имя подарёнке, мальчик благоговейно гладил игрушку, касался щекой её спинки, несмело трогал гривку и хвостик, повторяя бороздки резца мастера, пытавшегося изобразить волнистые локоны конского волоса. От этих прикосновений лошадка замерла, изо всех сил сдерживая дрожь, но, кажется, малыш слышал и понимал, что где-то за гладким деревянным боком, пахнущим сосной и краской, таится неведомая жизнь.

– Ромашка – подойдёт? – спросила Лида.

– Ромашка, – повернул головку и повторил маленький брат.

– Что ж, – согласился папа. – Пусть будет по-вашему.

Ромашка в душе рассмеялась. И, хотя люди не слышали того, им показалось, что игрушечные глазки как-то задорно глянули кругом.

Серёжа восторженно разглядывал это сокровище. Наконец-то у него есть своя лошадка: ладная, гладкая, с чёрными блестящими глазами, волнистой гривой, серая, в «яблочках»! Да ещё пахнет ёлкой и Новым годом – любимым Серёжиным праздником. И откуда папа такую взял? Из каких далёких стран прискакала она в детскую? Уздечка, седло, – всё маленькое, но настоящее. Серёжа обнял лошадку за шею, попытался залезть. Ромашка качнулась вперёд, и мальчик упал. Но не заплакал, а быстро поднялся и стал подпрыгивать, подлаживаясь под ритм лошадки-качалки.

– Да ты у нас настоящий наездник! – воскликнул, смеясь, папа. Серёжа и моргнуть не успел – оказался в седле, верхом, с уздечкой в руках.

– Гляди, мать, ведь вылитый Семён Михайлович Будённый! Точно, командиром будет!

Серёжа сначала боялся пошевелиться, робко оглядывал комнату с высоты, потом почувствовал, как потихоньку качнулась под ним лошадка, выпустил уздечку из рук, наклонился, обхватив Ромашкину шею, и тоже засмеялся.

– Мама, мама! Серёжа едет! – кричал он.

Мама смотрела на него из-за папиного плеча и почему-то плакала.

Вечером Василий Никитин позвал в гости давнего товарища Николая – фотокорреспондента городской газеты. Серёже нравилось, когда дядя Коля ставил перед собой большую коробку на длинных ножках, смешно прятался под чёрным покрывалом и глухо кричал из-под него: «Улыбайтесь! Сейчас вылетит птичка!» Мальчик не знал, откуда эта птичка вылетит, вертел головой: какая она? жёлтая или синенькая? маленькая или большая? Ждал, ждал, а птички всё не было. Хоть бы разок увидеть.

Дядя Коля оглядел лошадку, похлопал по спинке, воскликнул: «Хороша! Ты, Василий, талант!»

Несколько снимков были сделаны Серёже в подарок: папа с мамой, Лида, Серёжа на деревянной лошадке верхом – вся семья вместе.

Ночью мальчик не мог заснуть – всё смотрел на Ромашку, окутанную лунным светом, льющим из окна. Показалось, что лошадка переступила с ноги на ногу,

слегка наклонила голову – кивнула будто. «Живая, – подумал мальчик. – Убежит ещё». Он вылез из-под тёплого одеяла, торопливо прошлёпал, босой, по заскрипевшим половицам и, встав на цыпочки, деловито накинуд игрушечную уздечку на спинку детского стульчика.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ ЛОШАДКА УЗНАЁТ ОДИН СЕКРЕТ

Василий Никитин ушёл на фронт. Мама Маруся стала часто оставаться на работе допоздна, а дети играли с лошадкой или просто сидели в сумерках, прижимая любимую игрушку к себе.

Было ещё лето, но казалось, что окончательно и бесповоротно пришла и воцарилась осень. Дни казались серыми, возможно оттого, что взрослые ходили по улицам серьёзные, надолго замирали у репродуктора, висевшего на столбе посреди улицы. Диктор оттуда говорил что-то, малопонятное детям. Взрослые же, выслушав неумолимо суровый голос диктора, расходились по делам ещё более хмурыми.

Теперь лошадка знала, что она лошадка, зовут её Ромашка, и она не одна – у неё есть Серёжа и Лида. Комната, в которой поселилась игрушка, была небольшой: две детские кровати да шкаф с зеркальными дверцами. Больше всего лошадка любила смотреть в зеркало. Особенно ночью, когда дети спали, в доме становилось тихо, а Ромашке – скучно.

В окно светила луна. Луч её тянулся через центр комнаты к зеркалу. В отражении лошадка видела свой тёмный, статный силуэт, гордо выгнутую шею, крепкую прямую спину, высокие ноги, уверенно стоящие на больших качалках-дужках. А потом – длинную чёрную тень через всю комнату, через стену, до потолка, – свою тень, которую про себя нарекла Лунной. Лошадка не понимала, зачем надо спать и как это делается, но пошевелиться не решалась. А Лунная тень медленно двигалась от стены к стене, через зеркало, постепенно становилась меньше, бледнее, и к утру совсем исчезала. Ромашка хотела спросить, зачем та приходит по ночам, но не умела разговаривать, да и Лунная тень помалкивала, но в гости ночью забегала часто. И лошадка думала, что тень тоже скучает ночью, вот и приходит поиграть.

Днём Ромашка любовалась своим отражением. Ей не нравились только грива и хвостик. Лошадка выгибала шею так и эдак, пыталась трянуть гривой, махнуть хвостиком, но ничего не получалось. «Что-то с ними не так», – думала она. Но расстроиться не успевала, потому что каждое утро прибегал мальчик, забирался к ней на спину, дёргал за уздечку, – и лошадка отправлялась в путь, скакала, слушаясь седока, то рысью, то лёгким галопом. Иногда лошадка скакала так долго, что малыш засыпал, прижавшись щекой к деревянной гриве. Тогда она останавливалась, чтобы не разбудить малыша неосторожным движением, и долго разглядывала в зеркале его отражение: светлые волосы, розовые ладошки, голубая рубашка...

Когда к лошадке подходила Лида, скакать не требовалось. Девочка приносила маленькое ведёрко с травой и ставила перед игрушкой. «Ешь, – приказывала девочка. – Не то умрёшь с голоду, как соседский мерин». Ромашке не нравилось, что ей приказывают. Есть она не умела и немного стеснялась этого. Хотелось не смотреть на Лиду, не видеть ведро с пожухлыми клочками осоки.

Так проходили дни. Утром лошадка скакала с Серёжей в далёкие зеркальные страны, днём рассматривала комнату и любовалась своим отражением, а вечером, когда все уходили ужинать, разглядывала тоненькие зелёные травинки в игрушечном ведре. Иногда вместе с травинками попадались малюсенькие фиолетовые цветочки с круглыми лепестками, а однажды – большие, с жёлтой бархатной серединкой и множеством белых лепестков. Такие нравились лошадке больше все-

го: наглядеться на них не могла до самой темноты. Ночью в комнату заглядывала Лунная тень. А на следующий день всё начиналось сначала.

Однажды вместо травы Лида принесла в ведёрке что-то белое, холодное. «Трава кончилась, – сказала она. – Будешь есть снег. Или подожди, он скоро растает, и можно будет попить». От ведра так повеяло холодом, что лошадка первый раз в жизни замёрзла. Замёрзло белое окно с лунным светом внутри. Замёрзло большое зеркало. Лунная тень больше не приходила. Не пришёл утром и мальчик, не забрался к ней на спину, не обнял, как обычно. Тогда Ромашка подумала, что хочет уснуть. Ей это почти удалось, но сквозь дремоту она услышала, как заплакал Серёжа, а Лида закричала: «Не надо! Это же папин подарок!» «У нас совсем нет дров, на улице метель, Серёжа простудился. Что же делать?» «Ну, пожалуйста, мамочка! – кричала Лида. – Не трогай её. Она не виновата!»

Лошадка едва поняла, что говорят о ней, когда мама Серёжи и Лиды неожиданно схватила её на руки, быстро перенесла от зеркала на кухню. Из распахнутой печки хлынул жар, и Ромашка окончательно проснулась. Серёжа лежал на небольшом диванчике под ватным одеялом, да ещё старая лохматая шуба сверху. На его лбу выступили капли пота, по пунцовым щекам бежали слёзы. Лида почему-то растянулась по полу, ухватив мать за край юбки, и рыдала. «Не надо! Не трогай!» – кричала девочка. А потом отчаянно, резко дёрнула маму Марусю за ногу. Маруся охнула, упала на обе коленки; рядом, громыхнув, завалилась на бок лошадка.

Из-под игрушечного седла, коротко звякнув, выпал маленький ключик, покати́лся в щель между досками. Маруся едва успела его подхватить. Теперь, сидя на полу, рыдала и она, кричала, вторя Лиде:

– Ну что ты за ребёнок такой! Говорю же – выхода нет, дров нет, метель! Чем печь топить? Погаснет и всё! Смерть! Понимаешь?!

Лида молча подошла к маме, взяла из её руки ключ. В сером лошадином боку нашлась и без труда открылась дверца. Внутри лежал сложенный вчетверо тетрадный листок. Лида отдала его маме. На листке папиным почерком было написано: «Дорогая Маруся! Береги Лиду и Серёжу. Люблю вас всех. Целую. Твой Василий».

Через час лошадка уже стояла на прежнем месте, перед зеркалом. В распахнутую дверь она видела, как на кухне Лида с Марусей, пыхтя и грохая топором, отправляют в печь разошедшиеся полки древнего кухонного буфета.

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ИВАНЫ

Брату Ивану

*Как только взойду на Орловский курган,
Мне светят, раздвинув туманы,
Тургенев Иван, Бунин Иван
И Новиков, Вольнов – Иваны.
И Селихов был, и Патенков был –
Иваны Орловского края...*

*Иван Александров в простор запустил
Стихов журавлиную стаю.
Прошу я, строкой стихотворной звеня,
Несмелость свою пересилив:
В Иваново братство примите меня,
Хоть я не Иван, а Василий!
Я тоже от русских полей и полян,
От русских речных перекатов.
Мою родословную начал Иван —
И в это я верую свято.*

ЛУЧ

*Облаков медлительная стая
Проплыла и скрылась вдалеке.
Солнца луч, как рыбка золотая,
Целый день купается в реке.
Шумно лету радуются птицы,
В поле рожь волнуется, шурша.
И душа, как вольная царица:
Добротою полнится душа.*

ВАСИЛЬКИ

*Ах, зачем, скажи, васильки во ржи,
Васильки во ржи в голубом огне?
Ты к цветку цветок соберёшь венок.
А кому венок? Неужели мне?
Я стою пою в полевом краю,
О своей пою золотой судьбе.
Рожь шумит-шумит, коростель скрипит,
А душа болит, так и льнёт к тебе.*

УПАЛИ ТЕНИ

*Упали тени на траву,
На дом бревенчатый упали.
Давно деревнею живу,
Переживу её едва ли.
У звёзд, у яблонь на виду
Живу негромко, небогато...
Но никуда я не уйду,
Когда уйду от вас, ребята.
С дыханьем вечера сольюсь,
С летящим светом яркой сини,
К началу вечному вернусь
Под звёздным пологом России.*

УТРОМ

*Рассвет рососою травы окропил,
Туман речную гладь укрыл собою,
И кто-то первый печку затопил,
Поднялся дым до неба над трубою.
А вот и солнце вышло не спеша,*

*Молчать не в силах крохотные птицы.
И ждёт чего-то нового душа,
Неутолённой жаждою томится.*

ЗЕЛЕНЯ

*Серебряным горошком
Дождь сыплется, звеня.
Встают на тонких ножках
Всё выше зелены.
Я выйду на рассвете
И на поля взгляну:
Полями гонит ветер
Зелёную волну.
Июль не за горами:
Колосья встанут тут
И рыжими усами
На солнце шевельнут.*

* * *

*Сторона Тургенева и Фета
На просторы летние манит,
Льётся ливнем утреннего света,
Голубыми реками шумит.
Булгина, Андреева, Лескова
Отчий край: тут чище серебра
Закипает песенное слово
И любви, и веры, и добра.*

РЕКА

*Бежит река, шумит река,
Тростник над ней качается.
Её дорога далека,
За лесом не кончается.
«Стой!» — громыхнул сердито гром,
И небо задрожало.
Река взмахнула рукавом
И дальше побежала.
Она сбежит на край земли,
С десятком рек сольётся,
Но будет двигать корабли
И чайкам улыбнётся.*

РУСЬ

*Я дорогами, с детства родными,
До деревни родной доберусь.
И сверкнёт мне, как молния, имя,
Имя Родины древнее — Русь.
Над простором полей, над горами
Я увижу сквозь дым и туман
Златоверхие гордые храмы,
Вдохновенные лики славян.*

*Рухнет радуга в мокрые травы
И наряд разбросает цветной.
Купол неба шатром Святослава
Распахнётся в ночи надо мной.*

* * *

*Над лугами, над садами,
Над зеркальной водой
Неторопкими шагами
Ходит месяц молодой.
Тронул травы, тронул крыши,
Высек в озере огонь
И заставил возле вишен
Разговаривать гармонию.
Вся душа заговорила.
Любо рядом постоять.
То, что было и уплыло,
Вдруг припомнится опять.
Но трава густая прячет
Ту тропу, где юность шла...
Не о том ли чибис плачет
И поют перепела?*

ОРЁЛ

*Знаменит наш Орёл именами.
Скольким людям он в душу глядел!
Есть, наверно, над Орликом камень,
На котором сам Грозный сидел.
За рекою стелилось раздолье,
Роща в жёлтом уборе была.
Царь распахивал шубу соболью
И следил за полётом орла.
Вниз тропинка сбегала крутая —
Там дремали дубы в тишине,
Лебединая белая стая
Колыхалась на синей волне.
На кургане костер золотился.
Был в шатре на кургане покой.
Город каменный Грозному снился —
Белый-белый, над синей рекой.*

РУЧЕЙ

*Ручей дорогу много дней
Себе искал среди камней.
Зато, смотри, бежит к реке —
И солнце светится в руке.*

РУСАЛКА

*Где пруд широк и рожь густа,
И клонится лоза,
Блестят-горят из-под куста*

Русалочки глаза.
Качаться ниве и шептать
Под крышей голубой.
А ей — задорно хохотать,
Гоняться за тобой.
Догонит, крепко обоймёт,
От радости светясь,
Щекоткой душу надорвёт
И скроется, смеясь.
Не скоро, милый, оживёшь,
А после, как на грех,
Заманит в рожь, затянет в рожь
Все тот же звонкий смех.

ПУШКИН

О, как земля весной цветаста!
Сады бушуют на холмах.
В Малоархангельске горласто
Кричат грачи на тополях.
Наверно, так они кричали,
Роняя перья из гнезда,
И сучья чёрные качали
Деревья в зеркале пруда,
Когда тепло из полной кружки
День лил и лил в простор полей,
Когда сюда приехал Пушкин
В кибитке кованной своей...
В лучах весны, в дыму цветенья
Хранит районный городок
Своё бесценное виденье —
Проворный пушкинский возок.

Рецензии. Мнения. Замечания

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ,
литературный критик,
зам. главного редактора журнала «Подъём», г. Воронеж

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ВРЕМЯ ОБМОРОЧНОГО СНА – НАЧИНАЕТСЯ ВРЕМЯ БОДРСТВОВАНИЯ

Круглый стол Совета по критике Союза писателей России

1. Какие авторы современной прозы вызывают у вас постоянный интерес и желание высказаться?

В первую очередь, те, которые художественными средствами выясняют, в каком времени мы живём, что вокруг происходит, как действовать, чтобы стало меньше искушений и зла, а также – как не потерять собственную духовную и национальную идентификацию, сообщить ей импульс дальнейшего развития.

Вот мотивы, которые заставляют «браться за перо» в стремлении уяснить детали, договорить, доопределить ещё не названное или, напротив, запутанное, искажённое. Имена тут могут быть абсолютно разные, важна интонация автора, своего рода «окраска» его голоса.

Существует мнение, что сегодня наша литература не выделила из своего ядра новые, выдающиеся имена. На мой взгляд, в таком подходе есть что-то от спорта, а не от духовных и художественных исканий. На сей момент опубликовано множество рассказов, повестей и даже романов, которые содержат в себе обобщенный портрет эпохи. Правда, есть одна оговорка.

Социальные язвы, «чёрную» сторону нашей действительности взялась разрабатывать «криминальная литература», отодвинув в сторону всё иное, психологическое, концептуальное, образное – те черты и аспекты, которые русской прозе присущи как художественно целому высказыванию о человеке и времени.

Так называемая женская проза утонула в сентиментальности, забыв обо всём остальном, что всегда было свойственно нашей женщине – порывистой душе, хранительнице семейного очага, порой бунтарке, но чаще – стоической натуре, на которой держится русский мир.

В свою очередь, тексты, окрашенные политическими пристрастиями, только так себя и определяют, поскольку подобным образом определён их издательский формат. Думаю, что наличие любой форматной рамки увечит нашу литературу, являясь вполне тенденциозным и искусственным ограничителем полноты авторского слова, с одной стороны. А с другой – отражает ущербное мировоззрение издателя, сидящего на денежном мешке, и его ангажированных под проект редакторов, которые чувствуют себя почти хозяевами современной отечественной литературы.

Есть ещё и концептуальная составляющая нашей словесности, которая предполагает воссоздание окружающей реальности средствами самой этой реальности. Скажем, показывает автор читателю героя тупого и грубого – и авторский голос, вроде бы закономерно, становится неким подобием изображаемого. Эта глупая песня уже не раз пелась в истории литературы, и писатель нового поколения должен, казалось бы, понимать, что тут – путь-обманка, лёгкий, очевидный, но тупиковый.

Долгожданная полнота прозаического текста – вот чаемый результат литературного процесса. Между тем никто не ведает, в каком виде мы сможем получить такое литературное произведение. Потому что интеллектуальная и образная дистанция между, скажем, «Завистью» Олеси, «Жизнью Клима Самгина» Горького, которые остались в своём времени, и «Тихим Доном» Шолохова не предсказуема: шедевр рождается так, словно бы и не было рядом ничего похожего – таков эффект его творческого воздействия. Хотя литературоведение потом легко покажет, какие достижения прошлого лежат в основании гениального произведения.

Вот почему с такой надеждой открываешь новые вещи уже знакомых авторов и пока ещё тебе неизвестных – полноты жаждешь, потому что горестными штрихами, радостными порывами нас уже перекормили. И хочется прочесть книгу, в которой всё было бы названо своим должным именем, сложное нарисовано с сочувствием и горечью, а жизнь явилась бы перед тобой во всей своей непредсказуемости.

Наверное, нужно назвать имена и книги, но в обществе, лишенном творческого эха, подобные вехи мимолётны. Сегодня нашу культуру поразила либеральная энтропия, обволакивающая и растворяющая многие замечательные явления. Страна должна определить собственное место в мире, выпрямить спину, укрепить свой идейный «позвоночник». И тогда разговор о современной литературе приобретет структурность, а вкусовые пристрастия критиков будут иметь зримые границы.

2. Каких поэтов современности вы считаете достойными продолжателями лучших традиций классики?

В наши дни поэзия будто разделилась на несколько слоёв, которые только отчасти взаимосвязаны, а некоторые из них отчетливо противоположны и взаимоисключающи. Либеральная литературная практика понимает поэта как одиночку, который говорит о мире только в связи с собственными переживаниями и бедами и категорически не воспринимает себя в качестве части мира, истории, рода. Это в полной мере атеистическая позиция, в каком бы количестве теологические метки не переполняли тексты такого рода: всё во мне, всё в связи со мной, всё – пока я существую, всё имеет цену только мной называемую. Перед нами в самом тривиальном виде – субъективный идеализм. Прежде такой взгляд на вещи не вклинивался в литературу, но сегодня он носит характер оружия, которым уничтожают русскую поэзию, лишая её великих смыслов, низводя их до частных построений творчески не состоявшихся школяров, которые не уяснили себе сложные законы соединения большого и малого, частного и общего, уходящего и нарождающегося. В итоге читателю пускают пыль в глаза и потчуют опусами «короля поэтов» Дмитрия Воденникова, оргиастической Веры Полозковой, которая твёрдыми неженскими шагами осваивает уже и провинцию.

Впрочем, это – либеральная короста на потаённом теле русской поэзии. А сам дух её веет, где хочет. Есть масса непрофессиональных стихотворений, которые не хочется ругать, потому что в условиях либеральной пропаганды дорог каждый голос в пользу традиции. Особенно это видно на народных музыкально-поэтических фестивалях, где стихи вырываются из людской толщи и, в отличие от прошлых эпох, сопровождаются именем автора. Перед нами – голос почвы, которой дала нашей литературе в свое время поэзию Кольцова. Но тогда этот слой не был персонифицирован. И это обстоятельство важно понимать, бережно обращаясь с народными стихами.

Есть негласное поэтическое правило, которое постоянно нарушается: в стихи нельзя тащить публицистику. Но автор – живой человек, и его прямой голос тоже важен. Иное дело – он не останется с читателем по прошествии лет, движение времени отодвинет его от современных событий. Хотя эта закономерность касается не всех стихов и авторов, тут есть определенная непредсказуемость, потому что из нашей жизни уходит не всё, что было вчера, многое видоизменяется. И публицистические стихи вчерашнего дня обретают новое дыхание и неожиданный образный и предметный контекст.

Продолжателями лучших традиций отечественной поэзии я могу назвать многих авторов, чьи стихи испытывают неодолимое притяжение ясности слога и мысли. Так, страстная поэтическая речь Светланы Супруновой совершенно непредсказуемо обрела созерцательный ракурс и явила читателю терпимость характера лирической героини. В строках Геннадия Ёмкина стала видна свободная дистанция между предметами, будто пространство раздвинулось, задышало и стало огромным. У Светланы Сырневой мы найдём поразительное сочетание интеллектуальности и образной подачи событий. Диана Кан обрела «пушкинскую» вольность речи, когда незначительная вещь внезапно занимает в картине художника своё место, и сюжет обретает классическую законченность. В круге имён, которые соответствуют классическому контексту, непременно стоит упомянуть Наталью Кожевникову (Оренбург), Евгения Эрастова (Нижний Новгород), Виктора Брюховецкого (Санкт-Петербург), Евгения Семичева (Самара), Александра Нестругина (Воронеж), Анатолия Аврутина (Минск)... И целый ряд других поэтов, чьи книги составляют фундамент современного здания русской лирики, многообразной, широкой по интонации, иногда лёгкой по речи и не забывающей о литературной игре, но всегда помнящей о собственном высоком призвании.

3. Какие положительные и отрицательные тенденции можно выделить в современном литературном процессе?

Отсутствие консолидации писательских сил в регионах и в Москве, слабая связь столицы с провинцией – всё это негативно влияет на взаимодействие нашего творческого союза с властью. Одновременно во властном поле по сей день остается чрезвычайно много людей, которые литературный пустяк, вышедший из-под либеральной руки, готовы публично назвать выдающимся произведением. И теперь ещё во многих прозаических опусах центром сюжета оказываются коллизии, связанные с годами репрессий в СССР. Несомненно, эта тяжёлая тема в течение многих лет будет будоражить умы создателей романов, повестей и рассказов. К тому же «Архипелаг ГУЛАГ» закрепили в школьной программе для обязательного ознакомления и изучения подростками. Вот только нынешняя реальность, насквозь лживая и ненадёжная в каждом определении, отчего-то не становится предметом художественного исследования. Или, скажем, события 1993 года и последующих лет почему-то не приветствуются изображать в кровавых тонах, подобно эпохальному лагерному трёхтомнику Солженицына. Апологетика всего либерального – поступков, современного искусства, мелкобуржуазной беллетристики, с одной стороны, и глухое, ватное молчание в связи с настоящими произведениями русской литературы – вот среда, в которой, будто селевый поток в ущелье, движется литературный процесс в современной России. Уже в СМИ произносятся широко прежде немыслимые слова «патриотизм», «Родина», «русский народ», а на деле либеральный шабаш продолжается, только без огласки. Государство пока ещё не подтвердило в полной мере свою приверженность национальным ценностям, героической и многострадальной русской истории, не произошло долгожданного «духовного импортозамещения». И потому издательский процесс продолжает свою собственную, отдельную от общества жизнь, целиком ориентированную на рентабельность выпускаемых книг. Ведь пиар, который золотым облаком оведал вчерашних однодневных кумиров, никуда не делся – имена лишь сменились, а мусор содержания остался прежним. Все либеральное творчество утверждается под девизом «здесь и сейчас» или «после нас хоть потоп». Напротив, почвенная литература, как правило, устремлена в будущее и прошлое. В борьбе ушедшего с ещё не наступившим, но зреющим определяется карта настоящего времени. Медлительность власти, её неуверенность в традиционных приоритетах чутко улавливается издательскими кругами. И порочное развитие современной литературы получает свой очередной ежедневный импульс, а подлинная русская словесность, ради которой отечественные писатели из века в век претерпевали множество лишений и бед, вновь остаётся на голодном пайке, в положении просящего.

4. Год литературы прошел. Каковы итоги?

Разумеется, итоги более чем скромные. Однако почему писатели решили, что Год литературы в 2015 году будет её апофеозом? Вот с января начнётся год Кино. Неужели нас удивят киносюжеты благородные, где чистота окажется выше грязи, а принципиальность – важнее предательства? Ведь все предшествующие периоды истории новой России по факту были ориентированы на тошнотворную литературу, на грязное кино, на распил денег, которые отпускались – о удивление! – на благие цели. Не будет видимых результатов, не стоит надеяться, но важно двигаться вослед словам, озвученным, возможно, и лукаво. Занимать ещё один отвоёванный метр родной земли, приближать к себе читателя и говорить ему: вот настоящий герой, честь, любовь и верность, а вот – чёрная подлость,

жадность, трусость, эгоизм... Это духовная война, и Год литературы – только обманчивое перемирие.

5. Какие задачи стоят перед литературной критикой в условиях формирования нового общественного сознания?

Прежде всего, литературная критика должна сохранить своё лицо. Внимательность к текстам и авторам, непредвзятость в суждениях, отказ от корпоративной елейности, которая губит в глазах читателя высокие смыслы, когда они декларируются критиком и не подтверждаются художественно писателем и его произведением. Так мы отойдём от распространённого мнения, что литературная критика умерла, и сегодня существуют лишь профессии литературного киллера и литературного лакировщика. Эти последние были всегда, однако кроме них существовала и интеллектуальная честность, и правда образа, и глубокая аналитика. И сегодня ничего не изменилось. Однако в прошлые десятилетия ритм жизни был иной, и печатные издания не стремились перешеголять «жёлтую» прозу публикациями «жёлтой» критики. Но теперь желтизна уравнила все жанры литературы – в многих и многих современных изданиях.

Формирование «нового общественного сознания» процесс крайне противоречивый. Невозможно сказать, какие стороны мировоззрения молодого поколения совпадут с ценностями старых людей и сколь крепкой будет эта ментальная «склейка». В последнее время очень часто приходится слышать, что легковесные адаптации серьёзных сюжетов и важнейших коллизий прошлого продиктованы поверхностным умозрением нынешней молодёжи, воспитанной на клипах и мусорных опусах. Но не нужно оглушать новое поколение, предлагая ему с каждым разом всё более недоброкачественные произведения очередных циников и шуток. Напиши вещь глубокую и сердечно трогательную, и даже испорченный ум уловит искренность и боль, что пронизывают строки и страницы такой вещи. Тому есть масса примеров в рваной и часто хаотичной лирике сегодняшних молодых стихотворцев.

Именно потому важнейшей задачей современной русской критики стоит считать восстановление духовной и творческой связи между поколениями – стариков, пятидесятилетних и молодёжи. Поэзия и проза, как ядро художественной литературы, несомненно, явят нам свои достижения на этом направлении. Важно, чтобы между прекрасными произведениями не было пустоты, чтобы велись творческие разговоры, чтобы главные акценты нравственной русской жизни и драматические стороны русского бытия оказались в центре внимания читательской аудитории.

Можно считать подобную задачу утопией при нынешнем либеральном векторе гуманитарной сфере. Однако Дух веет, где хочет, и для Бога нет ничего невозможного. Эрозия либерального уклада уже началась. Необходимо приложить усилия к тому, чтобы главные литературные премии России обрели творческую содержательность и фиксировали важнейшие достижения в русской словесности наших дней.

Заканчивается время обморочного сна, начинается время бодрствования.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ МАСТЕРСТВО ТУРГЕНЕВА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОТКРЫТИЯ БАРБИЗОНСКОЙ ШКОЛЫ

Каждый писатель стремится расширить возможности воздействия своего творчества на читателя посредством обращения к смежным искусствам: музыке, живописи, архитектуре, скульптуре, театральному искусству и т.д. Глубинная, внутритекстовая связь литературы и других искусств обусловлена синтетичностью литературы. Об этом свойстве словесного искусства очень хорошо в своё время сказал А.Блок: «Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте».

Внутритекстовая связь литературы с живописью проявляется в том, что писатель, запечатлевая зрительные ощущения, создаёт иконописные образы. При этом он опирается на свои ассоциации, художественный контекст, слова-символы, переносное значение слова, которое в литературном произведении выступает условным знаком предметов и понятий, в то время как в изобразительном искусстве художник передаёт зримые подобия изображаемых предметов при помощи красок, линий, тонов, цвета. Это опосредованно-визуальное свойство литературы называют пластикой. Микельанджело высказал в своё время мысль о сходстве поэзии и живописи, называя живопись немой поэзией, а литературу – говорящей живописью.

Любопытно, что в одной частной беседе Тургенев признался в своём потаённом желании: «...если бы можно было снова выбрать себе карьеру, я не выбрал бы карьеру писателя... Я выбрал бы карьеру пейзажиста<...> Пейзажист не зависит ни от издателя, ни от цензуры, ни от публики; он – вполне свободный художник». И это не просто слова, русский писатель был тонким ценителем живописи, страстным коллекционером и участником многих парижских аукционов картин. Его художественная коллекция состояла из сорока шести картин, в основном из пейзажей современных ему мастеров, художников барбизонской школы, полотна которых произвели на русского писателя неизгладимое впечатление. В его коллекции фигурировали Камиль Коро, Шарль Добиньи, Жюль Дюпре, Гюстав Курбе, Нарсис Диаз.

Самой любимой картиной Тургенева был пейзаж Теодора Руссо «В лесу Фонтенбло». Эта картина постоянно висела у него в кабинете даже после продажи всей коллекции картин на аукционе. Правда, незадолго до смерти писатель из-за материальных стеснений вынужден был её продать П.М. Третьякову.

Барбизонцы являлись для Тургенева не просто художниками, которых он покупал и высоко ценил. Имеются все основания говорить о глубинных связях изобразительного мастерства Тургенева и представителей этой французской школы живописи.

Многое роднило Тургенева с художниками-барбизонцами: изображение природы и её явлений с опорой на непосредственные наблюдения и восприятие, «окутывание» предметов воздухом и светом, использование контраста, светлых тонов цвета, точность в деталях, красочная гармония целого, игра тонами, то более, то менее насыщенными. Кроме того, можно говорить и об общих мотивах и темах в произведениях русского писателя и барбизонцев, несмотря на некоторые национальные отличия. Суть, конечно, не в деталях и изображённых предметах, а во впечатлении, которые вызывают живописные и словесные пейзажи.

Русский писатель впервые в отечественной литературе воспроизводит цвет в соотношении со светом. Как и на полотнах французских художников, краски его пейзажа зависят от освещённости и от времени года, суток или от погоды. Напри-

мер, синее небо у него то густо-синее, то тёмно-сапфировое глухой ночью или светло-синее, воздушное в сумерках. Таким образом, можно говорить о множестве вариантов неба в зависимости от времени суток и погоды.

Становление Тургенева как искусного художника-пейзажиста произошло уже в пору создания писателем книги «Записки охотника», в которой он демонстрирует своё неповторимое видение природы в красках, свете, цветах, тонах и оттенках. Между всеми его пейзажами и пейзажными зарисовками чувствуется теснейшая связь, что свидетельствует о едином подходе писателя к обрисовке картин природы, выработанных художественных приёмах её изображения. Поэтому при отборе отдельных пейзажей из этой книги можно «сконструировать» один огромный целый пейзаж, который будет тесно связан между собой картинами природы средней полосы России, жизни героев, их настроениями, авторской микроконцепцией.

Как и на картинах барбизонцев, в его пейзажах преимущественно встречаются те же топоры: опушка леса, болотце, луг, холмы, перелески, то есть не что-то экзотическое, а привычные, обыденные уголки природы. Они, казалось бы, уже примелькалились глазу, но, увиденные заново, вызывают щемящее чувство глубинной связи чувствующего и мыслящего человека с родной природой, родиной, всем, что так дорого, но не замечается в жизненной суете. Эту изобразительную силу тургеневского мастерства весьма точно уловил И.А.Гончаров, который взял с собой в кругосветное путешествие только что вышедшие «Записки охотника».

Связь Тургенева с художниками-барбизонцами чувствуется в художественных принципах изображения природы в определённое время суток (предрассветной мглы, утра, вечера, предгрозового или ненастного дня). И всё же возможны сопоставления некоторых тургеневских пейзажей с конкретными картинами этих художников.

Прежде всего это можно увидеть на примере картин описания природы в знаменитом рассказе Тургенева «Бежин луг», который начинается вводным лирическим пейзажем, проникнутым чувством радости жизни, – описанием прекрасного июльского дня: «С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце – не огнистое, не раскалённое, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветственно-лучезарное – мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый её туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра...»

В тургеневском описании нет резких красок: преобладают нежные, ласковые тона. Писатель мастерски использует слова, которые прямо передают определённый цвет: лиловый, белый, алый, розовый. Пейзаж рисуется так, словно рассказчик всё время устремляет взгляд вдаль и на небо над головою. Автор рассказа как художник-пейзажист сумел передать раннее утро свежестью и чистотой красок, продуманным пространственным простором. Он убеждает своих читателей, что запечатлел пейзаж таким, каким он был в этот прекрасный июльский день.

Это описание раннего утра в рассказе «Бежин луг» можно сопоставить с картиной французского художника Камиля Кора «Утро» (Государственный Эрмитаж). У Камиля Кора и у Тургенева ощутимое сходство красок, выбор времени суток, почти одинаково даны лёгкие золотистые солнечные лучи, которые прорезаются сквозь прозрачный лиловый туман. Облака воздушны и легки. Пространство заполнено воздухом, световые соотношения выдержаны чётко. Поразительно то, что живописец и писатель смогли передать впечатления утра с такой точностью соблюдением пропорций и соотношений, игру тонами, которые гармоничны и насыщены.

И у Кора и у Тургенева цвет и свет становятся главными героями пейзажа. Их мягкость, расплывчатость форм, заволакивающая даль туманность – способствуют соединению воедино всех частей картины. У Кора пейзаж прикрыт тончайшей ву-

алью, по которой рассеяны отдельные яркие пятнышки солнечных золотистых лучей. Заполненность атмосферы лёгким лиловым туманом даёт возможность зримо ощутить воздушную завесу.

Июльский день, изображённый Тургеневым, создаёт впечатление светлое, радостное и спокойное. Широкое пространство передано при помощи множества облаков, разбросанных, «подобно островам», на чистом синем небе. На заднем плане облака и небо сгущаются, уплотняются, но проникнуты светом и теплотой, поэтому небо и облака приобретают цвет лазури – чисто голубой цвет.

Главный объект тургеневского изображения – меняющееся небо, освещённость и окрашенность которого дана в разные промежутки суток. За дневным описанием неба следует вечернее: «К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределённые, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно как спокойно возшло на небо, алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землёй, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нём вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не яркие, на всём лежит печать какой-то трогательной кротости».

В этом описании вечернего заката у Тургенева много общего в изобразительном плане с картиной «Вечер» Камиля Коро. На ней изображена тихая вечерняя заря. Солнце уже село, но воздух ещё чист и спокоен, нет дуновения ветра. Небо окрашено в бледно-лиловые и золотисто-фиолетовые тона, на котором плывут дымчатые облака с бледно-розовым оттенком, солнечные лучи не яркие и приобретают прозрачный нежно-жёлтый цвет, рассеянный редко по небу, который придаёт краям расплывчатых облаков светлые и прозрачные тона. Ближе к темнеющей земле небо ещё чистое и светлое от лучей заходящего солнца.

Вводный пейзаж в рассказе «Бежин луг» является настоящим стихотворением в прозе, которая целиком держится на меняющейся освещённости и окрашенности неба с раннего утра и до поздней вечерней зари. Он весь соткан из света, цвета и теней.

Краски, которыми Тургенев хотел выразить вечер, как на картине Шарля Добиньи «Вечер», приобретают холодный оттенок. Приближённый к тёмно-серому тону.

Далее в рассказе следует описание нескольких ночных пейзажей, которым, как и самому изобразительному мастерству Тургенева, дал самую высокую оценку Андре Моруа: «... «Бежин луг», – настоящий шедевр. Никто ещё не создавал лучшего описания ночных молчаливых ландшафтов. <...> Его пейзажи изысканно хороши. Никто не говорил так о деревьях, о листе».

Картина наступившей ночи дана в движении, в пейзаж включён охотник-рассказчик, глазами которого мы видим все изменения, происходящие в природе. Она приобретает какую-то пугающую таинственность, пробуждает в человеке необъяснимые страхи.

Финал рассказа заканчивается ещё одной крупной пейзажной зарисовкой наступающего утра. В нём бледно-серое, синее небо, матовый свет, холодные краски вызывают ассоциации с картиной Камиля Коро «Утро» (1853).

Радостным гимном солнцу, свету, жизни заканчивается «Бежин луг». Природа повернулась к человеку светлым ликом, исчезли ночные страхи. Но остаётся напоминание о ней – о мощной, таинственной и неподвластной человеку силе. Природа живёт своей жизнью, о которой она иногда напоминает человеку, так как она осталась для Тургенева независимым и неразгаданным воплощением мирового духа.

«Бежин луг» весь соткан из света, цвета и его самых разных оттенков, он представляет собой настоящий пир красок и цветовых созвучий. Писатель как истин-

ный художник-пейзажист демонстрирует здесь неистощимое богатство своей палитры.

Совсем другой – мятежный, грозовой пейзаж изображён в рассказе «Бирюк». Он начинается с возвращения с охоты домой рассказчика, которого одного в лесу застаёт внезапно разразившаяся гроза. Тургенев мастерски описывает переходное состояние природы от тёплого летнего вечера до начала грозы: «Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели.<...> Дорога вилась передо мной между густыми кустами орешника, уже залитыми мраком...»

Тургеневский пейзаж открывается широким панорамным видом, в котором динамично кадр за кадром даны изменения погоды и природы. Вначале изображено небо с огромной лиловой тучей, которая появляется из-за леса. На следующем кадре запечатлены «длинные серые облака». Ещё светло, так как дорогу видно, но кусты орешника по краям дороги уже залиты мраком. Тургенев мастерски пользуется светом, показывая игру света и тени.

Картина грозы в «Бирюке» является не только фоном, она и участник действия, так как искусно вплетена автором в содержание рассказа и в события, которые развернулись в дальнейшем. Изображение грозы состоит из нескольких этапов: её приближение, её буйства и затухания. Гроза у Тургенева наделена также метафизическим смыслом: она существует как проявление таинственных законов природы, которыми не в силах управлять человек. Гроза неразрывно связана с действием, символически соотнесена с развитием сюжета и характером главного героя, сильного, мужественного и одинокого лесника Фомы Кузьмича, прозванного крестьянами, по аналогии с волком-одиночкой, «бирюком».

Иван Сергеевич не случайно описывает три фазы грозы. Он умело использует состояние грозы для выявления и подчёркивания характера Бирюка и психологических нюансов в ощущениях персонажей. В целом создаётся впечатление жизни живой, одухотворённой природы, с которой соотнесены эмоциональные состояния жизни человека. Гроза затихает – и очищаются, светлеют не только небо, деревья и кусты, но и рассеивается мрачное настроение в душе рассказчика. Буйную стихию грозы заменяет затихающий вечер: «Дождик перестал. В отдалении ещё толпились тяжёлые громады туч, <...> но над нашими головами уже виднелось кое-где тёмно-синее небо, звёздочки мерцали сквозь жидкие, быстро летевшие облака».

Если все фазы разворачивания грозы соединить в единую ленту видений, то можно представить динамичную картину, на которой переданы тончайшие нюансы в изображении неба, облаков, кустов и деревьев, леса в целом. Автор использует переливы и вариации тёмно-серых, синих и лиловых оттенков в контрасте с зелёными, коричневыми и серебристыми, мастерски изображает движение света и освещённость предметов. Его грозовой пейзаж и живописен, и выразителен, вызывает у читателя состояние взволнованности и эмоционального напряжения.

Тургеневу удаётся при помощи обращения к зрительному восприятию читателя показать прекрасный мир живописной русской природы. Разные её состояния, способны вызвать у читателя чувство восхищения её красотой. Она у Тургенева сверкает всевозможными цветами и красками, предстаёт во всём её великолепии, непрерывном движении и обновлении. Тургенев знал природу со всеми тайнами и умел трепетно и взволнованно передавать её красоту.

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЕВ
кандидат филологических наук, доцент

ПРАВДОПОДОБИЕ НЕВЕРОЯТНОГО В ФАНТАСТИКЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

В 2018 году мировая общественность будет отмечать 200-летие со дня рождения И.С. Тургенева. Этой дате посвящаются многие мероприятия, проводимые в России, Франции, Канаде. Проходят конференции на родине великого русского писателя – на Орловщине, в музее Тургенева, в музее-заповеднике Спасское-Лутовиново.

Наша статья посвящается фантастическим произведениям И.С. Тургенева. Многие отечественные и зарубежные исследователи Г.Б. Курляндская, Р.Н. Поддубная, О.Н. Осмоловский, Мариана Бюри, Франсуаза Фламан и другие относят к фантастическим такие произведения, как «Призраки», «Стук! Стук! Стук!», «Бежин луг», «Фауст», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич (После смерти)» и другие. В статье анализируются три произведения писателя: «Бежин луг», «Сон», «Клара Милич (После смерти)».

Мы говорим о правдоподобии фантастики Тургенева, которая рождается из реального, из повседневной жизни. Французский исследователь Мариана Бюри пишет, что «гений автора фантастических произведений состоит в том, чтобы заинтриговать, пленить читателя, заставить поверить легко и естественно в невероятное, что фантастическое, связанное и логичное, находится внутри нас. Это обычная жизнь, которая вдруг становится странной, невероятной».

В рассказе «Бежин луг» действие происходит ночью, у костра, где заблудившийся охотник встречает пятерых крестьянских ребятишек, которые стерегли табун.

Охотник прилёг под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков. Они варили на костре картошку и рассказывали были и небылицы одну страшнее другой. Это были рассказы о домовых, водяных, русалках, мальчики ссылались на свидетелей, от которых слышали эти истории, кто-то был даже сам участником встречи с домовым.

Атмосфера ночи была фантастической, мальчишки рассказывали обо всём с большой убеждёностью. Охотник выделил среди них Павлушу, сильного, умного парнишку лет двенадцати. Рассудительный, знающий лес, повадки зверей и птиц, он отвечал на вопросы других, объясняя непонятное, добавляя своё. Последняя история была рассказана о мальчике Васе, который утонул неподалёку от этого места на глазах у матери, потерявшей рассудок. Во время рассказа этой истории Павлуши не было у костра, он ходил с котелком за водой. «Павел подошёл к огню с полным котельчиком в руке.

– Что, ребята, – начал он, помолчав, – неладное дело.

– А что? – торопливо спросил Костя.

– Я Васин голос слышал.

Все так и вздрогнули.

– Что ты, что ты? – пролепетал Костя.

– Ей – богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голосом и словно из-под воды: «Павлуша, а Павлуша!» Я слушал, а тот опять зовёт: «Павлуша, подь сюда». Я отошёл. Однако воды зачерпнул.

– Ах ты господи! Ах ты господи! – проговорили мальчики, крестясь.

– Ведь это тебя водяной звал, Павел, – прибавил Федя... – А мы только что о нём, о Васе-то, говорили.

– Ах, это примета дурная, – с расстановкой проговорил Илюша.

На что Павел ответил:

– Ну, ничего, пушай! Своей судьбы не минуешь».

В этом эпизоде изображено предчувствие, которое сбывается, атмосфера ночи смущает душу тургеневского героя Павла. Он начинает жить с этим. Через два месяца Павел, упав с лошади, погибает. Он забывает о безопасности, помнит о зове водяного. И хотя Павел хорошо держался на лошади, его падение невероятно, но факт. В рассказе «Бежин луг» невероятное имеет естественное объяснение, сводится к случайности. Мальчик погибает, не справившись с лошадью во время скачки, падает с лошади и разбивается насмерть.

Такой же точки зрения, на наш взгляд, придерживается П.Г. Пустовойт, считая, что в фантастических произведениях создаётся «таинственная» атмосфера, в которой невероятное становится правдоподобным. А случай связан с атмосферой той ночи. «Для «таинственных» повестей <...> чередование сцен бытовых и элементов сверхъестественного», внутренний мир главных героев «Песни торжествующей любви» и других «таинственных» повестей – всё рассказано и построено так, что предсказание сбывается. Всё правдоподобно. «Внимание Тургенева к «таинственному» было постоянным почти на всём протяжении творческих сознательных лет. Ещё в «Записках охотника», именно в рассказе «Бежин луг», воспроизведена атмосфера загадочного и чудесного в человеческой жизни и в природе». Колорит, предшествующий Павлушиной смерти, рисуется загадочным и таинственным, причём загадочные явления как бы внезапно врываются в обычную, будничную, прозаическую обстановку и романтизируют её. Общим для всех фантастических произведений писателей – классиков является то, что почти всегда речь идёт о сверхъестественном, необъяснимом, неизученном событии или явлении, о чём Мопассан говорил, что все эти события появляются из ниоткуда, из реальности, из повседневности. В произведениях отечественных и зарубежных писателей мы наблюдаем разные виды фантастики, использующих разные приёмы. Главные из них – это зависимость от душевного состояния героя, сама атмосфера, способствующая созданию фантастического. В каких-то случаях используется сон; повествование происходит от первого лица – приём, усиливающий правдоподобие. Правдоподобие невероятного так же подчёркивает наличие в тексте свидетелей, невероятное помещается в реальный контекст, даются реальные факты, автор строит своё повествование так, чтобы действовать на подсознание читателя.

Все эти приёмы используются для создания достоверности описываемого фантастического события. «Даже у самого недоверчивого бессознательное отодвигает на задний план голос рассудка», способствуя вере в невероятное. Используя фантастическое, писатель сознательно создаёт свой текст так, чтобы он казался правдивым.

Художественное изображение человека, мотивация его поступков, реалии быта способствуют усилению изобразительных возможностей произведения, проникновению писателя во внутренний мир героя, в его подсознание. В рассказе «Сон» Тургенев использует сновидение как главный приём изображения невероятного, фантастического. По мнению А.Б. Муратова, «отсутствие границ между реальным и ирреальным, возможность и одновременно недостаточность рациональных истолкований событий <...> особенность рассказа «Сон»». Соотнесение этого произведения с романтической литературой свидетельствует о том, что романтические идеи о сопредельности человека с общими законами бытия имеют для писателя важное значение. Муратов признаёт существование в произведении идеального мира. В то же время исследователь показывает психологическую мотивированность поступков героя. Во сне герой отыскивает отца в одном из домов города. «Особенно смущал меня один сон. Мне казалось, что я иду по узкой, дурно вы-

мощенной улице старинного города, между многоэтажными каменными домами с остроконечными крышами. Я отыскиваю моего отца, который не умер, но почему-то прячется от нас и живёт именно в одном из этих домов. И вот я вступаю в низкие, тёмные ворота, перехожу длинный двор, заваленный брёвнами и досками, и проникаю наконец в маленькую комнату с двумя круглыми окнами».

Через сон как приём Тургенев приходит к фантастическому, невероятному, когда сон становится явью. В событийном ряде повести сюжетное единство сна распадается на составные: встреча с предполагаемым отцом, обстановка сна, солнечный день, шумная толпа, кофейня. В XIII главе герой узнаёт улицу и дом, но не находит отца, увиденного прежде во сне. В XV главе происходит совпадение деталей реального и «таинственного». «Станный», онирический мир возникает в повести «Сон», как верно считает Р.Н. Поддубная: «Станный, мерцающий в поле «мечта – явь – сон» художественный мир «Сна» порождён не романтическими тенденциями в мировоззрении и методе Тургенева, а поисками писателем художественного языка, позволяющего воплотить в искусстве явления психической жизни, граничащие с бессознательным».

В «Сне» сын нашёл дом, но отца там и не было. Цепочка «мечта – сон – явь» реализовалась не полностью, но сын нашёл по снам человека, которого он принял за отца – барона. Сын встречается с ним. В своих поступках сын следует сну, своему внутреннему голосу, бессознательное ведёт его к поискам отца. История невероятная, но правдоподобная. Сам по себе фантастический сон героя говорит о его воображении. Последовательность, предложенная Р.Н. Поддубной «мечты – явь – сон», а в нашей интерпретации «мечты – сон – явь», получившая частичную реализацию, выглядит правдоподобно, в нём совпадение фактов, точность деталей (кольцо, дом из сна стал явью и др.). Исследователь прав, когда утверждает, что художественный мир фантастического произведения «Сон» – это гимн природе человека, а не личности, подобной Творцу.

Тургеневское произведение «Сон» возникает как «студийный» этюд, исследующий наследственные проявления в психике человека, в судьбе личности. В повести нет социальной тематики, характерной для бытового плана. Герой произведения разгадывает «тайну» своего рождения и причину «странных» взаимоотношений с матерью, раскрывает истоки «странного» влечения барона к своей матери. Художественное исследование загадки любви между бароном и матерью героя развивает эффективность мотива «фатальных браков», а размышления о феномене наследственности в «студийности» выявляют исследовательский характер рассказа Тургенева. Решение такой задачи требовало от героя определённой психической организации, способности чутко откликаться на стремление человека познать свои кровные связи с целым, выявить явления, которые не объясняются рационально. Обращение к герою с рефлектирующим сознанием, мечтающему разгадать загадки своей наследственности, связано не столько со стремлением писателя к изображению неустойчивости психики личности и изменчивости форм быта, но и со «студийностью» всего позднего творчества Тургенева.

Выбор авторской позиции в использовании формы исповеди героя о событиях прошлого, придающего правдоподобие события, был сознательным.

Фантастический рассказ «Сон» не имеет конкретно-бытовых и общественно-исторических реалий. А из событийно-бытового ряда представлено лишь то, что позволяет изобразить психологическую ситуацию. Экспозиция рассказа построена не только на принципе изображения психической организации героя-рассказчика, но и на мотиве «страстность-тайна». В начале экспозиции этот мотив выражает в сознании героя противоречия между очевидным и «тайным», невероятным смыслом явлений и фактов. Реально объясняется желание сына найти отца. Сюжет

поисков отца изобилует совпадениями и случайностями. Живущий в нервном напряжении и в магнетическом, сомнамбулическом состоянии герой узнаёт, что барон уехал в Америку, но что-то приводит его на берег моря, где он натывается на труп барона, думая узнать в нём родного отца, но это был другой человек. Герой уходит, возвращается во второй раз и уже не находит трупа. Тургенев правдоподобно показывает поиски героем своего отца, но они дважды завершаются ничем, потому что делал он это под влиянием бессознательного, то есть сна.

Рассмотрим «таинственное» в повести Тургенева «Клара Милич (После смерти)». В этой повести необычно психическое состояние героя, живущего в противоречивой обстановке. Такие люди поддаются воздействию неизвестных, загадочных сил, склонны к восприятию жизни путём чтения книг. Сами же они, размышляя о сложных явлениях жизни, не способны к непосредственному анализу, принимая воображаемое за реальность. В повести «Клара Милич» Тургенев применяет онирическое в качестве основного приёма, как и в рассказе «Сон». Характеризуя это произведение как фантастическое. Г.Б. Курляндская пишет: «Факт любви после смерти возлюбленной заинтересовал писателя не только в силу стремления изобразить власть одного человека над душой другого человека, сохранившегося после смерти. Главная задача Тургенева сводилась не к выражению оккультных симпатий, а к воспроизведению психологического процесса познания действительности и самого себя».

По мнению исследователя, эта повесть развивается в двух эмоциональных противоположно-направленных планах, исключающих возможность единой, целостной концепции мира. Рядом с изображением общения живых с умершими стоит естественное объяснение «прозрений» Аратова как болезненных состояний психики. Явление Клары интерпретируется автором как плод болезненного воображения Аратова – человека, наследственная склонность которого к галлюцинациям становится навязчивой в условиях, как кажется ему, из-за совершившейся гибели возлюбленной.

Обращаясь к психологическим проблемам и душевным переживаниям, к процессу зарождения чувства у героя, превращения бессознательного в факт сознания, Тургенев остаётся реалистом. В лице Аратова даётся вариант «лишнего человека» из разнотинной демократической среды. Учёный-отшельник, романтик и мечтатель, он посвящает себя научным изысканиям, не связанным с проблемами современности. Как человек, который находится в постоянном эстетическом возвышении над будничной жизнью, Аратов погружён в свои раздумья. Он человек мечты, живущий уединённо.

И вот Аратов впервые встречается с Кларой Милич. Прошло немало времени, чтобы герой, медлительный из-за своего темперамента, осознал свои чувства к Кларе. Влечение героя к Кларе Милич показывается писателем как бессознательное. Образ Клары расходится с представлениями героя об идеальной женщине, сформировавшийся у него с облика его матери. Он хотел бы, чтобы его возлюбленная походила на его мать. Страсть врывается в сердце Аратова насильственно, вопреки его идеалу.

После смерти Клары Аратов выпрашивает у её сестры фотографию. Постоянные напряжённые размышления о загадочной девушке приводят его к почти осязаемому её присутствию. Герой видит живой образ запомнившейся ему девушки с фотографии. «Он погасил свечку – и мрак водворился в его комнате <...> И вот ему почудилось: кто-то шепчет ему на ухо <...> Ни одного отдельного слова нельзя было уловить... Но это был голос Клары! Аратов открыл глаза, приподнялся, облокотился <...> это, несомненно, голос Клары!». Конечно, это невероятно, но правдоподобно, это галлюцинации. Такие герои, как Аратов, встречались в жизни. Аратов

чувствовал, что нравственные понятия смещаются. Идеалы рушатся, зло в жизни не исчезает, и человек ощущает брэнность своего существования, подверженного самым разнообразным случайностям. Все эти противоречия обостряют интерес к вечным вопросам о жизни и смерти, гармонии и красоте. Аратов отрекается от обыденных забот ради вечных истин, помогающих обрести уверенность, которой ему не хватало в жизни. Будучи реалистом, писатель добивается правдоподобия этой истории. Самоубийство актрисы – это трагедия для Аратова, с которой он не справился. Он не вынес одиночества и умирает.

В фантастических произведениях писателей-классиков наблюдаются разные виды фантастики. У Пушкина реалистическая фантастика передаёт душевные потрясения героев. У Лермонтова (повесть «Штосс») в фантастических обстоятельствах художник Лугин испытывает моменты творческого озарения. У Гоголя в «Петербургских повестях» мы видим гротескный реализм, фантастический гротеск. У Тургенева это «студийная» фантастика в его «таинственных» повестях. О Тургеневе Мопассан писал, что в своих фантастических произведениях он описывал то, что знал, пережил сам, создавая свои тексты с помощью воображения.

Исследователь В.А. Доманский пишет: «Писатель стремится расширить возможности воздействия своего творчества на читателя посредством обращения к смежным искусствам: музыке, живописи, архитектуре, скульптуре, театральному искусству и т. д.». По его словам, в одной частной беседе Тургенев признался в своём желании с детства стать «пейзажистом». Убедительным свидетельством глубоких и разносторонних связей писателя с изобразительным искусством являются рисунки и карикатуры, которые были для писателя не случайными. Тургенев делал их осознанно, уточняя словесный портрет своих персонажей. Становление писателя-художника как искусного пейзажиста произошло в описаниях природы в его произведениях.

По словам Мопассана, Тургенев был прекрасным рассказчиком, он рассказывал свои невероятные истории так, что в них можно было верить, настолько они были правдоподобны. У слушателей кровь стыла в жилах от услышанного. Вот одна из таких историй. Будучи молодым и сильным, рассказчик однажды охотился в России. Весь день он пробродил в лесу, к вечеру вышел на берег тихой речки. Охотнику захотелось искупаться. Он бросился в воду и поплыл в освежающей, прохладной воде. Вдруг чья-то рука легла ему на плечо. Он обернулся и увидел чудовище, наподобие женщины с огромным лицом, с волосами, покрывавшими всё тело и плывшими за спиной. Охотник почувствовал такой ужасный страх, который можно было испытать только при виде сверхъестественного. Обезумев, охотник не помнил, как очутился на берегу, чудовище с криком преследовало его. Парализованный страхом, охотник бежал из последних сил, когда мальчик, пасший в лесу коз, пришёл ему на помощь. Он отогнал кнутом чудовище и объяснил охотнику, что это сумасшедшая, которая живёт тут в лесу уже тридцать лет. Целыми днями плавает она в этой реке. Рассказчик добавил, что никогда в жизни не испытывал такого страха. Всё оказалось реальностью. Но описание этого невероятного, фантастического происшествия настолько правдоподобно, что осталось у охотника на всю жизнь. К этому можно только добавить русскую пословицу: «У страха глаза велики».

В заключение отметим, что, развивая реалистический художественный метод, Тургенев мог многообразно и глубоко передавать фантастический пафос реалистическим способом, то есть показывать невероятное правдоподобно. Для этого он использует следующие приёмы: рассказ часто ведётся от первого лица, делаются ссылки на свидетелей, создаётся фантастическая атмосфера, используются сновидения, бессознательное, что заставляет читателя верить в невероятное. Прочити-

руем исследователя Ю.Г. Нигматуллину, которая пишет: «Поискам прекрасного в мире «вечной» природы, в натуре человека всегда выражали стремление писателей вырваться за пределы уклада жизни, освободиться из плена конкретного исторического времени, придать своему идеалу универсальный общечеловеческий характер».

Тургенев расширял возможности реалистического художественного метода, придавая правдоподобие фантастическим произведениям, которые содержат в себе антропологизм в эстетическом идеале Тургенева, что усиливает пересоздающее начало, приводя к обновлённому, обогащённому фантастикой, реалистическому методу.

УРОКИ ЛИТЕРАТУРЫ

О книге «Мужской вагон» Дмитрия Быкова

В настоящее время проблемы преподавания литературы в школе стали, как никогда, актуальными. Об этом спорят, это обсуждают на всех уровнях, так как литература – это не просто предмет, а выход на состояние нравственности в обществе, на связь с культурой, цивилизацией, от неё зависит здоровье общества, его духовность, его благосостояние тоже.

Теперь перейдём к предмету нашего разговора, к книге Дмитрия Быкова «Мужской вагон». (М.: Прозаик, 2012). В сборнике шестнадцать рассказов, из них четыре написаны в рифму. С них и начинается сборник. Остановимся на двух из них «Ночные электрички» и «Версия». Начав читать рассказ «Ночные электрички», сразу понимаешь, что рифма не мешает, а как бы организует и забавляет, хотя сам рассказ не о весёлом. В рассказе «Версия» речь идёт о судьбе поэтов в России. Сологуб, Блок, Маяковский, Есенин, Пастернак, Цветаева, Мандельштам, Набоков – целый букет русских талантов, у всех трагическая судьба. Процитируем рифмованный текст: «Но Сологуб не столько виноват, сколь многие, которых мы взрастили. Да, я о Блоке. Болен, говорят. Что он тут нёс! Но Блока все простили». С Блоком в рассказе идёт повторение как поэтическое рондо в поэзии. «Жизнь кончена, бывшее сожжено, лес извели, дороги замостили... Поэту в нашем веке тяжело. Блок тоже умер (но его простили)». И ещё цитата: «Но Пастернак останется. Куда там! Унизили прозвищем жида, предателем Отчизны окрестили... Сей век не для поэтов, господа. Ведь вот и Блок... (Но Блока все простили)».

В этих фразах главный смысл рассказа, в котором автор в такой необычной форме сумел представить весь серебряный век нашей поэзии. И как интересно можно работать с таким материалом в школе, приобщая учащихся к литературе. И не обязательно для этого включать автора в какой-то список. Посоветовав прочитать писателя, можно давать упражнения, например, написать абзац на любую тему в рифмованной форме. Молодые часто берутся за стихи, и работа с ними на таких примерах может быть очень продуктивной. Можно сравнить с тем, как много детей проходят через музыкальную школу, не собираясь стать музыкантом. Так и здесь, не всякий станет писателем, но полюбит литературу. А это главное, что нужно в обучении этому предмету.

Перейдём к рассказам без рифмы. Посмотрим на заголовки. Многие сразу привлекают внимание: «Мужской вагон», «Битки «Толстовец»», «Убийство в Восточном экспрессе», «Миледи», «Киллер», «Работа над ошибками», «Синдром Черныша», в такой последовательности я и читал эти рассказы. Хорошее название – половина дела, придумать, найти хорошее заглавие очень не просто, и это тоже

замечательная тренировка для занятий литературой. Такие творческие задания – залог успеха в работе.

Надо сказать, что все рассказы Дмитрия Быкова читаются легко, с интересом. Сюжеты оригинальны, динамичны, захватывают читателя и ведут за собой. Писатель устанавливает диалог с читателем, втягивает его в игру; читая, хочется догадаться, чем закончится рассказ, но это обычно не удаётся, развязка неожиданная. В рассказе «Битки «Толстовец»» диалог – игра, в которую включаешься, но, увы, проигрываешь писателю. Финал, конечно, не такой сильный, но приятный. Вот последние реплики этого диалога – игры:

«– Грустно.

– Да чего грустного... А ничего я вам подыграл, да? В рассказ в какой-нибудь вставьте! А теперь нормального попью. – Он нажал кнопку и вызвал халдея. – Слышь, молодой человек! Принеси нам еще этих...толстовских». А чего у вас там из холодных закусок?

– Салат «Семейное счастье», – осклабился халдей.

– Ну, тащи, – разрешил Серёжа. – Хотя в виде салата на него посмотреть...»

И вообще в основном рассказы в этом сборнике не о радости, не о счастье. В рассказе «Битки «Толстовец»», пожалуй, не сама жизнь, а игра, но это тоже интересно. Ведь розыгрыши, подставы стали почти нормой современной жизни.

Следующий рассказ «Миледи». Заголовок отсылает нас к «Трёх мушкетёрам» Дюма, но мы не будем сравнивать эти персонажи. Обратим внимание на то, как начинается рассказ: «Независимая, состоятельная, молодая, красивая, пышноволосяя, худощавая, длинноногая, изысканная, изящная, профессионально успешная женщина Татьяна...» Десять определений, кладёшь для упражнений по литературе, для обогащения своего словаря. Тут же вспомнилась новогодняя открытка одной знакомой, русской дамы – литератора, живущей в Голландии и приславшей мне к Новому году открытку с таким же количеством определений. То ли это совпадение, то ли тенденция, в любом случае эта игра в слова похвальна, и это надо развивать на уроках литературы. Но при характеристике этой миледи из рассказа в голове остаётся не более трех прилагательных: молодая, красивая, успешная.

Сюжет не банален. Татьяна возвращается из Петербурга в Москву в купе поезда, дома её ждёт встреча своего тридцатилетия «в полном шоколаде». Она думает о предстоящем событии, которое встретит со своим молодым любовником. И тут начинаются сюрпризы. В купе заявляются один за другим её бывший муж, а затем с некоторыми интервалами её любовники, и все начинают говорить ей, что они о ней думают, припоминая ей все её грехи. Миледи была потрясена, они собрали на неё досье. Она испугалась, но решила бороться до конца. Однако, когда бывший муж обратился к другим со словами: «Давайте кончать. Скоро Москва», Таня зажмурилась от страха, думая, что это конец.

Но ничего не происходило. Когда она открыла глаза, увидела перед своим носом бриллиантовый кулон – подарок от её бывшего мужа, любовники подарили ей тоже дорогие подарки. На столе перед нею лежало целое состояние. Они заявили ей, что она их разбудила, благодаря ей они все стали успешными людьми. Затем они вышли и исчезли в купе проводника. «Некоторое время Таня сидела в оцепенении. Затем вышла на яркий солнечный свет и подумала, что всё в жизни она делала правильно. И, потрянув головой, весёлая, счастливая, красивая, умная, состоявшаяся и состоятельная, с чувством собственного достоинства отправилась навстречу своему тридцатилетию». В этом рассказе финал возвращает нас к началу, все хорошо, а вся интрига между началом и финалом – хорошо построенная игра и читатель её активный участник, а весь рассказ – готовая мизансцена.

Рассказы «Убийство в Восточном экспрессе», «Киллер» построены по законам детективного жанра. Здесь не нужно ставить филологический вопрос, какая в них правда: правда жизни или художественная правда, виртуальный или магический реализм. Рассказы отличаются динамизмом и богатой фантазией автора. Для филологов это великолепный рабочий материал с текстами, столько готовых приёмов, чтобы развивать творческую личность. И не столь важно, был ли реальный прототип у персонажа Володи Коктельо Перверте или это чистый вымысел писателя, но какой сочный язык «а ла Бальзак или а ла Золя» при описании того, что ел этот персонаж, с этого начинается рассказ. «Сначала подали заливное из лося, потом розового, тающего во рту копченого тайменя, лиловый и пряный паштет из дичи, сыр «Охотничий» с зеленью, потом красно-бурую, волокнистую вяленую медвежатину, блюдо очищенных кедровых орехов, ко всему этому «Таёжную» на калгане, потом крепкий бульон с круглыми, толстыми, ручной лепки пельменями – опять-таки из лосятины, – потом жареный кабаньей бок с капустой, солёной черемшой и мочёной брусникой...» Можно сказать современным языком, что здесь и Рабле отдыхает. А какая шикарная реклама Сибири, прочитай это французы, так в Восточном экспрессе от них отбоя не будет. А сам рассказ? Он заканчивается фразой – информацией для размышления: «Измени жизнь, где можешь, и не сомневайся в своем праве».

А теперь рассказ «Обходчик», не привлекающий ни своим названием, ни сюжетом. Рассказ с фантастическим элементом, в нём описывается всенародная спячка, люди беспробудно спят, всё закрыто, всё стоит, и это вроде всем выгодно. Понятно, что это о нас: сонных, бездеятельных, не динамичных. Но хорош в рассказе обходчик с заброшенной железнодорожной станции, где и поезда-то редко ходят, он один не спит. К нему чудесным образом попадает девушка Женя, которая ищет поезд, чтобы ехать неизвестно куда. И вот разговор обходчика с Женей.

– А мы тут с тобой дежурить будем. Чаю у меня хватит, книжки есть. Будем сочинять, чего тут было, пока все спали. Когда тепло, то не страшно. Печку будем топить. Знаешь, как интересно обходить пути? Идешь совсем один, небо бархатное, звёзды. Вокруг ни человека, ни огонька, ни дымка отдалённого. У меня большой фонарь, красный с белым. «И в жёлтом колыбельном свете, у мирозданья на краю, я по единственной примете родную землю узнаю...»

Сразу вспоминаешь «Маленького принца» Экзюпери, его фонарщика, который настолько предан чувству долга, что не может поговорить с Маленьким принцем даже минуту, его зовёт долг, его маленькая планета так быстро вращается, что он зажигает и гасит фонарь каждую минуту и совсем не отдыхает. Финал рассказа Дмитрия Быкова таков: «Крупные звёзды смотрели на обледенелую насыпь, да летел между ними спутник, посылая в никуда никому не нужный сигнал». Мы дадим свою интерпретацию финала. Обходчик понимает, что он кому-то нужен, и это главное. Как у Сент-Экзюпери.

Три последних рассказа сборника «Можарово», «Экзорцист», «Синдром Черныша» показывают экстремальные вещи, которым тоже есть место в нашей жизни. И как сказал Лев Николаевич Толстой: «Можно выдумывать обстоятельства, но нельзя выдумывать психологию». Надо сказать, что психологически рассказы Дмитрия Быкова выверены, убедительны. Читая, идёшь за писателем по его сюжету до финала, не испытывая разочарования.

В заключение скажем, что сборник рассказов Дм. Быкова может служить замечательным пособием для посвящения молодых в литературу, для творческих филологов – это кладёшь приёмов в методе виртуального реализма, а ещё это литература современного писателя, который знает современную жизнь, использует современный язык и признан современным читателем.

А закончим наш разговор фразой из одного рассказа:

«Дружелюбный троллейбус, наполненный светом, проплыл мимо и разделил его радость. Двое совершенно счастливых влюбленных, не сводя друг с друга глаз и поминутно спотыкаясь из-за этого, шли по Бульварному кольцу, сиявшему витринами».

ЗОЯ ТАРАБРИНА

СЕМЬЯ, ГДЕ МНОГО СЧАСТЬЯ

О новой книге рассказов для детей

В моих руках книга рассказов Игоря Золотарёва «Моя семья».

Она адресована детям. Автор так и проецирует её, как книгу для детей. Но и взрослые прочтут её с интересом и с улыбкой, потому что всё, что происходит в жизни семьи отрока Игоря, возможно, было и в вашей, но прошло и забыто или же не замечено. И вот вам дан импульс, и пошли воспоминания о своём детстве, о детстве своих детей, о взаимоотношениях между членами вашей семьи.

Смотришь на всё это как бы со стороны. И тепло приливает к сердцу: как много в жизни даже мелких, как бы незначительных поводов для радости, ощущения счастья. В книге 25 маленьких самостоятельных рассказов о разных эпизодах в жизни подростка. Все они соединены одной нитью – тёплой, нежной, трогательной любовью мальчика и его родителей к окружающему миру: животным, растениям, к литературе, к достижениям современной цивилизации, экологии. И написаны простым, доступным детям языком, через детское восприятие, наивное, любознательное.

Вот мальчик дома один. Но одиночеству здесь нет места. У него какая-то необыкновенная яркая игрушка – французский мобильник «Алькатель». Он часто звонит по нему папе и разговаривает с ним, потом со своей лоджии разговаривает с сорокой, сидящей на соседней берёзе, рассказывает ей, что читал, «наверное о тебе», «Сороку-воровку» Герцена, что в честь него улица названа вот тут совсем рядом. Конечно, не в честь тебя, воровки. Сорока не молчит, отвечает ему:

– Тыр-тыррр, – и смотрит прямо в глаза, а больше на телефончик.

Тут звонок в дверь – родители пришли, вкусности всякие принесли. Радостные разговоры с папой, мамой, сорока забыта, а когда вернулся в лоджию – окно настежь, сороки нет, нет и мобильного. Как его искали и где нашли это целое приключение, описанное в рассказе «Смотрю в окно», достойное внимания.

Отношение к особям животного мира в этой семье внимательное и любовное. В рассказе «Кот Вася – защитник нашей усадьбы» главный персонаж – это он, Вася. Достался кот от бабушки и прожил у них десять лет как член семьи. Они заботились о нём, лечили у ветврачей. Одна оплошность лекаря привела к осложнению, и вот не стало Васи. Хоронили его как человека, а потом долго папа и сын разговоры вели, вспоминали о нём. «Вася был семьянин: любил рядом на стуле посидеть, телевизор посмотреть, музыку послушать, – вспоминает отец. – Огородником наш Вася был: копаем огород, а он всегда рядом, на спине по грядке катается, и ещё Вася храбрый был, – говорит мальчик. – Можно сказать, патриот, – поддержал его

папа. – А что разве у котов патриотизм бывает? – засомневался сын. – У нашего Васи был, – утвердительно отвечает отец. – Помнишь, как он сражался с чёрным чужим котом, перелезшим через забор на территорию нашей усадьбы. В землю вогнал. – И добрый был, – вспоминал мальчик. – Конечно, – подтвердил отец, – молока другу ёжику Лёне всегда оставлял». И печалились они вдвоём о Васе, о большой утрате, соединявшей их с миром животных, с миром природы.

И так у мальчика крупными формируется взгляд на мир, на понимание того, что хорошо, что плохо.

О том же и рассказ «Песнь о собаке» Есенина». Отец и сын стоят у истока реки Оки, сняв шапки. О чём думают они? О том, как рождаются реки? О пути Оки к Волге, а далее к Каспию? Взмолвленный отец тихо говорит: «Прямо музыка какая-то в душе возникает». И теперь уже не унять «почемучку-сына»: какая да про кого. «О Есенине, о его «Песни о собаке», – делится мыслями отец. – Есенин тоже жил на Оке, уже широкой у него в Константиново. Вот на его «Песнь о собаке» и звучит музыка во мне». «Спой мне её хоть разок, иль слова позабыл?», – просит сын. «Нет, слова Есенина помню твёрдо, они всегда звучат у меня где-то внутри ...Слушай, сынок». Сын слушал, не дыша, о собаке, о её рыжих семерых щенятах, которых она ласкала, причёсывая языком, о хмуром хозяине, поклавшем всех семерых в мешок, о глазах собачьих, покотившихся золотыми звёздами в снег. Он потрясён. «Когда-нибудь споёшь мне эту песню?» «Может и спою, пока ещё жив». Мальчик замер от сказанных слов. «Как это «пока ещё жив»? Ведь папа же вечный, как и мама, как собака Есенина, как сам Есенин, как эта Ока, как солнце, трава, слова...».

Много занимательного маленький читатель узнает о писателях, о событиях, связанных с их именами, в рассказах «Пушкин приехал в Малоархангельск», «Писатели из Москвы», «В Орле, на Дворянском гнезде», «Наш дом становится музеем», «Как мы читали Толстого». Например, почему в Малоархангельске памятник Александру Сергеевичу Пушкину поставлен, и о приезде в этот маленький городок потомка поэта Григория Григорьевича Пушкина уже в наше время, и о нашем современнике – тульском поэте Валерии Ходулине, озарённом пушкинской поэзией. Автор поведёт читателя по Москве, по Тверскому и Гоголевскому бульварам, на Воробьёвы горы к Московскому университету и далее за университетский стадион, по местам, где установлены памятники нашим великим писателям и поэтам Есенину, Гоголю, Шолохову, Ломоносову и даже американскому Уолту Уитмену. Ещё раз проникнешься почтением и гордостью «...за нашего светоча, кумира, национального гения» Льва Николаевича Толстого, знакомясь с рассказом «Как мы читали Толстого». Вся атмосфера, среда, в которой живёт, двенадцатилетний мальчик и его семья, пронизана стремлением к познанию, размышлению, творчеству, любовью к литературе. В ней растёт, формируется человек.

И ничто человеческое не чуждо этой семье. Сад, усадьба – это не только место отдыха, встречи с родственниками и с друзьями. Здесь особый простор для деятельности и познания. И семья заботится о доме, обновляет крышу, формирует сад, выбирает саженцы, растит их с любовью, и сад отвечает на заботу, дарит им диво, свои плоды в рассказах «Слива-чудо», «Яблонька по имени Рая», «Куст хризантем», «Грибы под окном».

Хорошо в саду! Чистый воздух, птичье щебетанье, яркие цветы, налившиеся плоды... Но приходится снова и снова возвращаться в город, к цивилизации («Смотрю в окно на машины»). И мальчик снова смотрит в окно из лоджии с четвёртого этажа на новый кирпичный дом через дорогу. Машин возле него тьма-тьмушая. Утром они куда-то деваются, а к вечеру и едут, и едут. «Хоть бы иномарки эти куда делись, думает он. Говорят, что в Москве уже нечем дышать. Льды в Антарктиде тают, всю Европу скоро затопит. В ООН остро стоит вопрос об экологии...». Так

размышляет он своим подростковым умом и видит, что иномарок всё больше и больше, поставлены на охрану: мигают, вопят. «Загнать бы всех на дно Оки, с глаз долой»... Так он думает, смотрит в окно и видит, что уже к их подъезду подкатила огромная японская машина, и из неё вываливаются его московские родственники: трое детей и их родители. И в квартире шумно, весело. Доехали хорошо, быстро. Машина у них – зверь, и вместимость, и проходимость, и комфортность на высоте. Вмещает восемь человек и завтра все вместе поедут на дачу. «Здорово иметь такую машину!»

Легко, с юмором повествуется о другом предмете цивилизации в рассказе «Где дети? Сидят в Интернете». И снова тут появляется знакомый нам досужий Миша. Пришёл он с бабушкой в гости и сразу же нашёл себе дело. «Глянь, где Миша сидит: за компьютером, оседлал Интернет, молодец!» – восхищается его бабушка. Миша на чужих компьютерах научился. Сам входит, выходит в Интернет. Хозяйка дома обеспокоена и просит присмотреть за Мишей, а то он чего-нибудь наворочает на компьютере, на чём тогда работать...

– Не наворочаю! – кричит Миша. – Не наворочаю, бабушка Люся...

А потом все вместе сидят за столом, пьют чай, кто с яблочным и сливовым вареньем, кто с мёдом, а папа пьёт кофе с своим несладким печеньем из новых подаренных им чашек и беседуют о том, и о сём, о компьютере, об Интернете, кто и как его освоил. Где сейчас дети? А в Интернете. Это лучше, чем на улице хулиганить, бог знает что вытворять. А глаза портить? Зато ума набираются в Интернете... Течёт беседа, выставляются аргументы «за» и «против» компьютера, Интернета... И читатель, без сомнения, тоже присоединится к размышлениям о том, как далеко шагнул человек и что там за горизонтом.

Умная книжка Игоря Золотарёва должна найти дорогу к детям. И она будет востребована умным читателем, любознательным, добрым, потому что она несёт любовь, добро, знания.

АЛЕКСАНДР ПОЛЫНКИН

О ПРЕЗЕНТАЦИИ ТРЕТЬЕГО НОМЕРА ЖУРНАЛА «РУССКОЕ ПОЛЕ»

4 декабря 2015 года в областной публичной библиотеке имени И.А. Бунина состоялась презентация третьего номера российского аграрно-публицистического и литературно-художественного журнала «Русское поле». Инициатором издания выступил член Орловского отделения Союза писателей России Леонард Золотарёв. Один из ветеранов писательской организации (в этом году он отметил своё 80-летие), Леонард Михайлович по-прежнему бодр духом и активен. Став главным редактором нового журнала, он сумел объединить вокруг него как в редакции, так и в общественном совете не только людей пишущих, но и тех, кого мы относим к чиновничеству.

Судя по отзывам и выступлениям на презентации, третий номер оказался наиболее удачным. В нём оказались представлены не только орловские, но и курские,

тульские авторы. И даже за граница сюда попала: Ги Порседда, Валентина Порседда живут в итальянской Сардинии, а Ольга Александрова в Роттердаме (Голландия).

В журнале – три больших раздела. В колонке редактора Леонард Золотарёв представил несколько произведений выдающихся русских писателей и поэтов (в основном, орловских). В аграрно-публицистическом блоке о социально-экономическом развитии Орловщины говорят известные орловские хозяйственники и руководители разного уровня. Самый большой блок – литературно-художественный. В нём – несколько разделов: «Очерки. Краеведение», «Поэзия», «Проза», «Письма из Италии», «Для детей», «Рецензии. Мнения. Замечания», «Наши юбилеры» и «Память о них жива». Весь журнал – почти 300 страниц альбомного формата, с большим количеством фотографий.

В третьем номере опубликованы произведения нескольких современных орловских поэтов и прозаиков – Леонарда Золотарёва, Татьяны Грибановой, Виктора Садовского, Валентины Корневой, Владимира Самарина, Светланы Голубевой, Елены Машуковой. Однако не только город Орёл, но и провинция оказалась представлена в журнале, например, публицистика и стихи бывшего редактора глазунинской «районки» Валентина Васичкина. Члены нашего клуба «Мастера» тоже – в числе авторов «Русского поля». Марина Карлова опубликовала подборку стихов «Колпна, на Тихой Сосне», а я подготовил и предложил вниманию читателей подборку никогда не публиковавшихся стихотворений Льва Овалова со своим предисловием.

На презентации вступительное слово сказала директор библиотеки имени И.А. Бунина Л.И.Бородина, сам главный редактор издания Л.М. Золотарёв, мэр Малоархангельска А.С. Трунов, авторы – В.И. Самарин, В.М. Васичкин, Т.И. Грибанова, В.И. Корнева, З.Ф. Тарабрина, М.В. Карлова, А.Ф. Шитиков (Курск) и автор этого материала. Все мы положительно оценили выход журнала в целом и, особенно, содержание третьего номера. Были высказаны и пожелания, например, о привлечении к числу авторов в следующих номерах молодёжи.

Присутствовавшие выразили мысль, что издание будет постоянным и не закончится в Год Литературы. Ждём очередного номера.

Память о них жива

АЛЕКСАНДР ЛОГВИНОВ

СТИХИ ИЗ КНИГИ «ОКОЁМ»

* * *

*Ожиданий минула черта,
Обещаний развеялись сроки,
Суета, колгота, маета.
Где же вы, мудрецы и пророки?*

*Нагадали на тысячу лет,
Испытали свинцом человека,
И затих вдохновенный поэт,
И в бегах летописец у века.*

*Кружит коршуном время судьбы,
Добирая остатные крохи.
Лихолетье крестьянской избы –
Обветшалое знамя эпохи.*

*Хлещет ливнем седой небосвод,
И в рыданье надежда планеты.
Где же гордый и сильный народ?
Где же предков святыне заветы?*

*И горька и мучительна связь
Далей рая и поступи ада.
Только вечна, зарёю светясь,
Безмятежность цветущего сада.*

** * **

*Земли и воли жаждал человек
С земли сгоняли супостаты.
И потому двадцатый век
Пустует выгоном у хаты.*

*В краю своём, в краю ином
Не встретишь больше новосёла –
Позорным рубищем времён
Горят заброшенные села.*

*И над рутинной вековой
Во всём своём ожесточенье
Идёт багровою луной
Ночь немоты и преступления.*

** * **

*В безумье власти и порока,
Минутным взвихрен торжеством,
Народ казнит своих пророков
И ставит памятник потом...*

** * **

*Когда ушёл последней битвы дым
И День Победы справила страна,
Тоской вдовы по пахарям своим
Жила моя родная сторона.
Всходило солнце, наплывал закат,
И где-то жизнь меняла круто грани.
А здесь, как тыщу лет назад,
Один петух на всё село горланил.
А здесь, как и в глухие времена,
Коптилки чад и душный запах пота,
Зимой – сугробы до окна,
А летом – беспросветная работа.
В соху впрягалась баба дотемна,*

Не у одной катились слёзы градом.
Прошла война. Была весна.
Но сотни бед ещё стояли рядом!
И реже, реже в поле зазывала
В июле зацветающая рожь.
С рыданием и свистом покидала
Очаг патриархальный молодёжь.
Казалось,
Не наступит перелом,
Казалось,
Дни мрачнее год от году.
И не понять,
Каким путем крестьянский дом
Жил на земле
И хлеб давал народу.

ЧЕРНОГРЯЗКА

Черногрязка! Название странное
Деревушки российской земли.
Не Лучом, не Поляной, не Тайное –
Черногрязкой тебя нарекли.

Может, в шутку, а может быть, злобствуя,
Окрестил тебя кто-то в веках.
И пошла, по дорогам юродствуя,
Заливаясь в крови и слезах.

И летели столетия, годы,
Травостоем сменив травостой...
Мужики уходили в походы,
Похоронки спешили домой.

И не считано бед, и не меряно,
Брали горы, пески, города.
Возводил черногрязец империю,
А себе ни кола ни двора.

Да одна деревушка ли разве?
Ведь подобных местечек не счесть.
Под Воронежем станция Грязи,
Черногрязка под Болховом есть.

Попетляй по дорогам Козюлькино,
По Гнилушам, Лоханям пройдишь,
Загляни же в Дурындино, Грошево
И в Коровье Болото явись.

* * *

История предъявит строгий счёт
Тому, кто жил и кто был только тленье,
История – она не обойдёт
Ни года, ни единого мгновенья.

*И, высшей справедливостью полна,
Ни в чём не затемняя смысл словами,
С нас взыщет до конца за те права,
Которые оставлены за нами.*

СТАРАЯ ДОРОГА

*В поля уходит старая дорога,
Пустынной далью опаляя взгляд.
И только звёзды холодно и строго
Над ней ночами яростно горят.*

*О, как она ухабиста, горбата,
Как неказиста и мала,
И впрямь соломенная хата
Ей лучшей спутницей была.*

*Как в непогоду кляча билась
На ней копытами вразброд.
И жизнь тележная катилась
Из года в год, из года в год.*

*Другие трассы, бешено и смело
Перечеркнув пространства, пролегли,
Но каждый раз вступаю оробело
На древний, древний путь моей земли.*

*Где столько раз напомним чибис чей я,
Где навевают столько разных дум
И след давно забытого кочевья,
И дней недавних небывалый шум.*

*Остановлюсь. Глаза на миг закрою
И вижу, как с холмов, из-за реки,
Из века в век с надеждой и тоскою
Идут, идут упрямо мужики.*

* * *

*Белёв и Болхов – родина моя!
Они меня впервые выносили,
Дорогами и тропами пыли,
В пространство необъятное – Россия!*

*Негромок край мой, но с времен
Былинных, и намного ранее,
Среди судеб различнейших племен
Он выстрадал себе своё призвание –*

*Пахать и сеять, и косить и жать,
Любое дело править всегда ладно,
А если надо, так с мечом стоять,
Чтоб никаким батыям было неповадно.*

*Белёв и Болхов – родина моя!
Холмистая срединная равнина,
Где от небес до малого ручья
Звенит и дышит лето соловьино.*

СЕРГЕЙ ПИСКУНОВ

РАССКАЗЫ ИЗ КНИГИ «МГНОВЕНИЯ»

НАШИ

Метель бушевала всю ночь. Из бездонной тьмы белым дымом стремительно летел снег. Ветер с глухим надрывным завыванием разносил снежную пыль по безлюдным просторам. Мохнатая поземка змеиными языками облизывала низины и косогоры.

Утром буря приутихла, но снежные змейки ещё плотно ползли по полям. Было ветрено и морозно. Заспавшееся, багрово-красное солнце долго выбиралось из густых туч, но, обессилев, утонуло в их холодной серой трясине.

Этим зимним утром наши части вошли в большое село Знаменское. Здесь со дня на день ждали освобождения. Уже с неделю каждую ночь прилетали самолеты, развешивали «фонари», как тогда называли осветительные снаряды, отчего становилось видно, как днём, и после этого заходили бомбить немецкие укрепления. От этих бомбёжек устало вздрагивала мёрзлая земля, жалобно звенели окна, хлопали ставни и двери. После каждого взрыва отдавало глухим громом.

Но как ни казалось страшно, никто из сельчан не думал покидать дома. Все с тревогой слушали самолётный гул, грозные раскаты взрывов и радовались:

– Наши! Ведь это наши!..

В хате Ивана Евсеича, которая ближе всех стояла к месту налётов, были выбиты в окнах все стекла. Ночевал он у соседей. Наутро, оглядывая пустоглазые рамы, заткнутые подушками и тряпками, важно говорил:

– Вот здорово! Теперь вся сила у наших.

А потом началась непогода. Фашистам пришлось быстро отходить, потому не удалось сжечь село. Пулеметная и автоматная перестрелка из-за метели слышалась слабо, но истомившиеся, заждавшиеся люди чутьём ловили звуки боя.

Конечно, в селе со дня на день ждали освобождения. И все-таки, когда в крайней хате в сенцах крепко затопали валенками, обивая снег, и на пороге с паром морозного воздуха появилось несколько бойцов, хозяйка, солдатка с тремя детьми, вскрикнула от неожиданности «Наши!» и порывисто бросилась навстречу вошедшим.

Бойцы входили в заснеженных шинелях и ушанках, туго подвязанных под подбородком, с красными лицами, нажжёнными ветром и морозом.

– Вот и мы, – сказал один из солдат, – Зашли немного погреться. Нет ли у вас кипяточку?

С печки кубарем скатились двое малышей и стали поодаль, боязливо поглядывая на вошедших. А старшая, Танька, выпорхнула из хаты, придерживая рукой шаль на голове, и побежала от соседей к соседям, стуча по окнам и крича в двери:

– Ульяна Николаевна! Дядя Потап! Наши пришли! Наши...

Скоро в избу, где остановились солдаты, битком набилось народу. У людей была какая-то особенная радость, заметная в чрезмерной заботливости по отношению к бойцам и в жадных разговорах с ними.

Женщины вдруг тихонько начинали всхлипывать, вспоминая горести фашистской неволи. Другие молчали, потому что с непривычки сразу не находили ещё желанной простоты разговора, не зная, что сказать, и понимая, что и говорить им особенно нечего и жаловаться не пристало: разве солдатам на фронте легче? А может, чувствовали люди за собой необъяснимую виноватость, что вот из-за них солдаты, только что вышедшие из боя, могли быть в любой миг убиты. Это пробуждало в собравшихся то особенное чувство, которое в первую минуту встречи было невозможно выразить, но которое вдруг, словно искра, растопило скованность людей.

Каждый звал солдат зайти в свой дом хоть на минутку. Угощали их, кто чем мог. Грели в печурках вытопленных печей рукавицы с отстроченными указательными пальцами. Дарили полотенца, кисеты с табаком, вязанные рукавицы и носки. Расспрашивали, как там, на фронте. Вдовы и солдатки рыдали, не слушая суровых немногословных утешений.

Ульяна Николаевна тоже завела к себе на картошку с огурцами двух молодых бойцов. Не сводя с них сияющих глаз, изредка, чтоб не мешать, спрашивала:

– С каких же вы мест, ребятки?

Солдаты назвали.

– И давно уже воюете?

Солдаты ответили, что не очень давно, но что уже привыкли.

– А Пашку, сына моего, случаем не видели? – спросила она вдруг с затаённой надеждой. – Поглядите на карточку, может, признаете?

Но солдаты сказали, что не видели, и спросили, где сейчас Пашка.

Ульяна Николаевна достала треугольник письма, исписанный химическим карандашом, и произнесла растерянно:

– Не знаю. Вот последнее. Опять только полевая почта.

А тем временем в хату осторожно заходили люди, тихо здоровались, молча садились на скамейки или становились вдоль стен и смотрели на солдат, как они неторопливо, вприкуску с огурцами ели рассыпчатую горячую картошку.

Где-то у самых дверей полушёпотом переговаривались женщины.

– Эх, бабы, – говорила одна, – ну нешто легко им? Небось, ночь сидели в окопе на морозе. Наступать стали ни свет ни заря. Вдруг ранят, убьют. А из-за кого? Из-за бабки Сазонихи или из-за меня...

– Ну что ты всё бабкой Сазонихой меряешь, – возразила другая. – А дети? А земля? А власть немецкую прогнали? И потом они же – наши.

Окна в хате заросли мохнатым инеем, отчего было сумрачно. Не слышалось за стеной непогоды. Был какой-то настороженный и недолгий покой.

Часа через два солдаты ушли дальше, и Знаменское осталось теперь в тылу. А бойцы уходили освобождать от врага новые города и деревни, леса, просторы полей. Их ещё очень ждали.

Каким чудесным словом русские люди называли своих солдат-освободителей: «Наши...» На них надеялись, ими гордились, их ждали. Взрослые и детишки узнавали наших по гулу самолётов, по следам танков, по многоголосому боевому «ура».

Они остались навсегда в памяти тех людей, кто на груди наших солдат выплывал горе, кто бежал встречать их, усталых, заснеженных или запыхлённых, кто и поныне хранит треугольники военных писем и похоронные извещения.

Героический и трудный путь, что прошли советские солдаты, стоил таких жертв, которые вряд ли кому удастся представить. И не окинуть никаким взгля-

дом неисчислимо количество лиц, голубых и карих глаз, знакомых и незнакомых улыбок всех тех, кого унесла с собой война.

Разве забыть, как в первые послевоенные годы по окопам и воронкам от бомб, на свежих могилах разрасталась крапива, лоснясь от зелёного жира, высасывая из земли капли крови наших бойцов?

С этих дней войны и дней свободы начало жизнь новое поколение, которому самыми близкими стали войны, принесшие освобождение, солдаты, которых ласково и любовно называли: «Наши»...

ВЕНОК

Пригородный поезд подходил к станциям в полумраке сырых ноябрьских сумерек. Как и на прежних остановках, каждый, кто с шумом и разговорами входил в вагон, сразу осекался и затихал. Прямо у дверей сидел пожилой мужчина в коричневом пальто с зелёным шарфом. Сбоку от него, на сиденье, стоял большой пахнущий хвоей венок.

Постепенно рядом места были заняты, и участливые к чужой беде женщины узнали, что мужчина из Харькова, что в этих краях никогда не был, а венок везёт на могилу брата, погибшего в июле сорок первого около деревни Никольское.

– Сколько ж их у нас, Никольских! От одной, я знаю, теперь остались только ракитки, – тихо проговорила женщина, сидевшая за столиком напротив.

Незаметно подходили люди, и он выяснил, что Никольское часть большого села, что в здешних местах разные края деревни обычно имели свои названия. Есть там остановка, есть братская могила. Никто только не мог вспомнить, известны ли имена погибших бойцов.

– Трудно сказать. Сносили потом с разных мест. Могилок сперва были где зря: и на огородах, и в окопах... Может, кто и помнит вашего брата, – опять сказала женщина.

В пригородных поездах пассажиры нередко могут бесконечно рассказывать о каждой деревне по пути, о каждой живой душе на дороге. Но на этот раз приезжему никто не смог помочь, потому что толком никто ничего не знал. А через полчаса, провожая его и показывая на незнакомую вереницу домов, спутница сказала:

– Переночуешь у кого-нибудь, а завтра в сельсовете всё и узнаешь.

Она долго глядела вслед ушедшему в темноту, пока шумевший нарядными цветами венок не исчез в темноте.

Утром опять был дождь, изморось с туманом, изнурительная запоздалая слякоть середины ноября. Унылые бурые кусты и деревья съёжились. Понуро мокли серые домики. В грязи и лужах потонула дорога.

Мужчина прошёл с венком в сельсовет. Долго сверкали на крыльце голубые и оранжевые восковые цветы. На иголках еловых веток слезились росинки дождя.

Потом из сельсовета вышли вдвоём. Председатель шёл в распахнутой фуфайке, без шапки, удручённый и беспомощный. Разговор угасал:

– Медальоны у них были с адресами... Может, когда в сорок девятом копали...

– Да кому, милый, до адресов было... Невозможно было искать – запах. От бабьих слез не знали, куда деваться...

Когда подошли к братской могиле, приезжий прошёл с венком в ограду, прислонил его к самой табличке «Вечная слава героям!» и долго смотрел в лицо рослого молодого солдата, стоявшего на постаменте, окружённом кустами сирени. Не похож ли? С плеча его ниспадала накидка, на груди висел автомат. При всем несовершенстве скульптуры лицо бойца сохранило решительность и доброту.

Так и казалось, что он несколько мгновений назад присел на корточки и позабавлялся с каким-нибудь любознательным малышом, дал ему потрогать каску, автомат, радостно встретил его бесконечно благодарную улыбку, а потом, вспомнив, сурово и тяжело встал и, обратиться в камень, застыл навсегда.

– Семьдесят человек зарыто здесь, и почти все неизвестные, – шёпотом сказал председатель.

Они ещё долго стояли, словно боясь спугнуть дождливую тишину, надеясь услышать что-то или пытаясь представить себе тот бой, который своим огнём навсегда отделил мужчин, лежавших в земле за оградой, от всех помнящих и ждущих их.

А солдат с автоматом молчал. Нет, он не видел и не помнил этих двоих. Ему не мешал дождь. И не было ему дела ни до них, ни до этой вечности голубых небес, затянутых тусклыми и рыхлыми, вспухшими от сырости облаками.

ОСТАНОВКА «МАТРЁНКА»

Во время войны от маленького посёлка остались только груды кирпича и золы. На развалинах выросли лопухи и крапива. Дожидаясь людей, дважды отцвели вишни, дважды осыпались сады.

Но вот на пожарище пришла женщина с маленьким ребёнком, и в первое лето, как отогнали немцев, вырос у самой дороги мазаный домик, обложенный заваляшками и покрытый соломой. Хотя раньше место вокруг было обжито и находилось вблизи большой дороги, больше никто не вернулся. Домик остался одиноким. Рядом с ним и напротив пустовали брошенные сады.

Женщину звали Матрёной. Вместе с сынишкой прожила она здесь длинные, как километры, лета и зимы. Матрёна лет двадцать работала в колхозе, скирдовала сено, замачивала пеньку, возила зерно, сторожила тока. И так уж получилось, на огонек её домика нитками протянулись стежки от окрестных деревень. Прохожие угощались здесь холодной водицей или отдыхали в ожидании автобуса. Приезжали сюда грибники и охотники. Шоферов они обычно просили подвезти их до «Матрёнки». И постепенно остановку с этим названием признали все.

Каждый год летом приходили в эти края телефонисты менять старые столбы, шагавшие вдоль дороги, и три-четыре дня они жили у Матрёнки. Хозяйка радовалась гостям и вечерами приносила им в фартуке молодые картофелины, шелушившиеся нежной кожицей. Ребята разводили на улице большой костер, усаживались у огня и рассказывали забавные небылицы. И всегда между делом и шуткой успевали они подправить обветшалую Матрёнину постройку, сделать новую калитку или починить подвал.

Одно время у Матрёнки прижился бездомный пес, имевший странную привычку днями сидеть на крыше. Сидя возле трубы, он подолгу смотрел на проходившие машины, зевал и жмурился от солнца. А завидев Матрёну, шедшую от родника с ведром воды или из деревни, мчался навстречу и потом, что-то вынюхивая, шнырял в траве, словно помогал отыскивать дорогу домой.

Каждое лето над Матрёнкиной хатой подолгу светила приветливая луна. Кувыркаясь в тучах, она заглядывала в плетушки, до рассвета катаясь вдоль стёжки и по траве.

Зимой долгими ночами над окрестностями властвовала тишина. В безлюдье тихо падал снег, в безмолвии скрипел мороз. Иногда налетала метель, мчалась к лесу, билась в его молчаливую громаду и рассыпалась у гладких от холода белых берёзовых стволов. Изредка случайная машина брезжила в стекла светом фар, проплывало по полу светлое пятно окна, и опять наступало молчание.

Весь вечер, пока Матрёнка приводила в порядок своё хозяйство, моргала и потрескивала семилинейная керосиновая лампа. Перед сном хозяйка, выпив глоток

воды, тушила огонь и, уже лёжа на печке, вспоминала либо сад, либо телефонистов, либо ещё что, мелькнувшее вдруг в памяти. Или загадывала, что утром надо принести соломы или сходить в деревню за хлебом. Потом её земные заботы тихо таяли в тишине забытья.

Дни терялись незаметно и нежалко. Вырос и уехал сын, вымерзли старые сады, пропал пёс. Несколько раз в день перед окнами домика Матрёнки останавливались автобусы, люди уезжали в город или возвращались домой в деревню.

Иногда их встречала и провожала глазами тихая опрятная старушка. Вечером её видно было сидящей на завалинке, как бы ожидающей кого-то запоздалого, пока румяный клубок солнца не опускался в старое грачиное гнездо. Потом она уходила, чуть скрипнув дверью, и затихала до утра, одинокая и милая.

Лес к этому времени тускнел уже очертаниями, и только там, где ещё теплился сгоревший день, долго виднелся темный гребень высоких деревьев.

Прошло ещё несколько лет – и не стало более Матрёнкиной хаты. Истаяли бушевавшие первое время заросли бурьяна на месте жилья, огорода и палисадника. Пяток засохших суковатых яблонь да гряда одичалых вишен напоминают опытному глазу, что когда-то здесь было человеческое жилище.

Да осталась ещё белесая лавка на перекрестке тропинок, по-прежнему тянувшихся от ближних деревень.

ЕВГЕНИЙ ЗИБОРОВ

КРАСНАЯ РАКЕТА

Помните – в самом начале я рассказывал о Полищуке. В последние дни он начал меня тревожить. И чем более я к нему приглядывался, тем больше видел в нём какую-то внутреннюю неустойчивость. Особое внимание на него пришлось обратить после того, как произошел скандал между ним и Батуриным. Батурин, ставший отделённым, съездил своим кулачищем по физиономии Полищука. Случай этот взволновал меня. Я не мог поверить, чтобы Батурин ни с того ни с сего обрушился на него. В ночном поиске Полищук отстал от группы Батурина. Его нашли только на рассвете, спящим в блиндаже. После того, как он обругал Батурина, заподозрившего его в трусости, последовало вразумляющее внушение сержанта.

Я строго выговорил Батурина и вызвал Полищука. Он клялся всеми святыми в своей невиновности и – что удивительно – ни слова не сказал о батуринском методе вразумления. Откровенно говоря, я на этом и не настаивал.

Вот что я сказал Полищуку:

– За малейшее проявление трусости или попытку уклониться от выполнения любого задания – передам дело в военный трибунал. Учтите.

Кто мог знать, что после этого я стал для Полищука «целью номер один»?

Вечером ко мне явился Батурин. Он долго мялся и отводил в сторону глаза.

– Выкладывай, с чем пришел, – сказал я, придав голосу суровость. – Выпаливай, мудрец!

Батурин крикнул.

– Попутал меня рыжий... Жаль я из него душу не вытряс. Все равно за семь бед – один ответ.

– Ты и так отличился. Не стыдно?

– Верно, отличился. И все-таки мало я ему дал. Э, да не затем я пришёл. Язык окоротить Полищуку треба. Болтает, как самая последняя баба... Касательно этой, из санбата...

– Что?

– Да я ж и говорю. Треплется, что лейтенант чужую бабу... – Батурин, отчаявшись, уставился на меня.

– Так... Ещё что?

– Как что? А этого мало? Да ему башку прочь снести надо за такое!

У меня внутри всё кипело. Но я пожал плечами, сделал безразличный вид и, усмехнувшись так, как мог усмехаться Кронин, нарочито спокойно сказал:

– А если это правда?

Батурин обмяк. Надел трясущимися руками шапку, повернулся и толкнул дверь.

– Постой!

Батурин, не оборачиваясь, остановился.

– Это касается только меня. А мне наплевать на разговор дурака. Брань на ворота не виснет.

Батурин повернулся и укоризненно развёл руками

– Не виснет, верно. А замарать может. И потом, это вовсе не личное дело. Ты командир наш. И нам не всё равно, что о командире треплют. Вот так! – Хлопнув дверью, Батурин ушёл.

Так было в тот вечер.

И пришла ночь. Такая же непроглядная и гулкая, как десятки других. Где-то дрожали звёзды и летели самолёты. Край неба вспыхивал розовым светом, и оттуда катились свинцовые волны канонады. Тоненько подсвистывал пулям ветер, путаясь в ржавой проволоке заграждений. Наверно, от этого свиста звенело в ушах.

Мы пришли на командный пункт третьего батальона. В эту ночь мы должны были взять «языка». Или остаться там, на лощине. Третьего быть не могло. Отсюда, из батальона Уфимцева, лежал самый короткий путь к смерти или подвигу.

Уфимцев спал, подложив под щёку свернутую телогрейку. На столе чадила коптилка, чёрные тени скользили по углам, слышалось беспокойное дыхание спящих связных.

Кронин тронул за плечо комбата.

– Уфимцев, Костя... очнись.

Комбат мгновенно вскинул голову и сел.

– А!.. Опять?

– Что нового у фрицев?

– Слышно, в землю зарываются.

– Добро. Это нам на руку. Я здесь расположусь, не возражаешь?

– О чём речь?

– Значит так, Дружина: через полчаса возвращаетесь на красную ракету. Оставьте сигнальщика. Место тебе знакомое, надеюсь, не собьёшься. У меня всё.

Я позвал Белоусова и, посоветовавшись с ним, отдал ракетницу Полищуку. Всё равно большого проку от него не следовало ожидать: уж очень колотила его нервная дрожь.

– Вот ракетница. Будете сигналить, когда пройдёт полчаса. Часы есть? Сверьте с моими.

Полищук приободрился и даже щёлкнул каблуками, повторив приказание.

И вот я на гребне бруствера. Темень, ветер... Небо заволокло тучами. Это хорошо. Пригнувшись, я качусь вниз. Следом за мной скользят остальные. Потом я пропускаю вперёд двух сапёров. Кто-то остушился и тихонько ругается.

Мы спешим. Вот и середина лощины с чахлыми оголёнными кустиками. На немецкой стороне взлетают ракеты и с шипением обрываются вниз. Где-то нервничают пулемётчики – красные искры трассирующих пуль веером несутся поперёк лощины.

Я подползаю к остановившимся сапёрам.

– Видите чёрную тень? Это ракета. Двигайтесь прямо на неё.

Сапёры прощупывают землю. Метрах в двадцати от ракеты останавливаются.

– Мин нет. Только проволока...

Сапёры режут проход и молча уползают назад. Они сделали своё дело.

– Вперёд!

В проход лезут Белоусов и Батулин. За ними двигаюсь и я.

В последние дни немцы укрепляют свои оборонительные линии. Сейчас они копают траншею для боевого охранения на самой лощине. Это-то нам и на руку. Я прислушиваюсь. Ага, справа слышатся удары киркой. Все туда!

Я узнал это место. Здесь, чуть пониже, была наша Промежуточная. Вот и силуэт фашиста. Он отчетливо виден, когда взлетают ракеты. Немец что-то мурлыкает, сноровисто долбя землю.

Неожиданно фашист выпрямился. Что он услышал? Неужели кто-то неосторожным движением выдал себя? Я знал, что Белоусов и Батулин уже подползли к нему на расстояние броска. Медлить нельзя.

Вспыхнула ракета, и немец упал на землю. Я схватился за автомат. Сейчас начнётся... Неподалёку раздалась немецкая речь – кто-то окликнул фашиста. Он ответил и вдруг как ни в чём не бывало поднялся. Фу, чёрт возьми!

Фашист наклонился и взмахнул киркой. Это было его последнее самостоятельное движение. Когда я прыгнул вперёд, Белоусов уже подмял его, а Батулин впикивал в рот кляп. Немец даже не пытался отбиваться.

Мы оттащили его и завернули в плащ-палатку, туго перетянув верёвкой. А теперь – назад!

Отползая последним, я взглянул на циферблат часов. Времени на возвращение оставалось в обрез. И в этот момент сзади кто-то пронзительно закричал.

Мы рванулись вперёд, туда, где должна была взлететь наша ракета.

Дробно ударил один автомат, другой. Я остановился и метнул гранату в направлении выстрелов. Подоспевший ко мне Берёзка метнул вторую, и мы бросились дальше. Вслед за гулом разрывов раздалась беспорядочная пальба. Огненный шквал пронёсся над нашими спинами. По лощине била вся немецкая траншея. Сейчас сюда полетят и мины...

Так и есть. Земля дрогнула и уже не переставала трястись. Пыль, пороховая гарь, комья земли, слепящие глаза разрывы... Держись, Дружина!

Белоусов дважды падал на пленного, прикрывая его от близких разрывов. Да, лучше принять кусок горячего металла своим телом, чем дать убить этого проклятого фрица. Иначе всё будет напрасно.

Ко мне приблизился Берёзка. Стараясь, чтобы я услышал его, он кричал:

– Мины, товарищ лейтенант! Куда двигаться дальше?

Этого ещё не доставало! Мы сбились. Надо искать проход в нашем минном поле. А как его найти, если кругом тьма, простёганная взрывами?

Я бросил взгляд на часы – и вздохнул с облегчением: полчаса истекло. Сейчас взлетит наша ракета! А тогда – прямо на неё.

Заговорили пушки. Нас трясло, переворачивало и засыпало землей. А ракеты всё не было. Что случилось? Непонятно!

И вдруг я увидел, как над близким скатом медленно, словно нехотя, взмыла красная дуга. Поднявшись, ракета на миг остановилась и стремительно понеслась вниз, разбрызгивая рубиновые капли...

– Вперёд, на ракету! Бегом!

И мы рванулись навстречу спасительной багровой жар-птице.

Внезапно перед глазами вспыхнул сноп огня, что-то с гулом лопнуло, горячий вихрь ударил в лицо и ослепил. А затем наступил полный мрак.

Что же случилось? Эта мысль раскалённым гвоздем прошла сквозь мозг, когда я открыл глаза. Вместо мигающих звёзд я увидел низко нависшие брёвна.

Я повернул голову. Да ведь я в блиндаже Уфимцева! Вот и он сам, рядом со мной. Только лицо его перетянато бинтом. А это кто? Кронин. Вот Берёзка. А где же...

– Где Белоусов? – Я пытался произнести этот вопрос и чувствовал, что язык не повинуется мне. Я приподнялся на руках. Кто-то помог сесть.

– Сиди спокойно, Дружина. Тебя контузило, понимаешь? – Надо мной наклонился Кронин. – Ты слышишь меня?

Что он спрашивает, словно я оглох! Я закивал головой и наконец с усилием протолкнул одно слово:

– Белоусов?

Лицо Кронина передернулось, и он махнул рукой.

– Убит... – Тяжёлая ладонь легла на моё плечо. Я обернулся. Это говорил парторг Кожин. – А фриц цел, слышишь, цел. Он уже в штабе полка, как огурчик...

Меня уложили на носилки, и я вновь увидел далёкие, безучастные ко всему звёзды и влажные срезы стен траншеи.

Что случилось?

Произошло непредвиденное. Полищук, внезапно застигнутый артиллерийским налётом немцев, переместился от КП Уфимцева значительно дальше, чем следовало. Это сделало своё дело. Вместо того, чтобы идти по разминированному коридору, мы пошли на ракету через минное поле. В живых остались я, Берёзка, Батурин. Остальные мертвы. Спеленутого, легко раненного фашиста вытащили солдаты Уфимцева. Сам капитан с подоспевшим Батуриным вынес меня. Он же застрелил в траншее Полищука. Трус – собачья смерть.

Обо всем этом я узнал в санбате от Кронина. И все эти дни возле себя я видел Ларису. Я чувствовал её руки – на плече, на щеке, я видел её большие испуганные глаза с затаенным вопросом. Я видел её и... капитана с перевязанным лицом. Что-то непроходимой стеной встало между нею и мной. Она поняла это. Догадалась, когда я отшатнулся от прикосновения маленьких смуглых ладоней. И все-таки все три дня и три ночи она не уходила из блиндажа – пока меня не погрузили в санитарную ленту. Так и остались в моей памяти глаза, в которых застыло недоумение.

Сколько минуло недель с тех пор – три, пять, десять? Больше. Почти четыре месяца безделья, тишины, белизны госпитальных стен, врачебных обходов и запахов йодоформа. И, кроме того, пения. Да-да, меня заставляли петь. И не только меня – ещё два десятка таких же контуженных, почти утративших способность к членораздельному произношению слов. Целая капелла! Врачи утверждали, что таким образом можно возвратиться к «естественному состоянию». Кто их знает, может быть и верно...

За окном озорничал ветрами март – с весёлым тиликаньем капелей, блеском охваченных ледком лужиц и гомоном беспокойных галок. Шла весна. Со своей койки я видел ещё тугие, но уже клейкие кулачки почек старых тополей. Они набухали и в особо тёплые дни готовы были брызнуть, обдать ветки зелёным пламенем первых листочков.

Весна чувствовалась и в госпитале. О ней напоминали маленькие букетики лавровых подснежников, которые приносили в палаты шефы – худенькие девушки

в тщательно выглаженных платяицах, вихрастые мальчишки, девчонки и пожилые женщины со скорбными глазами.

Госпиталь – всё равно что город в миниатюре. Здесь своя жизнь, свои обычаи. Палаты – это городские кварталы, где каждая койка – дом. Здесь есть свои площади – коридор или красный уголок, где собираются ходячие. Здесь есть и свои кладбища – палаты для тех, кто уже не встанет, не пойдёт встречать внешний ветер и солнце. Здесь так же дружат, любят и ссорятся.

Я живу в третьей палате с шестью другими госпитальными согражданами. Палата – бывший класс. На стене и сейчас висит доска с забавными каракулями.

Недавно я первый нарушил неписаный закон – читать друг другу письма. Это письмо я не мог прочесть вслух. Письмо было от Ларисы. В нём находился ответ на то, что я намеревался ей высказать.

«Да, ты понимаешь, Саша, что между нами стоит третий. И я была несправедлива к нему, несправедлива до того, что не могу себе простить и сейчас. Когда-то я назвала его трусом. А он такой же трус, как ты или Ратманов. Ты понимаешь меня? То, что случилось с ним в начале войны, оказалось обидным и горьким несчастьем. Тогда я этого не знала, да и знать не хотела.

Я была замужем за Уфимцевым полтора месяца. Началась война. Полгода я ждала его писем – и ни одного не получила. А потом встретила его однополчанина, сообщившего, что Уфимцев сдался в бою...

Судьба свела нас снова в одном полку. Он был в звании капитана. И я его оттолкнула. Незаслуженно и обидно. Я назвала его трусом в лицо. А ты знаешь – этого мужчины не прощают. Вот, собственно, суть дела.

Потом встретился ты. Помнишь, у штабного шалаша? Тогда ты был такой смешной – в обмотках и огромных ботинках. И всё-таки что-то привлекло меня. Ах, зачем вспоминать минувшее? Мне больно то, что ты не смог встретиться раньше. Как же быть теперь? Может, начать жизнь сначала? Мне почему-то кажется – это невозможно, потому что рядом незаслуженно оскорбленный мною человек, Костя Уфимцев. Знаешь, что самое страшное – он любит меня. Видишь, я написала – самое страшное, вместо – главное. Ведь это так и есть. Костя знает почти всё, что было между нами, хотя ничего по существу и не было. И все-таки он любит. Вот какой узел связала для нас судьба. Как его распутать? Не знаю. Вот и нет тебя, а как быть дальше – не знаю. Скажи, только честно: что мне делать?»

Я ничего не ответил Ларисе. Вместо неё ответила Катя. Кто она? Был уже апрель, и мы, ходячие, тайком выскальзывали на старую набережную Волги, откуда просматривались затянутые лёгкой голубоватой дымкой заволжские дали, пристани со штабелями бочек и ящиков, речной плёс, по которому деловито шлёпали красными плечами работяги-буксирсы. Здесь я и познакомился с Катей, светлоглазой, золотоволосой девушкой.

Есть в человеческом характере любопытная черта: то, что подчас прячешь даже от близких, неожиданно высказываешь без остатка человеку, которого почти не знаешь. Вот Катя и стала для меня таким поверенным.

Эта маленькая волжанка проявила простую житейскую мудрость.

Выслушав меня, она задала лишь один вопрос:

– Вы любите Ларису?

– Да.

– Тогда поезжайте к ней. Зачем нужен такой туман, для кого? В жизни и так немало трудностей.

Так золотоволосая Катя решила то, на что я не решался. Что ж, пускай будет то, что будет!

Ранним майским утром поезд повёз меня к югу.

С каждой станцией, с каждым полустанком всё меньше и меньше оставалось километров, отделявших меня от полка, от высоты Безымянной, от Кронина, Уфимцева, от Ларисы.

В пути поезд несколько раз бомбили. Я видел многочисленные воронки, рельсы, связанные страшной силой в узлы, горящие вагоны, разрушенные постройки... Фронт приближался.

Я видел войска. Их было столько, что, казалось, рванись они в атаку – и никакая оборона не выдержит натиска лавины. Я чувствовал – скоро решится судьба нашего фронта.

От Ельца пришлось добираться на попутных машинах. Накануне я выдержал бой в штабе армии с желчным майором, ведавшим офицерским резервом. Он почему-то непременно хотел меня направить в формировавшийся танковый полк, стоявший где-то за Воронежем. Лишь после того, как я предупредил, что пойду к начальнику штаба, майор сдался и проворчал:

– Человеку дают возможность месяц-полтора отдохнуть, а он в самое пекло норовит... Чудак!

– Эх, майор, майор, сам ты чудак!

Гружённый снарядами «студебеккер» оставил меня в полусожжённом селе, где в добротных, навек сделанных блиндажах и укрытиях размещался штаб дивизии. Здесь я неожиданно встретил – кого бы вы думали? – Колобашкина. Его поблескивающие ореховые глаза и длинный нос я узнал издали. Колобашкин был в новеньких капитанских погонах. Увидев меня, он раскрыл рот и, ни слова не говоря, принялся тузить под бока.

– Дружина? Ты, ей-богу ты! Здорово, дружище, здорово! Отремонтировали, да? Ай да разведка! И в огне не горит, и в воде не тонет. Едем со мной, мой «виллис» won в том лесочке стоит. Я здесь, брат, боепитание штурмовал.

Колобашкин подождал, пока я оформил документы, и усадил меня в «виллис». Пока мы ехали лесными и просёлочными дорогами, он успел рассказать все полковые новости. Оказывается, в полк возвратился Ратманов с четвёртым орденом – «со знаменем». Кронин стал капитаном («Ну, доложу я тебе, обмывали сногсшибательно!»). Полк полностью укомплектован, батарея имеет новые пушечки («Тяжёлые танки насквозь шьют!»), живётся неплохо, ибо стоим во втором эшелоне прочно и нерушимо. Смотрим кино, концерты бывают, Машу отправил домой («Понимаешь, поправляться стала»), пишет каждую неделю, а отвечать ей недосуг...

– Да! – схватился за голову Колобашкин. – Забыл. Ведь это и тебя касается, – он испытующе посмотрел на меня. – Лариса к Уфимцеву в батальон перешла...

Что-то вдруг оборвалось во мне. Вот как! А Колобашкин продолжал:

– Нечто подобное намечается и у Ратманова с Тоней, Вообще, брат, война на закружение идёт, коль люди семьями обзаводиться начинают. Это – индекс положительный. Я так думаю – вот бы всем после войны свадьбу коллективную сыграть, чтобы небу жарко стало!

– Свадьбу? А я, что ж, на ней гостем буду?

Колобашкин спохватился и умолк, поняв, что мне сейчас не до ликований.

– Ты извини, Дружина. Счастливые – эгоисты, давно известно. – Чёрные дуги бровей артиллериста опустились. – Так вот, Лариса у Уфимцева. Помнишь майора – начмеда? Он её беспрекословно отпустил, хотя сам Уфимцев был против. Да вот и наши пенаты. Тут моя батарея. А взвод разведки метров на двести подальше, почти у штаба полка. Ну пока, вечером увидимся!

Я соскочил с «виллиса» и, вскинув вещмешок на плечо, двинулся в указанном направлении.

В ОРЛЕ, НА ПУШКАРНОЙ

У предводителя дворянства, родовитого орловского помещика Карпова был «роман» с дворовой девушкой Глашей. Чтобы покрыть барский «грех», он выдал её замуж за своего крепостного сапожника Андреева и отпустил молодых на волю. Они поселились в Орле, где-то на одной из Пушкарных улиц. Здесь родился у Андреевых сын Николай. Может быть, и не без протекции «настоящего» отца его определили в городское трёхклассное училище, а потом в землемерно-таксаторские классы при Орловской губернской гимназии. Но, по-видимому, на этом заботы Карпова о своем «побочном» ребёнке и кончились, ибо иначе не появилось бы решение экзаменационной комиссии землемерно-таксаторских классов от 12 ноября 1866 года: «Испросить у господина управляющего межевым корпусом разрешение на выдачу ученику Николаю Андрееву стипендии по восьми рублей в месяц по вниманию к его крайней бедности».

В 1867 году «Николай Иванов Андреев, из мещан» окончил «курс наук», получил звание частного землемера и таксатора и пошел служить на железную дорогу. Через три года по любви Андреев женился на Насе Нацковской – дочери какого-то захудалого помещика, осиротевшей в десять лет, почти неграмотной, но доброй и хлопотливой девушке, отчаянной фантазёрке. После свадьбы молодожены сняли квартиру из трёх комнат в доме мещанина Ганышина, на 1-й Пушкарной улице, «в приходе Михаила Архангела».

Жили Андреевы тяжёлой жизнью городского служилого люда – неустроенной, необеспеченной, полуголодной. Пятнадцатирублевое жалованье Николая Ивановича не всегда удавалось растянуть от получки до получки. Четыре рубля каждый месяц платили домовладельцу.

21 августа 1871 года у Андреевых родился первый сын – Леонид, будущий знаменитый русский писатель.

– Скажу откровенно, в год рождения Леонида и после частенько мы с мужем голодали, – вспоминала впоследствии Анастасия Николаевна.

Потом дела у Андреевых пошли лучше. Николай Иванович поступил в городской общественный банк. Завёлся достаток. На 2-й Пушкарной улице Н.И. Андреев купил землю, построил собственный дом. Он сохранился до наших дней – этот четырёхоконный домик под вязами, украшенный затейливой резьбой, с террасой, выходящей в большой фруктовый сад.

В губернском городе Орле, на 2-й Пушкарной, прошли детство и юность Леонида Андреева.

За стенами андреевского дома судорожно металась «придушенная грязью, темнотой и бедностью» жизнь городской окраины, населенной «сапожниками, пенькотрёпальщиками, кустарями-портными и иных свободных профессий представителями». Пушкарную «украшали» два кабака. Пьяной удалью славились «пушкарки– проломленные головы», по воскресеньям и понедельникам посвящавшие «все свои часы досуга гомерической драке, в которой принимали непосредственное участие жёны, растрёпанные, простоволосые, растаскивавшие мужей, и маленькие ребятишки, с восторгом взиравшие на отвагу тятёк».

Издавна сложилась у «пушкарей» своя «мораль» – здесь презирали трусов, в драке не били лежачих, не любили богатых, не уважали чужой собственности. Поэтому «хозяева» посостоятельнее возводили вокруг домов заборы, утыканные гвоздями, держали злых псов. Публика почище обходила Пушкарную. Стоило здесь

появиться «барину» в пиджаке и перчатках, в накрахмаленном воротничке, с галстуком – его обязательно запылят, засмеют, забросают камнями.

Были на Пушкарной свои «достопримечательности» и «знаменитости». Даже среди хибарок пушкарей непривычно выглядел, например, «кадетский корпус». Так прозвали жилище некоей Акулины, имевшее всего... три стены. Прохожие всегда могли наблюдать за течением семейной жизни хозяйки и её супруга, «по профессии более алкоголика, чем штукатур», которого Акулина «учила» частенько.

В будни и в праздники, в стужу и в зной «одетый более чем по-летнему» от дома к дому ковылял юродивый Алёша-Дурачок, выпрашивая «копеечку».

На перекрёстке Пушкарной и 3-й Посадской высилась мастодонтоподобная фигура Ивана Акиндыча Бергамотова – «городового бляха № 20», – словно олицетворяя собой ту страшную силу, что придавила, пригнула «пушкарей» к земле, исковеркала, изломала их судьбу.

Николая Ивановича Андреева «пушкар», хотя и величали «барином», но считали «своим» и за то, что одевался он «по-простому» – красная рубаша, чёрные шаровары, заправленные в сапоги, поддёвка, картуз, – и главное за то, что был он человек силы богатырской, а «сила на Пушкарной была всё». Когда ходили «стенка на стенку» «гожие», как называли в Орле в те годы новобранцев, Андреев, приняв ту или другую сторону, часто один решал судьбу «сражения».

Рассказывали, что однажды он один справился с десятью дюжими приказчиками, вздумавшими за что-то его «проучить»...

Старшего сына Николая Ивановича Пушкарная полюбила. Мудрёное имя Леонид было переименовано в «Мелит». Целыми днями «Мелит Николаевич» (друзья звали его просто Лёнька) в зарослях лозняка на берегу Орлика играл в солдаты, в разбойники, в «индейцы». Маленькие «пушкар» всегда выбирали его своим вожаком, предводителем...

«Часто я дрался с ребятами, – вспоминал Л. Андреев, – и расшибал им носы, но также часто они расшибали мне нос, и ревел, и они ревели, а потом мы мирились и, когда уже темнело, садились где-нибудь в уголке и рассказывали друг другу страшные сказки. Летучие мыши бесшумно разрезали сонный воздух, звёзды в вышине тихо мерцали, высокая ракита вздрагивала и о чём-то шумела своей верхушкой, а мы поджимали под себя ноги, близко склонялись друг к другу, и лица у всех нас были бледные, а глаза большие и чёрные».

С детства любил Леонид хороводы (в ту пору их ещё часто водили на Пушкарной), слушал песни, что весенними вечерами тревожно и сильно звенели над Орликом. До боли душевной нравились ему орловские «широкие, безлюдные, тихие улицы, пустынные, как поле, площади, и густые, как леса, сады».

Эти воспоминания детства всегда волновали Л. Андреева. Вот что, например, рассказывает поэт И.А. Белоусов, живший вместе с Л. Андреевым в Крыму в те годы, когда Леонид Николаевич уже стал прославленным писателем: «Однажды в темноте подходим к какому-то «караван-сарая» – к постоялому двору, – людей никого не видно, только со двора слышатся звуки гармоники, – кто-то под неё поёт русскую, – широкую, протяжную песню. Леонид Николаевич остановился и замер, прислушиваясь:

– Хорошо! Словно у нас – в Орле... – сказал он тихо».

Но ещё более властно – с детских лет и на всю жизнь – вошло в сознание Л. Андреева то, что безжалостно разрушало тихую прелесть орловских вечеров – картины жуткого существования поруганных и униженных людей окраины, бесильных вырваться из тисков рабской доли.

В семье Андреевых жизнь текла неторопливо, небогатая событиями.

В шесть часов утра просыпался Николай Иванович. Вместе с ним обязана была вставать и вся его большая семья – четыре сына и две дочери. С утра Николай

Иванович работал в саду. Потом шёл в контору. Обедал дома. После обеда крепко спал. Вечерами в гостях или в клубе играл в карты, в бильярд. Садоводство было страстью Николая Ивановича. Он развёл прекрасный сад, выращивал цветы. Даже детям в «день ангела» он дарил кусты смородины, крыжовника, фруктовые деревья. Лучшие подарки доставались Леониду – любимцу Николая Ивановича.

Человек незаурядный, волевой и мужественный, отец Леонида Андреева всё же не нашёл в себе сил противостоять соблазнам провинциального быта. Он пил запоем, пьяный нередко устраивал скандалы, драки, о которых наутро узнавал весь город, падкий до сплетен. Когда Николай Иванович начинал «гулять», все в доме Андреевых становилось вверх дном. Собирались гости, из погребов вытаскивались вина и наливки, ведра пива, и начинались пьяные ночи. Захмелевший Николай Иванович любил «пошутить»: то заснувшего гостя пришьёт к тюфяку, свяжет ему руки и, внезапно разбудив, заставит бегать по комнатам, то, взобравшись на крышу, изо всех сил начнёт барабанить по железу, изображая грозу...

Этот пьяный разгул проходил на глазах детей. Особенно губительно он отозвался на Леониде, который рано привык к водке и почти всю свою жизнь страдал запоем.

Трезвый Николай Иванович был суров, строг. Но о семье заботился, старался сделать всё, чтобы дом был, что называется, «полной чашей». И хотя Леонид Андреев, вспоминая свое детство, не раз проклинал «яд и отраву» провинциальной жизни, «картёжный дурман», «мутную тоску», от которой тянет «к омуту и сивухе», об отце он неизменно говорил с большим уважением, подчёркивая его «ясный ум, сильную волю, огромное бесстрашие», интерес к чтению и «проникновенную любовь к природе».

Своё влечение к художественной деятельности Л. Андреев считал «наследственно» опирающимся «на линию материнскую». «Именно в этой стороне, – писал он, – я нахожу наибольшее количество людей одарённых, хотя одарённость их никогда не поднималась значительно выше среднего уровня и часто, под неблагоприятными влияниями жизни принимала уродливые формы... Пылкое фантазёрство, не находившее себе границ в условиях скудной действительности, составляло характерную черту некоторых моих родственников... В смысле обычной талантливости они проявляли себя так: одни любили и умели рисовать, но не шли дальше лошадей и турок в фресках, другие имели склонность к музыке, но другого инструмента, кроме трехрядной гармоники, не знали».

Через всю жизнь Л. Андреев пронёс любовь к матери. Её он называл «верной, жизненной, единственной», с кем «никогда не терял самой близкой душевной связи». Анастасии Николаевне выпала нелёгкая доля матери шестерых детей, оставшейся вдовой, когда старшему сыну едва исполнилось шестнадцать лет. Тихая, приветливая, она мужественно боролась с нуждой. «Святое беспокойство», – называл свою мать Леонид Андреев за её несказанную доброту и заботу о судьбе детей.

Леонида мать любила до самозабвения, лелеяла его, потакала всем его капризам. От матери будущий писатель в детстве услышал немало сказок и фантастических историй, которые мучили своей таинственностью, на крыльях мечты уносили его в неведомые края, к неведомым героям. Рукой, не привычной к карандашу, Анастасия Николаевна помогала сыну выводить первые рисунки.

Запомнилось Л. Андрееву одно событие, взволновавшее Пушкирную...

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов в Орёл пригнали партию пленных турок, которых разместили на Пушкирной. Можно себе представить, как «пушкари» интересовались иноземцами, исповедовавшими веру Магомета, к тому же недавними врагами.

Л. Андрееву в то время было семь лет.

«Меня особенно любили пленные турки, – записал он впоследствии в своём дневнике. – Они брали меня на руки, угощали сладостями и нянчили меня как сво-

его. Никогда так не ласкали меня потом люди, как ласкали турки. Все называли меня турчонком, а товарищи подсмеивались надо мною, но я был счастлив: незнакомые мне люди, говорящие на неизвестном мне языке, умели так ласкать меня, как потом никто не ласкал».

С детства сильнейшим увлечением Л. Андреева был театр. В Орёл – город, имеющий давние театральные традиции, нередко приезжали знаменитые столичные актеры. Бывали часто и бродячие артистические труппы. Мальчуган упрашивал родителей взять его в театр, затаив дыхание, смотрел представление и, возвратившись домой, разыгрывал спектакли перед сверстниками.

Читать Л. Андреев начал шести лет. Через год он уже абонировался в библиотеке. Читал все, что «попадется под руку». Первыми прочитанными книгами были «Рокамболь» и «Любовница короля Наваррского». Затем пришло сильное, по видимому никогда не затихавшее, увлечение Л. Андреева романами Жюль Верна, Майн Рида, Фенимора Купера. Властно тянула к себе жуткая фантастика Эдгара По. Потом всё существо чуткого мальчугана всколыхнул своим милосердием к человеку гуманный и добрый Диккенс...

Чтобы быть наедине с героями книг и всецело погружаться в мир вымысла, Леонид устраивался на крыше. Здесь никто не мешал ему следить за подвигом капитана Немо, «ушедшего от людей в недоступные глубины Океана и оттуда надменно презиравшего землю. Здесь посторонний глаз не мог увидеть, как мальчуган смахивал непрошенную слезу, читая о том, как умирал маленький лондонский чистильщик Джо из «Холодного дома» Диккенса:

«Свет засиял на темном мрачном пути. Умер!

Умер, ваше величество. Умер, милорды и джентльмены. Умер, вы, преподобные и неподобные служители всех культов. Умер, вы, люди, хотя вам небом даровано сострадание. И так умирают вокруг нас каждый день».

И, наверное, читая эти обжигающие болью и гневом строки, Леонид уже задумывался над судьбой своих сверстников – ребятишек с Пушкарной, оборванных, вечно голодных, гибнувших от непосильного труда и побоев. Может быть, уже тогда будущий писатель решил рассказать людям, как в грязной орловской больнице умер большеголовый мальчишка – подмастерье Сениста, так и не дождавшись «гостинца» от мастера Сазонки. «Умер одинокий, забытый – как щенок, выброшенный на помойку. Только бы на день раньше – и потухающими глазами он увидел бы гостинец, и возрадовался бы детским своим сердцем, и без боли, без ужасающей тоски одиночества полетела бы его душа к высокому небу».

Диккенс навсегда остался любимым писателем Л. Андреева. Его он перечитывал десятки раз.

У нас в гостях журнал «Новый Орёл»

ГЕННАДИЙ МАЙОРОВ

НЕЛЁТНАЯ ПОГОДА *Неоконченный репортаж*

Стюардесса слегка дотронулась до плеча – я сразу же очнулся. Всё-таки задремал, хотя для расслабления не было никакого повода. Вернее, так мне казалось,

когда первые три часа полёта я пытался проанализировать полученную ещё на земле информацию. Но, как видно, усталость взяла своё.

Девушка в симпатичной пилотке улыбнулась, давая понять, что мы уже приземлились. За иллюминатором ершилась снежная позёмка, сквозь которую просматривались контуры аэродрома, но не московского, а транзитного на пути нашего следования. Значит, остановка. Не менее чем на час. Время, время. Как не хочется ждать. Любые остановки, бездеятельность для меня – мука.

Сонливость пропала моментально. В голове опять запульсировала информация, полученная утром: «Срочная командировка в Англию. Вылетай немедленно. Документы уже оформлены. Формальности на месте. Неожиданно заболел Новиков». Голос у шефа взволнованный. Впрочем, это его натура – при любой неожиданности делать из мухи слона. Славный старик, но всё чего-то боится, в каждом из нас видит потенциального увальня, трудного на подъём.

Но почему же он позвонил именно мне, прервал интересную сибирскую командировку, срывает плановый материал? В Англию вместо Новикова... Но ведь в Москве же сейчас и Троепольский, и Кашлис. А, собственно, какое мне дело до причуд старика. Следовательно, ценит. Брюзжит по пустякам, но знает на кого можно взвалить камешек потяжелей, и кто этот камешек быстрее всех разгрызёт.

Итак, туманный Лондон. Перспективы роста... В общем, всё к тому шло. Рано или поздно наверху бы это поняли... А всё-таки мне уже тридцать пять. В эти годы нужен размах, – нынешняя рубашечка стала маловата...

Свежий морозный воздух взбодрил. Хорошо, что обошлось без автобуса. До здания аэровокзала метров пятьсот, пройти одно удовольствие.

Дверь распахнулась вместе с многоголосьем людей, страждущих в этот вечер стать клиентами «Аэрофлота». Вот чего не люблю, так это праздно шатающуюся публику. Ну, летом – ладно, все спешат в отпуск прогреть свои хилые грудные клетки у моря. А сейчас куда они стремятся? По виду здесь и командированных-то раз, два – и обчёлся.

Газетный киоск закрыт. Вот так всегда. Теперь думай, как убить время...

Ох уж это время. Всегда мне его не хватало. Всегда я куда-то спешил, боялся не опоздать за скачкой секундной стрелки. Вроде бы наловчился мчаться со временем в одной упряжке. Режим, распорядок дня – вот мои спутники на дистанции к достижению цели. Что ж, упрекнуть меня за это никто не может. Могут только позавидовать. Ведь никто не виноват в том, что Судаков сошёл с дистанции, растративая вместе с деньгами драгоценные минуты в барах. И ничья беда в болезнях ожиревшего Орлова, который боялся лишний раз оторвать свой зад от кресла. Писать они умели, а вот временем не дорожили. Я их не осуждаю за дешёвые шуточки в мой адрес. Их поезд ушёл, теперь только и остаётся, что щипать лавры сильнейшего.

Потянуло запахом кофе. Если бы не этот раздражитель, о голоде я бы и не вспомнил. В самолёте есть не хотелось, да и сейчас желание стать в очередь определялось лишь нервирующим положением вынужденного бездельника. Подумать только, час пролетит вхолостую...

Э, я, кажется, начинаю брюзжать, думаю совсем не о том. Хотя – это усталость. А может, становлюсь раздражительным по пустякам? Но, правда же, жалко времени. Тем более после такого разговора с шефом. Он ждёт, а каждая лишняя минута грозит обернуться опозданием в редакцию. И так мы прилетим впритык к концу рабочего дня.

Кофе едва напоминал вкус тонизирующего напитка. Надо же, запах распространяется аппетитный, а содержимое стакана вызывает, мягко говоря, разочарование.

Прошло пятнадцать минут. Теперь – покурить, и уже ближе к взлёту. В дверях и на выходе полно «сильного пола», наверное, уже по третьей сигарете подряд тянут, не зная чем заняться...

Когда-то я вот так же стоял на крыльце аэровокзала, беспрерывно начиная свои лёгкие табачным дымом и ощущая вместе с противным привкусом во рту слабое головокружение. Первый раз летел в командировку, рейс откладывался, а я даже стеснялся подойти к диспетчеру выяснить, в чём дело. Так и стоял на одном месте, боясь куда-нибудь отлучиться, чтобы не прозевать сообщение о посадке.

Как давно это было. Теперь только и остаётся вспоминать первые шаги самостоятельной работы. Впрочем, думаю об этом абстрактно. Сейчас вряд ли смогу припомнить тогдашнее выражение лица, одежду. Всё настолько далеко, что, кажется, было не со мной, а подсмотрено со стороны. Но тогда почему нет ощущений того возраста, щемящей тоски по юности? Наверно, потому, что старался скорее преодолеть свойственную молодости неуклюжесть, робость. Да нет, зачем искусственно подменять определения... Просто жаждал стремительно обогатиться жизненным опытом, стать взрослым. Не по годам. Кому не хочется оставаться внешне юным, но быть похожим на тех китов, которые позволяют себе где-нибудь в солидной обстановке свободно закуривать сигарету и снисходительно кивать своим менее именитым конкурентам.

Чушь какая-то лезет в голову. Никогда я не стремился подзажать самоуверенным нахамом, которые отняли у меня несколько драгоценных лет, внушая, что с журналистикой надо повременить. Злость заговорила во мне. А стоит ли об этом вспоминать лишний раз...

Надо пройти на свежем воздухе. Жаль, что оставил в самолёте наброски будущей корреспонденции, появилась бы возможность отвлечься и обдумать детали материала. Из Москвы позвоню, в общем-то, фактов достаточно, хотя ещё пара дней в Сибири не помешала бы. Хотя и без того можно садиться за стол. Сутки, наверное, у меня в столице будут.

– ... в связи с метеоусловиями вылет задерживается.

Ну, вот и дождались. Чёрт, чуть палец не обжёт. Теперь-то уж точно надо идти к диспетчеру. И как я раньше об этом не подумал.

Мог ли я когда-нибудь предположить, что окажусь в прострации и испытаю чувство отупения. Чего уж тут выбирать выражения.

Целый час в кабинетах ответственных работников – никакого выхода. Москва не принимает, а единственный взлетевший за минуту до идиотского сообщения самолёт с монгольской делегацией я прозевал.

Хуже ситуацию трудно придумать. Поездом долго, когда откроют взлёт – неизвестно. Думай, ищи выход. Нельзя сидеть сложа руки. Потому что не просто надо спешить. Решается твоя судьба, всё, ради чего ты жил последние годы. Жар-птица вырывается из рук. Если бы верил в сказки, сказал, что это происки бабы-яги, специально испортившей погоду...

Успокойся. Как говорится, и не такие ситуации были. И из безвыходных положений есть выход. Надо собраться с мыслями, выпить ещё чашку, то бишь стакан кофе. Думай, принимай решение.

Когда-то замглавного во всеуслышанье изрёк: «Учитесь у Трубникова, для него в командировках нет преград, любые сложности преодолеет, и материал в срок на столе». Танюшка-секретарша всегда с благоговением смотрела на меня: «Александр Петрович, как это вы решились в шторм пробиваться к рыбакам. Страшно же!?»

Меня веселила её наивность, затылком я чувствовал уважительно-завистливые взгляды коллег. Но разве эти охи-вздохи нравились мне, толкали на новые каскадёрские трюки, разве не думал я об опасности, когда решил написать репортаж из горящего дома? Самоутверждение?.. Или способ показать свою незаменимость?..

Но ведь не было же в этом мальчишества, не было расчёта на сомнительную славу. Однако, попробуй, докажи, что только из одного патриотизма к своей работе стремился выхватить из огня жареный факт. А собственно, зачем доказывать? И вообще, почему я об этом думаю? Неужели, гложет что-то...

Надо срочно позвонить в Москву. Самый лучший вариант сейчас – доложить обстановку, вместе легче будет найти выход. Позвоню из междугородного, у начальника аэропорта телефон трещит безостановочно, не пробьёшься.

– Девушка, вы скоро?

Только теперь вижу, что у неё заплаканные глаза. Жаль, у меня нет времени вот так же разрядить свою нервную систему слезами. Но если б это помогло!

– У вас не будет пятнадцатикопеечной монеты? Что-то с телефоном...

Руки у неё трясутся, здорово, видно, переволновалась.

– Может, помочь набрать номер?

– Да, пожалуйста, – и протягивает листок с цифрами московского телефона.

– Номер через коммутатор, видимо, поэтому и не срабатывает. А другого у меня нет.

Ох уж эти слёзы.

– Успокойтесь. Сейчас что-нибудь придумаем. Домой звоните?

– Нет. Жениху. Завтра у нас свадьба. Я дома задержалась. И вот...

Этого мне только не хватало. Но ведь не бросишь же человека в беде, тем более не москвичка.

– Надо заказать номер на переговорном пункте, по срочному. Пойдёмте, я попрошу, чтобы ускорили заказ.

Как быстро высыхают женские слёзы. Стоит найти поддержку, быстрый и разумный совет и кажущаяся безысходность улетучивается мгновенно.

Вот так же быстро исчезли слёзы у Светланы, когда мы разменяли квартиру и разъехались в разные концы города, всё ещё формально числясь семьёй.

В её глазах читалась благодарность, что наконец-то я решился освободить её от мук совместной жизни. Хорошо, что мы не ругались. Ей, действительно, было тяжело каждый день смотреть на себя в зеркало. Одна в двухкомнатной квартире на протяжении пяти лет, а муж в длительных постоянных разъездах, увлечённый своей работой.

И, наконец: «Я старею, глядя на себя со стороны, а ты ни разу не подумал о том, как трудно жить одной в четырёх стенах, быть замужем и не иметь мужа».

Теперь-то я понимаю, почему она не подала на развод, а решилась на полумеры. Я думал, она оставляет мне шанс, может быть, сама надеется, что всё образуется, и мы заживём как в добрые старые времена, проводя вечера у искусственного камина и делясь впечатлениями о прошедшем дне. Оказывается, Светлана верила в мою звезду, верила в заграникомандировку, и не хотела разводом испортить анкету...

Девушка успокоилась, и устало смотрела в одну точку. Надо принести ей кофе, чтобы отвлечь от грустных мыслей. Она сейчас думает, что всё зависит от одного только телефонного звонка, что без него мир начнёт рушиться. Она спешит, ещё не ведая, как много слёз ждёт её впереди, как часто вместо сладостного предчувствия будет возникать разочарование. И она забудет этот вечер в транзитном аэропорту, который сейчас кажется хотя и тревожным, но самым главным, решающим в её жизни...

Кофе кончился, и буфетчица дала понять, что у неё перерыв. Идти на второй этаж не хотелось, тем более с минуты на минуту должны были дать Москву. Но когда я вернулся, моя безымянная спутница уже позвонила. Она не вышла из кабины, а выпорхнула. Лицо светилось радостью.

– Роспись перенесли на четыре вечера. Коля сказал, что если я сейчас сяду на поезд, то успею.

Я уже понял, что в её голосе звучит просьба достать железнодорожный билет. Ну что ж, если свои дела не клеятся, то надо помочь хоть одному человеку поки-

нуть этот аэропорт счастливым. Тем более что труда не составляло устроить девушку на наземный, не зависящий от погоды, транспорт...

– Гражданин Трубников, Александр Петрович! Вас просят зайти к начальнику аэровокзала. Повторяю...

Как приятно подпрыгнуло сердце, будоража в артериях кровь. Я всё-таки верил, что ребята найдут способ со мной связаться и уж, наверняка, приняли какое-то решение. Непременно из Англии привезу им кучу сувениров, а перед дорожкой закатим куда-нибудь в «Прагу».

– Старик! – какой всё-таки смешной голос у Судакова. Даже сквозь помехи можно различить его рокочущий баритон со своеобразными придыханиями. – Ну что, сидишь в капкане «Аэрофлота»? Ладно, не горюй. У нас действительно погода скверная. И неизвестно, сколько это продлится. Так что выезжай лучше поездом, шеф посоветовал...

Голос Судакова захлебнулся в помехах. Не стану же я «алёкать» в присутствии толпы народа. Ничего, подождём, сейчас прорвётся. Как назло, сигареты кончились. Может, догадаются предложить, на столе вот пачка лежит...

– Ты меня слышишь, старик? Понял, что я сказал: выезжай поездом. Не торопись.

– А командировка?

– Ты извини, я только звоню по поручению. На месте всё узнаешь... Короче, дело в том, что в последний момент твою кандидатуру зарубили. В Англию полетит Троепольский... Алло! Ты слышишь? Шеф сказал, чтобы я этого не говорил, мол, на месте все детали... Алло! Старик, ты меня слы...

Револьверным выстрелом щёлкнула зажигалка, кто-то протянул сигарету. За окном в гудронной темноте светились огни взлётно-посадочной полосы. Справа выстроился ряд бездыханных стальных авиаптиц, в чреве одной из которых я оставил свой «дипломат» с набросками будущего материала.

Девушка улыбалась внизу, пританцовывая от нетерпения, и сжимая в руке железнодорожный билет на Москву.

Сигарета сгорела поразительно быстро, и пепел, обжигая пальцы, рассыпался на полу.

Люди, стоявшие в кабинете, раздвинулись и замолчали.

Вздригнуло, больно отдаваясь в рёбрах, сердце.

С трудом я узнал собственный голос:

– Скажите, а Сибирь самолёты принимает?

ДМИТРИЙ ПОРУШКЕВИЧ

МОЛИТВА

* * *

Памяти

Леонида Николаевича Афонины

*Разлили вино на асфальте базарном –
бочку, сгружая, вахлак саданул –
и словно кто площадь*

ножом

в азарте

полоснул.

Оно разлилось красновато и тало,
и буйный запах
 прощальной агонии
 дымился.
Казалось, вино вспоминало,
 когда оно в гроздьях
 солнце глотало,
 а после –
 касалось девчоночьих голеней:
хмелящие голени
 сок выжимали,
 на ягодах
 пенистых
 звонких
 плясали.
Вбирая упругость
 отчаянных ног,
 крепчало вино.
И будущих пиршеств маячили призраки,
где станет на стол оно, тостами признано.

СМЕРТЬ ПРОРОКА

Памяти Юрия Казакова

И вот, шагнув через порог,
 ко мне является пророк.
В одежде древней, обнищал,
 проговорил простудно:
– Вотще я истины вецал.
Не внемяют гласу люди.
Во многих я краях бывал,
 глаза на правду открывал.
Но всюду поносили:
«Старо, посол Мессии!»

Устал я. Смертный час настал...
Он отходил, смежив уста.
Над гордою, седой главой
 я наклонился, слушая,
 как долго клокотал глагол
 в его груди придушенно...

Потом газеты принесли.
В них некролог печатался –
 мол, мы потерю понесли,
 по-дружески печалимся,
 скорбим и почитаем.
И значились цитаты –
 среди словес,
 как острова,
 его высокие слова.

* * *

Красный... бурый...
Краски бури?
Просто, лист, отшелестев,
ветром сорванный сумбурным,
гибло на землю слетел.

Куст калины – воспалённый,
как продрогнувший закат.
И сгребает кроны с клёнов
запоздалый листопад.

Городской забредший житель,
выпавший из суеты,
что здесь растерял, скажи ты,
и обрёл что всуе ты?

И сидит в груди тревога,
и саднит тоска виски,
и колдобины-дороги
скользки, вязки и узки.

А в пустых полях кочуют
зябнущие сквозняки,
да белеют, зиму чуя,
вдалеке березняки.

ОДИНОЧЕСТВО

Когда всё это началось? –
Вот так: вдвоём, и всё же – врозь.
Ты рядом спишь, ты вместе ешь,
а в остальном – сплошная брешь.
О, как ты от всего устал!
Тебе чужды её уста,
чужды слова, чужды глаза.
И вернуть уже нельзя
того, что радостью звалось.
И только – боль, тоска и злость.

Пора решиться, наконец,
сорвать наручники колец
и мучить души перестать.
Ведь ваша связь давно пуста,
и всё меж вами прервалось:
хоть вы – вдвоём, но вы же – врозь.
И ты – один, как сын в ночи.

А рядом – женщина молчит.

* * *

Остуди мой лоб ладонями
и дыханьем охлади,
отведи печаль бездомную
и от боли огради.

Я устал от одиночества,
от усердия ханжей.
Как ничтожны их пророчества
перед нежностью твоей!

Я твои глаза внезапные
постигаю, удивлён.
В створки окон входит за полночь
сквозь твой шёпот
чуткий сон.

МОЛИТВА

Перед грустью ль оробею –
сбереги меня, любимая,
одиночество ль нахлынет,
и тоски хлебну сполна –
сбереги.

Я на коленях перед светлым твоим именем.
Я мужчина – я слабее,
потому что ты – нежна.
Я молюсь перед тобою.
Что мне сплетни! Что наветы!
В этот миг первоначально оживляются мечты...
Встанет утро – тянет к свету,
встанет вечер – тянет к свету.
Сбереги тот свет прозрачный,
над которым властна ты.
Пусть он светит,
пусть горит он путеводною звездою
над мною,
над тобою,
выше славы и молитв!..

Луч надежды, дай мне силы,
дай мне счастья – быть собою,
дай мне воли для свершенья
лучших замыслов моих.

А когда в прозренья горьком
осенит, что верил слепо:
где струился свет высокий,
вдруг не взвидится ни зги,
и предстанет не богиня,
а её неверный слепок, –
я всё так же буду верить,
повторяя: «сбереги!»

* * *

*Ещё вчера я был в неведение,
весна казалась невидимкою,
но поутру она наведалься
так, что к полудню лес Медведевский
покрылся розовою дымкою.*

*А я – заботами заверченный,
всё без толку, как воду в ступе,
толку дела с утра до вечера...
Май на носу, а всё не верится,
что, наконец, весна наступит.*

*Ворвётся в дверь, заполнит комнату
и, как когда-то ты, на память
в том хрустале на подоконнике
оставит алые тюльпаны.*

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА

НА ПАПЕРТИ

*Светлой памяти Марии, прихожанки
Свято-Троицкого храма г. Орла*

Бабушка Анастасия совсем было ослепла. Ходить по дому стала только что не ошупью: то ли стол ей видится, а то ли только так, мерещится в глазах, – и всё причитает: «Матушка, роди-имая-а...» И непонятно: то ли маменьку родную зовёт, а то ли Матушку Царицу Небесную, Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную – и всё горше и горше слезу горячую льёт-проливает: ведь под самую старость горькую-безысходную остались они с дедом словно два слепца бездетных. Кто им теперь кружку воды поднесёт-подаст, кто пожалеет-приголубит, обогреет-обстирает.

И задумалась Настя о Боге...

Бродит по дому, зовёт: «Иисус Христос, Сын Божай, покрой нас и весь мир Твоею теплото-ою...». Ходит по дому, шаркает тапками по полу, руками путь нащупывает – и всё поёт. Бродит – и поёт, бродит – и поёт. И в церкви незнамо с каких давних пор не стояла – не была от такой-то беды да забот. Дома тоже не до того – и ведь кто же ещё, кроме Него, Молчаливого, и помыслит-то теперь о них с дедом... Кто согреет усохшую душу бедолаг полуслепых, подскажет, как дальше быть, направит, куда надо – больно уже плохи в доме их стариковском дела пошли-побежали... Не то слово, что плохи, а такие, что хоть бы теперь же и помереть-лечь в землю холодную-сырую – вот уж как жить стало нехорошо-неуютно.

А на ту пору батюшка приходской вдруг возьми да и хватись: куда же это Настасья-то, прихожанка-то его давняя, пропала-подевалась? Жива ли уж, старая... Хотя знает иерей наперёд, что непременно жива должна бы быть, коли ничего та-

кого худого о ней в приходе по сию пору слышно не было: богомольной с детства была ведь Анастасия. И зашёл-постучался однажды, идя со службы, к ним с дедом в хибарку батюшка.

Вот уж радости-то, вот уж благодати-то принёс старикам... А слеза горькая из Настасьиных глаз зырк-чирк навстречу: не усадить ведь за стол под образа гостя дорогого-разлюбезного, не запалить самим и самовара, медалиста старинного. Не прозвенеть чашками на блюдцах тонкими, не задвигать-загреметь тихонько за-слонкой нетопленной давно уж печи – тяжело... тяжело доживать век немощными – неужели ж так теперь и будет до конца?

– Ты зашла бы, Настасьюшка, когда в храм-то Божий, – говорит батюшка.

– Да как же бы это? – заплакала горько на приветливое то приглашение несчастная Анастасия.

– А я Дарью за тобою пошлю. Посидишь на скамеечке, сколько осилишь, службу послушаешь, сама помолишься... Как Бог даст... Вот Матерь Божия и поправит дела-то твои. Скажу завтра Дарье. Да, почитайте-ка вот ещё... Акафист Матушке Казанской, да воину Лонгину, сотнику слепому молитву – это дома, лучше, чтоб каждый Божий день. Да водичкой святой мой глаза-то, промывай с молитовкой усердной.

И запохаживала-зачастила Настасья снова в храм. Будто и не было того времени страшного-безысходного, когда казаться стала жизнь впереди злодейкой лютою, разлучницею завистливой.

Три разочка на день – утром, днём и на ночь – глаза моет-промывает водичкой от водосвятного молебна. В воскресенье и по праздникам церковным заходит с утра и провожает её Дарья-старостиха. Отпирает храм ключиком – вот и получается, что первыми они на службу к Богу-то ходят-поспешают...

Усаживает старостиха Настю на скамеечку у выхода – да не всё ли равно ей, дряхлой, – всё одно ничего не видать. И слушает, слушает... Так бы сидеть тут все, не уходить бы совсем – да дома муж ждёт-поджидает немощный. Пускай и не видит теперь почти Анастасия, а за дедом, хоть умри, уход нужен. Хоть бы и плохой теперь, а всё же...

Так-то батюшка недавно, проходя по храму с кадилом духмяным, подошёл: как, мол, ты, Настасьюшка, тут? А она ему: «Ой, батюшка, вроде бы я тебя-то и вижу?» А он ей: «Ну-ну... Слава Богу...». А она ему возьми да и выпали: совсем, мол, хочу не уходить из храма – я бы и на ночь готова остаться. А он ей:

– Тебе ещё не время.

Полегчало, однако, как-то, чует Анастасия: или попривыкла к тяжёлой ноше своей бедолага, ко храму родимому, к лицам туманным богомольным. Иконки различаться будто стали, больше всего крупные: вот эта вот Матерь Божья Трое-ручица, а вон и у Балыкинской Младенец, лёжа на её, сердешной, коленках, весь почти ясно виден...

– Чудны дела Твои, Господи, – удивляется старушка.

Управила ведь Матерь-то Божья, и впрямь батюшка будто в воду поглядел-подсказал... Матушка, Царица Небесная...

За то время, что читали они с Дарьей каждый, считай, Божий день две эти молитовки Господни, запали они Насте в душу – заучились накрепко – верно, теперь уж до скончания. А как управится она к ночи с делами да, помолившись, ляжет, закроет глаза, так всё тот сотник слепой, прозревший у Креста Христова, из ума нейдёт: ведь надо же тому было быть... И шепчет, шепчет потихоньку о его жизни, со слезой шепчет бедолага – не перестаёт.

Вот пришли они обе в одно воскресенье в храм. Отсидела Настя обедню, подошла в очередь к батюшке, поисповедалась, причастилась, дождалась Креста,

приложила. И пошли они вон из храма. Навесила Дарья замок на церковь – ан ключик-то и позабыла в халате – пришлось возвращаться назад.

– Ты посиди-ка вот тут, а я за ключом сбегая, – подвела слепую к могилкам, – посиди, я скоро.

Усадила на бордюрик, что у самой почти у земли красиво выложен, и, скоро так, побежала назад, в храм.

...Сидит Настя у могилок. Неудобно как-то, почти что на земле на голой сидит-ёрзает, ноги так и эдак – наконец-то нашлось им, согбенным, место. Накрыла их юбкой, и тут же в неё, слышно: дзынь! Удивилась, пошарила рукой по подолу, подняла глаза – мимо человек, видится, от храма бежит-торопится.

– Сынок, сыночек – дай Бог тебе здоровьица, сынок, дай Бог, – восклицает вдогонку неожиданному благодетелю старушка.

– Да я ведь не побираюсь, так только, – уже бормочет, явно растеряннотихонько.

– И-исус Христос, Сын Божай, покрой нас и весь мир Своею теплото-ою! – неожиданно, как видно, для себя самой заголосила вдруг Анастасия.

И так-то одной-одинёшенькой на погосте этом старом, что вокруг храма давно разросся, хорошо – так благодатно стало на душе, что и позабыла она про всё на свете. Сидит себе враскачку, и только сама с собой будто тихонько так напевает: «И-исус Христос, Сын Божай, покрой нас и весь мир Твоею теплото-ою!!!»

А монетки дзынь-дзынь, тук-тук по подолу. С непривычки оттолкнувшись от земли руками резко, поднялась – и повысыпались – покатались по земле, слышно, те чьи-то грошики, слёзки, видать, людские – слава Тебе, Господи, вот ведь как одарил Господь рабу Свою грешную...

– Сыночек, сыночек, собери бабушке копеечки, рассыпались, не видать ничего, – просит кого-то, сама не ведая кого, старушка. – Ничего не видать, где тут что.

Просьба её переходит в бормотание, она усаживается снова на прежнее место, а возле, видно как, склонился человек и собирает ей рассыпавшуюся милостыню...

Совсем было полегчало бабушке Насте. До того, что старостиха Дарья забегать за нею почти что перестала. И сидит-поджидает она её дома, и чаще всего напрасно. А тут, к осени поближе, взгрустнулось отчего-то очень. Взяла она в руки палку, деду наказала никуда с места не трогаться, пока не вернётся – и заковыляла на кладбище.

Идёт-осторожничают, дорогу палочкой постукивает-прощупывает – вот уж и калитку прошла, не задела, ко храму подходит, глядь – а на её-то месте другая уж сидит, молодая, грошики сбирает. Двинулась Настя на неё – а та нырк в сторону – и побежала прочь.

Вот присела Настасья на место своё, давно присиженное, на бордюрик тот красивый да ровнёшенький, что прямо напротив паперти у могилок чьими-то дельными руками заботливо выложен. Да так, будто это впервой. И почувствовав, что очень уж устала, решила побыть-отдохнуть здесь, перед храмом. Села, сидит и всё думает: и что это её здесь все за нищенку содержат? Уж за побирушку-то её ну никак не счесть: юбка у неё хорошая, плотная, лежалая, правда, специально в храм чтоб ходить на службы. Кофта тоже почти новая, платочек шерстяной – и что это ей всё кидают и кидают в подол люди? Ведь не просит же ни у кого – ничего ведь такого и нету.

– Знать, на то воля Божья есть, – решает она. – Бог – он всё видит, и всё знает про их с дедом дела. Домишко-то у них и правда ведь весь рушится: вон шифер просел на крыше – стропила, знать, сгнили. В сенях лаги по углам в землю ушли, за собою всю крышу тянут-волокут, не иначе как быть скорой беде. По трубе вон течёт, кирпичи вокруг размыло, в хибарке дым стоит – Господи... А деньги-то, деньги... А что за цены-то!.. Дрова: что ни палка, то сотня улетает, что ни ствол, то, считай,

пятьсот. Привезти, распилить, наколоть – всё нанять надо, сами-то ведь теперь никакие стали. Электричество вот тоже много съедает, а лекарства... Хотя живыми в могилу ложись. На еду-то ведь ничего и не остаётся... Господи... И-исус Христос...

Сидит бабушка, немного враскачку так, вполголоса напевает: «И-исус Христос, Сын Божай, покрой нас и весь мир Твоею теплото-ою...».

А мимо народ спешит в храм, на воскресную Божественную литургию. Кто-то задержится чуть и кинет копеечку, кто-то...

– Сынок, спасибо, сыночек... Что это ты мне в руку-то ложишь? Ай бумажка? Ах ты, милай мой... Неженатый ещё? Молод, молод, вижу – дай тебе Бог девушку хорошаю, умнаю да дельнаю – поставь свечечку Николаю-то Угодничку, поставь, он добрых людей любит... И-исус Христос, Сын Божай, покрой нас и весь мир Твоею теплото-ою...

– Сынок, подай бабушке копеечку!.. Куда бежишь-то от меня?! Да дай Бог тебе здоровьица... Деточки твои здоровыми чтоб росли. Жена чтоб раскрасавица. Начальник бы тебя любил, зарплата тоже чтобы хорошая была...

– А ты куда бежишь, коза? Куда мимо-то? Перекрестись на храм-то Божай... Все бегут, бегут... И куда бегут?.. Коза... Молодая коза.

– А ты-то, старая, тоже мимо?! Ахти... Коза, старая коза. Цветочки на могилку несёшь своему? А его тама и нету... Богу, Богу неси, Матери Божьей! У Бога они все, у Бога... Свечечку на канун, жертву, жертву!..

«И-исус Христос, Сын Божай, покрой нас и весь мир Твоею теплото-ою», – прикрыв веки, Анастасия всё раскачивается и причитает.

Сидит бабушка, смежив очи: наработалась, уморилась – вот- вот заснёт, старая. А мимо народ туда-сюда, туда-сюда – всё больше мимо храма, к могилкам. Понимает: незнайки, неумехи, нехристи – помоги им, Господи.

Открыла глаза – а прямо перед ней молодая пара стоит, девушка ребёночка на руках держит: бабушка, мол, у нас на сегодня крестины заказаны, так куда нам идти, прямо в храм, или в тот домик?

– Крестных-то нашли ли подходящих? – спрашивает-интересуется Настя. – Книжечку-то почитали ли, батюшку поспрошали ли? Кто крёстный-то?.. Этот? А-а... Хорошай, ладной. Работаешь где?

Зарплату-то плотют? Хозяин? Хозяин чего?.. Вот и хорошо, вот и слава Богу. Крёстный должен быть молодой да богатой, он – второй отец младенцу. Отец загуляет, уйдёт, бросит – а уж крёстному никак не уйтить – пред Богом ответ держать надо будет, если что. С Богом не пошутишь. Идите, деточки, в храм, прямо к батюшке и подходите...

Видать, что ко двору пришлась тут Настя: никто не тревожит ничем, не гоняют. Батюшка тоже – выйдет из храма, редко, но подойдёт, бывает, к ней, спросит: «Си-дишь, матушка? Ну сиди-сиди – наставляй людей-то, вон как маются, сердешные...».

И помогает, верно...

Давеча женщина хорошая подошла, пирожками, ещё тёплыми, угостила: мол, бабушка, я первый раз в храм иду, не знаю, как войти, думаю, не опоздала ли, захочет ли Бог меня теперь принять.

– Ты крещёная? – спрашивает Настя.

– Крещёная.

– Ну, тогда ничего не бойся, иди смело.

Как зайдёшь, стань у порога, оглядись хорошенько. Положи крестное знамение – знаешь, как креститься-то? Вот и хорошо... Поклонись на все стороны – и иди к свечному ящику. Купишь свечечек – денежки-то есть у тебя? Тогда... раз, два... на первый раз возьми пять свечечек: Господу Иисусу Христу, Богу нашему – это первому поставь. Потом Матери Божьей. Празднику на аналой – там спросишь, куда;

Николаю Угодничку, всем святым. Да, на канун ещё – покойнички-то есть ведь у вас? В храм ходить станешь, сама разберёшься во всём. Про записочки на алтарь, молебн, панихиду – это тебе свешница на месте всё обскажет-поможет. С Богом, иди не бойся, к Нему не опаздывал ещё никто...

«Господи... Иисус Христос, Сын Божай...».

– Сберу счас копеечки, – соображает Анастасия, – пойду в магазин схожу, Маруся-продащица денежки сочтёт, хлебушка, рожков серых подешевле. Может, на масле в лампадку ещё хватит...

И хочется-то выгадать-схитрить старой бабушке: может, купить сразу пузырёк «Олейны» – и картошки на нём хорошо жарятся, и в лампадке оно ярко горит... масле-то лампадное больно уж дорого нынче – что неделя, то пузырёк за 70 рублей, что неделя – то пузырёк. А «Олейна» – пузырь в два раза больше – и по деньгам в два раза дешевле.

– Куплю сегодня «Олейны», – твёрдо решает Настя. – Принесу завтра в храм посвятить и куда хошь лей его – и в лампадку, и на жариво, и огурчика помаслить. Слава Тебе, Господи...

«И-исус Христос, Сын Божай, покрой нас и весь мир Твоею теплото-ою...».

– Де-е-точка, ла-а-пушка... Бабушке копеечку положила? Ах ты умница моя, ах ты ангелочек жалкенькай... С мамой к Боженьке пришла? Не мама? А кто – бабушка?! Вот как Боженька тебя любит – бабушка-то – что девица, молодница-раскрасавица. Боженьке свечечку поставить хочешь? Рождество твоё, причаститься пришла?! Ах ты цыплёночек мой милай, херувимчик Божай маленькай – как звать-величать-то тебя, капельнаю? – Ох какое имечко-то разлюбезное Боженька тебе подарил – на вот тебе на рождество от меня подарочек – бумажку дорогую от бабушки Насти старенькой. Бери, не стесняйся, бабушке ещё подадут, а ты себе подарочек купишь, свечечку Царице Небесной поставишь... с Младенчиком маленьким Боженькой.

– Нет, не купить сегодня «Олейны», – соображает Анастасия, перебирая в кармане кофты мелочь, – хлебушка, рожков, чайку ещё... А уж на «Олейну» сегодня не будет опять.

«Слава Тебе, Господи... Матушка, Царица Небесная... И-исус Христос, Сын Божай...».

Слава Богу за всё...

От автора

...А этим же, вслед за рассказом, вечером, пришли знакомые болховичи звать меня в гости, на юбилей, а я...

– Ради Бога, простите меня великодушно. Я весь день писала, и теперь никакая: не могу ни есть, ни пить, ни разговора поддержать – только спать, спать, спать...

ВЛАДИМИР САМАРИН

ВЯТИЧИ

Санний путь бесконечно тёк на восход: лишь когда далеко на огляде смутно являлась полоска чернолесья, обоз круто, словно испугавшись, сворачивал к полудню. Всадников и возниц покидала дорожная дрема: рослые витязи привычно

нащупывали под необъятными меховыми плащами рукоятки мечей, иные поверх тёплых с наушниками головников надевали кованые шеломы. Ехавшие на возах пешцы спешно выверяли на натяг луки, отряхивали с густых бровей ледяное корьё, могущее помешать верно положить стрелу. Весь длинный тяжёлый обоз прибавлял прыти, будто люди уже чувствовали за спиной натужное храпение лошадей врага.

– Чего это опять, отче Дионисий?

Худенький бледнолицый отрок с нескрываемым любопытством высунулся наполовину из-за кромки плетёного санного короба. Под надвинутой глубоко монашеской скуфейкой большие серые глаза суетно и тщетно искали в холодной белой пустыне то ли забавы, то ли опасности.

– Обык это. Землю вятских округляем, – прозвучал в ответ со дна короба удивительно спокойный, сродни доброму колоколу, голос. – Токмо не принимай к сердцу. Не войной оне живут, не набегам. Русские люди, одно слово...

– А почто тогда в рубашку железную мня изодел, отче? Почто вон наши була-том звенят?

– Поди-ка, сыне, сюда... – алая от пребывания на стуже без рукавиц десница мягко, но властно легла на плечо отрока. Тот повиновался без промедления, хотя и успел по природной наблюдательности своей искутиться загадкой: отчего не стынет на жестоком морозе руда – кровь в широких старческих жилах. Невдомёк было парню, что Дионисий едва ему годился в отцы: прибавляла лета длинная, чуть отливающая серебром борода да речи, мудрёней которых в Печерских кельях младому чернецу слышивать не приходилось.

Евламий сунулся под медвежью полсть рядом с Дионисием, смиренно потупил очи, ждал: сейчас суровый монах глубоко-глубоко вздохнёт и начнёт издалека, от дедов-прадедов, сказание о грехе любознания и примерах отроческого послушания, а закончит любимым поучением равноапостольного Владимира: «И не будет грешника; взыщет места своего, и не обрящет. Кроткие же унаследуют землю, много насладятся миром».

Хорошо Дионисию давать такие уроки, когда позади походы, славные рати с половцами и немалые труды по просветлению язычников. На закате лет легко быть кротким и другим смирение заповедовать...

– Аз не корить тя звал, а ответ дать на загадку твою, – словно по откровенной книге вычитал мысли отрока Дионисий. – Внемли: железо под кафтаном твоим не от вятических сулиц. Да и вой Кологрива-боярина не лесных жильцов крамолы пасутся. Мы, хотя и на русской земле, однако треволнительна жизнь сих: бегут не-счётно на поля и погосты вятичей несмирные булгары, а хуже того орда половецкая. От и ходит оратай за плугом мечом опоясанный, а в ночь укладывает рядом не суженую свою, а тяжёлый топор. Разве зимой токмо роздыху них: ибо не взрыть коням ворога глубоких снегов Приоцья, не добыть прокорма себе.

– Право, отче, чего же нам-то бояться, если через снега кощею не пройти?

Дионисий медлил с ответом. Казалось, пал на его вежды тяжёлый сон, да всей силой навалился так, что трудно вздохнуть, а не то что слово молвить. Евламий с удивлением увидел – из уголка прикрытого заиндевевшими ресницами ока монаха выкатилась бусинка-жемчужина и застекленела на щеке, добежав до багрового грубого шрама. Сколько помнил себя отрок, мокроты на лице Дионисия видеть ему не приходилось. Бывали, правда, минуты, когда в Десятинной церкви, подтягивая хору певчих, наставник его преображался лицом, в глазах словно ярче вспыхивало отражённое пламя свечей и едва-едва, казалось, не брызнут из очей слёзы божественного умиления. Но по выходе из храма взор его оставался сухим, разве только глубже уходили глаза под косматые угольночёрные брови. Словно высмо-

трел он там, под золотыми сводами, только одному ему знакомое и не желал, чтобы идущие встречу постигли ту великую и страшную тайну.

– Чтой-то рановато отцы-чернецы почивать надумали! – с саженой высоты склонилось в короб улыбочливое лицо тысяцкого Кологрива. – Чай, до Кром ещё не доехали, сбитня с вятскими не попили?

Дионисий бровью не дрогнул. Зато Евлампию кровь ударила в лицо, накатила горячей волной на сердце. В мечтах и снах он и сам видел себя таким вот витязем: русобородым, на добром коне, с мечом в обложенных серебром ножнах. Но из монашеской кельи не было пути в княжьи гридни.

Проглотил Евлампий горькую ягоду обиды, но засаленный колпак свой потопил с головы стянуть:

– Доброго здоровья, боярин и воевода!

– И вам здравствовать!

Под плетью Кологрива конь взвился, стрелой метнулся прочь от саней, выворотив из-под богатырских копыт в короб чуть не целый сугроб. Через мгновение алого бархата воеводин плащ мелькал уже в голове обоза. Первый среди первых всегда должен быть первым!

– Охолонь, отроче... – Дионисий разомкнул веки и долгим испытующим взором, от коего озноб пробежал по чреслам, вычитывал что-то на безусом и румянном от обиды лице послушника. Словно опускался в глубокий колодезь души человеческой, где хранит Господь живую родниковую чистоту созданий своих.

Сколько раз, наблюдая за истовой молитвой юноши в тёмной уединённой келье, Дионисий с трудом удерживал себя, дабы кощунственно не оборвать вопиющего к богу гласа, не вывести это дитя из пещеры на свет, не оказать все четыре его широких стороны: «Зри, как прекрасен и труден мир. Познавай его очами и сердцем, рукой, обутой в боевую рукавицу или правящей ралом. Ищи в свете правду, коей не откроют тебе не мудрые книги греческие, ни пострижение, ни сонмы молитв. Ищи и обрящешь!» Но тут же накатывало смущение и стыд – от Бога отрицать сироту, отдать его на искушение силам зла. А есть ли у него, надевшего монашеский подрясник вчерашнего вятического сотника, святое право на это, право одного человека над другим? На библейских скрижалях оно чётко расписано. Но ведь опять же человеками!

Не одному ему смутно, не одного гложет червь сомнения. Чем иным объяснить, что минуя митрополита, чрез одного игумена Печерск обители восхотел с ним тайной беседы князь киевский. В одиноком челноке на широком днепровском раздолье приобщился Дионис тревог и сомнений высоких. Величая монаха по старинному знакомей Вежей, отпрыск древа Рюрикова впервые предстал пред смертным с болями и ранами душевными.

– Не лучший из тебя толкователь мыслей Спасителя наше хорошо знаю. – По румянному и в старости от здоровой крови ли Владимира словно лёгкое, игривое облачко пробежало, но тут же растворилось бесследно. Однако, именно тебя посылаю к Кордну, к старейшинам вятских. Ведаю, не будешь подобно Кукше-попу учили православия устраивать. Не об утверждении веры христианской главная забота твоя. Нужен мне, да и краю вятическому муж ума и зора орлиного, сердцем, до земли и народа русского ревнивый. Уверишься в таком – передашь то, что в головах тебе на путь положат. Паче ока своего береги и от княжих людей, и от сословия поповского. Отрока на помощь себе возьми, да не молитвенника усердного, а такого, что в пещь огнену за тобой шагнёт... Всё я сказал. Отныне жди. А клык-от медвежий со шнура крестового убери: дознается отец игумен – век тебе не видать Оки...

Долго нетерпение своё пришлось утешать Дионисию: птица пролётная над обителью потянулась, а за ней, смотри не заставят доя дань и «белые мухи». Тяж-

ко ждать, да догонять – правильно де говорили. А тут ещё и Евлампий вечерами хлопает носом: «Забыл нас князь, отче, не видеть нам лесов родимых, людей отважных...»

Шестнадцатый год пошёл парню. И почти столько же протекло, как привезли его в ближние пещеры люди княжеские. Передали игумену берестяной короб, в котором лежал спеленутый красным шёлком младенец.

– Языческого князя помёт, – пояснил старшой дружинник. – Велено здоровым и сильным поднимать да в христианском смирении вырастить. Имя же будет ему Евлампий, поскольку Евлампий-гридень его в развилке дуба нашёл.

Старшой передал игумену вместе с младенцем увесистую калиту рублёвиков и грамоту, по которой отписывал князь на прокормление монастыря две деревеньки и погост. Дионисий вместе со всей старшей братией был при сём, дивился немало столь необычному дару скупого киевского властелина. Но вот что странно: под власяницей вдруг часто-часто застучало сердце, как будто решалась в этот миг не судьба малютки из берестяного короба, а его, Дионисия, вся дальнейшая жизнь.

Провидец игумен Алимпий как будто разгадал это. Ещё не успела осесть пыль на монастырском дворе от усакавших княжеских воев, а младенец был уже на руках у Дионисия.

– Зело за него в ответе будешь, – прошелестел над ухом голос игумена. – В особицу – за душу его христианскую.

Как ни лелеял Дионисий чадо, как греховно не подкармливал его в посты, мальчонка подрастал слабый, как свечечка прозрачный. Только и радости было монаху, когда нежными своими губёнками лепетал Евлампийюшка за ним длиннющие стихиры, да на молитву стал со своим словом на третье от роду лето.

Частенько навевывался посмотреть на мальчонку игумен. Испытывал его и в греческом, и в скорописании кириллицей. Много дивился уму и памяти малолетка и щедро дарил за преуспевания книгами: и святого писания, и Омера-слепца, и Нестора-летописца.

Вот почему после памятной беседы с Владимиром киевским Дионисий долго не раздумывал, кого взять в помощники для важного княжеского дела. Евлампий предан ему, как отцу родному, да не по возрасту сметлив. А как услышал, что скоро предстоит ему дорога, притом в родные края, даже молитвы стал путать, спал вполглаза и вполуха.

Как всегда бывает в жизни, долгожданный день пришёл неожиданно. Евлампий с младшей братией собирал на засолку грибы, которых в тот год уродилось пропасть. Послушники шли по лесу постоянно перекликаясь, шутили, подстраиваясь то под дятла, то под печальный стон кукушки. Не заметили, как вышли к дороге, что вилась бурой лентой далеко вниз, до самого Днепра, потом бежала по-над его берегом и вдруг круто взмывала еле видимой змейкой к далёким киевским холмам.

Помолившись, послушники развязали узелки и нетерпеливо ждали, когда поставленный над ними отец Пахомий первым надкусит ломоть хлеба. Евлампийю есть не хотелось. Вот сидел бы просто так, привалясь спиной к стволу смирной берёзки, да и пил бы, пил эту ненасыщающую даль. Что там за нею – за маковками киевских церквей, за еле видимой полоской далёкого леса? Вот если б подняться на белое облако да проплыть по небесному океану – можно, наверное, увидеть и Византию, и страну двухголовых людей, и земли, сплошь покрытые золотым песком.

А если повернуть на полночь – откроется, как на чертеже, вся великая земля русская, с городами и погостами, с серебряной сетью больших и малых рек, которые запутались в дремучих лесах в давние времена, да так и не смеют из них вырваться.

Пахомий на забаву послушникам подсел рядом с Евлампием, и, корча уморительно-мечтательные рожи, потихоньку отщипывал от коврижки молодого по-

слушника кусок за кусочком. Когда же на тряпице остались лишь самые крохи, наставник завопил над самым ухом Евлампия:

– Чур, это тебя сатана блазнит!

Вишь, птицы небесные почти всё поклевали. Обедай, отроче, квасом!

Братия от души хохотала. Но Евлампию не за хлеб было обидно: разлетелись, разбежались от монашеского ржання чудные кружева-виденья. Несносно завоняло луком от присоединившегося Пахомия, а на лицах монахов, казалось, проступали отчётливо то козлиные, то свиные черты.

Евлампий встал, молча отряхнул с подрясника налипшие сухие травинки, перекинул короб с грибами через плечо и первым вышел на дорогу. Пахомий его не окликнул: грибов этот вятичский найдёныш насобирав больше других, урок свой выполнил. Пусть себе идёт: в монастыре ещё работу найдут.

Евлампий отшагал уже добрую половину пути, когда заметил катившееся навстречу облачко пыли. Приближаясь, оно росло, и можно было теперь разглядеть сверкавшие на всадниках шеломы и багряное корзно, развевавшееся за плечами передового.

Монахов в дружине не любили, и Евлампий, чтоб не терпеть обычных при встречах с княжьими насмешек и обид, подался было в придорожный лесок. Но его уже заметили и скакали наперерез.

«Спаси мя и помилуй, святой угодник Николай, и пути человекам покровитель и душ мятущихся отрада...». Евлампий только и успел, что свалить с плеч короб, наскоро перекреститься, как у самого лица оскалилась под жёсткими удилами лошадиная морда.

Незнакомый Евлампию чернобородый боярин медленно объехал отрока, как придорожный крест. Слегка склонив набок голову, он разглядывал печерского послушника сурово и пристально:

– На брюхатого Пахомия ты не похож. Но по грибам видно – из его стада. Кто у вас Евлампий-Найдёныш? К князю киевскому Владимиру велено быть ему без промедления.

Колени Евлампия задрожали. Казалось, земля уходит из-под ног. Сколь раз мечтал он хотя бы краем глаза увидеть владыку киевского вблизи.

Но даже в великие храмовые праздники отделяла великого князя от серой массы народа и в церкви парчово-блестящая толпа бояр и дружинников. И только голос его, отвечающий на благословение митрополита Кирилла при всём старании прозвучать смиренно, отдавался по всему храму раскатами далёкого грома. И вот теперь не найти лучше случая, чтобы броситься перед его сиянием ниц – коленопреклоненно просить забрать из обители в конюхи, в пастухи. А дальше он себя выкажет – будет и оруженосцем, и гриднем...

– Довольно труса праздновать, монашек. Я так и понял, что ты и есть Найдён. Имячко тебе верно дали: «Не долго скакали, не долго искали – нашли на дороге скуфейку да ноги!»

Один из спешившихся гридней легко подхватил Евлампия на руки и посадил в своё седло, повод передал в руки парню, а сам зашагал рядом, держась за стремя. Кони перешли на мелкую рысь, но белокурый воин словно ждал этого: легко, как молодой олень, побежал рядом, не отрывая, однако руки от стремени.

В княжьем тереме тишина. Так всегда, когда у Владимира Рюриковича заморские послы или свои тайные люди. Гридни даже по медвежьим шкурам и бархатам ковров ходят с носка на каблук, придерживая, чтобы не бренчало, оружие.

А за хитроумно расписанными райскими птицами дверями у князя уже второй час совет. Не с родичами, не с боярами, не с самим митрополитом.

Двое чернецов – Дионисий и послушник Евлампий – смиренно стоят, опустив очи долу перед Владимиром Рюриковичем. Князь полулежал на крытой соболями

широкой лавке и всё пытал и пытал Вежу (так он вновь называл монаха, как в тот раз на Днепре) об обычаях вятичских, о реках и переходах.

– Худое ты задумал, князь, – в который раз повторял Дионисий. – Больше мне тебе нечего сказать. Сам знаешь, лет с двадцати я свою Серенска не видел. Много воды утекло. Многое переменялось. Да и что за нужда меня пытаться, коли у тебя соглядатаев по всей земле черниговской хватает. И ещё, князь... Иное тогда говорил ты мне на Днепре. Славные те слова в душе жизнь затеплили. Ан нет, оказывается, всё только говорилось. Вели казнить, но крамолу против черниговского Михаила я сердцем не принимаю. Тебе я как пленник обязан жизнью, ему отеческой наукой и воспитанием... Три года назад ты также беседовал со мной о земле вятичей. Сердцу отрада моему была. А через месяц Ярослав новгородский сжёг Серенск, нивы вытоптал хуже булгарина или половца. Ежели пошлешь, так только с крестом в свою землю пойду.

Владимир Рюрикович слушал, не перебивая. Евлампия, стоявшему рядом с Дионисием, даже показалось, что киевский властелин задремал: пока Дионисий отвечал на последний вопрос, на лице Владимира ничего не выражалось. По-прежнему были сомкнуты веки, а на пальцах неподвижно свисавшей с лавки руки живыми казались разве что переливающиеся разноцветьем камни перстней.

Когда Дионисий кончил, князь не раскрыл, а буквально распахнул свои огромные, налитые чёрным огнём глаза, подтянулся на локтях, сел, откинувшись к изразцовой печи:

– Михаила жалеешь, монах! За Серенск тебе обидно? А мне не обидно было, думаешь, из Киева бежать, у галицкого Даниила подмоги просить. Против кого? Против Михаила твоего, на стол киевский посягающего. Ярослав, чай, на ваши нивы с русскими людьми пришёл, а вот господин твой бывший половцев навёл. Но не об этом нынче речь – чья обида горше и сильнее. Парня-то надёжного привёл?

Дионисий повернулся к Евлампии, взял за плечи, поставил перед собой:

– Как за самого себя головой отвечу...

– Слышал не раз, что учён он у тебя, делу Божьему привержен. Только здесь такое дело, что и на огне слова лишнего сказать нельзя. Ну ладно, в твой выбор верю. Поверишь ли ты мне? Помнится, как в той рати у Карачева, когда стянули тебя арканом мои вои с коня и до вечера в петле волочили, думали, что душа твоя давно рассталась с телом. Тяжёл ты был, однако: лошадь у Димитрия-дружинника устала. Он аркан-то и ссёк. А утром тебя наши подобрали, что следом шли без единой царапины на тулове, только в горячке. Да уж, волхвы тебя тогда сочли за кудесника вятичского. Плохо пытали да на цепь посадили. После ты и в войске моём служил, и крест надел. А всё мнится мне – не просто ты тогда жив остался. Серенск ведь тоже как: Ярослав город сжёг, а от войска же серенского и бежал...

– Прости меня за сердечное откровение, но есть у вас, у язычников, тайна, которую ни огнём, ни железом не вызнать. Да что ты лицом бел стал? Язычником назвали? Скажи мне, Вежа, а медвежий клык, что на шее ты рядом с крестом носил – разве не язычество?

– Княже, позволь...

– Обожди. Дослушай до конца. Ты ведь что. Ты дальше Михаила и свою Серенска ничего не видишь. А у меня не только в земле вятичей, по всем погостам и городам люди свои есть. Знаешь ли ты, чернец, какая сила грядёт ныне на Русь? Нет, молчишь... Дикое это племя разбираться не будет, кто из нас ближе к корням Рюриковым. Много чего сметут они с лица Русской земли. Но паче всего пасусь за летописания наши отеческие. Так вот тебе, монах, я их поручаю как человеку воли неподкупной. Сумеешь сберечь от поругания и огня – честь и хвала тебе. В ином раскладе вылетят из истории нашей отеческой пеплом целые поколения. Да и о вас, о вятичах, разве одно будут знать, как по Нестору-летописцу: «сидяху в лесах аки звери люты...»

Пост-скриптум

ЛЕОНАРД ЗЛОТАРЁВ

ВЯТИЧИ

*Как от молнии вздрогнет, очистится сердце, –
Упадёт в людях слово, аж пыль зазвенит
Где-нибудь в электричке, автобусе сельском, –
И всего откровеньем тебя озарит.*

*Языкаст мужичишка, язычник с рожденья,
Непритоптанной речью возвысится вдруг.
Тут жуёшь как с ножа. Тут живёшь с его тени.
Он мне Вятко, он вятич, соратник и друг.*

*Оба вятичи мы, оба древнего рода.
С побережий Оки, их языческий грех.
И в обоих хранима кровинка народа,
Что кострища свои сберегал дольше всех.*

*И, когда на коне, очеканенный, мерный,
Киев стольный явился с мечом и крестом,
Он цеплялся, мой край, за обломки той веры,
Что была рождена не на месте пустом.*

*И приходит весна. И играют веснянки.
Вновь по душу живую гремит соловей.
Соловей, соловейко! Сиж у дуплянки,
Под могучую песнь поджидаю людей.*

*Я иду с ними в ногу по вещей дороге.
Я слагаю слова из травы, из огня.
Помогите же мне, наши первые боги,
От беспомыслия дней оградите меня.*

*Проведите, промерьте широкою степью.
По Руси молодой расстелите платком.
Расстелюсь, обновлюсь этой великолепью –
И уйду, и уйду далеко-далеко.*

*Вот с роднёй и роднюсь, что забыть не сумели
Своё древо, пракорень в заветном краю.
Соловей из лесной, из разбойной артели,
Мой языческий друг, – грянь октаву свою!*

Содержание

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	5
Гимн Орлу.....	5
ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ	
Крепость на Оке	7
ИВАН ТУРГЕНЕВ	
Дворянское гнездо	9
НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ	
Очарованный странник	15
АФАНАСИЙ ФЕТ	
Лирика	16
ИВАН БУНИН	
Тёмные аллеи	19
ДМИТРИЙ БЛЫНСКИЙ	
Баллада об Орле	22

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ БЛОК

НОВИКОВ ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВИЧ	
Навстречу юбилею города.....	24
ШИРОКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ	
Орёл – город Первого салюта. Орёл - город Воинской славы.....	26
ЛИВЦОВ ВИКТОР АНАТОЛЬЕВИЧ	
Дом литературного героя романа И.С. Тургенева	
Лизы Калитиной в ландшафтном сквере «Дворянское гнездо»	28
ЗОЯ ТАРАБРИНА	
Город в синей дымке	32

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК

Очерки. Краеведение

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ	
«Как молоды мы были»	37
В роще Платона.....	40
ВАЛЕРИЙ АНИШКИН	
Развал СССР и Украина.....	43
АЛЕКСАНДР ПОЛЫНКИН	
Как от станции Малоархангельск до города железную дорогу	
построить пытались... ..	59
Орловская мужская гимназия в воспоминаниях	
её выпускников.....	62

Поэзия

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ	
«Бессмертный полк»	70
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН	
Новые стихи	77
ВИКТОР САДОВСКИЙ	
Из книги «Орёл. За дымами времен».	
Картина пятая. Закладка крепости	85
ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН	
В ожидании нового чуда	87
ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА	
«Я слышу дыхание Родины...»	96
АЛЕКСЕЙ ШИТИКОВ	
От Курска до Орла	102
ЛЕВ КОТЮКОВ	
Моё слово	110
АНАСТАСИЯ БОЙЦОВА	
Поэзия моя	113
ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ	
Города Первого салюта	115
КАРЛОВА МАРИНА	
Сосна, впадающая в Дон	124
РУДОЛЬФ КОТЛЕР	
Стихи из книги «Говорю, как думаю»	126
ЛЕОНИД АГИБАЛОВ	
Стихи о деревне	130
АНДРЕЙ ФРОЛОВ	
В период коротких закатов	136
ЗОЯ ДЯКИНА	
Стихи	141
АНТОНИНА СЫТНИКОВА	
Стихи об Орле	144
ВАСИЛИЙ КАТАНОВ	
«Учитель»	147

Проза

ВЯЧЕСЛАВ ГАВРИЛИН	
Гвардия по наследству	150
ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ	
Отрывок из автобиографического повествования	
«Судьба-судьбинушка»	154

ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ	
Из повести «Последнее лето»	160
МИХАИЛ ТУРБИН	
По коленкам	165
ВЛАДИМИР САМАРИН	
Ко кресту	171
ВАЛЕРИЙ АНИШКИН	
Главы из романа «Потерявшиеся в России»	178
ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА	
Дома	183
ЗЛАТА ФОССЕМАНЬ	
Автобанный хулиган. Скука	197
ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА	
Всё будет хорошо	199
ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН	
Гуровы	201
ГЕННАДИЙ ВЕРКЕЕНКО	
Судьба векового старожила	203
АНДРЕЙ ШЕНДАКОВ	
Солнечный ветер	213

Письма из Италии

ВАЛЕНТИНА ПОРСЕДДА	
Портрет юного гения.	
Дмитрий Шостакович. Первая симфония	221
Поэт Юрий Кублановский	222
ВАЛЕНТИНА ПОРСЕДДА	
Старушка	229

Для детей

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ	
Смотрю в окно	231
Слива – чудо	233
Куст хризантем	234
Андреевский колодец	235
СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА, ЕЛЕНА МАШУКОВА	
Из сказочной повести «Приключения Ромашки, или Тайна деревянной лошадки»	237
ВАСИЛИЙ КАТАНОВ	
Стихи разных лет	240

Рецензии. Мнения. Замечания

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

**Заканчивается время обморочного сна –
начинается время бодрствования.....244**

ВАЛЕРИЙ ДОМАНСКИЙ

**Изобразительное мастерство Тургенева
и художественные открытия Барбизонской школы 249**

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЕВ

**Правдоподобие невероятного в фантастике И.С. Тургенева.....253
Уроки литературы. О книге «Мужской вагон» Дмитрия Быкова...258**

ЗОЯ ТАРАБРИНА

Семья, где много счастья.....261

АЛЕКСАНДР ПОЛЫНКИН

О презентации третьего номера журнала «Русское поле» 263

Память о них жива

АЛЕКСАНДР ЛОГВИНОВ

Стихи из книги «Окоём» 264

СЕРГЕЙ ПИСКУНОВ

Рассказы из книги «Мгновения» 268

ЕВГЕНИЙ ЗИБОРОВ

Красная ракета 272

ЛЕОНИД АФОНИН

В Орле, на Пушкинской 278

У нас в гостях журнал «Новый Орёл»

ГЕННАДИЙ МАЙОРОВ

Нелётная погода.....281

ДМИТРИЙ ПОРУШКЕВИЧ

Молитва 285

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА

На паперти 289

ВЛАДИМИР САМАРИН

Вятчи.....293

Пост-скриптум

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

Вятчи.....299

*Орёл мой – в сердце у России,
В Москве на гербе отгем – свой,
Уж пятый век, а всё красивей
Мой город русский, корневой.*

Леонард Золотарёв

*Край пронзительно любимый,
Ты всегда меня поймёшь.
Теневые равнины
В белых клавишах берёз.*

Андрей Дементьев

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№4

Корректурa Леонарда Золотарёва

Подписано в печать 17.04.2016 г.
Формат 84x108 1/16. Усл. п. л. 18,25.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Новое время»
ул. Итальянская, 23